

Александр Горобец

Босиком по битому стеклу

Записки и размышления

Опального главного редактора

«Правды Украины»

2003 год

Такого Ви ще не читали!.. Це видання, безумовно, стане політичним бестселером року.

Його автор услід за Георгієм Гонгадзе був занесений до списку „небажаних” журналістів, котрих будь-що треба було усунути з політичної арени. Його кинули в застінки СІЗО на Лук’янівці, як це зробили уже з багатьма інакодумцями незалежної України. Його ламали упродовж багатьох місяців різними способами, мабуть, сподіваючись, що він зірветься, не витримає, скориться...

Хто він, новий в’язень сумління наших часів? Що стало з першою опозиційною газетою України, яка підтримувала „Громаду” часів Павла Лазаренка? Якою була правда газети „Правда України”? чіими руками, як і з чийогось благословення ламають хребти правдивим українцям сьогодні? В чому „ахіллесова п’ята” сучасної опозиції українській владі?.. Зрештою, чи розвидниться нам усім хоча б колись у цьому брудному політичному потокові?..

Відповіді на це – в книзі, яку Ви тримаєте у руках, написаній у формі особистого щоденника жертвою і героєм історії знаної і не зовсім.

Содержание

Часть первая

О власти или хорошо, или правду

Смейтесь: шеф любит идиотов.....	6
Цирюльник с красным лицом мясника.....	9
Пастырь с пряником и кнутом.....	12
Портрет жуткого «врага» на туалетной бумаге.....	15
Бороться и искать, найти и перепрятать.....	19
Велосипед от пана Юхновского.....	22
Из Кабмина погрозили кулаком.....	31
Великий Даль, к сожалению, не ошибся.....	34
Фима-шахтер? и это не смешно.....	40
Кофточка для Гени.....	42
За что Бориса Штейнмана выгнали из дома.....	44
Как Ефим Копыт «работал» на Ивана Стаднюка.....	47
За что Иван Плющ невзлюбил Леонида Кучму.....	50
Журналистские уроки «Сільських вістей».....	53
Неувядающий анонимщик и страшная война с ним.....	58
Комитет партийного контроля и совесть.....	62
В одной связке с Леонидом Кравчуком.....	65
В южную ссылку – Херсон.....	71
Шашлыки для президиума.....	73
Опять в родной «Империал».....	79

«Я могу забыть день рождения жены моей Фиры, но день рождения товарища Ленина не забуду никогда».....82

Как я в министры ходил. Первый раз.....86

Часть вторая

Золоченные оковы для свободы слова

Кто заказывает польку-бабочку для президента.....94

Конец чернобородой «дИмократии».....97

Эхо газетной публикации.....102

Как Лазаренко «мочил» Табачника, и что из этого вышло.....108

Ошибки не прощаются никому.....112

Власть отвечает тройным ударом.....115

Журналисты в осаде.....118

Дух отвергает оковы.....119

Киллеры с мандатами власти.....121

Кто не чувствует мрака, тот не ищет света.....130

Вопреки закону и чести.....135

Редакция строит... баррикады.....138

Выходя из безграничной свободы.....145

«Фронтовые» окна и соловей свободы.....150

Жест доброй воли и злого умысла.....153

Почему «Правда Украины» поддержала «Громаду».....157

Во время мира - львы, в сражении – олени.....163

Пинкертон идет по ложному следу.....173

Пропась судьбы – СИЗО.....179

Под жестким прессом камерной братвы.....188

К одиннадцати - туз.....	195
Браконьер поневоле.....	209
На самом краю пропасти.....	217
Между жертвенником и камнем.....	223
Верю в хитрую примету.....	228
Депутаты Европарламента нашли меня в СИЗО.....	235

Часть третья

Все пройдет – правда останется... Но куда деть «буридановых ослов»?

Если «атаман» недостоин войска своего.....	247
«Эрогенные зоны» судьбы.....	256
Почему оппозиция проигрывает все бои?.....	268
Огонь под обманчивым пеплом.....	278

Часть первая

О ВЛАСТИ ИЛИ ХОРОШО, ИЛИ ПРАВДУ

СМЕЙТЕСЬ: ШЕФ ЛЮБИТ ИДИОТОВ

Каждое утро меня будет душераздирающий скрежет металлических засовов. В следственном изоляторе идет проверка камер и арестантов. Этот отвратительный звук острее воспаленного зубного нерва пронзает всего тебя. Куда и деваются сны. Помойная сущность тюремного централа в одну секунду возвращает к жестокой действительности. Ты – в камере, ты – получеловек-полуживотное. У тебя не только руки за спиной, у тебя и достоинство, и гордость где-то сзади. Ты – существо без собственного «я».

Но вот однажды загремели засовы и я не слетел кубарем со второго яруса камерной койки, как делал это каждый день, а продолжал мирно посапывать. Ну, словно бы хотел ударить крепким сном по мукам ущемленной совести. И вот снится мне, что в камеру входит сам Леонид Данилович Кучма, наш дорогой и горячо любимый президент. Так мило улыбается мне всей своей рыжеватой внешностью и говорит: «А помнишь, я тебе говорил, нельзя быть таким грустным? Ты ведь не послушался!? А, видишь, зря...»

И я вспоминаю, то ли во сне, то ли на Яву – да, да, точно было такое. В апреле 1995 года. Летел тогда наш президент с государственным визитом в Японию. В группе журналистов и мне нашлось место в литерном самолете.

Причем, в аккуратной и весьма привлекательной программке-книжице официального визита был я в среде журналисткой братии записан чуть ли не первой строкой. Объяснялось это тем, что Л. Кучма – в прошлом бывший секретарь парткома крупного завода «Южмаш» из Днепропетровска. А у них – «номенклатурщиков», у днепропетровцев прежде всего, было неписанное, но железное правило – во всем ровнять на Владимира Васильевича Щербицкого. Что-то, а его привычки в партийной вотчине знали наизусть. Член политбюро ЦК КПСС утреннее чтение прессы всегда начинал с «Правды Украины» - органа ЦК КПУ. Каждый уважающий себя партийный руководитель имел за собой правило следовать именно этому неписанному ритуалу. Ибо подобное имело и конкретный практический резон. А что если «Первый» задумает позвонить непосредственно, да задаст вопрос по поводу напечатанного, прочитанного? И такое бывало, причем, не раз. Упаси Боже, если кто-то, особенного из партийных бонз высокого ранга, был, мягко говоря, не в курсе какой-то новости из свежей напечатанной газетной полосы. Такой, под горячую руку, мог и должности лишиться.

Рассказывают, что в начале своего высокого взлета Л. Кучма (на стадии премьерства, а потом и раннего президентства) баловался тем, что в стиле В. Щербицкого начинал читать газеты с русскоязычной «Правды Украины». Что, вообще-то, и ближе, и понятнее было ему, мыслящему и разговаривающему по-русски. Да и газет тех, что назывались центральными, на ту пору было всего-то единицы. Вот и внимание к ним, со стороны властей предрержащих, было особенное. Потому на кануне какого-то из визитов Л. Кучмы за рубеж у меня в кабинете раздался телефонный звонок правительственной связи: из администрации президента приглашали в командировку. Разумеется, в обмен на статьи о

пребывании главы государства за границей. Как мне рассказывали, Леонид Данилович лично следил за тем, чтобы в «Правде Украины» появились публикации о его заграничных визитах.

И вот так случилось, что на один из дней государственного визита президента Украины в Японию у моего приятеля и коллеги по редакторскому цеху Владимира Кулебы пришелся день рождения. И не простой – сорокачетырехлетие!

Ну, как водится, собрались вечером мы все вместе: кто к прессе персонально принадлежит, и кто В. Кулебу тогда почитал. А для торжеств избрали как раз не Володин, а мой гостиничный номер. Потому, наверное, что разных продуктовых запасов у меня с собой на тот момент было побольше. И чтобы не носиться с торбами туда-сюда, разместились пир устроить по месту, так сказать, походного продуктового склада. Нарезали, значит, все сально-мясное у меня в номере, выставили на стол целую батарею горячительного, налили в стаканы.

Все делалось на удивление легко и весело. Может быть, еще потому, что утром все стали свидетелями неожиданного удара стихии. Огромное сорокаэтажное здание гостиницы вдруг зашаталось, словно яблоня на ветру. На нашем двадцать шестом «украинском» этаже послышались крики и неистовые визжания женщин. Все, кто в чем был одет на тот момент, а кое-кто и попросту обвязавшись полотенцами вокруг грешных мест, повыскакивали из номеров. Обалдевшие от страха люди в дикой панике заметались коридорами. Мне самому с перепугу картины те виделись словно в замедленной киносъемке. Помню, как в разгар этой сумасшедшей пляски стен и людей ко мне в номер вдруг с голым торсом и электробритвой в руках влетел пресс-секретарь президента Михаил Дорошенко и стал спрашивать, есть ли у меня в туалете розетка. Наверное, чтобы побриться. Но почему это нужно было делать именно в моем туалете, он, разумеется, объяснять не стал. Ведь у него номер был далеко не хуже. На этот мой немой вопрос ничего не отвечали его большие черные округлившиеся глаза.

Да, было страшно качаться высоко над землей в многоэтажном здании, помня о том, что всего две недели тому назад здесь же, в Японии, во время землетрясения погибло свыше пяти тысяч человек. На всех каналах телевидения то и дело мелькали страшные картины последствий удара подземной стихии. Подсознательно вспомнилось и то, что где-то недалеко есть еще печально известная секта Аум Синкирё, способная травит людей газами. Как произошло подобное в те весенние дни в японском метро, буквально накануне нашего приезда на остров.

Все это в считанные секунды пронеслось в обостренном сознании.

Именно это утреннее, теперь уже выглядевшее событие стало причиной оживленных разговоров, шуток, приколов за праздничным столом. Тем более, что отмечали мы Володе-то как раз мистических для Японии две четверки (44 года!). В стране Восходящего Солнца считается, что цифра 4 приносит несчастье. Поэтому она фактически выведена из обихода. Здесь не найдешь дома под этим номером. И автобуса. И класса такого в школе нет. Поэтому и первый тост подняли даже не за именинника, а за то, чтобы нас больше не трясло.

В самый разгар пиршества вдруг настойчиво зазвони телефон. Звонит раз, другой и третий. Не выдержав, я перепрыгнул через широкую кровать, несколько сдвинутую в угол по поводу неожиданного пиршества, добрался до тумбочки, чтобы поднять трубку. Когда потянулся к телефону, все наперебой кричали: «Не бери, нахрена он тебе нужен этот телефон...» - «И выпить не дадут...» - «Передай, кто хочет придти, пусть бутылку тащит...»

Я все же поднимаю трубку и слышу, как кто-то, не представляясь, быстро говорит мне: «К вам идет Кучма».

Передаю услышанные слова говорливой и жадно чавкающей журналисткой братии, что успела уже опорожнить не по единой чарчине. А посему уже загудела веселым ульем, переходя на анекдоты и импровизированные комиксы, со стаканами в руках копируя постоянно кланяющихся японцев.

«Кому ты веришь? – кричат мне друзья. – Бросай трубку, садись, а то ничего не останется... - Кучма сейчас у императора ужинает, зачем мы ему нада...»

Не успел я как следует усесться, как вдруг так протяжно и требовательно – скр-р-рип... сидящие за столом оглянулись и оцепинели. На пороге (словно выросли из-под земли) стоят – Кучма, Табачник, Удовенко, Горбулин...

Все за столом вдруг как по команде поднялись, а потом задвигались, уплотняясь, давая место у яств вновь прибывшим. А те цинично поздравили именинника, сели за стол. Бутылку свою выставили. Большую и пузатую. Ну, значит, снова все выпили, закусили. Разумеется, с тостами. И раз, и второй, и третий. Вдруг Кучма, повернувшись ко мне, громко говорит? «а ты что такой грустный сидишь?..»

Мне тут же, наверное, нужно было сострить, ответить в том смысле, что прежде умные люди пессимистов считали ясновидящими. Посему, как бы нужно не спрашивать у человека о причине грусти, а скорее о том, на что можно надеется в будущем, чего ожидать. Но не успел я мозгами шевельнуть, как розовощекий от достаточного обильных водоизлияний по случаю дня рождения именинник Володя Кулеба, который всегда первенствовал в колкой язвительности, выпалил:

- А он завязал пить, так вот и не знает, в связи с Вашим приходом, Леонид Данилович, развязываться ему или оставаться дальше завязанным, непитущим...

все дружно расхохотались.

Неверное, это было смешно, если они смеялись. Я не обиделся, ибо знал, что смех лечит, если, разумеется, он не от щекотки. Хотя та необъяснимая минутная грусть, вдруг пробившаяся наружу молчаливой задумчивостью за праздничным столом, для меня, наверное, была всего лишь еще неясной и не до конца внутренне осознанной, сформулированной душевной тревогой за все происходящее вокруг. И не столько там, вздрагивающем время от времени от подземных толчков Токио. Быстрее всего, душевная тревога касалась происходящего за тысячи миль от страны Восходящего Солнца, там, в нашей Украине, где страна все больше стала походить

на голодного слона. Где людям день ото дня становилось жить все хуже и хуже.

Грусть ту на меня отчасти навеял необыкновенный контраст между происходящем в родной стране и чудной японской действительностью. Утром я вышел погулять и видел, как убирали японцы свою столицу. На свалках лежали почти новенькие телевизоры и мониторы компьютеров. Трудно было поверить, что это все просто выбрасывается, словно хлам. Но подъезжал огромный мусоровоз, и в него, словно гнилые арбузы, сбрасывалось это никому не нужное добро.

С одной стороны восхищенному взору предстала сверкающая золотом, переливающаяся морем огней островная столица – подлинный цивилизованный рай, открывающийся сразу за окном фешенебельной гостиницы «Нью-Отани». С другой – никак не вяжущаяся с этим миром картина хорошего наперченного моей женой Ольгой сала, которое так аппетитно уплетали за столом новоявленные спасители Украины во главе с самым «главным реформатором». Сало было из прикормленной моей неленивой тещей, Ларисой Михайловной, кабанчика, который на проверку оказался не чем иным, как живой товарной мужицкой защитой от неумолимого наступления «рыночного рая», уверенно подталкивающего Украину к голодному прозябанию. Прозябанию без зарплат, стипендий и пенсий, куда всеми силами тянули народ Украины сидящие тут за столом холеные устроители «новой жизни». Строя из себя сейчас перед нами, журналистами, простаков, что называется «своих в доску», они еще требовали и чеснока к аппетитному салу с прожилкой из полесской Андрушовки. Причем, подчеркну, сразу после ленча на золотой посуде у самого японского императора.

Видать, перченное андрушовское сало было куда аппетитнее всех императорских деликатесов.

Все это очень походило на прорубывание окна в Европу, пардон – Азию. Окна с парашей под подоконником. Чтобы не видеть, не чувствовать этого, нужно было быть и слепым, и глухим, или хотя бы как минимум пьяным. А я как раз и не пил. Поэтому у меня на языке и вертелась поговорка: смейтесь, смейтесь, шеф любит идиотов...

Но сказать это я, разумеется, не отважился.

ЦИРЮЛЬНИК С КРАСНЫМ ЛИЦОМ МЯСНИКА

Для меня эта японская поездка была далеко не первой в обозе очередного «государственного» или «официального» визитов. Перед этим состоялись подобные «литерные» перелеты в несколько других западных стран, в частности, Канаду, Италию. Заметно прослеживалось, что и самому Л. Кучме, а еще больше его окружению, все это очень нравится. Ну, как же! Ковер к трапу... сверкание золота, фотовспышек. Телекамеры операторов, диктофоны журналистов. Пресс-конференции, бесчисленные интервью. На углях подобного публичного угодничества расплавится любая, пусть и досель самая нереализованная амбиция.

Помню, как осенью 1994-го года в столице Канады Оттаве, наблюдая за тем, как, кружась и рисуясь друг перед другом, впервые в жизни примиряет черные смокинги праздная свита президента, мне почему-то она все больше стала напоминать отборную похоронную команду, ристающую по «забугорью» в поисках лучшего способа погребения национальных достижений.

Команду всю эту я уже знал, что называется, в лицо. От вечно задержанного руководителя службы протокола Георгия Чернявского до некоего, как значилось в каждой новой программной книжице визита, «личного секретаря президента» Сергея К., который ни на минуту не разлучался со странным чемоданчиком.

С виду это был молодой человек лет 25-27, напрочь лишенный интеллигентной привлекательности, с красноватым лицом мясника и толстыми, наверное, холодными и потными пальцами рук. На голове у него вихрилась шапка непокорных, вечно разлетающихся волос. Был он весь какой-то неопрятный и уж никак не похожий на «личного секретаря» главы крупного европейского государства. Но коль был сей господин при такой высокой должности, приходилось все-таки думать о том, что все личные недостатки должны были уступать служебным, государственным, разумеется, интересам.

В длительных многочасовых перелетах, начиная с визита президента в Канаду, от нечего делать, мы с Владимиром Кулебой гадали, какую такую особую роль можно было поручить в избранной свите сопровождающих лиц сему молодому с некоей неряшливостью во всем своем внешнем виде. «Да еще при чемоданчике», - многозначительно подчеркивал Владимир Юрьевич, картинно подымая при этом палец правой руки вверх.

Каким же было наше изумление, когда от кого-то из офицеров президентской охраны узнали, что Сергей К. не кто иной, как сам царский... цирюльник. Ошеломленный В. Кулеба так и выпалил: «да я бы побоялся ему и грудь подставить под подстрижку, не то, чтобы лоб или затылок... настоящий тебе – мистер перхоть...»

Увы, похоже, мой коллега серьезно-таки ошибался в профессиональных способностях «личного секретаря президента», если, разумеется, это благодаря именно его профессиональным стараниям с лысоватого премьера Л. Кучма незаметно превратился в чубатого рыжевато-го президента. Коль так, стало быть, классным черепным «садовником» оказался невзрачный с виду молодой человек. Думается, многие лысоватые олигархи были бы рады занять себе подобного мастера – антиплешь. Таких, как он, из лейки нужно поливать...

Но не цирюльник, конечно же, важное действующее лицо в подобной «похоронной команде». Он всего лишь, как вино в процессии, не больше. Главные скрипки, разумеется, играли официальные члены делегации. Как, например, один из высоких должностных лиц министр, ставший и вице-премьер-министром страны, господин П. (называя вещи своими именами, фамилии, думаю, иногда лучше опускать, дабы просто не обидеть человека, а вдруг, он сегодня уже «завязал»).

Я не раз размышлял над таким. Что, например, мог ценного «привезти» в Украину из такой далекой поездки в Японию (самолет-то находится в воздухе почти тринадцать (!) часов) член «президентской команды», который как раз на период сего очень ответственного государственного визита банально как обыкновенный сапожник, запил и фактически не показывался на люди. Представьте себе: чуть ли не по всей японской столице развеваются государственные флаги Украины, весь визит для официальных членов делегации расписан буквально по минутам, а боец мертвецки пьян, лежит: бедняга, не справился с атакой...

Лежит о и день, и два, с горлышка горячительное посасывает. А народ-то Украины его как бы в разведку за лучшей жизнью послал. И ждет возвращения, не дожидается, очень надеется на посланца своего. Как на спасителя! Авось, что-то разузнает, привезет такое, что под украинскую национальную идею подойдет, или, например, на экономическое чудо похожее. Это разведанное революционное новшество можно будет, словно лом, подставить под застрявшую экономику и одним махом, как барон Мюнхгаузен, самим себя за чуба вытащить из грязи, в которую засела страна по самые уши. Того и смотри, придется приложить всего одно мускульное усилие, и выйдем всем народом на большак, ведущий к богатой жизни.

Впрочем, господи П. совсем не прибыл на протокольное подписание межправительственных соглашений, которые лично должен был завизировать со стороны Украины. И переговоры проводил, в подпись вместо него в двухстороннем договоре ставил некий второстепенный клерк. Наряду, отмечу, с кем-то из министров Японии. Кажется, даже с самим господином Ясимото, министром торговли и промышленности.

Словом, иногда и несущий белый флаг тоже чувствует себя знаменосцем. Это я о том господине П., который, опухший с перепоя, пересохшим, надтреснутым голосом прощался с стюардессами, спускался по трапу литерного борта. Красавец! Уникум! Посланец голодной страны, вернувшийся из поездки для длительного изучения японского экономического чуда!

Не правда ли, интересно, а какое такое впечатление о соратниках президента Л. Кучмы сложилось у высших японских должностных лиц, у самого императора Якихито и императрицы Мичико, которым, думается, наверняка же, доложили, что один из высокопоставленных господ их команды главы государства Украины слег запойным пластом. Что из-за этого не поехал даже на экскурсию с ночевкой в древнюю столицу Японии – Киото.

А как отнесся к этому сам господин глава украинской державы? Он что – не заметил отсутствия на переговорах ключевого министра? Или такое в нормах правил поведения высших должностных лиц из Киева? Может, просто посочувствовал бедняге? Дескать, с кем такого не бывает?.. все мы грешные... не говоря о самом Леониде Даниловиче, о запойных «подвигах» которого ходят целые легенды.

Я оставляю открытыми все эти вопросы. Ибо точно знаю, что все обозначенные выше мотивы присутствовали. Какой-то в большей, а какой-то меньшей степени.

А что, спросить бы кого, привезла с той поездки целая команда, которая потратила на визит в страну Восходящего Солнца огромные деньги? Разве уже тогда не было видно, что курс октябрьских (1994 г.) реформ дорогого Леонида Даниловича оказались не путем к расцвету, к благосостоянию Украины, как везде провозглашалось, а путем к ее гибели?

ПАСТЫРЬ С ПРЯНИКОМ И КНУТОМ

Психологи говорят, что самый длинный сон тянется одно мгновение – несколько секунд. Поэтому, когда я очнулся, вижу, стоит возле меня не Леонид Данилович, а прапорщик со злым рыжим лицом в крапинку.

- Нашел, где отсыпаться, - гаркнул он во весь свой сильный бас. – это тебе не курорт...

Эх, не знает гражданин мой теперь нынешний начальник, что «курорт» сей уготован мне не столько судьбой за какие-то там грехи-провины, а так сказать, по самому высокому личному указанию. И готовился он давненько. Еще с тех пор, как в частных публикациях «Правды Украины» стали мы порой сомневаться, правильной ли дорогой идет молодая наша страна. А первый звонок по заказу мне сего «курорта» за скрипучей металлической дверью прозвенел еще 12 декабря 1996 года. Именно в тот день, когда на всю страну прогремела статья в «Правде Украины» - «Конец чернобородой «Демократии».

За два дня до этого, 10 декабря, вечером, в выпуске новостей УТ-1 было передано Указ президента Украины об освобождении от обязанностей главы его администрации Дмитрия Табачника. Что-то еще говорилось о якобы личной нескромности молодого высокопоставленного чиновника, давшего министру обороны страны команду присвоить ему персонально сразу звание полковника без необходимого для этого лейтенантско-майорского продвижения. Это в то самое время, когда сам президент – Верховный главнокомандующий, оставался всего лишь, кажется, капитаном.

Но я то хорошо знал, что история с полковничьими погонами, да к тому же всего лишь офицера запаса, - это не более чем обыкновенный внешний антураж события. Корни конфликта были значительно глубже – в характерах схлестнувшихся людей, не сумевших поделить власть.

В Димой Табачником я познакомился в 1993-м году, сразу после того, как он стал пресс-секретарем у нового премьер-министра Л. Кучмы. До этого эти обязанности исполнял Эдуард Першин. Низенький, задиристый мужичок, весь в седой бороде. От носков туфель до белесой гривы он был переполнен гонором и апломбом, которые мог тут же променять исключительно на рюмку коньяка с консервированными огурцами. У Эдуарда Григорьевича, похоже, существовало железное правило – день без водки, что паспорт без фотки...

Хотя в прошлом Э. Першин, знаю, был и весьма умелым журналистом. Но, как молвится, теперь его творческое лицо сильно подпортилось... собственным.

Эдуард был исключительно человеком предшественника Кучмы на посту премьер-министра – Витольда Фокина. Как я успел не раз заметить, - их – Эдуарда и Витольда, объединяли некие особые взаимоотношения, при наблюдениями за которыми со стороны иногда мог возникнуть даже вопрос: кто у них подлинный начальник, а кто подчиненный? Мне порой даже казалось, что здесь было обратное – не Фокин руководил Першиным, а Эдуард Григорьевич весьма часто навязывал свое мнение Витольду Павловичу. Ну, хотя бы в пределах организации освещения работы Кабинета Министров. И вот когда Фокина уже, что называется, «ушли», у нового главы правительства Л. Кучмы пресс-секретарь оказался старым.

Видимо, чтобы остаться в прежней служебной ипостаси, Першину, как минимум, нужно было хоть бы видоизмениться. Скажем, перетерпеть с огурцом раз-другой до обеда, чтобы не блестеть с утра перед начальством остекленевшими глазами, стать более учтивым и верноподданным по отношению к новому патрону. Лишний раз попридержаться со своим личным мнением, особенно же тогда, когда его не спрашивают. Чем, подчеркну, Эдуард Григорьевич явно злоупотреблял во времена Витольда Павловича. Однако, похоже, он был уже в той телесной и духовной форме, когда не меняют ни привычек, ни взглядов.

Вот в такое время очередной линьки высшего кабминовского начальства и позвонил мне Э. Першин.

- Слышь, старик, - с прижимом на втором, своем любимом слове, не представляясь, произнес он. – Как ты смотришь на то, чтобы пообщаться с этим моим так называемым шефом? – последнее слово было произнесено с издевкой, граничащее с чувством мало скрываемого отвращения.

- Кучмой? – удивленно спросил я.

- Старик, ты никак хотел с Билом Клинтоном?.. Приходи завтра на встречу премьера с парламентариями Турции...

суть состоявшегося в кабминовских апартаментах разговора, разумеется, меня интересовала меньше всего. Заканчивалась первая рабочая десятидневка нового премьера. И мне, понятно, прежде всего хотелось увидеть его в деле. То, свидетелем чего я стал, прибыв на встречу, меня поразило своей неловкостью. Стыдобою за публично продемонстрированное скудоумие.

Гости, турецкие парламентарии, черноволосые мужчины и белокурая женщина, вели себя в суждениях легко и непринужденно. Живо интересовались состоянием экономики Украины, уровнем преступности. Задавали вопросы, касающиеся взаимоотношений ветвей власти. Было видно, что премьеры ответы давались весьма не просто. Он пытался на все отвечать односложно, типа – «да», «нет», и потому разговор получался рваный, неинтересный, лишенный логики и здравого смысла. Каждая фраза со стороны Л. Кучмы – словно катание каменных глыб. Да и не сверху вниз, а как-то очень неумело, по-сизифовски, в гору. С облавами камней неловкости

на плечи присутствующих в зале украинцев.

Я чувствую, как мне становится стыдно за такого главу исполнительной власти страны, как от всего происходящего краснеют мои щеки и уши. Я хватаюсь за голову руками и прячусь чуть ли не под стол. Не ловко поднять глаза. В «свежести» мыслей было что-то, простите, не пеленок, а в шутках – столько соли, что она явно хрустела на зубах.

Оглянувшись, вижу, как стыдливо прикрывают глаза ладонями от возникающей в зале откровенно неудобной, натянутой ситуации сотрудники аппарата Кабмина, присутствующие на встрече в соответствии с протоколом. Как пунцово горят уши переводчика. В своем блокноте я записываю всего лишь одну щербатую фразу: «Га-га-га-бинет».

Это слово – не безлика, лишенная всякого конкретного смысла абракадабра. А своеобразный символ, имеющий для меня лично вполне определенное значение, если не сказать конкретнее – образ. В соседнем с моим селом на Винничине, в тамошнем некогда передовом колхозе «Прогресс» секретарем парткома долгие не годы, а десятилетия работал некто по фамилии Фольварков. Безграмотный и до невозможности тупой, заикающийся тип. Ум, как говорят, выдавал в нем его отсутствие. Но для райкома партии, как ни странно, был он чем-то по-особому привлекателен и люб. А посему – просто незаменим. Так вот, кто бы из колхозников по любому вопросу не обращался к сельскому партийному вождю, он всегда отвечал одной традиционной фразой: «З-за-зайди ко мне в га-га-бинет. Там поговорим...»

Его ум, похоже, обладал огромной... неподвижностью. А этот пресловутый «га-га-бинет» для многих в районе, как и для меня, навсегда стал символом приземленной и тупой бездарности, определением такого себе безликого ваньки-встаньки, который никогда не падал и своей бессменностью символизировал некую незыблемую партийную власть.

Встреча закончилась неожиданно быстро. Говорить, похоже, было не о чем. В воздухе витала атмосфера полного дискомфорта. Турки быстро и чинно распрощались. Премьер вышел за ними вслед из не большого зала для приема делегаций. Один. Это еще был период той, некой романтической чиновничьей демократии, когда высшие государственные лица не окружали себя плотным кольцом охранников и телохранителей. Жизнь без особой упаковки еще кое-что весила в этой стране. Тут-то и схватил меня за руку Э. Першин.

- Пошли, пошли, - заторопил он.

Мы выскочили в коридор.

- Леонид Данилович! – как-то очень просто, по-свойски, даже по-панибратски окликнул Л. Кучму его пресс-секретарь.

Когда премьер оглянулся, Эдуард как-то картинно наклонил голову вниз, а указательный палец левой руки приподнял на уровень уха. Что могло означать только одно – подожди, мол, нас. Я скорее почувствовал, чем увидел по лицу

остановившегося в коридоре лысеющего человека, что это ему очень не понравилось. На физиономии Леонида Даниловича был портрет доброго пастыря с пряником в руке, заложенной за спину.

- Это и есть главный редактор «Правды Украины», - начал вдруг уверенно Э. Першин, приблизившись к Л. Кучме.

- Газета, с которой я начинаю каждое утро, - премьер с некой картинной любезностью протянул мне руку.

Здесь завилась липкая неловкая пауза. Я не знал, что ответить, хотя, видимо, правильнее всего нужно было просто поблагодарить за уважение к изданию. Но я скорее всего еще не вышел с оцепенения от только что увиденных картин встречи, где этот человек продемонстрировал свой антиинтеллект. Поэтому язык не поворачивался говорить хорошие слова. Промолчал почему-то и Эдуард. Думаю, он почувствовал, что несколько перешел черту панибратства.

- Что ж, - сказал Кучма, - если возникнут вопросы, заглядывайте... Я к вашим услугам...

Он повернулся и, не взглянув на своего пресс-секретаря, удалился. Я как-то сразу понял, может, даже по спине уходящего Л. Кучмы: Першину больше здесь не служить.

Эдик на несколько секунд сконфузился, но не больше. Он битый волк, поэтому, думаю, хорошо понимал, что в глупом положении лучше вести себя торжественно. К тому же, был он человеком не из робкого десятка. А оставшихся чувств еще как минимум хватало на коктейль, поэтому он как-то сердечно и от души тут же сказал мне:

- Пошли, старик, выпьем...

К сожалению, мои самые худшие опасения вскоре сбылись – дней через десять я познакомился с новым чиновником Кабинета Министров – Дмитрием Табачником. Занял он не кабинет Першина, а другой – этажом выше, поближе к премьеру. Побеседовав с ним, я сразу понял, что на Печерском холме произошла как бы замена электропроигрывателя на ... электровыигрыватель.

ПОРТРЕТ ЖУТКОГО «ВРАГА» НА ТУАЛЕТНОЙ БУМАГЕ

Должность пресс-секретаря занял молодой, стройный, гладко выбритый человек лет под тридцать. Он хорошо владел украинским литературным языком, и все мои некие первоначальные потайные желания поймать где-то в его речи кальку с русского, или хотя бы заметить определенную трудность с каверзным словечком ник к чему не привели. Тем более странным это выглядело потому, что всеми своими манерами, интеллигентностью он смахивал на человека городского, с

асфальта, даже, скорее всего – столичного. Помнится, я еще подумал тогда: коль чешет так по-украински, что называется, без сучка и без задоринки, видимо, начальству льстит на этом же языке.

Только спустя некоторое время я, кажется, понял, в чем состоит, так сказать, Димин козырь. Слово у него как гипноз. Обладая от природы не плохим умственным аппаратом, он умеет четко и логично вести, строить свою речь. Так что слова у него льются ровным, словно бы обволакивающим сознание собеседника, ручьем. Нет в ней запинок, заиканий, повторов. Нет, это не пустой словесный понос. Это как у Алана Чумака, того, что посредством каналов ТВ из Москвы когда-то в романтические перестроечные времена заряжал фасованную в банки, бутылки, стаканы колодезно-водопроводную воду одновременно на одной шестой части планеты, - обыкновенное колдовство, Но только словесное.

Никто, например, не знает, какой он оратор. Хотя, помнится, по сообщению масс-сидиа однажды глава администрации президента Д. Табачник проводил огромное совещание государственного уровня по проблемам дальнейшего развития сельского хозяйства Украины (?). хотя подозреваю, что Дима в поле на корню не отличит пшеницу от ячменя.

Посему можно сказать, что Д. Табачник не митинговый, не площадно-уличный трибун. Дма умеет заряжать не массы, а индивидов. Своими, так сказать, кабинетными мыслями, убеждениями. Обратите внимание, даже став народным депутатом, он не рвался на трибуну Верховной Рады, к телевизионным и радиомикрофонам. Он, скорее, келейный гипнотизер. Его, похоже, не влечет многомиллионная аланчумаковщина с сиюминутным, моментальным эффектом. Он к повелению, переподчинению под себя человеческих масс идет, используя других. Сам в это время как бы оставаясь в стороне.

Это сегодня он признанный мастер предвыборных технологий, от которых, по моему убеждению, до уголовно преследуемых фальсификаций, как от лихачества на дороге до аварии – один шаг. Я же знал Диму начинающим.

Думается, он еще в начале своей карьеры правильно уловил момент настроения масс и с учетом этого весьма четко определил курс «на-гора» для своего патрона.

Скажите, кто по сравнению с Л. Кравчуком был в начале 1993-го Л. Кучма? Некий гадкий утенок на фоне эффектно побрякивающего красавца селезня. И так бы, пожалуй, остался Леонид Данилович обыкновенным ошипанным птенцом в стае неудачников политиков, если бы не подвернулся ему сперва в помощники как народному депутату, а затем и пресс-секретари такой себе не простой политмаркшейдер Дима Табачник. В той ситуации он как бы нутром учуял направление туннеля, который вел проходчиков к обретению власти, а народ Украины – к гибели.

Знаю, как рассерчает на меня, прочитав эти строки, мой хороший приятель, певец и композитор Николай Мозговой.

- Дима, - скажет он громким своим голосом, как не раз об этом говорил, - это человек, не умеющий управлять. Я когда-то имел неосторожность взять его к себе директором-распорядителем на один из первых фестивалей «Червона рута», так он чуть было не провалил все дело. Я ему так и сказал тогда – «йди, хлопче, не тобі з людьми працювати...»

Оно, может, и правда, что «не с людьми работать». Но ведь одно дело именно «работать», совсем иное – манипулировать ими. Создав свой театр марионеток, важно всего лишь умело дергать их за ниточки. Это совсем не то, что управлять процессом, людьми самому, принимать важные решения, отвечать за них. Куда лучше сидеть в кустах и аланчумаковать, кашпировничать, расставляя фигуры лицедеев на сцене по своему личному режиссерскому усмотрению.

Вот тогда, в 1993-м, Дима хорошо уловил дуновение общественного настроения. Куда не потыкался простой люд, выйдя из клетки социально-нравственных устоев, натыкал на ежи «демократической» действительности: одно уже разворовано, другое авторитетами схвачено, третье отдано на откуп заграничному дяде. Народ, многими десятилетиями воспитанный в духе справедливости, зеленел от негодования: да как это может быть, да кто такое позволил? Люди никак не могли уразуметь, понять, что это объективная реальность, зеркальное отражение так называемой стабильной «демократической действительности»: если один всех обворовал – этого никто не заметит, другой ведро картошки с поля принес – в тюрьме сгноят. И это даже не потому, что один, так сказать, любят правду голой, а другие в мехах. Все потому, что в новом, зарождающемся обществе богатый вором считаться не может. Вором может быть только бедный.

Но люди наивные, они поймут это лишь тогда, когда их обдерут окончательно – обворуют во второй, третий раз. Когда кое-кто вообще останется без рубашки, без которой, казалось бы, ближе не только к телу, но уже и к уму. Увы. Не смотря на это, многие по-прежнему слепо верят в доброго царя-батюшку, национального спасителя. Они оглядываются, жду верноподданного попа Гапона, который указал бы, кому нужно вручить хоругвь. Вот образ такого общественного спасителя и решил из своего нового начальника «святить» Д. Табачник. Да и может подвернулся подходящий.

А как же, спросите, батя-селезень Л. Кравчук? Разве он смолчит?

И тут, нужно отдать должное Табачнику: Дима все прочитал весьма точно. Леонид Макарович, подобно культуристу, надуваясь мускулами, до одури красовался на телевизионных картинках. С экранов не сходил усатый Игорь Сторожук, который чуть ли не каждый день интервьюировал не устающего изучать несравненную мудрость и высокий государственный интеллект пана президента.

Что и говорить: видно птицу по помету. Своим чванством на телеэкранах Л. Кравчук больше всего гадил своему имиджу сам. А вот на газеты, их убойную силу, имиджмейкеры Леонида Макаровича не обратили внимания.

Слепив с Л. Кучмы образ нестигаемого борца с разворованием народного добра, с зарождавшейся мафией, коррупцией (для этого новому пресс-секретарю понадобилось всего лишь написать для президента два пламенным выступления, которые тот просто озвучил с трибуны Верховного Совета), Д. Табачник взялся украшать скульптуру нового героя с помощью прессы. В аппарате Кабинета Министров вместо должности одного лишь пресс-секретаря появилось целое информационно-аналитическое управление в составе... 124 человек.

Такое себе, как когда-то выразился знаменитый Оруэлл – «министерство правды». Его главным предназначением стал активный поиск компромата на ушедших в отставку, непонравившихся чиновников и на давних врагов Л. Кучмы. И это, как ни странно, для многих и многих в стране было своеобразным шилом, которое, как говорят, ногам покоя не дает. И до сознания достает тоже.

По другому сказать, они, те, кто вскоре должны стать так называемой командой Л. Кучмы, уже тогда, в начале своего похода, довольно хорошо понимали, что с экономикой им не совладать. Поэтому решили нажимать на информацию. Давно ведь сказано: бумага все стерпит.

Чуть ли не каждую неделю в рабочем кабинете главного редактора газеты «Правда Украины» звонил телефон правительственной связи. Меня вновь и вновь приглашали заглянуть в Кабмин. Дима сообщал, есть, мо, интересные материалы. Приходи. Создавалось впечатление, создавалось впечатление, что в прицеле острой критики оказался бывший премьер-министр Витольд Фокин, его замы по правительству. Как говорится, где тошно, та и рвет...

Однажды Д. Табачник передал мне кипу документов с якобы жутким криминал на одного ушедшего в отставку вице-пермьер-министра.

- нужно, - говорил мне, - крепко ударить, чтобы все заговорили, поверили. Только с привязкой к выступлению в парламенте Леонида Даниловича, с курсом Кучмы на самую активную борьбу с мафией и коррупцией...

Иными словами, предлагалось изготовить портрет «врага» на туалетной бумаге.

Я принялся за обстоятельное изучение полученных материалов. Это были документы бартерного обмена зерна на цитрусовые между Украиной и Аджарией (автономная республика в Грузии). Из документов явствовало, что в Аджарии сложилась крайне сложная с обеспечением населения хлебом. В письме, подписанным председателем Совета Министров автономии, указывалось на критичность ситуации, приводились примеры хлебных бунтов в республике. Был здесь и договор взаиморасчетов Украиной и Грузией. Предлагались бартерные сделки – хлеб на цитрусовые. В пределах, как выяснили журналисты нашей редакции, весьма умеренных цен.

Сколько мы в «Правде Украины» не крутили документы, под каким бы углом не рассматривали их, ну, никак не шло не то, что на уголовную сенсацию, как планировалось Д. Табачником, а даже на обыкновенную критику.

Дмитрий Владимирович неистовал. Он чуть ли не через день звонил мне:

- Сан Саныч, ну когда? Я уже и Леониду Даниловичу доложил, что «Правда Украины» запускает «аджарское» дело Слепичева... Народ ждет.

Пожалуй, Олег Иванович Слепичев, бывший вице-премьер правительства В. Фокина и по сегодня не знает, что его кости планировалось положить в основу постаменты Л. Кучмы, как неутомимого борца с мафией и коррупцией. Его от этого уберегли журналисты «Правды Украины». Спасли от грязного и, думаю, несправедливого позора.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И ПЕРЕПРЯТАТЬ

Да разве только его? Помните, как раздувался некий разоблачительный процесс над «нефтяными магнатами»? Премьер-министр Л.Кучма уволил сразу нескольких директоров нефтеперерабатывающих заводов, обвинив их в причастности к «бензиновой мафии». Громогласно заявил об этом с трибуны Верховного Совета.

Народ радовался, народ весело потирал руки. Дескать, наконец- то нашелся человек, который всех выведет на чистую воду. Люди не знали, да и подозревать не могли, что за этими обвинениями не было ровно ничего. Кроме, во-первых, желания создать из нового премьера образ «честного» борца за интересы народа. Во-вторых, убрать на самом прибыльном деле в стране людей Леонида Макаровича, дабы поставить своих. По-иному сказать - планировалось курицу, несущую золотые яйца, пересадить в свое, премьерское гнездо. Если, конечно, удастся осуществить это не простое предприятие.

Они, разумеется, понимали, что, не имея конкретных доказательств вины того или иного руководителя нефтяного «родника», вряд ли чего добьются. Скорее всего, даже проиграют. Можно было с уверенностью прогнозировать, что уволенные с высоких должностей со временем вновь спокойно рассядутся по своим прежним кабинетам. Скажем, с помощью судов. Как это ни странно, подобное, скорее всего, и входило в планы «обличителей» из зарождавшейся команды Л.Кучмы. Можно сказать, что это был именно тот момент, особый случай, когда можно, даже нужно было проиграть в малом, дабы выиграть в большом. Причем, публично раздувая свой проигрыш в масс-медиа. Дескать, смотрите, какие мы принципиальные. Правдолюбцы. Что есть сил и не жалея живота своего боремся за интересы трудового народа. Смело разоблачаем коррупционеров и кровососов. А нам не дают зарвавшихся воротил выводить на чистую воду. Их возвращают в старые кресла, дают возможность и дальше обворовывать народ. Нас же самих, борцов за правое дело, притесняют.

Какой здесь может быть выход? Нужно соорудить на лице гримасу обиженного, униженного и уйти. Уйти, чтобы заслужить в людях лавры бойца мафией, спасителя державы, которому не дали возможности закончить начатое дело

очистки страны от коррупции, представителей мафиозных структур.

Вы, возможно, спросите, а почему они замахнулись именно на нефтяных королей? Да ведь это было фактически беспроигрышно. Кто, скажите, поверит, что такие люди могут быть честными и чистыми? Кто поверит, что, возглавляя столь прибыльные предприятия, директора не погрязли в мздоимстве, казнокрадстве? Кто поверит, что они не воруют? Только кликни: «Гнать их в три шеи!», и почти каждый в народе поддержит, одобрит сей шаг. Потому, что сам стал в одночасье бедным и нищим. Что его нежданно-негаданно обворована. И, разумеется, тот, кто восстановит в должности уволенных с работы, может, и потенциальных воров, может, и казнокрадов (но ведь доказательств их преступной деятельности приведено не было, судом но не доказано), тот навсегда заслужит себе славу укрывателя коррупционеров. Тот, проще говоря, проиграет.

Наверное, это был ход, как теперь принято называть - пердвыборные технологии. Хитрый ход. Хотя и не лишенный риска. Рассчитанный больше всего на везение. Ведь наивно сегодня считать, будто бы кому-то, даже и самому Д.Табачнику, можно было предвидеть, запланировать, что вскоре Л.Кравчук поругается с И. Плющем. Что после демонстративного ухода Л.Кучмы с поста премьера, когда ему Диминой командой будет создан образ неутомимого борца с мафией и коррупцией, состоятся досрочные президентские выборы. Так что и элемент случайности во всем оказался тоже необычайно высок. Однако...

Думается, помимо всего здесь был еще и тот, не лишенный особого смысла интерес, который укладывается в модный нынче лозунг - бороться и искать, найти и перепрятать. А что если удастся под предлогом борьбы с коррупцией завалить нефтяных боссов да переподчинить себе эти предприятия, вручив их в руки своим людям?

Так осуществляется первая попытка передела энергетического рынка Украины, самого прибыльного. Молодой еще команде Л.Кучмы это было крайне необходимо. Ибо люди его были, попросту говоря, совсем еще бедные.

Помню, тогда в 1993-ем, мы в редакции готовились к 55-летию «Правды Украины». Не скрою, что и меня, как, похоже, и многих других в ту пору, одолевало некое влечение к пиршеству, застольной показухе. Сегодня, с позиции времени, я мог бы дать объяснение тому непонятному синдрому. Воспитанные в духе социалистического осуждения излишеств, а главное, постоянно чувствующие на себе осуддающий или того более - контролирующий глаз райкома да обкома, мы с приходом поры вседозволенности, что называется, желали хоть раз в году, но дать волю... изобилию. Пусть всего лишь в закуске ж выпивке, но вволю. Пусть лишь на одну всего вечеринку, но отгулять ее широко и размашисто, что называется, с помпой.

И вот составили мы в редакции список приглашенных на торжество. Получилось 350 человек. Хорошая компания! А как накормит! напоить ее? Где деньги взять на такую посиделку? Решили собрать, как говорится, с миру по нитке. Стали искать спонсоров. Шли на поклон к первым той поры доморощенным буржуям. Привлекли к этому делу собкоров из областей. И вскоре я с опаской стал

наблюдать, как в одном из укромных мест редакции стал собираться целый склад из водочных запасов. Как-то так получалось, что каждый, к кому обращались за помощью, обязательно стремился помочь именно спиртным. Будто бы главное задание на юбилее состояло в том, чтобы напоить гостей и напиться всей редакцией.

«А что если перепьются все?» - не раз в те дни с опаской думал я.

И вот звонит ко мне накануне тех торжеств Д. Табачник. Разумеется, по поводу публикации очередного какого-то «разоблачительного» материала. Как отбиться от этого - уже и не знаю. Ведь за тем «сдиранием масок» с «коррупционеров» нет совершенно ничего. Обыкновенный блеф. Кроме примитивного охаивания порой ни в чем не повинных людей и «создания» имиджу спасителя нации для Леонида Даниловича. Чем, собственно, и занималось управление информации Кабмина, возглавляемое господином Табачником.

Только завел он разговор о предстоящей какой-то публикации, а я неожиданно (и для себя, признаюсь, тоже) говорю:

- Я тут приготовил вам подарок...

- Какой? - удивился он.

- Вино-горилчаний, - отвечаю. - Настоящий букет. Вам, видимо, нужно заехать ко мне. А то ведь меня с пакетом кабминовская охрана не пропустит...

В ответ - пауза. А потом он мне говорит:

- Я немного позже позвоню...

Через некоторое время обозвалась «сотка» — специальный телефон правительственной связи.

- Я приеду, но не один, а с Владимиром Леонидовичем.

Владимир Леонидович - в ту пору ближайший соратник Дмитрия Табачника, советник главы правительства Л.Д. Кучмы по макроэкономическим вопросам Рыжов. Невысокого роста, плотно сбитый мужичок с копной светло-русых волос, стриженных под «ежик». Как он рассказывал мне, Л.Кучма, став премьером, незамедлительно позвонил Владимиру Леонидовичу в Харьков, в институт, где тот работал, и сказал, что ему одному без него, Рыжова, доктора наук, не осилить проблем макроэкономики. Которые, как можно было понять по замыслу свежее испеченного премьера, в строительстве новых производственных отношений в Украине будут выходить на первое, главное место. Поэтому доктор наук В.Л. Рыжов и занял пост советника главы правительства по экономическим вопросам. Но как я видел в ту пору, Владимир Леонидович большую часть рабочего времени просиживал в рабочем кабинете Д.В. Табачника. Он, похоже, тоже усиленно трудился в особой команде по «разоблачению коррупционеров» и созданию для босса имиджа «спасителя им нации».

Впрочем, Д.Табачники В.Рыжов приехали ко мне в редакцию. Выпить по рюмке за юбилей «Правды Украины» они отказались, сославшись на занятость по работе, а вот по свертку с несколькими бутылки водки в каждом взяли.

Здесь я должен сделать небольшое отступление. Дабы подчеркнуть подчеркнуть, что эти последние строки написаны совсем не для того, чтобы Приси гь тень на названных лиц, опорочить в глазах читателей. Или Имдчеркнуть, упаси боже, чью-то мелочность. Разговор совсем не о М1М

Я хочу сказать, что пришедшие во власть с Л.Кучмой люди были, инк и преимущественное большинство населения Украины, простые, гордые и совсем не богатые. Если уж не сказать: как и все остальные 52 миллиона жителей Украины - голодные даже на бутылку водки. Жили, что называется, с зарплаты. Для них и сувенир из нескольких фляг перцовки был находкой. Попробуйте сегодня предложить, чтобы указанные и им подобные господа из чисто материальных соображений проехали за подобным презентом чуть ли не через весь город. Не правда ли, смешно?

Нынче у большинства советников и приближенных президента свои компании и целые концерны. По производству, скажем, той же водки. Они являются соучредителями гастрономов и супермаркетов, сети заправочных станций. Разумеется, подпольно. Дело в том, что многие люди из власти уже успели сколотить на развале экономики страны многомиллионные сбережения. Ошибочно, видимо, полагая, что никому не известно, какими предприятиями они владеют. На чем наживаются. Но об этом несколько позже.

ВЕЛОСИПЕД ОТ ПАНА ЮХНОВСКОГО

Сейчас же следует подчеркнуть, что почувствовав, видимо, мое нежелание давать зеленый свет абсурдному, иначе я его и не назову, «аджарскому» делу, Д. Табачник несколько снизил напор на издание. А, может, уже и не до этого было. Поскольку в воздухе витала явная угроза отставки правительства Л. Кучмы. Сам глава Кабмина вел себя настолько странно, что и его ближайшее окружение было порой не и силах объяснить отдельные поступки своего патрона.

Так получилось, что в ходе начавшихся разборок вокруг «нефтяных королей», законности их увольнения я, можно сказать, близко познакомился с тогдашним вице-премьер министром по проблемам топливно-энергетического комплекса Украины Юлием Иоффе. Началось все с того, что однажды мне, как говорится, эксклюзивно передали в редакцию вот какую информацию: «В ночь с 31 декабря на 1 января 1992 года из Одессы к берегам Италии отправился танкер «Сипанкер», имея на борту 53 394 тонны украинской нефти. Именно украинской, то есть, той, которая добывается в Украине и по своему уникальному химическому составу предназначается исключительно для Кременчугского перерабатывающего завода для производства специальных масел, дефицит которых на сегодня в Украине еще

более острый, нежели топлива. Лицензию за № 19691/90 30 декабря 1992 года подписал вице-премьер Украины Юлий Иоффе. Телеграмма-поручение на заливку танкера подписана заместителем председателя Госкомнефтегаза Константином Пискуновским.

В период с 5 по 6 января 1993 года (именно в эти дни состоялся на УТН «круглый стол» по вопросам нарушения со стороны компании «Укрнефтехим» правил торговли той же украинской нефтью) было загружено еще два танкера».

У меня, скажу, не было никакого сомнения в том, что подобное сообщения для нас подготовила «воюющая» сторона, та, которую представляли люди из бывшего правительства Витольда Фокина. Я бился над мыслью: не утка ли это? Не хотят ли и нас подставить в этой борьбе компроматов? Насколько приведенные в данной информации факты отвечают действительности? Как проверить их, ведь танкера находились в море или уже успели успешно пришвартоваться где-то в Италии?

Поразмыслив над всем этим, я понял, что у редакции просто нет иного выхода, как задать вопрос по этому конкретному поводу непосредственно самому Юлию Иоффе. Я набрал номер правительственного телефона и услышал знакомый по радио и телевизионным выступлениям голос вице-преьера. На заданный ему прямой вопрос по поводу того, соответствует ли действительности информация ушедшей за «бугор» украинской нефти, которой располагает редакция, Юлий Яковлевич, как мне показалось, ответил не сразу, на какое-то время даже стушевался.

А откуда вам это известно? - спросил он с плохо скрываемой тревогой в голосе.

Я промолчал. Вице-премьер, видимо, понял, что играть в кошки-мышки в таком деле нельзя. Он тут же предложил встретиться, дабы, как говорится, с документами в руках выяснить ситуацию.

Вскоре в кабинковском кабинете руку мне крепко пожимал интеллигентного вида темноволосый с редкими сединами в волосах, симпатичный человек лет пятидесяти трех. Знал я о том, что свою трудовую биографию начинал он горнорабочим на шахте. На горновыработках прошел путь до генерального директора производственного объединения «Стахановуголь». Это он в 1990-ом, когда Украину всколыхнули мощные по той поре стачки горняков Донбасса, один из немногих шахтерских генералов был вместе с рабочими на жарких площадях, поддерживая их требования обратить внимание на состояние дел в отрасли, на то, что за каменный уголь в нашей стране приходится рассчитывать человеческими жизнями. В благодарность за это люди буквально на руках пронесли его в народные депутаты.

На длинном рабочем столе к моему приезду лежала кипа документов, в приемной ждали специалисты. И вот какая из всего этого вырисовывалась картина.

23 ноября 1992 года генеральный директор ПО «Укрнефть» Станислав Горев за № 35/2/45 написал письмо премьер-министру Л.Кучме о том, что в возглавляемой

им отрасли сложилось крайне тяжелое положение дел с заменой износившегося оборудования, которое в Украине не выпускается. С. Горев просил разрешения правительства на бартерный обмен высококачественной украинской нефти, которой производилась буквально ложка по отношению к потребляемым страной объемам. Добро на такой обмен было дано. Объединение заключило договора с торгово-промышленным центром «Восток-Запад» (Польша), «Транскооп» (Чехословакия) и американской «Костел корпорейшен». Однако в новогоднюю ночь некое межотраслевое агропроизводственное объединение «Агросинтез» (?) по поручению ПО «Укрнефть» вывезло 53,4 тысячи тонн украинской ценнейшей нефти почему-то в Италию, реализовало ее тамошней местной фирме «Гэлэкси Энерджи», хотя разрешения на это не имело. Забегай наперед, скажу, что и денег, а это около семи миллионов долларов так пока и не нашли.

Как рассказал тогда Юлий Иоффе, когда ему в первый день Рождества стало известно о том, что нефть ушла не по назначению, он тут же отменил решение Кабмина № 19691/90 от 30 ноября 1992 года ! Он категорически запретил в дальнейшем отгрузку нефти и нефтепродуктов на экспорт, в том числе по контрактам ПО «Укрнефть», Так что второй и третий танкеры с украинской нефтью, вопреки информации, которую нам преподнесли, по всей видимости, люди Витольда Фокина, за бугор не ушли.

Получалось, что отчасти как бы правы были и одни, и другие. Но, тем не менее, страна потеряла ценнейшего сырья сразу на семь миллионов долларов США, и виноватых никто не видел. А может, просто не хотел видеть? Опять же несколько опережая события, замечу, что в 1995 году в издательстве «Лугань» (г. Луганск) вышла книга воспоминаний бывшего вице-премьер-министра Украины Юлия Иоффе «Один на один с системой». Юлий Яковлевич однозначно и четко написал, что все происшедшее в новогоднюю ночь 1993-го и необычайно оперативное появление информации об этом на столе у главного редактора «Правды Украины» было не чем иным, как заговором против него лично. «Как я теперь понимаю, - написал он на странице 156 своей книги, - на прессу делалась особая ставка в кампании клеветы в мой адрес».

Бог судья Юлию Яковлевичу, однако, знаю точно: «Правда Украины» в отношении Иоффе не врала.

Как бы там ни было, с 1993-го, после наших весьма конкретных объяснений по поводу пропавшего танкера, мы с Юлием Яковлевичем сблизились в работе. И как-то собираясь в командировку в Иран во главе правительственной делегации, он позвонил мне, предложил съездить. Затем был совместный визит в Туркменистан, где возглавляемой им делегацией велись напряженные переговоры по цене на газ. Между нами установилась некая атмосфера особой доверительности, результатом которой было право за мной в любое время позвонить или прийти в кабинет, что-либо обсудить в свободной беседе или дискуссии. И я этим, не скрою, дорожил. Это был способ добыть или ценную информацию, без чего не бывает интересных газет.

Я не надоедал Иоффе частыми звонками, визитами, но примерно раз, а то и два в месяц все-таки заходил без стука в его кабинет на шестом этаже по улице Грушевского. Дабы просто услышать, что называется, с первых уст последние

новости из высших горизонтов власти.

Больше всех мне запомнилась одна такая встреча. Стояло знойное лето 1993-го. В кабинете вице-премьера было прохладно и уютно. Вовсю трудились кондиционеры. Когда я вошел и мы поздоровались, зазвонил один из телефонов прямой связи. Юлий Яковлевич поспешил взять трубку, показав мне знаками сидеть и молчать при разговоре. Как оказалось потом, Иоффе два дня ждал, пока его соединят с президентом Л. Кравчуком, дабы доложить об экстремальной ситуации, которая сложилась на ту пору в шахтерских районах Донбасса. Десятки тысяч людей, протестуя против невыносимых условий труда, низкой заработной платы, разговоров о предстоящем закрытии шахт, вышли на улицы и площади в городах и поселках.

- Акция очень серьезная, - пытался убедить президента Ю. Иоффе. - У меня есть сведения, что она по своему размаху может даже значительно превзойти предыдущие шахтерские бунты...

По тому, как после каждой фразы вице-премьер министра делались паузы, как иссякал его задор и напористость в голосе, не трудно было догадаться, что Л. Кравчук, видимо, говорил: информацией об истинном положении дел он располагает, ситуацией владеет, что так все там, мол, и страшно. Дескать, постучат касками и успокоятся. Используя, наверное, свой последний аргумент, Ю. Иоффе начал говорить о том, что у него достаточно большой опыт работы с такими массами, что было бы правильно, если бы он, шахтер из правительства, поехал к шахтерам, постарался их успокоить. Как посланец от власти, наделенный специальными полномочиями президента страны. Но по тому, как речь его к концу разговора становилась менее уверенной, зажигательной, не было никаких сомнений в том, что ему попросту отказали и в этом.

Раздраженно бросив трубку на рычаг, Ю. Иоффе повернулся ко мне. В прохладном кабинете он вспотел.

- Знаешь, — сказал он, - просто руки опускаются. Такое впечатление, что никому ничего не нужно, никого ничто не интересует...

Я вдруг вспомнил о Леониде Даниловиче. Он же премьер-министр. Разве не его это дело, что останавливается производство, что с стачка разрастается на весь регион?

- А что говорит Кучма? - легонько спросил я Юлия Яковлевича.

Он посмотрел на меня как-то странно. Состроил на лице гримасу удивления. Через минуту сказал:

- Если честно, я и сам не пойму. Похоже, ничего не делает. Нас вице-премьеров, на совещания не собирает. Заседаний Кабинета Министров нет. С президентом не общается. Кравчук ему просто не звонит... Наверное, у Леонида Даниловича агония...

Этот разговор состоялся, скорее всего, в четверг. Ну, может быть в пятницу. Точно помню, что в субботу по каналу УТ-1 передали Указ президента о назначении первым вице-премьер министром Украины Ефима Звягильского. Из Донбасса транслировали репортаж о том, как новый первый зампред главы правительства беседует, уговаривает шахтеров вернуться к рабочим местам. Тут-то мне стал понятен ход Л. Кравчука, который отказал в поездке Юлию Иоффе к шахтерам. У него, похоже, уже был готов план тихого умиротворения горняцкой стачки. Разумеется, приезд в регион вице-преьера из столицы, пусть и бывшего горняка, не дал бы фактически никакого эффекта. На Ю. Иоффе, несомненно, уже стояла печать представителя правительства. Того, которое, продержавшись у власти месяцев девять, ни на йоту не улучшило положения дел ни в отрасли, ни в стране. Напротив, ситуация катастрофически ухудшалась. Везде и во всем.

Иными словами, Ю. Иоффе со своим старым шахтерским багажом, и это было известно заблаговременно, не принес бы Киеву нужного эффекта. Для стабилизации положения необходимо было сделать ход новым козырем. Как опытный игрок (пусть и в шахматы, а не карты, это в данной ситуации, считайте, все равно), Л. Кравчук хорошо понимал это.

Ему нужен был не просто пожарник для тушения разгорающегося пламени стачки, а еще и хозяйственник. Крепкий, надежный. Л. Кучма, мягко говоря, на премьерской должности не проявил себя никак. Было заметно, что его одолевает всего лишь одно - трудно объяснимое стремление к власти, даже жажда власти. Набрав полный ворох полномочий, распорядиться ими он просто так не мог.

Еще труднее было положение с первым заместителем главы правительства. Эта должность в Кабмине в идеале должна принадлежать самому умелому хозяйственнику. Это, если выразиться фигурально, место самой крепкой, коренной лошади в государственной арбе. А кому ее отдали? Академику Игорю Юхновскому, удовлетворив амбиции мощного демократического лобби в парламенте. Забыв при этом, что одно дело разоблачать прежний, коммунистический, а совсем другое дело конкретно управлять экономикой.

Именно с конкретикой у Игоря Рафаиловича как раз и не вязалось. Наверное, для театра это еще бы как-то подходило. Судите сами, старый ученый притащил на шестой этаж Кабмина доску и мел. Кабинет первого заместителя главы правительства, по сути, главного инженера огромного народнохозяйственного комплекса страны, был превращен в обыкновенную затрапезную аудиторию. Первый вице-премьер созывал руководителей отраслей и мелом на доске рисовал диаграммы, схемы, на их основании пытался выводить некие формулы и академические постулаты. Он намеревался живое, гибкое тело экономики рафинировать, загнать в трапецию ученической доски.

Люди, министры и начальники главков, ждавшие простых и умных решений для увязки взаимодействия ведомств на стыке государственных интересов, что всегда происходило в этом кабинете, смотрели на творившееся с нескрываемым ужасом и раздражением. Маразм ситуации усиливался тем, что и человек этажом выше, кто по идее должен бы первым поставить жирную точку в разыгравшейся трагикомедии с запуском ученым практикам «ежа под череп», создавалось

впечатление, ничего в конкретном деле не смыслил и в действиях дедушки от науки просто не вмешивался. А вот жизнь требовала совсем иного. Прежде всего, молодого, пытливого, пластичного ума. Как раз меньше всего обремененного академичной ортодоксальностью. Ибо еще никто в мире не соприкасался с экономикой, которая родилась в Украине. В ней не было ни классики, ни модернизма. К ней не подходили никакие существующие и мыслимые до сих пор модели развития хозяйственного комплекса. Стало быть и подходы к решению задач надлежало находить неординарные.

Экономика все больше походила на руину. Здесь нужен был как раз прораб с закатанными рукавами, а не рисующий графики академик, скорее амбициозный пожарник, чем пророк-астролог.

Вершиной необузданного хохмачества Игоря Рафаиловича на холме практической власти стала его умопомрачительная идея по решению энергетического кризиса в Украине. Он на полном серьезе, без тени наименьшего сомнения, предложил пересадить всех на ... велосипеды. Как минимум, Киев превратить в Хошимин...

Не правда ли остроумно? С позиции воинствующей интеллектуальной немощи.

Думается, что в той ситуации балансирования исполнительной власти между полным безволием одного и откровенным маразмом другого сама жизнь указала именно на Ефима Звягильского. Как на спасителя и на последнюю надежду державы. Это был человек-машина. С блестящей памятью, цепким и гибким умом. А по всему еще, как говорят, экономист от бога.

ЧЕЛОВЕК-МАШИНА, ЧЕЛОВЕК-ГОРА

Ко времени своего назначения на пост первого заместителя главы правительства Ефим Леонидович весьма успешно уже занимал две ответственные должности: руководителя лучшей в Донбассе шахты имени Засядько и мэра Донецка.

Если в первой ипостаси он провел уже много лет, превратив это предприятие на лучшее не только в отрасли, но и в стране, то руководителем миллионного города он стал недавно, под давлением обстоятельств. Эту должность ему фактически «одели» на шею на сессии горсовета после того, как город стал задыхаться от нехватки хлеба, когда остановился практически весь транспорт миллионного шахтерского Донецка. Нужен был мозг, который настроил бы сложный, вдруг разладившийся механизм на необходимый ритм. В это трудно поверить, особенно сегодня, с высоты прожитого, что Ефиму Звягильскому для этого понадобилось всего ничего - трое суток. Не стало очередей за хлебом, в обычном режиме забегали по городу автобусы и такси, пошли троллейбусы, трамваи. Донецк ожил и облегченно вздохнул.

Молва о всесильном Ефиме молнией разлетелась по Донбассу, добавив ему авторитета. Конечно, такой человек мог спокойно идти в бушующую толпу горняков на любой площади. Ему не страшны были никакие крикуны. Его правота доказывалась конкретным делом. И потому тогда он был непобедим.

Став первым заместителем главы правительства, Е. Звягильский буквально сразу окунулся в водоворот неотложных хозяйственных дел, переключив на себя решение большинства вопросов. И это было не удивительно, ведь глава Кабинета Министров фактически бездействовал. Иногда показываясь на люди, он говорил о том, что ему мешает работать не кто иной, как президент Украины.

Выставив из большого уголовного кабинета правительства знаменитую академическую доску своего предшественника, Ефим Леонидович как-то сразу превратил его в настоящую главную диспетчерскую страны. Приходил он на работу около восьми утра, и не было такого случая, чтобы ушел отсюда раньше полуночи. С утра до позднего вечера в приемной толпились люди. Не счесть было звонков. Как правило, тревожных. Ведь экономика буквально трещала по швам.

К нему напрямую порой обращались руководители крупных предприятий, если, как говорят, обстоятельства брали за горло. Он во все проблемы старался вникнуть сам лично. Я не раз, находясь в его кабинете, слышал подобные диалоги по телефону:

- Я прошу тебя, - кричал он в трубку какому-то собеседнику, - перекинь ему сто миллиардов. Сегодня, сейчас же (это был разгар инфляции - примечание автора)... Я тебе завтра верну... Я прошу тебя. Не беспокойся. Завтра верну.

Звягильский был по-шахтерски напорист, может быть, даже груб. Он на лево и направо сыпал матом, и создавалось иной раз впечатление что именно этот перец двигал все дело.

Если посмотреть на это со стороны, получалось, что как бы вся страна него находилась на ручном управлении. Потом найдутся такие, кто скажет, что Ефим Звягильский на некоторое время вернул в Украину командную экономику. Тот, кто так говорит, пусть покажет мне страну, где производство не управляемо. При этом, подчеркну, что за оценками некоторых специалистов степень регулированности рынков со стороны державы самого развитого капиталистического государства - США составляет более 70 процентов.

Но тут мы имеем дело еще с одним феноменом. Давайте не забывать, что перед шахтером Ефимом экономикой страны управляли ракетный генерал, он же бывший секретарь парткома совместно с академиком-физиком. Результат этих деяний известен - полная потеря управляемости производством, отрыв главного штаба - Кабмина, от отраслей, не говоря уже о предприятиях и регионах.

Не буду скрывать, что приход в правительство некоего Ефима Звягильского меня обрадовал. Особенно после того, как я услышал, увидел, что он фактически перебрал на себя все распорядительные функции по части производства. А дело вот в чем.

К концу лета 1993 года в Украине еще не существовало рынка газетной бумаги. Приобрести вагон главного сырья для выпуска печатного издания было настоящим чудом. А на каждый номер «Правды Украины» тогда приходилось тратить, считайте, около пяти тонн газетной бумаги. Решение этого вопроса было для меня чуть ли не каждодневной головной болью.

Как мы только не изворачивались, добывая бумагу. Покупали сахар, везли его и вагонами, и машинами в российскую Балахну, добирались аж до Сыктывкара - столицы Коми автономии, обменивая на желанные рулоны. Выбивали лицензии на отправку соды из Славянска Донецкой области, опять же для бартерного обмена на бумагу в России.

Но был еще один способ решения данной проблемы. Простой и экономичный. Газетную бумагу по более низкой цене, чем на рынке России, можно было приобрести из госзапаса здесь же, в Украине. Однако этим правом тогда пользовались государственные издания - «Урядовий кур'єр» и «Голос України». По личному распоряжению премьера иногда отпускали это сырье и независимым изданиям. Но это право нужно было у власти заслужить. Верноподданством, публикацией тех «разоблачительных» материалов, которыми снабжал издания Д.Табачник.

Иными словами, на перекрестке всех подходов к стратегическим запасам газетной бумаги сидел Дима. Только он мог лично в премьера подписать распоряжение на сотню тонн газетной бумаги. Идти к Д.Табачнику после отказа опубликовать материалы «аджарской» байки о коррупции я, разумеется, не мог. А тут еще в редакции приключилась беда.

Как раз накануне всех этих событий подписали мы договор с одной коммерческой фирмой на покупку у них двух вагонов газетной бумаги нужного формата. Как уверяли дельцы, на протяжении недели продукцию они доставят на подъездные пути издательства. Перечисляйте, мол, деньги.

Не имея достаточного опыта работы в условиях, я бы сказал, бандитского рынка, мы так и поступили, не проверив перед этим дело вое реноме дельцов от бизнеса. Поверив на слово, мы перечислили согласно договора, круглую сумму, ожидая поступления товара.

Увы, время шло, а вагоны не поступали. Запасы бумаги иссякали. С каждым днем они уменьшались, подобно знаменитой шагреновой коже. При этом важно, что ведь и деньги оказались у «поставщиков». Когда оговоренное время прошло, а бумага не поступила, я кинулся на поиски фирмы. Но, как можно догадаться, ее на том месте, где подписывали договора, куда я звонил перед этим не один раз, уже не оказалось. В одном из гулких коридоров общества «Знания» на улице Красноармейской, где раньше фирмачи арендовали несколько комнат, я встретил заплаканную молодую женщину. Заливаясь слезами, она рассказала, что до этого перечислила этому предприятию тоже крупную сумму на поставку товара. Но и у нее к назначенному сроку не было ни поставок ни денег. Вот уже два месяца ходит она по следам своих «партнеров», застаёт лишь сообщения о том, что были такие, помещение арендовали, а недавно съехали в неизвестном направлении. И так уже в

четвертый раз.

Можно, наверное, понять мое состояние. Три дня и три ночи я, кажется, жил между небом и землей – не спал, не ел, мотался по Киеву в поисках зарвавшихся дельцов. Теперь я осознаю, что мне тогда крупно повезло. Как-то утром в одном из переустроенных подвалов на Подоле я прижал в угол краснощекого молодца, который до этого оббивал пороги редакции, готовя документы сделки, расписывая прелести контракта. Наверное, у меня тогда был очень угрожающий вид, ибо, заметив меня еще в дверях конторы, он сорвался со стула, отступил за шкаф, поднес как бы для защиты руки на уровень лица:

- Сан Саныч, - взмолился при этом, - я сейчас возвращаю вам деньги. Едем со мной банк...

Не скрою, что эта передряга меня крепко выбила из колеи и подорвала доверие ко всякого рода коммерческим предложениям. Но бумагу все равно нужно было покупать и обязательно здесь, в Украине, ведь время для ее поставки из-за рубежа было уже упущено. Замечу, для того, чтобы осуществить бартерную сделку, скажем, сахара на газетную бумагу, нужно было потратить не меньше месяца. Ресурс времени не позволял на это даже надеяться.

Вот почему я обрадовался, что в стенах Кабмина появился новый и человек, который, возможно, возьмет на себя смелость подписать распоряжение Кабмина об отпуске из запасов Госкомрезерва хоть сколько-нибудь бумаги, чтобы не сорвать, не остановить регулярного выпуска газеты. И, главное, не придется с этим вопросом обращаться к Д. Табачнику, который, явно учуяв нежелание «Правды Украины» гнать «антикоррупционную липу», настроился против издания и меня, ну аж никак не дружелюбно.

Аудиенция у нового первого заместителя главы правительства, на удивление, прошла очень гладко. Ефим Леонидович внимательно выслушал меня. Тут же дал указание подготовить необходимое распоряжение Кабмина для Госкомрезерва. А отпустил меня только тогда, когда его крученая подпись увенчала документ. Он провел меня к двери и, пожимая руку, сказал:

- Приходи, когда что-нибудь нужно. - Потом подумал и добавил: - Заходи, когда хочешь. Может, просто поговорить. Но желательно до восьми утра...

Этот часовой намек, разумеется, можно было расценить по-разному. Ну, например, как приглашение с отказом. Дескать, какой дурак в такую рань побежит говорить по душам. Но я, признаюсь, отнесся к этому с пониманием. И не ошибся. Этот человек и впрям построил свой рабочий день так, что времени на «отдушины» у им фактически не было. А мои некоторые неофициальные визиты в раннюю пору стали нашим своеобразным взаимообогащением. Он расспрашивал о том, что говорят, о чем пишут люди в редакцию по поводу проводимой правительством политики, я же узнавал, что называется, из первых уст обо всех околоправительственных новостях.

ИЗ КАБМИНА ПОГРОЗИЛИ КУЛАКОМ

Но это все, замечу, было несколько позже. Уехав из Кабмина после визита к Е. Звягильскому, я обнаружил в редакции несколько сообщений собкоров о собраниях и немногочисленных митингах с выступлениями против правительства Л. Кучмы. Были они стихийными или может быть кем-то организованными, - не знаю. Но не прошло и десятка дней, как на той стороне майдана Незалежности, где разместилась гостиница «Москва» (теперь - «Украина») в самом центре столицы, где в свое время устраивались студенческие голодовки против правительства В. Масола, затем прошли крупные выступления против министров призыва В. Фокина, вновь за бурлила огромная толпа. Над ней красовались транспаранты и надписи, клеймящие безликую, лишенную конкретной устремленности политику правительства Л. Кучмы.

На следующее утро ко мне в кабинет зашел первый заместитель главного редактора Владимир Малахов. В руках у него была подготовленная журналистами редакции событийная информация со вчерашнего митинга.

- Что будем делать? - спросил он, потрясая в руке еще горячими листками информации.

- А как вы полагаете, Владимир Данилович? - ответил я вопросом на вопрос.

Мои слова не были обыкновенной данью некоему ритуалу. Я всегда с уважением и повышенным вниманием прислушивался к мнению старшего коллеги В.Малахова. Это был высокого роста, широкоплечий русский мужик с тонкой и узкой, почти женской ладонью. Иногда задиристый, иногда мягкий, но почти всегда справедливый в оценках и поступках человек. Мастер материться. Но всегда предельно объективный, не пьющий и не курящий.

Родом он из Луганщины, но каким-то особым, нежным, наверное, даже сыновним чувством любил Полтавщину. В годы войны в тамошних местах приютили их семью, убегающую от голода и разрухи селяне. Выходили, спасли от нужды и голода. И Данилович не раз вспоминал о запахах парного молока и вкусе корки даренного черного хлеба, вынесенного с той голодной поры, и людях, которые делились с ним тем бесценным добром. В Луганских газетах В.Малахов азы журналистики. По молодости работал собкором «Правды Украины» в Луганской области. Десятки раз спускался в шахты, на трудовые рекорды, ведь обслуживал Владимир Данилович край стахановцев, и просто так, дабы побеседовать с людьми непосредственно в штреке, на выработке. Последние, наверное, лет тридцать с лихвой трудился в Киеве, в аппарате редакции, куда его, талантливого журналиста, вскоре забрали из Донбасса. Из них чуть ли не четверть века - заместителем главного редактора «Правды Украины».

И все-таки в работе В.Малахову, наверное, немного не везло. Давно бы Владимиру Даниловичу по уровню знаний, по умению владеть пером, журналистскому авторитету и чисто человеческому багажу знаний надлежало

возглавлять какое-то крупное издание, но всегда ему для этого чуть-чуть чего-то не хватало. В коммунистические времена на подобные руководящие идеологические должности обязательно брали выдвиженцев из числа секретарей обкомов, аппарата ЦК. А он был, что называется, чистой воды журналист, тягловая лошадка. Стало быть, не до конца проверен, не совсем свой, без особой партийной косточки, что ли. А в 1991-ом ему, во-первых, стукнуло уже шестьдесят. Во-вторых, работая первым заместителем редактора издания, которое до конца существования КПУ было ее последним и безнадежно ортодоксальным бастионом, он, как бы получалось, несколько подпортил себе репутацию. Ибо в августе того года, придя к власти, демократы поспешили закрыть газету, потребовали немедленной замены всего руководящего состава редакции. То есть, выходит, прежде всего - В.Малахова. Поскольку тогдашний редактор газеты А. Зоненко, уйдя в начале августа 1991-го в отпуск, после ГКЧП в редакцию больше не вернулся и оформился на пенсию. Ведь тогда ему уже было 68.

Поэтому я всегда высоко ценил своего первого заместителя как подлинного профессионала, тонко чувствующего ситуацию, хорошо разбирающегося в людях. И на этот раз тоже спросил его мнения хорошо знал, как действующий премьер Л.Кучма болезненно относится ко всякого рода критике, как неадекватно всегда реагирует на сколько-нибудь острые выступления прессы. Тем более, что ни радио, ни телевидение о прошедшем митинге с требованием отставки премьера не передали ни слова. Да и ни одно из центральных газетных изданий, как я был уверен, не сообщит о событии. Д.Табачник свое дело сделал. С журналистами-газетчиками, знал наверняка, он уже поработал достаточно успешно.

- Что же здесь размышлять, - сказал В. Малахов. - Люди вышли на площадь. Разве мы не понимаем, почему? Что, новое правительство Кучмы хоть на йоту улучшило их жизнь? Напротив, усложнило. Враньем о борьбе с коррупцией. Мы-то с тобой это хорошо знаем... Я ставлю в номер. На лобное место, - закончил он разговор.

- Ставьте, Владимир Данилович, - ответил я уверенно.

В день публикации рассказа о несанкционированном митинге на майдане Независимости мне вдруг позвонил министр Кабинета министров Валерий Пустовойтенко. До этого мы с ним никогда не общались. Даже с внешнего вида этот человек не внушал мне особого доверия. Так и не хотелось почему-то верить, что за, с моей точки зрения, лишенной определенной интеллигентности внешностью может скрываться тонкий ум, хрупкая душа. Слушая раз или два его некие публичные суждения, я обнаружил для себя в них такое дремучее пустозвонство, что брала оторопь по поводу того, кто находится у власти, к кому нужно прислушиваться. При виде его мне всегда на ум приходила известная пословица: не по Сеньке шапка. Но я старался себя успокоить тем, что, возможно, как говорили об этом многие, да и, похоже, он сам этого не скрывал, Валерий Павлович был большим мастером по части лакейства и угодничества перед патроном. Хотя мне самому оппонировал внутренний голос: в приличных царских домах и слуг подбирают не по частоте виляния хвостом.

Каким же было мое удивление, когда по телефону как-то особенно, даже, кажется, по-приятельски, он заявил, что, дескать, много теряю, поскольку обхожу стороной его кабинет - министра Кабинета Министров. Еще, как бы между прочим, уточнил, есть ли у меня дача. А узнав, что нет, не имею, заявил буквально: дескать, мой предшественник на посту главного редактора «Правды Украины» пользовался кабинетской. Это, видимо, нужно было прозрачный намек. Ибо дальше было сказано о том, что я глубоко не прав, допуская в отредактированном издании открытые выступления против правительства Леонида Кучмы.

Я попытался было объяснить, что информация о митинге это всего лишь обыкновенное, рядовое сообщение о происшедшем событии в самом центре столицы, чем, собственно, и должна заниматься независимая газета, как рупор новостей. Это всего лишь простой, голый пересказ о происшедшем, без политических оценок, выводов, призывов, окрасок. Однако В.Пустовойтенко не слушал этого всего. Главный его аргумент был тот, что об этом не сообщил никто, кроме одной-единственной «Правды Украины». Стало быть, главный редактор этого издания зачислялся если еще не в злостные враги, то уж в откровенные недруги правительства - точно. А законы в верхах на сей счет жесткие. Я это хорошо знал. Да и по тону, содержанию окончания происшедшего разговора это не трудно было понять: либо покупайся, либо тебя попросту уничтожат. Третьего как бы и не давалось. А этот звонок нужно было расценивать ни больше, ни меньше, как последнее предупреждение.

Мне не было резона лезть в пузырь. Я старался вести разговор мягко и тактично, не давая понять, что к насаждаемой властью кадровой серости в верхних эшелонах руководства имею откровенную аллергию. Что сам министр Кабинета министров для меня глубоко антипатичен, как и его руководитель, поскольку, полагаю, что они просто случайные люди на высоких правительственных постах, разумеется, при определенных степенях обстоятельств. Не могут, не имеют права посредственные люди управлять государством. Это не справедливо, не по-Божьему. Поэтому, скрепя сердце, я согласился, что выберу время и в ближайшие дни загляну к министру Кабинета министров. Там и продолжим разговор.

Бросая трубку «сотки» на телефонный рычаг, я был уже уверен в том, что найду для себя сто причин, лишь бы не состоялось это рандеву. Да и что нам, собственно, было обсуждать? А становиться лакеем власти после того, как я почти вырвался из-под опеки Дмитрия Табачника, никак не хотелось. Дима хоть интеллеktуал, умный, начитанный, а этот? Я был уверен, что он диктант в пятом классе напишет на двойку. Это выдает, в частности, и корявая, как раз под Кучму, сбивчивая речь. Часто - лишенная логики и здравого смысла. Дремучий суржик вместо украинского языка, которым в «совершенстве» владеет сей государственный муж.

Так оно, собственно, и получилось все. Я откладывал визит со дня на день, а потом просто таки заставил себя забыть об уговоре. После этой неприятной беседы с В.Пустовойтенко мы больше никогда с ним не общались, хотя в самые бурные дни жизни я постоянно чувствовал за спиной злобное дыхание и скрежет зубов этого человека. Теперь мне доподлинно известно, что именно он больше всех приложил усилий для того, чтобы противоправно был приостановлен выпуск «Правды

Украины», чтобы были арестованы расчетные счета газеты, отменена регистрация редакции, как субъекта предпринимательской деятельности райгосадминистрацией Радянского района г. Киева, чего эта структура, кстати, вообще не имеет права делать. Позже я узнал, что и этот человек приложил усилия для того чтобы я был противоправно отстранен от должности руководителя оппозиционной «Правды Украины».

ВЕЛИКИЙ ДАЛЬ, К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ ОШИБСЯ...

В тот же день произошло еще одно очень важное событие. На этот раз позвонили с приемной Е. Звягильского. Руководитель аппарата первого заместителя главы правительства, невысокого роста человек с интересным и странным именем Вольт Дубов, передал:

- Ровно в шестнадцать вас ждет Ефим Леонидович. Просил приехать обязательно, у него что-то очень важное...

В точно назначенное время я открыл дверь кабинетской приемной. Там собралось уже человек двадцать. Одни группками по углам просторного помещения о чем-то тихо беседовали, другие чинно сидели на стульях, третьи облепили стол секретаря. Это были преимущественно руководители министерств и ведомств. Я еще про себя удивился: что мне можно здесь делать? В это время ко мне подскочил руководитель приемной Вольт Ефимович Дубов.

- Заходите, он вас ждет. Из-за вас не начинается совещания...

Я с удивлением и даже некой опаской открыл дверь. Увидев меня на пороге, Е. Звягильский вдруг сказал:

- Передай, пусть все заходят...

Все по одному из приемной стали проходить в дверь, рассаживаться за длинным столом. Я в недоумении остался стоять посредине кабинета. Е. Звягильский, затянувшись дымной сигаретой, тяжело и шумно поднялся из-за своего рабочего стола, поманил меня пальцем. Я пошел вслед ним в приоткрытую дверь боковой комнаты. Подождав, пока я переступлю порог, Ефим Леонидович плотно прикрыл дверь, а потом поднял на меня усталые глаза.

- Скажи, - спросил прямо, прямее уже, кажется, нельзя, - что у тебя с Кучмой?

Я всегда ожидал, но никак не этого странного вопроса. Мне как-то сразу стало неприятно, не по себе. Кажется, я даже услышал то, как на моем лбу сквозь поры кожи пробивается пот. Хотя в кабинете было совсем не жарко.

- Да будто бы ничего особенного, - как можно спокойнее, ответил я, хотя все нутро у меня как-то сжалось, вдавилось под грудь. Слюна во рту превратилась в

густой, неприятный клей. Я почувствовал точно так, как однажды в детстве. Тогда мы с пацанами катались на льдинах. И вот одна из них, та, что была как раз подо мной, вдруг сперва раскололась, а потом, превратившись в легкий, шаткий и неустойчивый обрубок, на котором в испуге замер я, не шевелясь, стала стремительно уходить от берега на глубину течения. Черная полоса воды, разделявшая берег в снегу и льдину, стала угрожающе увеличиваться. Вот так же и теперь я услышал, как где-то, внутри колотится сердце, а кровь все громче бьет в виски...

- Странно, - нервно зажигая очередную сигарету, сказал Ефим Звягильский. - Он сегодня был прямо в каком-то бешенстве. Вызвал меня и так кричал, так кричал... Топтал ногами твою газету, говорил, что я способствую тебе, поскольку подписал распоряжение о выделении бумаги «Правде Украины». Словом, и ты враг, и я тоже враг, ибо тебе помогаю. Я позвал тебя, дабы сказать, - выталкивал он из себя слова вместе с густыми клубами дыма, - что б ты знал: бумаги из Госкомрезерва у тебя не будет. Я помочь никак не могу. Выкручивайся уже сам... И не падай духом...

Последние слова он произнес с грустной улыбкой на большом морщинистом лице, с тревогой в глазах, от которой мне стало еще хуже. Ми На ватных, не гнущихся ногах я как можно быстрее прошествовал по длинному угловому кабинету Кабинета министров мимо сидящих за столом министров. Видимо, вид у меня был не лучше, чем у умирающего лебедя, потому что, когда я вышел из боковой двери, все оглянулись в мою сторону, и пока я не закрыл дверь, никто не пророни и ни слова. Ответ на все вопросы, видимо, был написан на моем грустном, постном лице, в потухшем взгляде.

«Господи, - думал я, спускаясь лифтом с шестого этажа Кабмина, - какие несчастливые деньги, отложенные на газетную бумагу. Сперва их чуть было совсем не сперли мошенники от коммерции. Теперь другая напасть. Только сегодня с утра мы их перечислили Госкомрезерву. И вот опять нужно отбирать. В запасе осталось сырья всего ни два выхода газеты. Куда же кинуться, к кому податься? Ведь Россия с ее огромными запасами бумаги теперь-то уж точно осталась за пределами досягаемости. И тут, в Кабмине, обрезаны все концы...»

Терзаясь этими непричесанными мыслями - о деньгах и бумаге, я заставлял себя не думать о другом, - о чем только что пришлось узнать от Ефима Звягильского. Но разве от этого уйдешь? Мысли то и дело возвращались к услышанному. Я вдруг ясно представил себе стоящего навтыжку перед худощавым лысоватым человеком огромного Ефима Леонидовича. Злая, кусачая прислужница Л.Кучмы, газета «Независимость», недавно назвала его «горой-человеком». Мне представилось почти воочию, как под ногами заведенного злобой премьера хрустит и извивается пахнувший краской свежий номер газеты «Правда Украины», как на это изумленно и растеряно смотрит всегда внешне спокойный, далеко не молодой уже человек - Ефим Звягильский. Мне почему-то стало вдруг неловко перед вчерашним шахтером, первым вице-премьер-министром страны, которого я, выходит, подвел, упросив подписать распоряжение на реализации газетной бумаги из Госкомрезерва.

Но другой, внутренний голос говорил, нет, пожалуй, уже настойчиво твердил мне о том, что ничего особенного и не произошло. Просто жизнь расставляет свои точки над «і». Каждый в этой ситуации показал, на что он лично способен. Е. Звягильский - что он хозяин, порядочный человек, умеющий придти на выручку в трудную минуту, вовремя предупредить о свирепой опасности от облеченного властью человека, не терпящего малейшей критики в свой адрес. Причем, вполне заслуженной. Л.Кучма, напротив, - расписался о своем болезненном самолюбии и не подтвержденном деловыми и иным качествами высокомерии, скандальности и, пожалуй, что наиболее опасно - злопамятстве.

Я невольно вспомнил Владимира Ивановича Даля. Где-то он, давая объяснение одного из толкований прославившего его на века словаря, писал: «Рыжий да красный человек - опасный». Вот и не верь после этого в приметы. Что толстяк, например, добр душой, а по-украински - «русявый» очень далек от этого... Впрочем, не буду повторяться. Надеюсь, вы все поняли.

ПРЕМЬЕР, ГОНИМЫЙ ЗЛОБОЙ, УХОДИТ

События тем временем разворачивались весьма стремительно.

Ефим Звягильский переключал на себя управление всей экономикой. Он не собирал больше совещаний. Но с утра до поздней ночи влезал фактически в каждую экономическую «дырку». А это значит, налаживал деловые постоянные контакты с руководителями министерств и, крупных предприятий, экономической элитой государства. И получалось, что сидящий над ним в своем кабинете Л. Кучма практически не у дел. Политикой заниматься он еще не мог - не умел. Не было ни опыта, ни авторитета. Да и откуда им взяться у обыкновенного секретаря парткома завода, где все делалось по указке обкома да ЦК? Сам по себе - ни оратор, ни мыслитель. Ни даже организатор, поскольку в последнее время руководил полувоенным предприятием, где одна лишь была вольность, что люди по заводу передвигались не строем. К тому же, Л.Кучма, став премьером, не принадлежал ни к одной политической партии. То есть не учился мастерству общения с людьми.

Экономика премьеру тоже как бы в руки не шла. Все утверждал: не хватает власти, дабы управлять. Постоянно плакался, что кто-то мешает ему. То Верховный Совет, то президент. То не такие, как надо бы, дескать, в стране законы.

Странное дело, но Л. Кучме постоянно шли навстречу. Предоставляли право издавать декреты Кабмина, приравненные к Законам. Это тоже не изменило ни его обидчиво-обвинительного тона (на всех и на все) ни экономической ситуации. Скорее, наоборот. Положение в экономике с каждым днем, неделей, месяцем усугублялось. Экономика - вещь конкретная и слезам, разумеется, не верит. Особенно после того, как ее фактически бросили на произвол судьбы.

Ситуация с правительством к осени заострилась очень резко. С президентом Л.Кравчуком у премьера Л.Кучмы отношения к тому времени были больше, нежели

напряженно-официальные. В воздухе все чаще попахивало очистительной грозой. Только молодой и упорный Д.Табачник все корпел и строил планы, не отступая от намеченной цели - сделать из своего патрона бесстрашного обличителя коррупционеров, борца с мафией, расплодившейся в высших эшелонах власти, борца за справедливость.

Мне порой кажется, что Л.Кучма стыдился того образа, какой ему создавал, прежде всего, в прессе, всемерно преданный начальник управления информации Кабмина. Из газетных публикаций Леонид Данилович выглядел бодрым и не унывающим, мыслящим и работоспособным, смелым и прозорливым, знающим свое дело и много работающим над улучшением ситуации. На самом деле все было далеко-далеко не так. По моим данным, это был безвольный и обидчивый человек, очень злопамятный.

Как-то премьера пригласили на аэродром «Чайка», что под Киевом. Казалось: ну хоть бы на самолетном полигоне должен был бы он чувствовать себя уверенно. Ведь занимался ракетостроением. И одно, и другое неразрывно связано с небом, с голубым бескрайним простором. Ну, как бы, родная стихия. Хоть она должна вдохновлять подбадривать. Но именно здесь подвернувшимся тележурналистам он заявляет о том, что решил написать прошение об отставке, и мол, в этих условиях изменить ситуацию к лучшему нельзя. За этим как всегда, у него прозвучал намек на неких закулисных виновников и интриганов, на тайных обидчиков и скрытых врагов. Дескать, догадывайтесь, кто мне мешает.

Не скрою, уход Л.Кучмы с поста премьер-министра меня несказанно обрадовал. И на это была всего одна причина. По его указке главы Кабинета Министров, Д.Табачнику лично вменялось в обязанность готовить списки тех независимых изданий, каким нужно он оказывать содействие в продаже газетной бумаги из государственного резерва. Выходило, что после случая со мной и Ефимом Звягильским команда Л. Кучмы прибрала к рукам процесс «отоваривания» редакций газетной бумагой, сделала его рычагом давления на прессу. Кроме того, той же службой информации Кабмина составлялись списки на оказание государственной поддержки независимым средствам массовой информации из госбюджета. А это уже был прямой способ давления на издания, аж до удушения его. Ведь господдержка - это фактически цена подписки на средство массовой информации. Если издание включено в перечень газет, пользующихся дотацией государства, цена на его распространение через почту будет значительно ниже, чем у газеты, обделенной вниманием державы.

Как и нужно было понимать - ни в первом, ни во втором документе «Правда Украины» не значилась. Это было в корне несправедливо, но факт. И свидетельствовало о начале расправы за инакомыслие. Тихим, но по-иезуитски верным способом потопления неугодного издания. Спасти от этого «Правду Украины», разумеется, мог только отставка правительства.

Бог, видать, услышал наши молитвы. Л. Кучма, а вслед за ним вся команда Д.Табачника - В.Пустовойтенко покинула шестой и седьмой этажи Кабмина. В один из дней этой эвакуации мне позвонили из УТ-1. Ведущий прямого эфира Юрий Шкарлат предложил высказаться перед телекамерой о состоянии прессы. Я

согласился. Врать не было смысла, а правду до сознания людей донести нужно было. Ведь я видел и знал, что в представлении многих и многих граждан страны сложилось ошибочное, я бы даже сказал, глупое, ничем не подтвержденное представление о том, что Л.Кучма якобы был несправедливо отстранен от власти за свои смелые выступления против зарождающейся коррупции в высших эшелонах власти. Что ему некие мифические враги из администрации президента и Верховного Совета не дали возможности довести начатое до конца.

Вечреом, за полчаса до прямого эфира, я вошел в студию и встретил уже находящихся там Владимира Кулебу из «Независимости» и главного редактора парламентского «Голоса Украины» Сергея Правденко. Первое, что я с замиранием сердца подумал, - о чем будет говорить Владимир Юрьевич? Ведь он был фактически на услужении у бригады Л. Кучмы. Неужели, хаять? Так быстро?

В. Кулеба и С. Правденко вместе с ведущим программы около гримерной вели разговор о будущем премьере. Доминировал зычный, чуть не левитановский голос Сергея Макаровича. Под него подстраивался своей поставленной дикцией Юрий Шкарлат. Но В. Кулеба брал ерничеством. Он как раз говорил о том, что Леониду Макаровичу нужно брать в свои руки бразды правления правительством, тогда, дескать, он быстрее рухнет как президент. Володя откровенно ненавидел Леонида Кравчука, и редактируемая им газета изо всех сил топтала Леонида Макаровича.

- А нужно ли это? - высказывал опасливое сомнение Ю. Шкарлат.

- Нужно. Несомненно, - горячился В. Кулеба.

- Порядка, хлопцы, в экономике не будет до тех пор, - заметил С. Правденко, - пока премьером не станет Павел Лазаренко... Он - молодой, думающий, перспективный. И к прессе относится с пониманием. Я его хорошо знаю.

Все замолчали. Видимо, про себя рассуждали, кто он такой, Павел Лазаренко. Имя, несомненно, слышали. Знали, думаю, что был он в то время представителем президента в Днепропетровской области. Ибо часто в последнее время светился и в прессе, и по телевиденью. А Сергей же из Днепра. Там работал, там избирался народным депутатом. Видать, знал, о чем говорил. Впрочем, никто не возразил. Нечем было. К тому же разговор тут же прервали, поскольку нужно было идти в студию. Через несколько минут начинался прямой эфир.

Не скрою, я волновался. Но и раздражала меня обида за подлый поступок Л.Кучмы, Д. Табачника, которые в самое трудное время перекрыли кислород нашему изданию, пытались утопить его только за то, что я отказался публиковать их ереси по поводу некоего «героизма» премьера. На самом деле, все это было большой публичной показухой, красивой миной при плохой игре.

Обида, получилось, была моей своеобразной домашней заготовкой, поэтому и выступление прозвучало уверенно и эмоционально. Странно, что эта тема стала палочкой-выручалочкой и для моего коллеги с «Независимости». Он умело сосредоточился на моральном аспекте проблемы, уходя от персоналий, время от времени употребляя всего лишь понятие - «власть». Дескать, как могут, ставят

подножки независимой прессе. Пора, мол, создавать фонд свободных средств массовой информации, дабы защищаться от произвола власть предержащих. Эту идею поддержал и развил Сергей Правденко.

На следующее утро, поехав по делам в Кабмин, на шестом этаже я вдруг встретил Д.Табачника. Он разговаривал с кем-то, но, завидев меня, широко и белозубо улыбаясь, покинув знакомого, пошел мне навстречу.

- Сан Саныч, - сказал он, еще издали протягивая руку, - из Госкомрезерва вам выделили девяносто тонн бумаги. Я сейчас забираю распоряжение Кабмина и можно перечислять деньги...

Он говорил об этом таким тоном, словно бы никогда не было всех душераздирающих перипетий с оскорбительным топтанием газеты премьером, отказа в продаже злополучной бумаги, запретом на ее реализацию исключительно только «Правде Украины», вычеркиванием издания из списка, по которому надлежало согласно Закону Украины о печати представить нам помощь из госбюджета. Или, возможно, он просто не знал о том, что их план задушить непокорное издание, мне был хорошо известен. Во всяком случае, он стоял передо мной со взглядом чистых, открытых глаз. Казалось, даже радовался тому, что принес мне неплохую весть. И никто бы не сказал, что еще неделю назад он исполнял роль закулисного палача, который мастерски закинул удавку на шею издания.

Уходя в отставку, Л. Кучма своим распоряжением назначил Д. Табачника первым заместителем председателя Госкомпрессы. С дальним, разумеется, прицелом. И прежде всего, с расчетом на предстоящие выборы. Чтобы пресса, так сказать, была под рукой.

ФИМА-ШАХТЕР? И ЭТО НЕ СМЕШНО

Немного позже, когда Е. Звягильский уже исполнял обязанности премьер-министра, я как-то с его командой полетел в Туркменистан на переговоры по поставкам газа в Украину. Мне было интересно посмотреть, как идут торги на межгосударственном уровне, рассказать об этом читателям газеты.

Домой возвращались поздно вечером. Самолет сделал разбег по земле и плавно поднялся в воздух. Я развернул ворох купленных в Ашгабаде изданий и с удовольствием принялся изучать то, как местные издания, явно соревнуясь между собой, воссоздают хвалу непревзойденному и мудрому Туркменбаши. В кармане лежало несколько манатов, ассигнаций туркменских национальных денег с изображением мудрого кормчего. На память.

Минут через сорок после взлета меня тронул за плечо Жора Косых, новый, после ухода из Кабмина Л.Кучмы и Д.Табачника, руководитель перс-службы правительства. Коротко стриженный, худощавый, если не сказать даже худой человек

ниже среднего роста, Жора, слишком усердно занимался голоданием по системе Поля С.Брега. Рядом с грузным Ефимом Леонидовичем он вообще казался тростинкой.

Самолет премьера от трапа был разделен на две части. Пресса, охрана, сопровождающие лица, второстепенные министры, руководители главков у входа с трапа поворачивали вправо. Там располагали небольшое купе с прикладными столиками и широкими, удобными креслами. Своеобразный класс-люкс. Здесь, как правило, располагались высокие должностные чины. В хвостовом отсеке – на тесных креслах восседали представители прессы, охрана, различные советники, сотрудники министерств и ведомств, переводчики, представители авиакомпании, техники.

А вот при входе с трапа влево размещались апартаменты премьера. Туда и вел меня Жора Косых, прихватив по дороге и Михаила Сороку, главного редактора «Урядового кур'ера», второго, кроме меня, журналиста, находящегося на борту лайнера. Втроем мы и вошли к исполняющему обязанности премьер-министра. Непомерно широкий, он сидел спиной к нам в огромном кресле перед большим столом. Напротив в меньших креслах примостились министр промышленности Анатолий Голубченко и председатель «Украгротехсервиса» Владимир Бортник. Они сосредоточенно играли в подкидного дурака и, казалось не обращали на нас никакого внимания.

- Налей же хлопцам-журналистам коньяка, - распорядился Е. Звягильский присутствующей здесь же симпатичной бортпроводнице.

Миша Сорока примостился в одно пустующее кресло у противоположного борта самолета. Жора поспешил со своей хрупкой фигуркой усесться прямо на подлокотнике его кресла. Девушка вручила им по рюмке крепкого напитка и ломтику лимона на миниатюрных вилочках. Поднесла спиртное с символической закуской и мне. Я стоял посреди поднебесного кабинета премьера с хрусталем в руке, меня чуть-чуть шатало от самолетной болтанки.

- А ты что, так и будешь стоять? - то ли спросил, то ли удивился Ефим Леонидович. Но присесть-то ведь не было на что. И.о. посмотрел в сторону игроков в карты, как бы мысленно предлагая им уступить мне одно кресло, но сказать что-либо так и не решился. Те, то ли не слышали разговора, то ли не заметили его взгляда или сделали вид, что очень заняты, играя и играя в карты. - Знаешь, - сказал он, - а ты садись-ка ко мне вот сюда, - и указал на широкий подлокотник своего огромного кресла. - Будешь сидеть, как он, - указал на Жору Косых, буквально повисшего на Михаиле Сороке.

Я наотрез отказался. Мы выпили несколько рюмок кряду - они все сидя в креслах, я стоя. Тут-то я заметил, что наш хозяин под небольшим хмельком. И это было не удивительным. От сопровождающих лиц я знал, что по окончании переговоров Туркменбаши расщедрился на ужин в честь Ефима Звягильского. Вылет самолета постоянно задерживался из-за опоздания руководителей делегации. Потом, по правилам воздушных перевозок, как только лайнер поднялся в небеса, пассажиров потчевали вкусным обедом со спиртным. Выходит, наше «чаркование»

было, как минимум, уже третьим заходом для Ефима Леонидовича в этот вечер. Думаю, он этим никогда не увлекался, поэтому я не очень удивился, что после третьей или четвертой рюмки, выпитой вместе с нами, он вдруг сказал:

- А ну-ка, сейчас же садись вот сюда, ко мне на кресло, иначе не услышишь, как один еврей стал лучшим шахтером Украины...

Пропустить такое я, разумеется, никак не мог. Поэтому уместился чуть было не на шею и.о. премьер-министра Украины и стал все внимательно слушать.

Говорил Е. Звягильский с неким еле уловимым еврейским акцентом, чуть-чуть спотыкаясь на звуке «р», выговаривая его с некоторым рокотанием в гортани. Этот маленький дефект речи я хорошо различал, ибо вырос я на Винниччине. В центре нашего села ютилось слепленное с мазанок целое еврейское местечко - центр всей цивилизации, и главное пристанище культуре, веселья нашего поселения. Здесь так же говорили, слегка спотыкаясь на букве «р», как это делает Ефим Звягильский, многие. Идя в школу, я каждый день, как минимум, дважды слышал, как Мойше таким же дивным распевом в голосе кричал из одного местечка в другой:

- Абрам! Слушай, Абрам! (У него получалось почти - Абг-гам). Что это за кабан приезжал к тебе из Шаргорода?

- Ах, Мойше, что вы говорите, какой там кабан - это был всего лишь фининспектор.

А старая Сара, жена маленького горбатенького портного Нухима, что однажды шил мне школьный костюм, завидев меня, кричала вслед, так же гортанно спотыкаясь на букве «р»:

- Шурик, Шурик! Передай своей маме Лукерье привет от Сар-р-ры. Скажи, что синька есть и иголки есть. Пусть несет жирную курицу... Завтра же... Слышал? Передай.

Ефим Леонидович, достав пухлыми ручками с короткими пальцами очередную сигарету, жадно затянулся дымом.

- Вот не верили мне, понимаешь, - обращаясь ко мне, заговорил он, - что я еврей, могу стать шахтером. А я вот, решил, что всем докажу. И поступил в горный техникум. Заканчиваю, все говорят: он в шахту не спустится. Какой еврей пойдет в шахту! Такого дурного еврея не найдешь. А я опять себе самому сказал: докажи, разве все сомнения. А почему еврей не может пойти в лаву? Он что хуже или лучше мужика? И пошел в лаву. И работал так, что, казалось, скоро весь превращусь в пот, истеку потом. Вот тогда и поверили, как увидели, что я нигде и ни разу не вольнил, не спрятался за чужую спину. Все заговорили: Ефим - это свой. Вот он - настоящий мужик. Он наш, он настоящий шахтер. У него только корни еврейские, а нутро, ствол, и крона - подлинного горняка. Стали выдвигать. А я еще лучше работаю. Стараюсь, как могу.

- И сегодня тоже, - по-лакейски услужливо, перекрикивая шум двигателя, бросает от противоположного кресла Жора Косых.

Звягильский смотрит на него испытывающе поверх очков, но ничего не отвечает. Я не могу понять по его застывшему, крупному морщинистому лицу, нравится ему эта лесть или нет. Но, судя по тому, как съежился под взглядом Жора, видимо, нет.

- Вот жена мне говорит: Ефим, сколько тебе этих портфелей надо? Ты - директор шахты. Ты - мэр миллионного города Донецка. А теперь еще и в придачу - исполняющий обязанности премьер-министра страны. Ты что, в Совете Европы еще должность заработать хочешь? Нет, отвечаю. Меня туда не возьмут. А знаете почему? Потому, что там евреи уже есть. Два еврея для Совета Европы много...

- Не потому ли ушел из правительства Юлий Иоффе? - вдруг спросил Михаил Сорока.

- Разумеется, - то ли шутя, то ли всерьез ответил Ефим Звягильский.

Я тоже верил этому и не верил. Ибо мне много раз приходилось встречаться с людьми этой колоритной национальности. Трудиться вместе, дружить, наблюдать их жизнь, взаимоотношения с людьми. Проверять в дружбе, верности, преданности. Особенно ярко запомнилось мне двое из них. Некоторое время с обеими пришлось потрудиться, что называется, плечо в плечо.

КОФТОЧКА ДЛЯ ГЕНИ

Начну, пожалуй, тоже с Ефима. Ефима Давидовича Копыта. Многие-многие годы его имя не сходило со страниц периодических изданий. Он работал корреспондентом фотохроники ТАСС-РАТАУ. Перед этим с фотолейкой прошел по всем фронтам войны. Накопил массу интереснейших фотоматериалов. Уникальных по своей исторической ценности. Выйдя на пенсию, Ефим Копыт обосновался в фотокорах областной газеты «Вінницька правда», крупного и уважаемого тогда издания в центре Подолья, в котором, собственно, и прошла моя журналистская молодость.

С виду он был низеньким тщедушным человечком, всегда перепоясанный ремнями от всевозможных фотокамер, с лицом увлеченного своим небольшим бизнесом еврея. Порой создавалось впечатление, что он и спит так, - на боку камера, под головой камера. Но что поделать, это был его хлеб. И добывал он его, надо отдать должное старому фотокору, весьма умело. Ни одно событие не проходило в области без Ефима Копыта. Я всегда почитал за честь съездить в командировку вместе с уважаемым фотомастером, написать репортаж к отображаемому событию. А он, и это тоже была черта его характера, все внимательно перечитает, сверит, не приведи бог, чтобы случилась какая-либо неточность.

А в редакции над ним постоянно и везде подтрунивали, порой и обижали. Веселые приколы, розыгрыши не редко сами по себе превращались в едкие, а иногда и просто жестокие истории. Эта некая игра у больших и солидных мужиков велась годами, если не десятилетиями. Каждый ждал их, новых приключений, дабы послушать, посмеяться. Разумеется, над кем-то другим, но иногда попадался и сам. Чего греха таить, чаще других героем всевозможных злоключений бывал добродушный Ефим Копыт

Вот, положим, однажды Ефим Давидович возвращался из отпуска. Доехал он из Гагры до Киева, осталось еще покорпеть несколько часов в электричке и был бы дома. А он не выдержал, страшно соскучился по работе и с киевского вокзала по междугородке звонит в редакцию. Трубку берет Боря Штейтман, чернявый, с огромной копной черных волос, ответственный секретарь редакции. Балагур и весельчак, что называется, свой в доску Непревзойденный мастер всевозможных розыгрышей и приколов.

- Ах, Ефим Данилович, здравствуйте, ну как вы отдохнули!? Набрались сил? – не в меру говорливый, он не давал собеседнику и слова вставить. - Приезжайте, Ефим Давидович, я много вам гонорара разметил. Геня будет очень рада. Да, а что вы купили в подарок Гене? И когда наконец-то выезжаете в Винницу?

Тут он делает паузу, передохнул и дал вставить слово Копыту.

- Да что я купил, Боря, - несколько медленно и нараспев отвечал из Киева Ефим Давыдович. - Кофточку купил Гене, розовую... А электричка отправляется через семь минут... Вот уже бегу...

- Приезжайте, Ефим Давидович, - заторопился Борис Штейнман. - Приезжайте, мы вас очень ждем... Не опоздайте на электричку...

И положил трубку

Как объяснял сам Боря, в переводе с еврейского или даже с немецкого фамилия - Штейнман, обозначала - каменный человек. Поэтому и журналистский псевдоним в украинской транскрипции у него был Борис Камяной. Быстрый, оперативный, он много писал, часто печатался в «Комсомольской правде», чем особенно гордился.

Боря и впрямь мог быть таким - твердым, каменным. Делая или говоря. скажем, что-то очень веселое, смешное, оставался невозмутимым, без тени улыбки на лице. А помимо всего прочего, при своей крупноватой фигуре в точности и мастерски копировал всевозможные женские голоса. Опускаясь или поднимаясь в звуковой терции до неповторимого дамского фальцета.

Так вот, поговорив с Е.Копытом, он тут же берет телефон и набирает домашний номер Ефима Давидовича. Трубку поднимает, разумеется, жена фотокора, старая Геня.

- Алле, алле! - умышленно громко женским голосом кричит Штейнман - Это квартира Копыта? Это - домработница Ефима Давидовича?

- Какая еще домработница? - изумляются на другом конце провода. - Это говорит жена...

- Как жена? Он же сказал, что жены у него нет?

- Кто это такой звонит? - начинает возмущаться и выходить из себя старая Геня. - Алле! Я спрашиваю, кто это звонит!?

- Это Надя из Гайсина, - лопочет воркующим милым дамским говорком Боря Штейнман. - У меня к вам большая просьба. Как появится Ефим Давидович, передайте ему, пожалуйста, вот что. Мы с ним, знаете, вместе отдыхали в Гаграх. Так вот в его номере я забыла свою, - тут он делает некоторую сакраментальную паузу, дабы собеседница хорошо расслышала, что он скажет сейчас, и не переспрашивала, - ... забыла в его номере свою розовую, да, да - розовую кофточку. Пусть он, пожалуйста, ее привезет мне в гостиницу «Винница». Передайте: я остановилась в 312 номере...

И опять бросил трубку.

Копыт радостный входит в дом, раскрывает чемодан, достает подарок, идет к супруге на кухню.

- Здравствуй, дорогая Геня, я по тебе очень соскучился. Смотри какую я красивую кофточку тебе привез....

Геня вырывает у него из рук подарок и что есть силы бьет ею старого мужа по мордам, по мордам.

- Я тебе дам кофточку!.. Я тебе дам кофточку, подлый изменник! Отнеси ее в 312 номер гостиницы «Винница», там ждет тебя Надя Гайсина...

Нередко и сам Боря Штейнман из-за своей прирожденной любви ко всякого рода приколам попадал в такие хитросплетения обстоятельств, им же построенных для других, что это становилось достоянием всего города, а то и области. Эти истории передавались из уст в уста, их рассказывали в застольях и компаниях.

ЗА ЧТО БОРИСА ШТЕЙНМАНА ВЫГНАЛИ ИЗ ДОМА

Однажды в Винницу из Киева приехал известный писатель и юморист Олег Черногуз, автор нашумевших в свое время романов-фейлетонов «Претендент на папаху», «Аристократ из Вапнярки». Свою сатирическую карьеру Олег начинал фельетонистом «Вінницької правди», поэтому, когда бывал в областном центре, никогда не проходил мимо своей бывшей альма-матер.

«Вот и в этот раз, приехав на вокзал электричкой, он добрался в центр и зашел в старое здание редакции, где в свое время, как рассказывали старики, размещался публичный дом, поднялся на второй этаж и секретариат. Это была своеобразная штабная квартира комната газеты, где на стенах висели свежие гранки будущего номера, а столы и окна, всегда, сколько их не убирали, были завалены всевозможными фотографиями. И хозяйствовал всегда здесь неизменный Борис Штейнман.

- Боря, - сказал Олег, - ты не против, чтобы я оставил до вечера у тебя свой дипломат. Он мне уже порядком надоел. Не хочется носить постоянно с собой. Вечером я буду ехать на электричку – заберу.

- Да ты что такое говоришь!?! - изумился доброй души человек, Оставляй, Олег. Буду сторожить...

Только ушел Черногуз, Штейнман выбрал из горы фотоснимков портрет красивой девушки и крупным, под стать женскому, почерку на обороте размашисто написал: «Дорогой Олежек! Так никто никого не любил, как люблю и страдаю по тебе я...» Открыл дипломат, нашел книгу в нем, вложил туда между страниц красивый глянцевый портрет и положил дипломат на место.

Вечером Олег заскочил всего лишь на минуту. Внизу его ждала, кажется, обкомовская машина, чтобы доставить на вокзал. Поблагодарил Борю, сказал, что сожалеет о не распитой бутылке, быстренько схватил в углу секретариата свой дипломат и умчался в столицу.

Друзьям потом Черногуз рассказывал, что когда вернувшись из Винницы, он заходил в ванную комнату, дабы принять душ, жена весело пришивала, что вкусненького приготовить на поздний ужин. А когда вышел после купания, на столе вместо обещанной отбивной лежал глянцевый портрет незнакомки. Жены на кухне не было.

На следующее утро Олег Черногуз звонил в «Вінницьку правду» своему другу фельетонисту Якову Муляру и просил продиктовать ему доманий адрес Штейнмана.

Писатель поехал в одну из редакций и нашел снимок черноброво малыша с кудрявой, как у Штейнмана, смолистой шевелюрой. На обороте снимка он написал: «Дорогой мой, Боря! Ты бы, разумеется, никогда не узнал, что вследствие нашей той последней встречи у нас тобой появился вот такой симпатичный мальчишка. Если бы не обстоятельства. А они очень грустные и печальные. Я, к сожалению, вынуждена тебе этим письмом сообщить, что наш сыночек, наша кровиночка, не по возрасту умный и толковый мальчишка, очень серьезно заболел. Ему требуется весьма серьезное и длительное лечение.

А для этого, как ты, надеюсь, понимаешь, нужно много денег. Поэтому я тебя очень прошу, если тебе дороги наши отношения, если дорог твой сын, походи на все - займи у кого-то, продай что-нибудь дорогое, но привези деньги. Только они могут спасти нашего сыночка - Давидку. Ты знаешь, как меня найти...»

Боря Штейнман жил совсем недалеко от редакции и очень часто бегал домой на обед. Вот и на этот раз он, войдя в подъезд, по привычке открыл почтовый ящик. Оттуда выпало письмо. Штейнман с интересом вскрыл его, увидел фотографию кудрявого мальчугана, внимательно прочел текст. На свой этаж он поднимался без лифта бегом, приговаривая: «Ха-ха-ха! В Олега не вышло, не получилось...»

Борей овладело веселое настроение. Еще бы! Это ведь значило, что фокус Олега Черногуза попросту провалился. Он положил письмо глубоко во внутренний карман пиджака и принялся с аппетитом кушать.

Именно в тот день в редакции было очень много хлопот. Вернувшись с обеда, Боря позабыл о письме, хотя дома еще думал о том, что расскажет всем, как провалилась ответная авантюра Черногуза. К тому же был «день журналиста» - в бухгалтерии, на нижнем этаже бывшего дома терпимости, выдавали зарплату. Боря слыл человеком из того десятка, кто любит компанию, друзей, и всегда с охотой присоединялся к тем, кто, закрывшись после работы в кабинете, послал гонца за бутылочкой винца через рельсы. За трамвайной линией на другой стороне улицы располагался центральный городской гастроном. Там всегда продавали белую или «чернила».

Юля, жена Бориса Штейнмана, умная, красивая женщина, хорошо знала об этом непорочном, но все-таки активном пристрастии мужа, которое потихоньку, но все-таки выметало из семейного бюджета не много, но каждый день по три, пять рублей, если, разумеется, не прибрать к рукам зарплату вовремя и всю сразу. Поэтому в тот вечер, когда Боря слегка навеселе явился домой и даже не ужиная улегся спать, Юля, разобравшись с детьми, накормив их, решила заглянуть во внутренний карман пиджака мужа, дабы забрать полученные деньги. Тут-то ей и объявился забытый Борей злополучный конверт с очень интересной фотографией мальчугана.

Борис очнулся оттого, что его будят. Сперва, он ничего не мог взять в толк, сообразить. Ярко, во всю мощь горел свет. Посредине комнаты стояло два пузатых чемодана, напротив его кровати сидели двое зарезанных детей, а над всем этим, воинственно подбоченившись стояла Юля.

- Дети, - сказала жена, когда Боря наконец-то спустил с кровати волосатые ноги, - я должна вам сообщить печальную весть. У нашего папочки, оказывается, есть еще один сыночек, и тот сыночек, как выяснилось тяжело больной...

- Юля! – не своим голосом завопил вдруг моментально протрезвевший Боря, - что ты такое говоришь? Какой там сыночек!?!.. Это же розыгрышь...

Но Юля не слушала. Она продолжала:

- Будет, наверное, правильно, если наш папа уйдет жить к своесыночку, чтобы его лечить. Вот его чемоданы, в них все его добро. И, пожалуйста, не задерживай нас. Детям утром в школу идти. А ты езжай в больницу...

- Юля, опомнись! - сделал еще одну попытку урегулировать ситуацию Боря. Но тщетно. Юля нехорошо сверкнула глазами и крикнула так, что аж мороз пошел по спине:

- Выметайся вон, подлый изменник...

Ну, точно, как в свое время бабушка Геня. Когда от имени Нади из Гвйсина придурашливо ей звонил Борис Штейнман.

Боря понял, что никакие уговоры, объяснения сейчас, ночью, когда посреди комнаты стоят уже собранные чемоданы, а на столе лежит конверт и рядом с ним фотография, эта злосчастная фотография с искусно мастером-писателем сочиненным текстом, никакие уговоры не помогут. Нужны вещественные доказательства, свидетели. Боря устало и неспешно потянулся к брюкам. Нужно было, подчиняясь обстоятельства, уйти.

Финал сей истории таков: в два часа ночи с двумя объемистыми чемоданами Боря стоял в центре Винницы, за две сотни метров от редакции, пытаясь поймать такси, чтобы уехать к родителям, провести остаток ночи под их крышей. Во внутреннем кармане пиджака лежали скомканные конверт и фотография кудрявого мальчугана. Он их не мог выбросить. С этим еще предстояло разобраться.

КАК ЕФИМ КОПЫТ «РАБОТАЛ» НА ИВАНА СТАДНЮКА

Хохот потрясал редакцию не один месяц после этих событий, пока Павел Сукивский, один из сподвижников Б. Штейнмана по приколам, не учудил с Ефимом Копытом такое, что с этим чуть не разбиралось бюро обкома партии.

Паша был одинокий, по-своему несчастный человек. Пристрастие к спиртному давно отлучило его от семьи. Многие годы он жил бобылем. Работал в редакции. Вечера коротал с теми, кто подвернется за кружкой пива, стаканом самогона, когда после полуночи возвращался в свою убогую обитель, его, видать, пугало одиночество. Уснуть, ни с кем не поговорив, он не мог. Поэтому садился к телефону и в два, три часа ночи звонил к тому, чей номер ему высвечивала воспаленная алкоголем память. Полуночный свой разговор он всегда начинал одними и теми же словами, вскоре ставшими крылатыми во всей Виннице:

- Я полагаю, что дружба понятие круглосуточное...

Если на том конце провода его посылали куда-то подальше, он опять набирал этот же номер и повторял - «.. дружба - понятие круглосуточное. То есть, не только дневное»...

Чаще других Павел звонил Ефиму Давидовичу. Но, понятно, никак не для того, чтобы просто побеседовать, отвести душу, а дабы подтрунить над добродушным стариком. Порой - просто похулиганить.

Однажды в полночь он набрал домашний номер Копыта и прикрыв телефонную трубку марлей, закричал:

- Доброе утро, Ефим Давидович!

- Какое еще утро, когда только двенадцать часов ночи? - с нескрываемым раздражением взмолился Копыт. - Кто это балуется?

- Ефим Давидович, вы слышите меня? Я звоню вам из Владивостока. У нас уже утро. Солнышко светит. Я вышел с внуком погулять. Вот решил вам позвонить...

- Кто это такой? - никак не мог сообразить поднятый с кровати старый фотокор Копыт.

- Ефим Давидович! Помните, в журнале «Огонек» вы опубликовали снимок трех друзей танкистов, сделанный возле подбитого им немецкого самоходного орудия? Вы тогда написали, что фамилии двух танкистов сохранились, вы их назвали, а третьего - потерялась. Так это я, тот третий, который лежит возле гусеницы.

- Да вы что! - вскрикнул несколько обескураженный такой неожиданной находкой фронтовик. - Неужели? Какая радость! Постой те, постойте, - вдруг спохватился он, - а как вы меня нашли, откуда вы меня знаете?..

- Ефим Давидович, вы такой известный человек, которого знает вся страна, - сказали на том конце провода, стало быть, во Владивостоке, и связь неожиданно прервалась.

Утром веселый, в приподнятом настроении Е.Копыт обходил редакционные кабинеты, радостно оповещая всех о том, что нашелся третий танкист из его фотоснимка, опубликованного в «Огоньке». Тот лежит возле немецкой гусеницы. Все поздравляли ветерана, несмотря на то, что перед ним заходил П. Сукивский, объявляя, что это был его звонок из Владивостока.

Как-то в редакции появилось объявление о том, что в 17 часов все сотрудники «Вінницької правди» должны прибыть в дом политпросвещения на встречу актива областного центра с членами бюро обкома партии.

Это была та пора в обществе, когда снова в прессе, на телевидение замелькало имя Сталина. Известный писатель, выходец из-под Винницы, из села Стадниці, Иван Стаднюк как раз издал свой роман-дилогию «Война». Первый секретарь обкома партии, всегда чопорный и помпезный Василий Николаевич Таратута лично пригласил в гости писателя-земляка, слава которого на этом этапе развития социализма необычайно возросла. И теперь с участием всех членов бюро обкома проводил встречу общественности с автором романа, который высоко превозносился правящей верхушкой страны.

Пошел на эту встречу и Ефим Копыт. Он бегал по залу, снимал все происходящее. А в некоторые минуты, так сказать, творческого умиротворения,

тихонько садился в первый ряд и слушал. Как раз рядом сидели Б. Штейнман, П.Сукивский, Я.Муляр, Ю.Бондаренко, М. Каменюк, А Терещук - хлопцы сорвиголова, прекрасные журналисты и мастера на всякие приколы.

Когда на трибуну поднялся Иван Стаднюк и, рассказывая об истории создания книг, о писательском труде, вспоминал, на каких ему фронтах пришлось побывать, в каких участвовать операциях, эмоциональный и несдержанный Е.Копыт буквально подпрыгивал на своем . и Он толкал под бок то одного, то другого соседа, при этом непомерно, что, казалось, было слышно на весь зал, пронзительно шипел: «И я там был, и я там снимал...»

Паши Сукивский, питая особые чувства к Ефиму Давидовичу, несколько раз старался приструнить его, так громко повысив голос, что даже Таратута, нервно закрутив головой, пробасил: «Товарищ Копыт, видите себя скромнее».

Вечером, когда Ефим Давидович вместе с Геней уже отужинали, и он поведал жене все дневные новости, в их квартире зазвонил телефон.

- Ефим Давидович, - послышалось в трубке, - вы узнали меня?

- Простите, нет, - ответил Копыт. - С кем имею честь?

- Это Стаднюк, - бодро ответила трубка.

- Ах, извините, что я вас не узнал...

- Ничего, ничего. Это вы мне простите. Я видел, что вы были сегодня в зале. Я все время думал о том, что мне нужно подойти к вам, поздороваться, как фронтовик с фронтовиком, как мастер с мастером. Но вы же, надеюсь, понимаете, Василий Николаевич, кой серьезный у вас секретарь. Такой официальный. Никаких отступлений от протокола. Ни одной мне не позволено неофициальной встречи. Все под его личным контролем. В его присутствии. Он буквально не отходит от меня. А мне так хотелось бы поговорить с вами, обменяться мнениями. Я ведь точно знаю, что вы воевали на тех же фронтах, что и я. Мы вместе участвовали во многих операциях.

- Да, да, - словно околдованный, вторил вслед говорящему Е. Копыт.

- Знаете, Ефим Давидович, у меня к вам сегодня огромная просьба. В одном из крупных московских издательств готова к печати моя книга фронтовых воспоминаний. Дело за малым - иллюстрацией. А я ведь-то знаю, что лучшего военного фотоархива, чем у вас, во всем Советском Союзе не сыскать. Вот поэтому и звоню.

- Вы хотите, что бы я ее иллюстрировал? - спросил изумленный и, несомненно, гордый этим предложением Е.Копыт.

- Да, да, несомненно. И только вы.. .Это мой однозначный вывод.

- А на когда нужны снимки?

- Вот в том-то и состоит весь сыр-бор, что снимки нужны срочно. Необходимо, чтобы не далее, чем уже завтра утром, я их увез с собой в Москву...

На другом конце провода воцарилась тишина. Несколько раз раздраженно шлепнули губы.

- У меня же десятки тысяч снимков. Это колоссальная работа - отобрать самое интересное... Возможно ли это?

- Я вот потому и звоню, прошу вас. Не посчитайтесь со временем. Это ведь нужно для нашей общей книги.

- А какие делать размеры?

- Да так... чтобы было побольше - 19 на 24.

- А как мне их вам передать?

- О, об этом не беспокойтесь. Утром придете на работу, к девяти часам передайте их заместителю редактора вашей газеты Ивану Ивановичу Рябоконию. Ему с обкома позвонят и заберут. Удачи вам, Ефим Давидович...

Трубка пропела короткие гудки.

Бедный Ефим Давидович корпел, не прикорнув и на минутку, всю ночь. Утром, без пятнадцати девять он уже, как звоночек, просунул голову в дверь заместителю редактора «Вінницької правди» Ивану Рябоконию.

- Иван Иванович, вам по поводу моих снимков с обкома не звонили? – спросил.

- Каких еще снимков? - удивился Рябоконию.

- Да для нашей со Стаднюком книги...

- Нет, не слышал, не звонили. Но если сказали, что позвонят – ждите.

Проходит пару минут, нетерпеливый Копыт снова протискивает голову в щель:

- Еще не звонили?

- Нет, - отвечает Иван Иванович, - еще не звонили.

Когда дверь приоткрылась кряду раз семнадцатый или восемнадцатый, Рябоконию, маленький и худенький, весь такой интеллигентный, вдруг побагровел и гаркнул:

- Ефим Данилович, не пошли бы вы отсюда подальше? Вас Сукивский наколол с какими-то там снимками для Стаднюка, а вы мне тут голову уже битый

час морочите, работать не даете...

Копыт остолбенел от неожиданности. Стал хватать ртом воздух, как окунь выброшенный на берег, а потом, развернувшись, что есть духу, с пакетом крупных фотоснимков под мышкой пулей полетел на третий этаж редакции, в самый угол старого скрипучего помещения, где в партотделе стоял рабочий стол его обидчика. Он резко, со всех сил открыл дверь кабинета, где восседал П.Сукивский, и одной ногой ступивши на порог, закричал так, что аж зазвенели стекла в старых оконных рамах.

- Сукивский! Ты не Сукивский, ты - сука. Паршивая сука!

Павел поднялся из-за стола, красный с перепоя, но как ни в чем не бывало, удивленный.

- Ефим Давидович, - негромко сказал он, - вы меня обижаете. Я на вас пожалуюсь в партбюро. Я на вас пожалуюсь в профком. Какая я вам сука?

- Дрянная, паршивая, - закричал Е.Копыт и кинулся прочь.

ЗА ЧТО ИВАН ПЛЮЩ НЕВЗЛЮБИЛ ЛЕОНИДА КУЧМУ

Весна 94-го была необычной. В марте прошли парламентские выборы. Все общество стало на дыбы. Но не успела улечься эта волна, как поднялась вторая - разворачивалась внеочередная президентская гонка.

Два козла сошлись на горной тропинке, не могли разминуться - первый президент и первый спикер парламента. Началась драка. Думали, кому-то одному придется упасть в пропасть. Увы, получит несколько по-иному.

В один из весенних дней, когда уже хотелось приоткрыть после зимы окно, сверху над заглавием «Правды Украины», в шпигеле, мы называли это место по-профессиональному, вышла небольшая заметка, озаглавленная «У кого в руках власть, у того и ключи от рая». Это была моя небольшая, строчек на 70, попытка сделать публичный срез общества. Иными словами, картинка состояния воли и духа людей, которых измотала жизнь, и очень краткое предположение того, как будут развиваться события дальше.

В день выхода этого номера газеты я почему-то приехал на работу очень рано, часам к восьми. Только начал рассматривать свежие издания, как обозвалась «сотка». Поднимаю трубку - здороваются Иван Степанович Плющ.

- Как вы, - говорит, - так метко все написали. Кратко, но обо всем. Но больше всего мне понравилось это название - у кого в руках власть, у того и ключи от рая. Я, - продолжает Плющ, - сегодня иду на съезд кооператоров, если вы не против, хочу использовать в своем выступлении ваше выражение. Разовью дальше вашу

мысль... Вы не против?

- Почему же? - отвечаю. - Пожалуйста.

Тогда Иван Степанович и говорит:

- А вы, если есть такая возможность, могли бы заглянуть ко мне? Хочется просто побеседовать. Может быть, даже высказаться, да так чтобы тебя поняли. Как, например, завтра в это же время, подойдет? Сможете подъехать?

А почему бы и нет. Спикер парламента - интересный собеседник

На следующее утро я здоровался с Плющем в его кабинете. Иван Степанович был учтив и любезен, необычайно откровенен.

Говорили сперва о прошедших парламентских выборах, перешли на разворачивающуюся президентскую гонку. Было явно видно, что мой собеседник весьма отрицательно настроен против того, что у руля старны находится Леонид Кравчук. Здесь он видел столько изъянов.

- Но хуже было бы, если бы на выборах победил днепропетровский ракетный генерал Кучма, - откровенно и прямо заявил мне Иван Степанович. - Мало но кто знает, насколько он двуличный человек. Приллюстрирую это но на примере парламентских выборов. Леонид Данилович возглавляет, как известно, союз промышленников и предпринимателей. Хорошо знает, что на Черниговщине в избирательном округе, соседним с тем, где зарегистрирован кандидатом сам Кучма, баллотируюсь я. Так вот, сюда же, где кандидатом в народные депутаты зарегистрирован я, присылает и своего предпринимателя.

- Ну ладно, выдвинули, - как-то очень проницательно говорит Иван Степанович, агитируйте за него. Ваше право. Так ведь нет же, оказывается этого мало. Хорошо понимают, что главный претендент на мандат здесь - я. Стало быть, и первейший соперник в ихнего выдвигенца тоже. И даже то, что он не пройдет, знали тоже. Но ведь надо же подпортить мне. И сам Кучма пишет обращение от имени союза к нашим избирателям, дескать, ни в коем случае не голосуйте за Ивана Плюща, он, мягко говоря, подлец. Вот она, эта листовка. Смотрите. Вот факсимиле Кучмы - полюбуйтесь.

Мы сидим оба, рассматриваем прокламации. И. Плющ для большей убедительности зачитывает отдельные места пасквиля на него, скрпеленного подписью Леонида Кучмы.

- А теперь, - говорит Иван Степанович, - смотрите, что дальше происходит. У меня умирает мать. Я еду на похорон, и по пути в село получаю телеграмму соболезнования. Опять же за подписью Леонида Кучмы. Тут он уже расшаркивается передо мной, скорбит вместе со мной, как бы сочувствует моей родне, - для большей уверенности Иван Степанович брезгливо взял в руки, положил передо мной телеграмму.

- Вот я и спрашиваю, - продолжает И. Плющ, - где он, этот человек искренний? Там, где обзывает меня публично всякими нехорошими словами или где сочувствует по поводу кончины очень близкого мне человека?

Я не знаю, что здесь можно ответить, потому сижу и сдержано молчу.

Иван Степанович негодует. Он говорит о том, что избери такого человека на самую высокую должность в стране, обязательно получишь взамен общество лгунов и двуличников. Ведь, став главой государства, по его убеждению, такой президент непременно подберет в свою команду, на высокие командные высоты себе подобных. Они расплодят по стране такую серость, такое неумытое двуличие во всех, что потом потребуются десятилетия для их искоренения.

- Кто отскоблит с наших сердец ржавчину, которую они занесут? – задает риторический вопрос Плющ.

Сморщив лоб, Иван Степанович сверлит меня взглядом светлых очей так пронзительно, что, признаюсь, становится как-то не по себе в уютном кресле напротив. Словно бы это я лично виноват в том, что серость рвется к власти.

Не скрою: Иван Степанович в тот момент подкупал меня своей особой откровенностью и широтой мысли, какой-то сердечностью и прямоотой. Я, казалось, даже чувствовал физически, как моя душа переполнялась чувством уважения, некой преданности к идеям этого человека. Даже думалось, вот кто может спасти общество от сползания в нравственную пропасть, кто может отвернуть беду от всех нас.

Через некоторое время, смотря из окна автомобиля на весенний город, я размышлял над тем, кто же может стать главой государства с большей пользой для страны. Александра Мороза я знал еще плохо. Ставить на него - рискованно. Если он недостаточно известен даже мне, что уже говорить о других? Вряд ли люди будут голосовать, думалось, за мало кому известного. Леонид Кучма? Если этот придет к власти и есть он такой, каким его рисует Иван Степанович, каким его знаю в ипостаси главы правительства, - полное безумие. А вот Иван Плющ. Над этим непременно стоит подумать. Леонид Кравчук? Скорее всего - нет, но это тоже информация для того, чтобы широко и просторно раскинуть мозгами. И вот почему.

ЖУРНАЛИСТСКИЕ УРОКИ «СІЛЬСЬКИХ ВІСТЕЙ»

Я неплохо знал Леонида Макаровича. Не то, чтобы по общей работе, или, сажем, по совместной охоте, рыбалке. Были обстоятельства, как говорят покруче. Однажды жизнь нас так свела на тесной тропе, что, мы совместно оказались в одной жесткой связке.

Так получилось, что летом 1981 года я окончил Высшую партийную школу при ЦК Компартии Украины и с первого августа начал работать собственным

корреспондентом газеты «Сільські вісті» По Хмельницкой, Тернопольской и Черновицкой областях. Центром соборовского куста считался Хмельницкий. Вот к первому секретарю тамошнего обкома партии я и прибыл, имея на руках бумагу о том, что направляюсь дерективными органами на работу полномочным представителем газеты Центрального Комитета партии. Самое важное в ней значилось то, что обком незамедлительно должен решить вопрос предоставления собкору квартиры. Как бы даже оперативно, с ходу, что ли...

Первым секретарем обкома в Хмельницком тогда работал Тимофей Лисовой. Высокий, статный, пригож собой. Как мне показалось, несколько мужиковатый простак, который выдвинулся благодаря тому, что в какой-то там год в Кагарлыкском районе Киевщины очень высоким удался урожай. Особенно сахарной свеклы. Тимофей Лисовой же там трудился первым секретарем райкома партии. Вот и прогремел на весь Советский Союз. А коль так, по правилам партийного строительства передовик должен шагать по иерархической лестнице вверх. Вот Тимофей и выдвинули в Хмельницкий. В крупную свеклосеющую область.

Выдвинули и, наверное, правильно сделали. Партийный лидер он был такой себе, а вот хозяйственник неплохой. Да и человек тоже. Так, во всяком случае, мне показалось. Может быть, на это субъективно повлияло то, что в сентябре того же года мой сын пошел в этом городе в первый класс, но Лисовой так умело поставил задачу своим клеркам, что жилье у меня появилось почти мигом. Это была по тем временам приличная трехкомнатная квартира в новом доме. Вот и принялся я обустраивать ее. Как-то вечером, уже ближе к двенадцати, с соседом клеили обои в одной из комнат. Вдруг телефон зазвенел. Протяжно и призывно. Ясно было - междугородка. Вытер я руки, поднял трубку.

Звонил главный редактор из Киева. Чем занимаюсь, спрашивает. Отвечаю, что, к сожалению, не пишу очередную статью - клею обои. Интересуется: на много ли осталось работы. Говорю, что совсем ничего, всего лишь один обойный лист поклеить нужно. Он смеется и говорит на полном серьезе: а ты, мол, дальше и не клей. Завтра утром бери билет на первый самолет (тогда из Хмельницкого в столицу было в день по два авиарейса!) и прилетай в Киев. Я несколько тухнул: не случилось ли чего? Он подбодрил: дескать, ничего плохого в этом распоряжении нет, держи хвост пистолетом.

Оказалось, что в аппарате редакции срочно нужно заменить заведующего главным отделом газеты - по сельхозпроизводству. Со старым, лучшим другом своим и бывшим журналистским учителем Василием Калитой, который до этого занимал этот пост, редактор вдруг напрочь побил горшки. Да так, что об этом и сегодня, через двадцать лет неудобно говорить. Остались они на всю жизнь врагами. Руководитель и по сегодня утверждает, что его бывший учитель В. Калита писал него анонимки.

А со мной тоже канитель. Должность - номенклатура секретариата ЦК. Ведь заведующий сельхозотделом главной сельскохозяйственной газеты партии обязательно должен быть членом редакционной коллегии издания. По правилам высшей партийной жизни члена коллегии утверждает секретариат Центрального Комитета. Мне же в то время исполнилось только тридцать два года. В «Сільських

вістях» потрудился всего одиннадцать месяцев. А что если скажут, дескать еще молодой, да без должного опыта? Сегодня все это выглядит даже, как бы смешно. А вот тогда такие опасения, как мне говорили о, были совсем небезосновательные.

Словом, одну из следующих ночей всю напролет я посвятил страстному изучению Продовольственной программы КПСС. Это был партийный документ, начиненный лозунгами и, так сказать, рубежами. Продовольственная программа - это сотни так называемых контрольных цифр развития АПК: чего, к какому времени, сколько намечалось произвести. Молока, мяса, овощей, фруктов и других нужных народу яств. Рубежи по стране и по республике. И все это нужно было знать на зубок. Ведь среди секретарей ЦК будет на утверждении и Иван Алексеевич Мозговой. Он как раз ведал вопросами развития сельского хозяйства и имел пристрастие задавать каверзные вопросы.

К счастью, ничего подобного не произошло. Иван Алексеевич промолчал. Только очень внимательно посмотрел на меня. И.В. Щербицкий ничем не поинтересовался, только для формы спросил: «Будут ли вопросы к товарищу Горобцу?» Все секретари угрюмо промолчали. «Утвержден», - пробасил член Политбюро ЦК КПСС.

С одной стороны работа в качестве заведующего главным производственным отделом газеты для меня была настоящим урановым рудником. Судите сами. На правах одного из центральных изданий ЦК «Сільські вісті» выходили тогда шесть раз в неделю. В том числе и в воскресенье, кроме, разумеется, понедельника. Фактически первая и вторая полосы газеты крупного формата (А-2) висели на мне. Надлежало отредактировать каждую статью, информацию. Все вычистить, вылизать, сверить до точки, до запятой. Дать новые задания собкорам и пяти сотрудникам отдела. И так каждый день.

Кроме того, еще нужно обязательно выкроить время, съездить самому в командировку, выступить с крупной статьей по какой-то важной теме. И в таком темпе приходилось трудиться неделями, месяца. Годами. Получалась - каторжная работа, фактически не поднимая головы.

Это был как раз период подъема газеты. Когда я пришел в работать, тираж издания не превышал семисот тысяч экземпляров. А когда уходил в 1987-м, если не ошибаюсь, он уже перевалил за два миллиона.

Такая публичность, массовость издания над нами, журналистами, нависла, словно огромное увеличительное стекло. Ибо малейшая ошибка, оплошность, неточность тут же выявлялись. Считается, что каждый номер газеты, доставленный почтой в дом, читает в среднем четыре человека. Скажите: разве можно что-то спрятать от восьми миллионов человеческих глаз? Разумеется, нет.

На всю жизнь запомнилась одна неточность, которая стоила несколько бессонных ночей и массы переживаний. Представьте себе, написал я передовую статью в номер о состоянии экономической работы в колхозах. И послался при этом на то, как это нужно делать, в соответствии с тем, что об этом говорил Михаил Сергеевич Горбачев, который накануне в Белгороде, Российской Федерации,

проводил Всесоюзное совещание по проблемам экономического развития села. Однако на утро в свежем номере газеты читаем, что Всесоюзное совещание проходило не в Белгороде, который находится рядом с украинским Харьковом, а в Белграде. То есть, в столице Югославии.

Весь эфир с утра до вечера заполнен этим Белгородом, прошедшим совещанием. Об этом трубят все каналы радио и телевидения. Газеты в захлеб пишут о мудрости речи Михаила Сергеевича. Только дураку не известно, где все происходило - в Советском Союзе или на Балканал. Но вот в «Сільських вістях» проскакивает явно техническая ошибка... Что тут началось!

Дело в том, что в самом аппарате ЦК, в отделе пропаганды и агитации, которым как раз руководил Леонид Кравчук, специально сидел инструктор, который читал газету. С карандашом и лупой в руках. Такая была у него работа: как бы пробовать на зубок чуть ли не каждую газетную фразу. Взвешивать каждое выражение.

Разумеется, с самого утра позвонили из ЦК. Выразили свое возмущение, уточнили для доклада начальству, кто автор передовой статьи. К обеду в редакцию посыпались телеграммы от сердитых читателей. Дня три не умолкали телефоны. А потом мешками пошли письма. Да пенсионеры не дремали! Складывалось такое впечатление, что у людей не было других проблем, кроме этой. Похоже, многим и многим, хотелось поправить издание, доложить, что ли, о том, какие они все бдительные.

А что вы хотите, пенсию тогда выдавали вовремя. По свалкам никто не шастал. Люди очень внимательно читали газеты. Как бы, сверяя по передовицам партийных газет!

Подобный переполох, помню, в редакции был еще, когда Леониду Брежневу по небрежности и недосмотру редакции на снимке первой полосы газеты перекинули все награды с левого борта пиджака на правый. Генеральный секретарь как раз вручал правительственные награды космонавтам. После приема покорителей вселенной на память сфотографировались. И вот стоит дорогой наш Леонид Ильич, увешанный наградами от плеча чуть ли не до колен. Но звезды эти и значки там всякие висят не на левой стороне груди вождя, как положено, а на правой. Правда, уловить этот подвох дано не каждому, ибо все ведь на снимке соответствует действительности, только как бы нарушены правила ношения наград. Вместо сердечной стороны груди все ордена и медали разместились на правой поле пиджака. Только и ветераны, кто сам носит, влюблен в награды, понимали суть неточности. Они в очередной раз просигналили в ЦК: смотрите, что творят журналисты!

Случилось это по оплошности цинкографа. Он, изготавливая клише (переноса изображение с фотопленки на металлическую пластину) перевернул пленку. В газете получилось зеркальное отображение ситуации. Корректора, дежурный и свежеголовый (такое оригинальное звание носит каждый сотрудник редакции, по очереди на дежурстве вылавливающий ошибки в номере) пропустили этот ляп, поскольку согласно тогдашней технологии выпуска газеты клише клеивалось в

полосу на заключительном этапе верстки издания. Они фактически не видели самих снимков, работая исключительно с текстами газеты. Поэтому, если невнимательный цинкограф заложил ошибку, поймать ее кому-либо на этапе верстки номера было весьма проблематично. Такое можно было обнаружить только в печатном цеху. Однако полиграфисты никогда не вмешивались в содержание издания. Их дело - быстрее оттиражировать номер.

Последствия этого ЧП не поддаются описанию. Вышла газета с этим снимком в субботу. В этот же выходной всех членов редколлегиям разыскали дома, кое-кого нашли на дачах, срочно вызвали в редакцию. Состоялось экстренное заседание редколлегии с участием представителя Центрального Комитета партии. Понятно же, сей факт заклеями позором, постановили - ситуацию обсудить на партийном собрании. Кое-кто даже переживал очень, что за такое могут уволить руководителя газеты с должности. Однако обошлось простым замечанием.

С другой стороны, такая весьма напряженная работа в редакции была непревзойденной школой журналистской закалки, приобретения мастерства. Тем более, что почти пять лет мне пришлось походить под рукой такого большого специалиста своего дела, как Александр Михайлович Матийко. Великолепный журналист и добродушнейший человек.

Это был мужчина высокого, даже могучего роста, солидной внешности, с длинной гривой светлых, седеющих волос на крупной голове, отращенных в стиле «а ля маэстро». На носу Александра Михайловича почти всегда висели очки, за стеклами бегали светлые маленькие глазки. Матийко каждый день был одет в белую рубашку с непременно красным галстуком. В редакции хорошо знали, что больше всего заместитель главного редактора обожал свою маленького роста жену Анечку, с которой частенько ворковал по телефону. За всю долгую жизнь, полагаю, Александр Михайлович ни разу не посмотрел в сторону другой женщины. Ни разу не заматерился. Также страстно он любил и свою работу, где трудился главным чистильщиком. И по части стилистики, и по части политики. Он слыл надежным редакционным штабистом, без которых не бывает хороших газет.

В журналистике это был ас непревзойденного класса. Прежде всего, по знанию, чутью слова. Он вместе со своим братом был составителем одного из словарей украинского языка. Александр Михайлович помнил наизусть чуть ли не весь синонимический ряд каждого слова. Поэтому, работая первым заместителем редактора, А. Матийко был подлинным стражем чистоты слога и грамматики на самых ближних подступах к газетной полосе.

Его работа над текстами статей, корреспонденций походила на подлинное искусство. Потом, редактируя тексты, принимая решения в ранге руководителя издания, ставить тот или иной материал в номер или отдавать на его переделку, я часто спрашивал себя: а как бы поступи в такой ситуации Матийко. У Александра Михайловича и в самом деле было чему поучиться. Это был настоящий мастер своего дела.

Так иногда бывает, что могучий внешне человек имеет тонкую или даже боязную душу. Для Александра Михайловича слово «ЦК» звучало магически. Если

кто-то звонил по телефону и говорил, например, что он инструктор аппарата Центрального Комитета, Матийко тут же поднимался, вытягивался по струнке и продолжал разговор стоя. В первые дни работы, находясь в его кабинете при таких ситуациях, я тоже срывался на ноги. Интересная получалась картина. Оба мы стоим, он как замороженный отвечает: «да, да», «есть», «будет сделано», - а я тоже - вытянулся в струнку, ем глазами начальство. Кладет Александр Михайлович трубку, облегченно вздыхает и садится в кресло. Я тоже опускаюсь на стул.

Об этом верноподданничестве Александра Михайловича в редакции ходили целые легенды. Рассказывают, был такой эпизод. Уезжая по делам, реактор поручил А. Матийко слушать звонки правительственного телефона, «сотки». И непременно отвечать».

Александр Матийко открыл настежь двери кабинета редактора, распахнул две двери своей тесноватой конурки. Строго-настрога приказал секретарше, чтобы никого в приемной не было. Дабы, так сказать, не вертелись в проходе. Ибо, как зазвонит телефон, он будет бежать, может снести к чертям собачьим. В нем же самом килограммов сто двадцать, а то и больше.

Рано ли, поздно ли, но крупный желтый телефон на приставном столике, в кабинете редактора обозвался особой требовательной мелодией. Заслышав ее, огромный А. Матийко обежал вокруг своего стола, минул свою первую дверь, а вот ручка второй (дверь была двойная) каким-то странным образом попала ему в карман пиджака. И тормознула Александра Михайловича. Он на мгновение остановился. Попытался, было, освободиться от неожиданной преграды, но увы, слишком спешил и избавиться от дивных пут не сумел. А телефон тем временем звонит. Огромный Александр Михайлович дернулся могучим телом раз, другой. А потом, что есть силы, так рванул, ибо «сотка» настойчиво трезвонила, что оторвал половину полы пиджака. Бросился бежать дальше, на ходу придерживая оторванную часть фалды. Подлетает он к столику с зеленым сукном, на котором стоит аппарат правительственной связи, а телефон... умолк. Отзвонил свое...

НЕУВЯДАЮЩИЙ АНОНИМЩИК И СТРАШНАЯ ВОЙНА С НИМ

Еще до меня, не знаю, каким образом, но на работу в газету пришел некто Анатолий Басенко. Зрелый мужик, несколько бомжеватого вида, с угрюмым квадратным лицом, которого, похоже, еще с молодости не покидали юношеские угри. За рабочим столом он всегда сидел в одной позе - нога на ногу, повернутый в сторону двери кабинета. Не курил, не пил. Но был несколько рассеян, если не сказать, что забывчив и невнимателен. И, пожалуй, чаще других допускал всевозможные ляпы.

Работал он корреспондентом как раз в отделе редакции, которым заведовал я. Суть его забот сводилась к тому, чтобы редактировать тексты. То есть, из писем

читателей, материалов, присланных и переданных по телефону собственными корреспондентами «Сільських вістей» из областей, где они жили и работали, готовить статьи для и публикации. Это был нелегкий труд. Порой из словесной половины нужно было выудить всего десяток предложений, в которых были бы мысль, новизна и к тому же, чтобы все еще и легко читалось. Поверьте, это совсем непросто. Если учесть, что этими строками нужно было еще удивить каждого из двух миллионов читателей газеты.

Порой, переписывая творения других, пытаюсь при этом улучшить их стиль, он мог, например, «добиться» того, что в его текстах Конотоп «переселялся» в Винницкую область, а Жмеринка - в Сумскую. Хотя, на самом деле все наоборот. Но такие неточности легко ловились на этапе читок заведующего отделом, литературного редактора, заместителя редактора, корректоров, свежеголовых до появления материалов в полосе. Но очень часто А. Басенко приходилось готовить статьи ученых. Скажем, по агротехнике выращивания культур, уходу ними. По борьбе с сорняками и вредителями растений. В каждой статье столько специфических слов и значений, что даже всезнающий А. Матийко многие видел впервые, доверяясь исключительно авторам. Когда, положим, шли названия новых гербицидов, сортов растений. А дозы применения ядохимикатов? Чтобы не допустить неточностей, нужно было очень внимательно сверить печатающийся текст с оригиналом. Ведь очень часто статьи готовили ученые. Вот на этой операции и сидел А.Басенко. Если он допускал оплошность, ее уже не мог поймать никто. Она тиражировалась миллионами экземпляров.

Все дело усложнялось тем, что очень многие имели газету за своеобразного рекомендательного вестника. Например, появилась в издании статья известного ученого по поводу того, как истребить то или иное заболевание растений или животных. В ней указывались конкретные дозы применения лекарств или ядохимикатов. Представьте себе, что получится, если именно здесь будут допущены неточности.

Помимо того, ученые очень ревностно следили за публикациями друг друга. Стоило одному где-то заметить хотя бы маленькую оплошность у другого, сразу летел сигнал в ЦК. А там только и ждали этого. Звонили редактору, приезжай, мол, обсудим, как вы там работаете, как учите селян передовой агротехнике.

После одного из таких вызовов руководитель вернулся и позвал к себе А. Басенко. Сказал написать заявление. Анатолий ответил: «Никогда».

Так в редакции началась война. Такая непримиримая бойня, о которой вскоре узнал весь Советский Союз, в том числе и Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев.

Руководство редакции, повинаясь распоряжению редактора, обложило А. Басенко, словно волка флажками. Дабы попросту «съесть». Когда пришел на работу, не опоздал ли? Когда ушел? Сколько строк подготовил за день? С кем общается? Не использует ли служебный телефон в личных целях? И тому подобное.

Все это выглядело омерзительно и подло. Да еще в творческом коллективе, который как раз был призван защищать интересы людей, публично ограждать граждан от подобной практики выживания неудобных.

В охоте на человека мне тоже нашли место. Отвели, пожалуй, самую главную роль, поскольку А. Басенко был непосредственно моим подчиненным, лично мне сдавал все подготовленные им тексты. Поэтому мне и предписывалось - подловить журналиста на неточностях. Так и говорили: будет пропущена точка или запятая - немедленно пиши докладную. Появится три таких документа, и грянет законное увольнение. Я задумался: как поступить? Ибо видел, что Басенко глубоко несчастный человек.

Решающую роль в этом сыграло вот какое событие. А.Басенко запретили въезжать в командировки, готовить за своей подписи какие-либо материалы. Было строгое указание: сделать так, чтоб его фамилия вообще не появлялась на страницах газеты. Словно бы такого человека вовсе нет среди сотрудников «Сільських вістей».

Но вот однажды, именно в пору разгара этой охоты на журналиста, я, поскольку остальные сотрудники были заняты, в командировках, поручил А.Басенко написать текстовку к какому-то производственному снимку. Кажется, к жатве. Нужно было просто указать комбайнера, сколько он намолотил хлеба и как идет уборка урожая в хозяйстве, где трудится человек, изображенный на снимке.

Давая это задание А Басенко, я и не помышлял о том, помогаю или напротив - вредительствую ему лично, нарушаю ли указание руководства. Просто в тог день так сложились обстоятельства, что без его помощи в работе над номером обойтись было очень трудно. Но через некоторое время, когда вышел номер с фотографией и крошечным текстом Анатолия (без его подписи, разумеется), меня вдруг вызывают на «руководящий» ковер и с матами обвиняют в том, что я якобы способствую А. Басенко выживать - поддерживаю его материально. Дело в том, что и за крошечную текстовку в номере, по правилам редакции, как за авторский материал, надлежало уплатить гонорар. Ничего не подозревая, я написал фамилию моего подчиненного на текстовке в номере, по которому размечался редакционный гонорар. То есть, получалось, что я дал возможность А. Басенко заработать. И сколько вы бы думали? Всего-то два советских рубля! Да, да. Именно два, как у нас, на Украине, говорят, - злосчастных рубля.

Но на деле выходило так, что я, в то время, когда все руководство редакции старается выжить неугодного из коллектива, помогаю ему утвердиться, заработать на хлеб.

Это неожиданное обвинение, замешанное на злобе, не только по- человечески меня оскорбило, но вызвало в моей душе резкую волну протеста. Я и сам не опомнился, как тут же заявил: участвовать в гонениях на Басенко не буду. И докладных писать не буду. Доносчик с меня не получится. Не рассчитывайте. Повернулся и ушел к себе.

В это время в стране разгорался пожар перестройки. Михаил Горбачев говорил, обращаясь к людям на улице: вы, мол, их давите отсюда, то есть, снизу, а

мы будем прижимать сверху. Я думаю, что, произнося это, он и сам не знал толком, кого это именно «их» нужно «давить». Как, каким именно образом. Но надо отдать должное: всеобщий порыв в обществе к очищению от нечистоплотного чиновничества и самодурства, преследований по убеждению, за вольнодумие набирал обороты. Вот и А. Басенко, поддавшись всеобщей эйфории, накатал на руководителя огромную «телегу» непосредственно на съезд КПСС. Основательно изучив его биографию, доходы и все, что только можно было, снизойдя аж до родословной, он вывалил на редактора такое, от чего по меркам партийной этики, морали времен советской эпохи можно было только взяться за голову и спросить: неужели все это возможно?

За день-два после скандала, учиненного по поводу «доходов» А.Басенко, меня вдруг вызвали в Комитет партийного контроля при ЦК Компартии Украины. Там сидели несколько человек с приготовленными вопросами. Меня спросили: «Это правда, что А. Басенко запрещено ездить в командировки?», «А печатать статьи в газете под своим именем?», «а писать текстовки под фотоснимки?», «А это правда, что его исключили из профсоюза?», «Что его без каких-либо конкретных доказательств на партийном собрании обвиняли в написании анонимок?» И так далее, и тому подобное.

Как я мог отвечать, что нет, такого не случилось, если это все было чистой правдой. Да, Басенко нерадивый, да, случается, допускает ошибки, да, с виду нереспектабелен, но то, что творит по отношению к нему руководство, - это несправедливо и противоправно. Это полное беззаконье, и я напрочь отказался в нем участвовать.

Особую неприязнь в моей душе вызывала какая-то болезненная, клиническая борьба с анонимками в коллективе. Чуть ли не каждый месяц руководитель собирал всех в зале заседаний и с лицом Мюллера, из знаменитого сериала о мгновеньях весны, обводил пристальным, сверлящим взглядом, а потом глухим голосом сообщал: в ЦК на него пришла очередная анонимка.

«Пишет кто-то наш», - дополнял редактора маленького роста человечек, которого руководитель несколько раз пытался протолкнуть себе в заместители, но в ЦК упорно ломали этот проект. «Но на этот раз анонимщик уже новый», - добавал он через паузу.

«Мы его все равно найдем», - вторил другой приближенный, сидящий по правую руку от редактора.

Зал замирает в оцепенении. Ест начальство глазами и напряженно молчит. Все мысленно начинают перебирать в памяти друг друга. Все, что когда кто-либо плохое сказал о руководителе, съерничал на его счет.

Как меня учили давно работающие в коллективе люди, в такие минуты, когда руководитель поочередно каждому пристально и испытывающе заглядывает в глаза, когда доверенные лица произносят свои почти магические заклинания, очень важно не опускать взгляд, не прятать. И не мигать ресницами. Широко открытыми глазами нужно смотреть в глаза начальникам. А то, чего доброго, могут принять и за

анонимщика. Тогда, считай, что все, пропал. Будет как с А.Басенко. За руку его не взяли, не поймали, а уже в открытую говорят, на партсобрании обвиняют – он пишет пасквили. Додумались: якобы за написание анонимок исключили из профсоюза (!). Вы слышали когда-либо о таком? А это ведь не котельная отсталого жэка, не райцентровский коммунхоз, а редакция центральной газеты! И исключили из профсоюза за написание анонимок! Хотя никто этого не довел.

Вот сидишь, ждешь ледяного взгляда-рентгена руководителя и думаешь: «Господи! А сколько же тех грехов нужно иметь за душой, чтобы так пояться каких-то анонимок! Ну, написали одну-две, ну, приши, кому положено, проверили их, написанное не подтвердилось... Потом пусть хоть сто и двести их рисуют, чего бояться, если чист? Выходит, или проверяют так, как нужно бы, или, в самом деле, не ангел...»

Во всяком случае, необходимость постоянно находиться в этой грязи, барахтаться в ней, воочию созерцать картины подобных разборок – поверьте, чувство сверхомерзительное. Особенно же удручало то, что при этом крайне нужно было еще и в глаза заглядывать поласковой, и не мигая. Кабы тени отвращения во взгляде не поймали, не подумали, упаси Боже, чего-нибудь плохого и о тебе.

На такие собрания несколько раз приезжали сотрудники КГБ. Они в открытую собирали образцы почерков журналистов и технического персонала редакции. При этом самого Басенко во всеуслышанье называли анонимщиком, несмотря даже на то, что все еще подпольного писаря. Перед Анатолием, кстати, изгнали с работы талантливого журналиста Василия Калиту, которого я сменил на посту в аппарате редакции, и тоже якобы за написание анонимок. Словом над журналистским коллективом словно бы завис рок подлого человека-анонимщика, которого, подобно домовому, годами искали по всех закоулках редакции. С первого дня моей работы в «Сільських вістях» и до последнего. Я вспоминаю те годы с тихим ужасом. Подобное не приснится и в самом ужасном сне.

Кое-кто из доверенных и приближенных руководителя на этом всем делал себе карьеру. Такие годами активно помогали редактору искать возмутителей спокойствия, убирая из коллектива то одних, то других неугодных. Наверное, не раз при этом собственноручно забрасывая подметные письма на своего благоверного, дабы самому ловить рыбку в мутной воде. А кто подумает, кто поверит!? А вот выслужиться, подсказать, кто бы на этот раз мог быть возмутителем спокойствия, - всегда, пожалуйста. Роль ближайшего советника весьма устраивала таких.

Мне долгие годы казалось, что журналисты, - это чуть ли не ангелы. Люди, творящие исключительно добро. Этому, несомненно, способствовало то, что, увлекаясь газетной работой, я зачитывался трудами таких корифеев ядреного словца, как Татьяна Тэсс, Валерий Аграновский. Я упивался публицистикой Георгия Радова, Анатолия Стреляного, Юрия Черниченко. Не пропускал ни единой их статьи. А в таких публикациях непременно побеждало добро. Авторы их выглядели рыцарями, умело борющимися со злом метким словом, удачным образом, изощренным изречением..

Жизнь же учила другому. Только в Киеве, куда на работу переехал в начале восьмидесятых годов, я воочию убедился, что и на ниве журналистики водится немало «вась темных» и «толь черноручких», торговавших статьями. И не только, оказывается, ими. Из выводов Комитета партийного контроля я, например, с удивлением узнал, что кое-кто из моих коллег приторговывал бюстами Ленина, которых в подпольной мастерской поставили на поток и, благодаря знакомству с партийными боссами, за большие деньги делали в одном из районов не только, для каждой школы, тракторной бригады, но и в свино- и овцефермы. Деньги и тогда не пахли. Для дельцов от журналистики.

КОМИТЕТ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ И СОВЕСТЬ

В комитет партийного контроля при ЦК КПУ меня вызвали первым Видимо, потому, что я был непосредственным руководителем написавшего жалобу на съезд КПСС Анатолия Басенко. На следующий день потребовали Володю Сергейчука. Это был необычайно справедливый и честный человек. Живой, подвижный, с виду сухопарый, некогда не сидящий на одном месте. Но необычайно прямой и бескомпромиссный. Что знает, всегда скажет в глаза. Владимир Иванович заведовал отделом советского строительства газеты. А советским строительством считалось все, начиная с работы советов депутатов, органов власти и заканчивая тем, сколько мяса в столовой кладут в пельмени.

Володя Сергейчук по праву считался известным в республике журналистом.. Его громкие, разоблачительные статьи наделали немало шума в Украине. Многие руководители областей откровенно старались с ним подружиться, некоторые просто таки побаивались. Ибо каждый выезд Владимира Сергейчука в командировку был, как правило, связан с очередной шумной и разоблачительной публикацией.

После расследования их принимались постановления правительства, были громкие разборки в ЦК. Многие нерадивцы лишились доходных постов после публикаций Владимира.

В.Сергейчук был единственным членом профкома редакции, кто голосовал против дачи согласия на противоправное увольнение А.Басенко с работы. А потом в Печерском районном суде, где рассматривался иск журналиста на незаконное его увольнение с работы, тоже высказался в пользу коллеги. Владимир Иванович в деталях поведал в КПК, не только о том, как преследуют А.Басенко, добиваясь его увольнения с работы, унижая человеческое достоинство, конституционные права журналиста. Но и о том, что до А.Басенко неугодных не просто выживали. Их, лишив партбилета, вышвыривали на улицу, преследуя, и практически лишая возможности устроится на любую другую работу. Было такое «хобби» кое у кого... Этот «кое-кто» не брезговал тем, чтобы позвонить кому-либо из редакторов, предупредить, дабы не вздумал принять на работу нерадивца, изгнанного из «Сільських вістей».

Все это так же подтвердили сотрудники редакции Николай Пуговица, фронтовик Василий Галега, заведующий отделом информации Николай Таранченко. В комиссию позвали заместителя редактора Анатолия Чалого. Он пришел на работу в редакцию с высокой должности в аппарате ЦК. По-прежнему был туда вхож и считался в сером доме на улице Орджоникидзе своим человеком.

Нужно было понимать: оттого, что скажет Анатолий Антонович, как себя поведет, зависело многое - либо это сговор против руководителя, либо правда на стороне А.Басенко: с ним попросту расправляются. Анатолий Чалый проявил завидное человеческое мужество. Он сказал все, как есть, как было. Он не стал лукавить. И это было своеобразным гражданским подвигом.

Не смотря на то, что кого бы не вызывали в КПК, они факты в основном подтверждали, я почувствовал, что центр внимания руководства перенесся на меня. Они, похоже, считали, что сдал их именно я. Поскольку вызвали в КПК меня первым, я первым все и подтвердил. Поэтому и началась массивная «обработка» меня. Утром приглашали на «ковер» и предлагали мирно пойти в Комиссию партийного контроля и заявить, что я, мол, сгоряча наговорил чего не было. Якобы ошибся. «Ты только скажи такое, - говорили мне, - дальше все будет хорошо». Под «хорошим» подразумевалось не что иное, как должность первого заместителя редактора. Но ее занимал не кто иной, как пожилой сам Александр Матийко.

Я отвечал, что так поступить не могу.

- Почему?

- Получится, что меня нужно исключать из партии.

- Как это понимать?

- Выходит, я, как минимум, один раз соврал. А разве вы потерпите рядом с собой брехливого члена партии?

После обеда меня вновь тащили на экзекуцию. Но на этот раз уже угрожали. Милицией, КГБ. Как будто бы у меня были грехи или был не чист на руку. Требовали одно – написать, что членам КГБ сказал неправду.

И тут я снова возвращаюсь к Леониду Макаровичу Кравчуку. Газета ЦК входила в его «хозяйство». И думаю, что о ходе расследования столь громкого дела ему докладывали регулярно. К тому же, дело в свои руки взял лично необычайно честный человек, председатель Комитета партийного контроля при ЦК Компартии Украины Александр Платонович Ботвин.

Наверное, сегодня, по истечению стольких лет, можно было бы привести много аргументов и доказательств чьей-то правдивости, а чьей-то ошибочности во мнениях, неправомерности поступков. Но не это важно. Меня поразил больше всех как раз Леонид Кравчук.

Решить вопрос о письме на съезд КПСС поручили, в духе того времени, самому партийному собранию редакции. То есть, коммунисты «Сільських вістей» должны были сами решить, что это: расправа над журналистом Босенко или банальный навет на руководителя.

На партийном собрании Александр Ботвин сделал доклад. Он сообщил, что приведенные в письме съезду партии Анатолием Босенко примеры гонения, расправы с ним полностью подтвердились при расследовании Комитетом партийного контроля при ЦК Компартии Украины. Кроме того, жалобщик указал на много других обстоятельств, связанных с нормой партийных этики и человеческой морали. Часть из них тоже подтвердилась. Вердикт КПК был один – такой человек не может возглавлять газету ЦК КПУ.

Мнения разделились. Тринадцать членов партии высказалось в поддержку предложения КПК, девятнадцать – против.

Трижды выступал Леонид Макарович. Я воочию видел его человеческое негодование по поводу того, что так поступать по отношению к коллеге, гражданину, как учиняло руководство редакции по отношению к А. Басенко, нельзя. Возможно, впервые на практике пришлось увидеть то, чтобы партийный функционер не защищал другого партийного деятеля, а выступал против угнетения человеческих ценностей простого журналиста. И это, по моему убеждению, был своеобразный прогресс в среде ответственных работников, к которым, несомненно, относились и А. Ботвин, и Л. Кравчук. Он свидетельствовал о том, что, защищая своего зарвавшегося руководителя, девятнадцать создают круговую поруку. Утвердить решение первичной парторганизации должен был секретарь ЦК КПУ. Усиленно циркулировались слухи о том, что в Центральном Комитете уже лежало заготовленное постановление о занесении руководителю в учетную карточку коммуниста строгого выговора и об освобождении его от занимаемого поста. Но за несколько дней до заседания секретариата все вдруг переменялось.

Члены партийного бюро редакции, все до единого, входившие в состав девятнадцати «защитников», послали телеграмму на имя Михаила Горбачева. Дескать, спасайте, нас в республиканском ЦК не понимают.

В Москве телеграмму уже ждали. Она адресно попадает в руки секретарю ЦК КПСС Александру Яковлеву, который на этом сигнале «SOS» поставил резолюцию: «Срочно выехать в Киев, разобраться на месте». Тот, кто должен был отправлять на Украину, сам лично и принес сию телеграмму ближайшему подручнику Генерального секретаря. Для резолюции. В столицу Украины расследовать «гонения на редактора газеты ЦК КПУ», так именовалось задание, выезжает друг по студенческой парте руководителя «Сільських вістей», он же заведующий сектором печати ЦК КПСС. А с ним для пущей важности происходящего отправляется в командировку еще и инструктор ЦК КПСС.

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ С ЛЕОНИДОМ КРАВЧУКОМ

К тому времени страна готовилась к очередному Пленуму ЦК КПСС по кадровым вопросам. Об этом только и было разговоров в обществе. Все лишь изъясняются о том, что вот де, теперь начнется кардинальная смена власти. М. Горбачев разгонит болтунов и партчинуш, заменит старперов молодыми и умными. Они поведут народ к светлой мечте. На дворе ведь конец 1986-го.

В Киеве тоже дрожат перед предстоящим Пленумом. Отношения между Михаилом Сергеевичем и В.В. Щербицким, известно, прохладные. Каждый из секретарей республиканского ЦК переживает, боится, как бы не попасть под колесницу перестройки. Сомнет, разотрет – имени не соберешь. Вот в это время и приехали гонцы из Москвы, - рассказывал мне потом, выйдя на пенсию, Александр Платонович Ботвин. – Задача у них была одна: во чтобы-то ни стало спасти редактора. В материалы дела, собранные нашей Комиссией, они и не вникали. У них совсем иная цель: не истину установить, а некую свою задачу полнить. Пошли по секретарям ЦК. Начали вести откровенный торг. Буквально требуют от каждого: на секретариате не голосовать по известному делу. А кто, скажите, будет против выступать, если совсем не ясно, что у них за визит? А вдруг впишут в справку для доклада Михаилу Сергеевичу на Пленум ЦК по кадровым вопросам, или иной секретарь республиканского ЦК находится не на своем месте? А у нас на то время все уже старцами по возрасту были. Вот вставят фамилию в доклад, и пиши, что карьера человека пропала.

- А дела у нас по той поре были очень плохие, - продолжал А. Ботвин. - Два органа ЦК, газеты «Радянська Україна» и «Правда Украины», авторитета в читателей вовсе не имели. Подписка на эти издания фактически выбивалась партийным кулаком. Оба издания возглавляли редактора-пенсионеры - В.Сербобаба и А.Зоненко. Можно ли там ждать изменений к лучшему? Чем не факт для доклада Генерального секретаря по кадровым вопросам? В это время первый секретарь Львовского обкома Добрик переругался с корреспондентами «Правды». Скандал был на всю страну. Опять же с корреспондентом «Правды» возник конфликт у первого секретаря Днепропетровского горкома партии. В Луганске фактически ни за что кидают в каталажку корреспондента всесоюзного шахтерского журнала, изымаются над ним. Да за такие дела можно было под шумок менять хоть весь состав секретариата и Политбюро ЦК КПУ.

- Вот на этом и сыграли московские гости, - говорил Александр Ботвин. - А наши просто таки струхнули. Один лишь Борис Качура пробовал что-то возражать. Даже Алексей Титаренко, боевой и честный мужик, хорошо осведомленный об обстоятельствах дела в редакции, не рискнул ничего возразить. Ибо кадры - это был его участок работы,

Тем временем «посланцы Москвы» выкручивали в редакции руки всем по очереди тринадцати сотрудникам, проголосовавшим за поддержку предложения КПК. Со мной высокие гости из белостенной беседовали по душам семь часов кряду. Кажется, расспросили все. В конце инструктор мне так доверительно вдруг говорит, со слащавой улыбочкой на лице:

- А вы бы не могли нам написать сейчас документик такой, что, дескать, просто таки ошибались во всем, о чем говорили раньше в КПК, на партсобрании? Что сказанное вами ранее, не соответствует действительности. А лучше - если бы написали, что вас вынуждали так говорить. Скажем, заместитель редактора Анатолий Чалый. Так сказать, с своих личных интересах. Тогда у вас все будет очень хорошо... Поверьте уж нам...

Я сидел и думал: плюнуть ему в лицо просто сейчас или послать подальше. Но, каюсь, не сделал ни того, ни другого. Встал и, не говоря ни слова, вышел из кабинета. На душе было омерзительно гадко.

Дальше события развивались так. Рассмотрение вопроса на секретариате ЦК отложили. На неопределенное время. Наверное, в середине января 1987-го ко мне в рабочий кабинет зашел заместитель редактора Анатолий Чалый, который только что вернулся из ЦК.

- Знаешь, - сказал Анатолий Антонович, - там, на Орджоникидзе, страшный переполох. Два московских гонца таки написали докладную на имя Горбачева о проверке жалобы членов нашего партбюро, на восемнадцати страницах. Изложили все, чем пугали наших старперов из ЦК. Суть такова: пресса в Украине загнана в подполье, не имеет демократического развития. Кадровая политика, особенно по подготовке руководителей средств массовой информации, не ведется вообще. Есть только одна боевая газета на Украине и умный руководитель. Ты знаешь, о ком речь. Так вот, в редакции этого издания собралась группа отщепенцев, вооружившаяся перестроченными лозунгами, разлагает коллектив, терроризирует руководителя, не дает ему возможности полноценно работать. Комиссия контроля при ЦК, разбирая жалобу анонимщика, заняла неправильную оппортунистическую позицию. Выводы ее ошибочны. Председатель Комитета партийного контроля и заведующий идеологическим отделом ЦК тоже оказались на поводе у негодяев и проходимцев. То есть, оказывается, у нас на поводе и Ботвин, и Кравчук. Введен заблуждение и секретариат ЦК Компартии. Он вот-вот должен изгнать с работы лучшего в республике редактора. Записку положили и папку Генеральному секретарю. Михаил Сергеевич все прочитал и учинил такую резолюцию: «Тов. Щербицкий! Неужели и секретариат ЦК может ошибиться?»

- И что же теперь будет? - еле слышно выдавил я из себя.

- Завтра заседание нашего секретариата ЦК. Думаю, они на рожон не полезут. Побоятся, хоть и знают, что все, написанное разбирающимися из московского ЦК, - вранье. Мне сказали знакомые: наши уже включают заднюю скорость. Думаю, что всем нам скажут уйти из редакции...

- Куда? - вырвалось у меня.

Мой вопрос повис в воздухе. Анатолий Антонович, невысокого роста, с красноватыми щечками и смолистыми густыми волосами, сокрушенно посмотрел на меня, развел руками, развернулся и вышел из кабинета, не проронив в ответ ни слова. Настроение у него думаю, было не лучше, чем у меня. Наша правда терпела сокрушительное фиаско. У всех на глазах. И поэтому было очень обидно.

Чалый был прав на все сто процентов. Вечером следующего дня стало все известно. Секретариат ЦК Компартии Украины через два с лишним месяца после партийного собрания в редакции рассмотрел его результаты. Итог таков. За неправильный подход к расследованию жалобы председателю Комиссии партийного контроля при Компартии Украины Александру Ботвину объявить выговор. Заведующему идеологическим отделом ЦК КПУ Леониду Кравчуку указать на недалекость при рассмотрении вопроса о состоянии дел в редакции газеты «Сільські вісті». Инспектора КПК, готовящего дело на рассмотрение в парторганизации, досрочно отправить на пенсию. Обобщить... опыт газеты по наращиванию тиража...

Первым заявление об уходе с работы подал Володя Сергийчук. До этого он вечерами, в выходные и отпуска корпел в научных библиотеках, готовя кандидатскую диссертацию на тему «Армия Богдана Хмельницкого». Еще он увлекался темой строительства советских танков, то и дело улетая то в Москву, то еще куда-то на встречи с руководителями некогда закрытых, секретных всевозможных КБ танковых заводов. Давнее хобби совсем не военного человека вскоре переросло в серьезное занятие. Он, работая в редакции, защитил кандидатскую диссертацию. И вот теперь уходил на постоянную преподавательскую работу в университет имени Т.Г.Шевченко. Говорил, что хочет забыть о журналистике вообще. Впрочем, так оно и получилось.

В университете Владимир Иванович защитил докторскую диссертацию. Написал десятки книг по истории Украины. Создал и возглавил в национальном университете центр украиноведения. Ему принадлежит самая крупная разработка по истории символики Украины. Вот такой, по выражению «гонимых из Москвы», один из отщепенцев.

Анатолия Чалого сразу пригласили в ЦК и предложили работу в информационном агентстве РАТАУ. Николай Пуговица, уволившись, вскоре стал собственным корреспондентом газеты «Сельская жизнь» по Украине. Николай Таранченко перешел на работу в пресс-службу Кабмина. Василия Галегу сразу вытурили на пенсию, и он вскоре умер.

Словом, через месяц полтора после принятия решения ЦК КПУ по «обобщению опыта газеты «Сільські вісті» из тринадцати членов партии, поддержавших выводы КПК, остался в строю, кажется, я один. Потому что уходить мне было некуда. По существу, я занял место изгоя А. Басенко. Мне запретили выезжать в командировки, писать свои статьи. Моя фамилия больше не появлялась на страницах издания, хотя я трудился еще с большим рвением и старанием. Я чувствовал, как ремешок удавки все туже стягивался на шее. Но уйти просто на улицу не хотелось. В другое издание? Но ведь они все контролируются ЦК КПСС, Один звонок из Москвы, и тот, кто решится взять меня на работу, тут же откажется от своих намерений.

Но и жить в оппозиционном угаре - это все равно, что постоянно находиться на раскаленной сковороде. Тот, кто не знает, что это такое, пусть попробует испытать подобное на себе. Для этого нужно совсем немного - встать на собрании или где-то при людях и сказать своему руководителю откровенно, честно все, что

думаете о нем. О методах его работы, об отношении к подчиненным, о зарплате - его и своей, других, Ответ вы получите очень быстро. И адресно. Не сомневайтесь. Что и по чем, вы почувствуете немедленно.

Для того, чтобы иметь на все свое мнение, нужно быть, как минимум, хотя бы смелым. Решительность, умение защищаться, как и знание законов, адреса судов, адвокатов придут сами по себе. Как говорят, приобретается в борьбе. Ведь вы, вооруженные правдой, никак не согласитесь быть на лопатках. Не так ли?

Именно в такой позиции, в начале 1987-го, оказался и я. Не хотелось верить, что такое возможно. Но обстоятельства были выше даже веры в правду. Ложь торжествовала. Не было ни одного московского издания, в котором бы не срамили Александра Ботвина и Леонида Кравчука. Над ними буквально глумились все союзные издания, ибо они находились в прямом подчинении ЦК КПСС. Непосредственно сектора ЦК, которым руководил бывший выходец из Украины.

Рекогносцировка огня проводилась отсюда, из Киева. Озлобленные наводчини жаждали крови своих высокопоставленных врагов. Однако, странное дело, это не имело ни на Ботвина, ни на Кравчука, ровно никакого влияния. Никак не отражалось на их служебном положении. Хотя по тем временам никто не обращался в суды за защитой чести и достоинства, на каждое критическое выступление печати, центральной, московской, прежде всего, согласно канонам партии, надлежало незамедлительно реагировать. Партийные органы обязаны были принимать исчерпывающие меры воздействия и сообщать об этом в печатные органы. Но все в ЦК Компартии Украины хорошо понимали, что происходит на самом деле. Украинское ЦК хранило по поводу московских нападок на Кравчука и Ботвина гордое молчание. И это, похоже, еще больше распяляло тех, кто решил поквитаться с председателем партконтроля ЦК и руководителем идеологического отдела ЦК КПУ.

На меня лично все это действовало более, чем удручающе. Святая вера в справедливость, которая всегда питала меня, придавала сил и уверенности, держала на плаву во многих ситуациях, была потеряна. С работой тоже наступал цейтнот. В «коллективе единомышленников» я все больше становился изгоем. По отношению ко мне одну за другой устраивали провокации. Но где, у кого искать защиты? В коридорах издательства, троллейбусах и вагонах метро, знакомые, прежде всего оглянувшись перед тем, как подойти, крепко жали руки, подбадривали: «Держись!». Но и только. Я был чужим среди своих, и мне все четче давали это понять.

Так все тянулось до апреля 1987-го. Однажды утром я взял с собой на работу партийный билет и перед обедом поехал в ЦК. Какое-то чувство подсказывало, что нужно идти только к Леониду Кравчуку. Кто лучше его знает обстоятельства дела? А потом, вроде бы получалось, что мы с ним оказались чуть ли не в одной лодке.

Он поднялся навстречу мне с легкой улыбкой на лице. Я не увидел ни тени паники, растерянности, которую почему-то рассчитывал лицезреть, почти каждый день встречая его имя в московской прессе.

Он спросил кратко и четко:

- Душат?

- Да, - ответил я. - Больше сил нет терпеть...

Он задумался, помолчал.

- Знаете, - сказал спустя некоторое время, - вам необходимо хотя бы на полгода уехать из Киева. Чтобы они перебесились. Забыли всю эту историю. Нужно признать: пусть и нечестно, грязно, но они победили.

Это было так неожиданно, что я аж поперхнулся. Леонид Макарович посмотрел на меня, понимающе подмигнул:

- Разумеется, если вы не хотите остаться просто безработным, Но оттуда вам нужно уходить. А чтобы сберечь здоровье, то - просто немедленно. Оставьте мне свой рабочий номер телефона. Я вам вскоре позвоню.

Он поднялся из-за, давая тем самым понять, что аудиенция закончена. Не скрою: я был ошеломлен и удручен. Такого крутого поворота событий, конечно же, я и не предвидел. Уезжать из Киева? Куда? На полгода, а что потом?

Мысли носились взад-вперед с такой скоростью, что, возвращаясь на работу, я и не заметил, как проехал свою станцию метро. Мысленно прокручивая всю беседу, я почему-то стал убеждать себя в том, что Л. Кравчук мне не позвонит. «Зачем ему я?» - сверлила мозг одна и та же мысль. Один из таких, как я, и так, считай, безвинно пострадал. Вместе с нами выступил за правду, справедливость. А что вышло? Не его, как планировалось избрали секретарем ЦК по идеологическим вопросам, а какого-то секретаря обкома партии из Харькова, Владимира Ивашко. Если он капризный, амбициозный человек – не станет он мне звонить. А номер телефона записал лишь с целью, дабы я просто отстал, отцепился.

Прошла, возможно, неделя, а может, и больше после моего визита в ЦК. Весна уже во всю благоухала на дворе. В обеденный перерыв я выходил на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, подставить лицо ласковому солнцу. А потом снова возвращался в кабинет, чтобы трудиться в поте лица до полных сумерек. Вот и снова: только стукнуло час, я поднялся из-за стола, заваленного статьями и корреспонденциями в следующий номер газеты, направился к двери. В это время зазвонил телефон. Я на мгновение остановился, размышляя – возвратиться ли, поднять трубку, или просто уйти. Но что-то заставило меня сделать несколько шагов назад.

- Это Кравчук говорит, - вдруг услышал я на другом конце провода. - Приезжайте сейчас ко мне. Я жду...

И на этот раз разговор был кратким.

- Чтобы спасти свое реноме, чтобы они совсем его не растоптали, не вымазали в грязи, а они большие мастера это делать, - говорит Леонид Макарович, -вам, как я уже говорил, нужно, причем просто таки немедленно, на некоторое время уехать из Киева. Ну, хотя бы на полгода. Пойти поработать, скажем, собкором в одну из

наших газет. Но ни в коем случае не соглашаться на окончательный переезд из столицы. Это мой вам совет. Квартиру не сдавайте. И там, куда - поедете на работу, тоже не получайте жилья. Под любым предлогом. Хотя, думаю, сулить будут золотые горы. Лучше всего, пусть семья поживет здесь. Так будет легче возвратиться назад. А варианты есть такие, - он сделал паузу, поискал на столе какой-то листик, заглянул в него и продолжил:

- В газете «Радянська Україна» вакансий, к сожалению, нет. А вот в «Правде Украины» на выбор сразу два города. Свободны Хмельницкий и Херсон. Как говорится, куда пожелаете - туда и езжайте. Ваша воля.

- В Хмельницкий поехать не могу, - ответил я. - Пять лет тому назад я оттуда уже приехал на работу в аппарат «Сільських вістей». Будет, наверное, неудобно рассказывать каждому встречному знакомому, почему опять вернулся в область. Да и что, собственно, я могу рассказать. Что пострадал за правду...

- Да, - согласился Л. Кравчук, - причина больше, чем уважительная. Тогда однозначно нужно ехать в Херсон. С редактором «Правда Украины» Андреем Зоненко я обо всем уже договорился. Ступайте сейчас прямо к нему. Я Андрею Тимофеевичу еще раз позвоню...

Так я нежданно-негаданно попал в «Правду Украины». А Леонид Макарович в самый решающий для меня момент оказался на высоте. Человеческой. Я потом не раз вспоминал всю эту ситуацию и удивлялся прозорливости Л. Кравчука. Как он мог предвидеть, что именно все так и получится.

В ЮЖНУЮ ССЫЛКУ – ХЕРСОН

21 апреля 1987 года вечерним поездом из Киева я уезжал в Херсон собкором «Правды Украины». Из столицы в южную своеобразную ссылку. За что? За то, что не изменил своей позиции, за то, что вступился за человеческие ценности. Предпочел правду лжи.

В поезде сна не было до самого утра. Да и как можно было отключиться от мыслей, одолевающих сознание. Как бы получалось, что жизнь теперь нужно начинать сызнова. В тридцать сем лет!? Но самое удивительное то, что я нисколько не жалел о потерянном. Время изнурительной борьбы с хитрой и непримиримой номенклатурщиной, закончившейся сокрушительным поражением молодых сил редакций, требовало, как минимум, свежего воздуха. Для души. Новых впечатлений для жизни. И собкоровские «хлеба», где не нужно ежедневно ходить на работу в редакцию, дежурить по номеру, а больше бывать среди людей, передавать, что называется, живые материалы непосредственно с переднего края жизни, были для меня просто спасением.

Подлый поступок ответственных сотрудников аппарата ЦК КПСС перевернул все мое сознание. Растоптал в душе представление о правде и справедливости, о ЦК КПСС, как мозге партии. Но еще больше поражало раболепство, животная трусость перед московскими партийными чинушками ЦК КПУ. Кто-кто, а они хорошо знали истинное положение дел. Но ни один не восстал против лжи. Услышав ложь, все как по команде взяли под козырек. Чтобы остаться в своих креслах, отдали па растерзание Л.Кравчука и А.Ботвина, обмазывание дегтем которых в центральных московских изданиях ни не прекращалось на на день.

Сидел в своей партийной берлоге, не показывался на люди и хваленный правдолюб Владимир Щербицкий. Ему-то первому доложили о всей ситуации в редакции газеты ЦК. Но ведь и не пискнул нигде и ни разу. Хотя, одного его слова хватило бы для того, чтобы разрешить весь спор по чести. То ли боялся чего, то ли уже не был уверен в своих сила? Не знаю.

С херсонского вокзала до обкома партии в центре города было, возможно, километр ну, может, полтора. Но встречать меня приехала шикарная «Волга» из обкомовского гаража. Так что, выйдя из вагона, через пять минут я уже входил в кабинет первого секретаря обкома КПУ Андрея Гиренко.

Это молодежавый, стройного телосложения человек, с тонкими чертами лица женского сердцееда. За ним водилась слава непревзойденного мастера застолья. Весельчака и отменного ценителя анекдотов. Этот особый дар общительности, рассказывали, Адольф, так по паспорту звали-величали Гиренко, приобрел на комсомольских хлебах. С молодых лет, уловив номенклатурный ветерок, он срочно сменил предательское имя Адольф на более милозвучное и политкорректное Андрей и, похоже, совсем не ошибся. Удивительная коммуникабельность сыграла в его жизни весьма важную роль и постоянно подыгрывала в строительстве персональной карьеры. Говорят, что благодаря бессменной роли тамады на высоких приемах он вырос до Первого секретаря ЦК комсомола Украины. Забегая наперед, скажу, что уже примерно через месяц после моего приезда в Херсон Адольф-Андрей был переведен возглавлять Крымский обком Компартии Украины. В то же лето он в Форосе встречал, как хозяин земли у моря, чету Горбачевых и весьма приглянулся Раисе Максимовной. По слухам, она и посоветовала Михаилу Сергеевичу перевести видного и статного секретаря обкома, очень галантного мужчину, на более подходящую для него должность. В Киеве и оком не успели моргнуть, как на очередном Пленуме ЦК КПСС Адольф-Андрей Гиренко по личному предложению Генсека М.С.Горбачева был избран секретарем ЦК КПСС. Вот так!

Когда я вошел в кабинет, Гиренко поднялся из-за стола и двинулся по длинной комнате мне навстречу. Под стенкой стоял длинный стол для заседаний. Я обратил внимание, что большие, с кручеными спинками стулья были поставлены не сиденьями под стол, а повернуты в сторону крутящегося кресла, которое стояло во главе стола. И создавалась впечатление, что идет заседание... стульев. Но в кабинете первый секретарь обкома был один.

- С приездом! - сказал он приветливо и просто, словно бы мы были давно знакомы. - Обо всей вашей ситуации я хорошо наслышан, все знаю, можно сказать, в деталях, - продолжил Гиренко, только как мы присели с ним за приставным

столиком друг против друга. - Мне звонили из Киева и Москвы. Конечно же, поможем обустроиться. С жильем у нас трудно, как везде, но я думаю, что за месяц-полтора достойная квартира у вас будет. Я уже отдал необходимые указания. Вас найдут и покажут на выбор несколько жилищ...

По напору, активности первого секретаря обкома партии в поисках жилья для нового собкора «Правды Украины», по тому, как меня встречали еще на вокзале, как А. Гиренко обронил, что в отношении меня был звонок из Москвы (а это только из ЦК КПСС, от «старых друзей!), я понял: сватают сюда навсегда. Мне сразу вспомнился Леонид Кравчук, его недвусмысленное предостережение - не поддаваться на квартирные уловки. Поэтому мне ничего не оставалось, как расшаркаться перед Адольфом-Андреем, сказать, что сперва хочется активно поработать на новую для меня газету, показать себя в деле, а потом уже просить о помощи с жильем.

Дни на новом месте побежали быстро и слажено. Днем я мотался по области и городу. Ночью с упоением писал статьи, не имея, разумеется, никаких других забот, кроме творческих. С «колес» подготовленные материалы диктовал стенографистке по телефону, но чаще всего вечером спешил к киевскому поезду и передавал пакеты кем-нибудь, так сказать, нарочным. Просил людей завезти в редакцию. И так чуть ли не каждый вечер. Странное дело, никто и никогда не подводил. И пакеты не пропадали. Хотя людям я не платил. «В редакцию?» - переспрашивали. «Ну, конечно, завезу...» - отвечали.

Мои материалы с Херсонской области шли буквально в каждом номере газеты. Порой по несколько сразу. Еще больше их было в пасе. Приученный в «Сільських вістях» работать постоянно на повышенных оборотах, где на мне каждый день висело половина газетного номера, я буквально завалил «Правду Украины» добротной продукцией. Вскоре с редакции позвонили, сказали, что с одной Херсонщиной столько статей, корреспонденций переварить газета просто не в состоянии, поэтому, сказали, - бери на обслуживание еще Крымскую и Одесскую области, где временно не оказалось собственных корреспондентов.

Не скрою, я этого очень ждал. Оттого, может быть, и такой повышенной была моя работоспособность. Месяца через два мне уже ужасно захотелось уехать из этого жаркого города, где чуть ли не каждый день собкора «Правды Украины» настойчиво искал заведующий общим отделом обкома партии, дабы предложить для осмотра новую квартиру. Впрочем, его можно было понять. Он имел конкретное и четкое задание - срочно обеспечить жильем сотрудника газеты ЦК КПУ. И потому старался. Уже сменился первый секретарь обкома, а задача стояла все та же - привязать изгнанника из столицы.

Возможно, я походил на капризную барышню. Но какие квартиры не предлагали партийные функционеры, я почти сразу все отметал. То, выдумывал, малая кухня, то малый метраж, то не нравилось, что верхний этаж. А в южном городе, под плоскими крышами, которые за день нагреваются, словно сковорода, и впрямь жить было невыносимо трудно. Мне уже приготовили ключи от шикарной, как рассказывали, четырехкомнатной квартиры в обкомовском доме, что разместился в тенистом парке над Днепром. Прослышав об этом, я срочно укатил на неделю в Крым. Прямо оттуда уехал в Одесскую область. Я словно чего-то ждал.

Все искал такого повода, чтобы в обкоме сами задумались, а нужен ли им такой собкор, как я? Нужно ли его пристегивать хорошим жильем?

Тон моих публикаций изначально был критическим. Ибо и сама жизнь тогда все круче поворачивала на проспект со стерильными прилавками магазинов, все возрастающим числом дефицитов. Ветер перестроечных перемен уже давал возможность, не оглядываясь на авторитеты местных партийных божков, в открытую говорить и о прочих секретарей райкомов, и о партийном бюрократизме на высших этажах областной власти. Не говоря уже о бедламе в прочих советских и хозяйственных органах. Тем более, что ни друзей, ни близких, ни знакомых в области у меня не было. То есть, преград никаких. Я словно бы интуитивно предчувствовал: где-то рядом ходит важная тема, которую затрону - зазвенит, как струна.

ШАШЛЫКИ ДЛЯ ПРЕЗИДИУМА

Как-то знакомый инструктор обкома сообщил: в субботу в одном из хозяйств Каховского района состоится областной семинар по проблемам экономики АПК области. Есть место в машине - поехали,

В сельский дом культуры согнали человек пятьсот. В часов десять утра два входа в зал демонстративно закрыли на ключ и передали их в президиум. Начальник областного сельхозуправления, хамоватый и ограниченный в речи, некто Журавлев, взобрался на трибуну. О чем он только не говорил, какие только перлы не выдавал. Если бы дверь была открытой, с рвотными приступами в них бы выбежало не менее половины присутствующих. Но куда деться, если зал оказался клеткой. Да еще озвученной мощными динамиками.

Ровно в тринадцать часов дверь открыли. Люди ломанулись в проходы. Место мое оказалось чуть ли не у самого выхода, и только повернули ключ, как я очутился в фойе. В двух углах его разместили выездные буфеты. Я кинулся к одному, ибо в тот день не имел еще розги во рту. Увы, в продаже только лимонад и печенье. И больше ничего. Это была как раз та пора, когда деньги (хоть на машину, хоть на две) были практически во всех, а товаров, прежде всего продуктов питания, - хоть шаром покати. Я бросился к другому прилавку. Та же самая удручающая картина.

Но странное дело, откуда-то из внутренних помещений дома культуры в фойе так неотразимо разлило вкуснятиной, что у меня аж слюнки потекли. Да разве только у меня одного?! Люди возбужденно крутили головами и принюхивались. Тема у всех одна - откуда и чем так вкусно пахнет. «Там что буфет или спецзаказ?» - спрашивали друг друга председатели колхозов, экономисты. «А нам что - лапу сосать?» - слышалось негромкое из толпы. «Почему же сосать, маленькими глотками пейте лимонад и закусывайте «шахматным» печеньем», - ерничал кто-то в ответ.

Все взгляды были устремлены вглубь служебных помещений, откуда несло не хуже, чем из шикарного ресторана. Но и пойти туда, где обязательно напорешься на грубость и хамство отъявленного матерщинника Журавлева, никто не отваживался. И я вдруг сам себе как бы сказал: а мне-то кого бояться! Шагнул за порог и пошел, ну, как бы запах. И привел он меня к одной двери. Открыл я ее и увидел большую комнату с красиво накрытым столом. И официант даже была при нем. В белоснежном фартуке и в чем-то красивом на голове. А на столе все паровало. Я успел заметить жаркое с аппетитно поджаренной картошкой в подливе и, кажется, двух печеных гусей в центре стола. Однако, главное мое внимание привлекло то, что в открытое окно подавали из автомобиля. Это были горячие, только что с пылу-жару, эдак штук двадцать шашлыков на огромных блестящих шампурах. Я возьми да и по-дурацки спроси женщину, наверное, директора, что принимала провизию в окне, похоже, организовывая все это застолье:

- А шашлыки для всех?

- Вы что? - изумленно взвизгнула она, наверное, поняв, что я не из той компании, для кого готовились угощения. - Шашлыки только для президиума... А вы как сюда попали?

Я повернулся и вышел, на ходу уже хорошо соображая, что острая, злободневная тема, настоящая «бомба» для газеты есть.

Но оказалось, что это был еще не конец моим каховским удивлениям. На улице играл духовой оркестр. Но его не нанимал товарищ Журавлев для украшения своего скучного доклада. Просто в этом селе, как рассказал мне вскоре председатель сельского совета, которого я встретил тут же, на этот день была назначена свадьба. И роспись молодоженов рассчитывали провести в комнате Счастья Дома культуры с первого часа дня до двух. Как это делалось всегда по традиции. А тут за день до намеченной okazji районное начальство вдруг решило именно здесь, в их селе, провести областной семинар, не поставив в известность даже председателя сельсовета. Не говоря уже, разумеется, о свадебных сватах и молодоженах. Праздничный кортеж как раз к перерыву семинара подошел к Дому культуры, откуда ему навстречу повалила масса людей. Молодоженов не пустили и на порог дома культуры, зашипев всем на ухо, что пройти в комнату Счастья никак нельзя, ибо именно там сейчас начальство село выпить да закусить. С шашлычками - уточню.

Невеста в фате умывалась в отчаянии первой своей горестной слезой, тем временем музыканты под возгласы весельчаков из семинара охотно забавлялись различными мелодиями. Свадьба в нерешительности остановилась под грушами. Родня с отвращением смотрела на семинаристов. Председатель сельсовета мотался от одной группы людей к другой, не зная, что предпринять.

Я понял, что здесь мне больше делать нечего, и отправился в сторону авторассы, дабы на попутных авто побыстрее добраться до пишущей машинки в Херсоне. Часа через два, когда я сел за стол в своей рабочей комнатке, у меня в голове уже была готова статья под названием «Шашлыки для президиума». Осталось только одно - старательно все записать и кое-где, возможно, отшлифовать.

Когда под вечер я перечитал написанное, стало понятно: после выхода этой публикации меня больше не будут искать с ключами для осмотра новой квартиры. Если, разумеется, в том обкоме есть умные головы. Они должны бы задуматься - зачем им пригревать человека, который в один момент может не оставить камня на камне славы любого руководителя.

В понедельник утром «Шашлыки для президиума» уже лежали на столе в редактора газеты Андрея Зоненко. Осторожный с острыми публикациями в руководимом им издании, он, прочитав статью, тут же позвонил мне в Херсон.

- Это все правда? - спросил.

- Правда, - ответил я.

- А ты там был?

- Был.

- А шашлыки кушал?

- Нет, не кушал. А вот запахи нюхал.

- Имей ввиду, это будет огромный скандал. Они попытаются опровергнуть все.

- Знаю. Но этого сделать практически нельзя. Свидетелей у меня полтысячи человек. Да еще и вся свадьба, а это считайте - все село.

- Смотри, - сказал Андрей Тимофеевич, - как бы они после этого всего тебе не устроили шашлыки...

В среду и четверг Херсон и область переживали шок. Только разговоров в автобусах, троллейбусах было, что о «Шашлыках для президиума». Я спрятался на даче, на берегу Днепра у своего единственного здешнего знакомого - собкора ТАСС-РАТАУ, очень милого и добродушного человека Григория Кривца. Днем я в кустах удил рыбу, читал какие-то книги, всячески старался отвлечься от грешных мыслей, хотя добиться этого было очень и очень трудно. Вечером Гриша привозил мне свежие вести о происходящем на этажах власти.

Послушав его рассказы, я ни в первую, ни во вторую ночь так и не уснул до утра. Ибо по его «агентурным» сведениям, а они, я знал, всегда были точными, в день выхода газеты дважды по поводу острой критической публикации «Правды Украины» неофициально, без протокола заседало бюро обкома партии. На первом якобы решили, уволить с работы начальника облсельхозуправления А. Журавлева, ибо статья наделала такого резонанса в области, что просто промолчать было нельзя. А поздно вечером будто бы все переиграли. Договорились попытаться доказать, что все написанное - вранье журналиста. Да еще и журналиста с подмоченной репутацией, присланного со столицы на исправление. Журавлев и еще два инструктора обкома срочно уехали в Каховку готовить, так сказать, общественное мнение. «Так что держись, - хлопал меня по плечу Гриша,

укладываясь спать, - будут и нам еще шашлыки. Не только для президиума...»

В пятницу после обеда я наконец-то позвонил в Киев, в редакцию. Меня огорошили сообщением о том, что с Каховки пришло несколько телеграмм в ЦК КПУ с протестом против выступления «Правды Украины» по поводу злополучных шашлыков.

- И зачем вам было трогать эту тему? - говорил гнусавым, жалким голосом один из немолодых сотрудников аппарата редакции, от ржавого скрипа которого все во мне похолодело и съежилось. Но не я еще ничего ответить, как в телефонную трубку заорал кто-то другой?

- Сан Саныч, слышишь!?

- Слышу! -крикнул я.

- Это Малахов говорит. Не сцы кипятком. Скажи: ты сам лично шашлыки кушал с ними?

Да нет же, нет. Только запахи нюхал. Я уже редактору об этом говорил, - заорал я в трубку

- Ну и все. Посылай их всех подальше. А это знакомый почерк выгородиться - подключать общественность, слать телеграммы. Не падай духом: поедут люди из ЦК - разберутся. Если было все, как написано, - ты герой...А сейчас садись на поезд и езжай в Крым или Одессу. Передай мне оттуда несколько красивых материалов, как ты умеешь...

Сказав это, Владимир Малахов положил трубку.

«Господи, - сказал я себе. - Опять эти проверяющие из ЦК. А если проверят так же, как московский заведующий сектором Бакланов да инструктор Лисин? Что тогда? Куда податься?»

Я собрал вещи и на целую неделю укатил в Одессу. В редакцию не звонил. Не скрою: жутко хотелось перекинуться словом-другим о происходящем с Гришей Кривцом, узнать, что нового в Херсоне. Но мужественно терпел. За это время написал три статьи. Передал их с вокзала приморского города нарочным в редакцию, с пометкой – «вручить первому заместителю редактора Владимиру Малахову». Пусть в редакции знают, что я жив и работаю.

Только в очередной понедельник под обед, собираясь уезжать из Одессы (но куда - в Херсон на работу, или, может быть, уже уволенный домой?), я набрал редакцию. Услышав мой голос, заведующая стенографическим бюро Тамара Викторвна Белозерова сразу закричала:

- Боже мой, - взмолилась она, - где вы есть? Если бы вы знали как вас тут все искали. И редактор, и с ЦК. Андрей Тимофеевич сейчас на месте, я соединю...

Не успел я и слово сказать, как в трубке послышался глуховат голос Зоненко:

- Алле! Ты что, набедокурил и спрятался в кусты, а редакто - отдувайся? Ты где пропал? В милицию на розыск хотели подавать

- Дак меня же Малахов в Одессу послал.

- И там шашлыки жарить? - После этой фразы редактор не удержался и громко расхохотался. Насмеявшись вдоволь, он дружелюбно сказал: - Ну, ты и да-а-ал! Я давно такого шума не помню. Но могу поздравить. Инструктор ЦК уже вернулся в Киев, не найдя тебя. Факты, говорит, подтвердились...

Я летел в Херсон на двойных крыльях. Несла меня по морю и дальше - вверх по Днепру, ракета на подводных крыльях. А еще одни, похоже, торчали у меня за спиной. Настроение было повышенное. Прямо с вокзала вечером я, схватив такси, помчался домой к Грише Кривцу. Открыв дверь, он на пороге меня обнял и поцеловал. Провожая на кухню, сказал:

- Но ты не думай, что все легко обошлось. Инструктора повезли к родителям невесты. После того, как все опровергли в горкоме партии, в парткоме. Кстати, члены правления колхоза, в сельском совете тоже подтвердили - ничего подобного не было, дескать, Горобец наврал, «Правда Украины» опозорила дочь местного механизатора на всю республику.

- Так кто же тогда внес ясность? - не удержался я.

- Инструктор оказался молодец. Он сразу заподозрил, что здесь что-то неладное. Слишком все гладко против тебя идет. Все говорят как по-писаному. В том числе и родители невесты. Вот он и потребовал: давайте-ка еще заедем к другим сватам. Сопровождающие зароптали. Не нужно, мол. Стали друг друга посылать предупредить других сватов о визите высокого гостя из столицы. А инструктор вдруг говорит. Как раз, дескать, предупреждать их и не нужно. Давайте все вместе сейчас и подведем к ним. А там и ехать никуда не нужно было. Оказалось, родители жениха живут всего в каких-то метров двести - не больше. Вот и пришла вся свита нежданно-негаданно в подворье жениха. А гонца власти не успели послать, предупредить, что и как говорить нужно. Кабанчика дали за брехню против тебя родителям всего лишь невесты, - говорил Гриша, глубоко затягиваясь дымком сигареты. - Дали так, чтобы другие сваты об этом ничего не знали. Пожадничали, стало быть. Потому и прокололись. Вот вторая сваха, ничего не подозревая о сговоре и о проверке, выложила все начистоту, что у нее только и было на сердце. О позоре, с каким свадьба битый час под домом культуры ждала, пока в комнате Счастья начальство пообедает, да еще полчаса, пока уберут посуду. Сопровождающие слышав это, как рванут во все стороны, кто куда. Словом, Содом и Гомора получилась... Секретари обкома, слышав о провале твоей дискредитации, сразу на дальние села разъехались. Инструктор ЦК потратился в обком, встретиться не с кем - никого из начальства нет. Все сбежали - лишь бы с киевским проверяющим после поездки в Каховку не встречаться. Словом, с тебя могорич, - закончил свой рассказ Гриша. - И знаешь за что?

- Откуда же мне знать?

- За то, что теперь больше тебе никогда не предложат квартиру в Херсоне... Что ты, как минимум, остаешься киевлянином.

Он весело расхохотался. И я, разумеется, тоже. За это просто нужно было выпить.

Дабы закончить тему шашлыков, забегу немного вперед во времени. Лет через семь, а, может, и восемь после всех этих событий я однажды неожиданно для себя и для большинства присутствующих попал в Киеве в тесную вечернюю компанию мужиков. С коньяком, хорошей закуской. Был среди всех здесь и Михаил Михайлович Кушнаренко. Гость, как он именовался, из Херсона.

В пору моего приезда в южную ссылку был М. Кушнаренко председателем облисполкома. А когда Адольфа-Андрея Гиренко направили на укрепление в Крымский обком Компартии Украины, Михаил Михайлович стал первым секретарем обкома партии, полноправным хозяином Херсонщины. Он хорошо, как говорят, в деталях и цветах знал, как разворачивались события по привязке меня к Херсону жильем и желанием партийной власти, что уж тут скрывать, дискредитировать меня в описанных выше каховских событиях. В ту пору второй человек в области, он был одним из прямейших участников шашлычной баталии.

Понимая все это, мы оба молчали весь вечер, думаю, хорошо зная, о чем молчим.

А потом, под занавес встречи, Михаил Михайлович вдруг попросил слова. Видать, все-таки не выдержал, решился. И сказал:

- Когда Андрея Гиренко забрали в Крым, на должность первого секретаря обкома выдвинули мою кандидатуру. Пришлось пройти не простой процесс собеседований и согласований. От Киева и до Москвы. Надлежало всем до одного угодить - понравиться. Все я вынес, перетерпел. Всех прошел. Осталось получить добро одного-единственного человека - члена Политбюро ЦК КПСС Владимира Васильевича Щербицкого. Как он решит - так и будет. Причесался, прибодрился я - захожу к нему в кабинет. Он поднимается из-за стола, идет мне навстречу через весь кабинет, берет мою руку в свою и вдруг говорит своим глуховатым басом: «Скажи, Михаил Михайлович, а в Херсоне еще подают шашлыки для президиума?» Я и обомлел...

ОПЯТЬ В РОДНОЙ «ИМПЕРИАЛ»

Да, иногда так бывает, что одна острая публикация делает имя журналисту. Как эта мне - в Херсоне. После ее выхода в свет я, кажется, ни на один день не имел отбоя от различного рода ходяков. Многие люди увидели во мне защитника от многих бед. Обращались, как правило, те, кто уже прошел через все - суды, прокуратуры, партийные органы. Не скрою, очень много надоедали обыкновенные склочники. Но куда деться, приходилось тратить время и на них.

Однажды я пришел в профком Херсонского электромеханического завода. Только начал разговор по делу, как без стука вошел в измазанной, выдавшей вида робе человек.

- Где здесь корреспондент «Правды Украины»? - спросил.

Нужно было откладывать все свои дела, внимательно выслушать. Но то, что он поведал, не укладывалось в мерки тогдашней действительности. Человек страдал одним из сложных желудочных заболеваний. Врачи приписали лечение. Но единственный санаторий данного профиля «Империял» находился только в Карловых Варах. Болезнь и настойчивость сделали почти невозможное - через Укрсовпроф моему визави выделили именную путевку для поездки в Чехословакию. Одну путевку на всю область. Человек собрал документы, чемоданы, пришел в облсовпроф получить путевку, а ее там не оказалось. Путевку силовым методом взял кто-то из руководителей области и укатил уже в Татры, оставив больного «желудочника» без надежды на улучшение здоровья.

Расспросив токаря о деталях сего происшествия, я чуть ли не бегом помчался в облсовпроф. «Неужели такое может быть?» - все спрашивал себя по дороге.

Видимо, в тот день мне просто везло. Пройдя в приемную председателя облсовпрофа, я его на месте не застал. И это, видимо, было моей первой крупной удачей. Ибо если бы этот человек, а речь идет о недавнем первом секретаре Каховского горкома партии Григории Махлае, который активно помогал топить концы в воду с шашлыками, оказался в своем рабочем кабинете, мне, наверное, ничего бы толком не удалось здесь разведать-разузнать. На месте оказалась всего лишь один из заместителей, женщина. Вот к ней я и постучался.

С виду это была дама лет за сорок. Несколько минут общения как бы обо всем и ни о чем конкретно дали мне возможность сориентироваться, понять, что она не замужем (скорее всего и не была, пердпочтя карьеру домашнему уюту) и к тому далеко не вполне удовлетворенная своим служебным положением. Я знаю тип таких женщин. Они стреляют без предупреждения, когда чувствуют, что благодаря чьему-то падению можно хоть на шагок подняться выше к солнцу.

Это был именно тот самый случай, когда неудовлетворенная женщина могла удовлетворить свое внутреннее содержание.

Я только заикнулся о Карловых Варах, об «Империяле», о пропавшей путевке, как по лицу зампреда облсовпрофа пробежала загадочная улыбка.

- Ладно, - сказала она, - не пересказывайте всего, я достаточно хорошо информирована обо всем, о чем идет речь. Все это, к большому сожалению и стыду, правда. Путевку в рабочего бесстыдно забрала и присвоила заместитель председателя облисполкома Александра Козуб. Знайте, вам здорово повезло, что вы попали именно ко мне. Ибо вам никто бы этого не сказал. Это держится в строгом секрете. А я лично полагаю, что эта барышня уже совсем обнаглела, и я вам сейчас это докажу...

Она быстренько кому-то перезвонила, дала какие-то указания по документации, и через несколько минут в кабинет вошла молодая женщина с кучей папок в руках. Мы втроем их быстро разложили по столам и подоконникам. Моему взору предстала следующая картина. К тому времени некая Александра Козуб, проработав в должности заместителя председателя Херсонского облисполкома около одиннадцати лет, тринадцать раз (!) съездила за счет профсоюзов, бесплатно в санаторий «Империа» под Карловыми Варами. За это время ей дважды удавалось свозить с собой еще и мужа.

Каждый раз она отбирала путевку вот таким бесстыдным и наглым образом у кого-то из людей, - утверждали раскрасневшиеся от поиска корешков дорогих путевок женщины.

- Переписывайте быстренько номера путевок за каждый год и строчите вашу убийственную статью. Знайте, это документы строгой отчетности, их сменить уже невозможно, - подчеркнула хозяйка кабинета. - Только, если можно, сохраните в тайне источник информации. У нас ведь такой мир...

Когда я направлялся к выходу из облсовпрофа, меня внезапно окликнула секретарь из приемной председателя.

- Товарищ Махлай вас может принять, - заявила неожиданно она.

- Спасибо, передайте, что я в следующий раз загляну, - ничего не оставалось, как крикнуть мне в ответ.

К пишущей машинке я добрался почти бегом, изрядно вспотевшим. Сразу же настучал по дороге придуманный заголовок: «Опять в родной «Империа». После этого заставил себя сделать паузу, дабы не получилось все рожденным как бы впопыхах, перевел дух и позвонил все знающему в городе и области Грише Кривцу. Нужен был какой-то внешний толчок или даже скорее интеллектуальный фильтр. Как-то не верилось, что столько удач слетелось ко мне в один день. Гриша все внимательно выслушал и своим спокойным, рассудительным тоном сказал:

- Тебе улыбнулась удача потому, что зампред облсовпрофа спит и видит себя в кресле заместителя председателя облисполкома. А вообще-то, чувствую, это будет страшная бомба, которая, скорее всей выкинет тебя из нашего края...

- Гриша, - сказал я, широко улыбаясь, - нужно ведь когда-то и домой возвращаться.

Последнюю точку в статье я поставил за полчаса до отлета вечернего самолета на Киев. Таксисту я уплатил вдвое больше положенного, лишь бы он за пятнадцать минут доставил меня к летному полю. Да это был мой день. Красивая, синеглазая женщина, которая последней в аэропорту регистрировалась на вечерний рейс до столицы, без особых уговоров согласилась утром отвезти письмо непосредственно в редакцию. Я ее чуть не расцеловал. Поскольку на это не отважился, - жалею и по сегодня...

В тот же вечер я позвонил главному редактору Андрею Зоненко домой.

- Андрей Тимофеевич! - сказал как можно спокойнее. - Завтра вам занесут материал, похлеще шашлыков.

- Слушай, - ответил он весело. - Ты, наверное, хочешь, чтобы меня досрочно уволили на пенсию. Или чтобы тебя там прикончили.. У тебя же дети малые. - А потом после паузы додал, - ладно, я посмотрю.

В день выхода газеты с упомянутой публикацией из Херсонского обкома партии в чехословацкий санаторий «Империал» полетело экстренное сообщение: «Алекса́ндре Козуб срочно явиться на бюро обкома партии». До приезда заместителя председателя облисполкома в Херсон ей заочно, проверив увиденные мной в облсовпрофе документы, на бюро обкома Компартии вкатили строгий выговор с занесением в личное дело за нескромность. На том же заседании бюро решили постановить вопрос на сессии облсовета о пребывании ее на высоком руководящем посту.

За четыре месяца моего пребывания в южной ссылке тираж «Правды Украины» в Херсонской области вырос с десяти до девятнадцати тысяч экземпляров. Это был ответ читателей вниманием к изданию, которое пошло на открытую конфронтацию со скомпрометировавшей местной партийной властью. В редакции мне сказали, что подобного результата не добивался никто и никогда за всю полувековую историю издания.

Никто, разумеется, уже не искал меня с ключами от квартиры. О таком просто забыли. Напротив, заговорили о том, чтобы я платил проживание в общежитии партийных курсов, где сперва мне представили маленькую комнатку. Словом, к моей радости, местная власть переходила в наступление с целью выдвинуть меня из Херсона. В редакции тоже стали понимать, что после серии громких разоблачительных публикаций нечего было и думать о том, чтобы я мог оставаться и дальше работать собкором в этом южном городе.

Пройдет после этих событий без малого десятков лет. Работая главным редактором «Правды Украины», я однажды пригласил Андрея Зоненко, бывшего своего шефа, старого газетного волка, на какое-то торжество в редакции. Когда после ужина мы остались в кабинете в кругу нескольких человек, Андрей Тимофеевич неожиданно сказал:

- Ты, конечно, и не знаешь, не подозреваешь, что мне с Москвы дважды звонил заведующий сектором печати ЦК КПСС Виктор Бакланов, приказывал, чтобы я тебя ни в коем случае не переводил в Киев. Они считали, что твое место - провинция. Но я не послушался. Может быть, впервые так поступил. Потому что знал, это не столько воля Бакланова, московского ЦК, как желание твоего здешнего «друга», который затаил на тебя черную злобу. Ужасную злобу...

Я знал, что Зоненко не лукавит, говорит правду. Ну, хотя бы потому, что рассказывая о звонках из Москвы, употребил это выражение – «...я не послушался. Может быть, впервые». В редакции хорошо был известен панический страх Андрея

Тимофеевича перед ЦК и перед начальством вообще. За это его несколько и недолюбливали журналисты-правдоукраинцы. Лучше всего он, к сожалению, умел исправно брать под козырек. А чтобы отстоять кого-то, если нужно, добиться чего-то для коллектива перед вышестоящей инстанцией, - этого он просто не умел делать, или, может, боялся разгневать начальство. Потому порой и были в обиде на него бывшие подчиненные. Ибо это всегда поворачивалось недополученным жильем, других материальных благ для коллектива. Однако, как человек, в своих поступках, выводах, если это принципиально не шло в разрез с генеральной линией партии (а эту черту Зоненко больше всего боялся переступить), был он человеком мягким и добрым. Терпеливым. Любил шутку. Умел выслушать и понять. Всегда с уважением относился ко мне, и я отвечал ему тем же. Андрей Тимофеевич остался для меня дорогим и близким человеком.

«Я МОГУ ЗАБЫТЬ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЖЕНЫ МОЕЙ ФИРЫ, НО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА НЕ ЗАБУДУ НИКОГДА»

Впрочем, мне всегда, за исключением одного только раза, возло на руководителей. С первым своим редактором (будущим) я познакомился за несколько месяцев до окончания школы, весной 1966-го. Это как раз была та пора, когда продолжались пертурбации с районным делением. До 1959-го и мое крупное село Джуриин на юге Виннитчины, за полсотни километров от границы с Молдовой, было районным центром и даже гордо величалось городом. Что, конечно, выглядело и наивно, и смешно.

За это время оно несколько раз, что называется, переходило из рук в руки по части районного подчинения. С 1 января 1965-го районный центр образовали в Шаргороде, что в некие древние времена носил название Малый Стамбул и владел даже Магдебургским правом. Старый еврейский городок расположился в восемнадцати километрах от Джурина.

Как я теперь понимаю, в новообразованной редакции катастрофически не хватало кадров. И потому, когда я, школьник, печатавший до этого в жмеринской районке (село мое относилось и к этому району) свои первые стихи и маленькие информации, написал в шаргородский «Комунар» небольшую статью о молодежном коллективе фермерских доярок, в редакции очень ей обрадовались. Сперва со мной переписывались, давали какие-то небольшие задания. А весной, наверное, в апреле, меня вдруг с урока позвали прямо к директору школы.

Помню, что ходил я тогда в кирзовых сапогах и зеленоватой фуфайке. На плечах был потертый отцовский пиджак. Я стеснялся своего внешнего вида. Но что поделать, лучшего не было. Да и бедность тогда не считалась пороком.

В кабинете директора сидел чернявый мужчина с вьющимися волосами на седеющей голове. Было заметно, что правую руку он не разгибал в локте. Как потом

я узнал, она была прострелена на войне.

- Вот к тебе приехал редактор районной газеты, - сказал директор.

Я, разумеется, растерялся и остановился у двери, по-школьному опустив голову. И основном обо мне говорили редактор и директор. Гость настаивал на том, чтобы меня перевели на заочное отделение и я буквально с завтрашнего дня переходил на работу в районную газету. Дескать, зачем ему эта школа, он уже готовый журналист. Если, мол, мама наградила его даром владеть пером, никакая школа, ВУЗ не научат лучше.

Директор школы, тоже фронтовик, Наум Борисович Блаватник, хорошо поставленным голосом отвечал, что и речи не может быть о обучении, экстерне. Похоже, заявление редактора его даже оскорбило.

- Он что - Ленин? - громко говорил, как кричал, директор. Он это делал так потому, что в войну был авиамехаником, обслуживал самолеты, и ему постоянно приходилось перекрикивать шум работающих двигателей. - Пусть закончит школу, как все. Тогда и забирайте. Нехай пишет стихи еще в школе. И научится их лучше читать со сцены. Чтобы на отчетном концерте не сбивался, как это было недавно. А то свои стихи, а он их выучить наизусть не может...

Я сгорал со стыда, рассматривая носки перепачканных сапог, потому что ни весной, ни осенью пройти в центр из той части села, где я жил, не вымазавшись по уши в грязи, было просто невозможно. Мне хотелось провалиться сквозь пол, убежать от всего этого. Я был уже не рад, что писал эти проклятые стихи, из-за которых не имел прохода ни в школе, ни на улице, поскольку все дразнили меня поэтом. И этот человек тоже приехал из-за стихоплетства и моей писанины. Но что поделаешь, стихи жили во мне. Как где-то я прочитал:

«Поэзия - пресволочнейшая штукавина, существует — и ни в зуб ногой!».

Было стыдно еще и потому, что Наум Борисович был отцом Ляли Блаватник, нежной, красивой девушки, которая с подружкой Леной Забаратой сидела за партой как раз впереди меня и каждый раз, закидывая свои непокорные длинные косички на спину, обдавала меня запахом чего-то особенного, дурманящего и дразнящего. От чего еще больше хотелось писать стихи и любовные записки. И не только ей. А еще и Наташе Смалюх, несколько сумбурной и потому неповторимой восьмикласснице, за которой тоже сохло полшколы парней.

Ну и что, что я был с отдаленного уголка села, который почему-то все безгласно называли Кореей, что к нашему дому, когда общество уже строило коммунизм, еще не подвели электричество? А я при свече на Корею как напишу стихотворение для Ляли или Наташи, они обо всех моих соперниках забывают сразу. Или это только так мне казалось. А Натальина мама, сельский врач и красивая видная женщина родом откуда-то из России, как-то даже сказала: «Пусть лучше Наташа встречается с Сашей, он мальчик начитанный и пишет красивые стихи. А от остальных все равно никакого толку. Останутся в селе пить самогон и лупить своих баб».

Вот что такое слово и стихи. И я не знал, то ли благодарить мне судьбу за это дивное умение, то ли хулить ее. Ибо выслушивать от Наума Борисовича уколы, да еще перед чужим человеком, было, согласитесь, крайне неприятно. Разве мог я рассказать им сейчас в кабинете, что сбился я на концерте, на который собралось чуть ли не все село, не потому, что забыл свое же стихотворение, а оттого, что именно в тот момент, когда я вышел на сцену и стал декламировать поэзию, в один из передних рядов пробилась сквозь толпу в проход Наташа Смалух и на моих глазах втиснулась, чуть ли не на руки села моему главному сопернику по ухаживанию за ней Грише Хашко. И довольный, как слон, белолицый Гриша такую смастерил мне рожу из зала, что я поперхнулся, запнулся, повернулся и ушел со сцены.

- Пусть он решает сам, - вдруг говорит редактор. - Он уже взрослый.

- Взрослым он станет тогда, когда получит аттестат, - отвечает Наум Блаватник. - А сейчас он мой школьник.

Переговоры в кабинете директора закончились тем, что редактор предложил мне сразу после выпускного вечера выходить на работу в районную газету. Я послушался его, так и сделал. Встретив со всеми выпускниками рассвет после выпускного вечера, первым же автобусом уехал в редакцию. В шестнадцать мальчишеских лет, потому что в школу я пошел как бы несколько раньше положенного срока.

Моего первого редактора звали-величали - Андрей Иванович Катеринич. Можно рассказывать целые легенды об этом не простом несколько странном человеке. Но с сегодняшних позиций я понимаю, что был он продукт своего времени.

Скажем, больше всего он бахвалился тем, что был членом бюро райкома партии. Входил в партийную девятку, которая, считалось, руководила районом. Он подчеркивал это, где нужно и не нужно.

Больше всего мне запомнился в связи с этим инцидент, на проселочной дороге под Шаргородом. Ехал редактор своим Уазом, а его вдруг возьми и обгони «Москвич»-пикап. Побагrevший от такой дерзости, Катеринич приказал водителю: «Немедленно догони и останови наглеца».

УАЗ рванул, что было в нем мочи, и за несколько минут перекрыл дорогу «Москвичу». Из него вышел удивленный механик одного из колхозов Владимир Пивторак.

- Здравствуйте, Андрей Иванович! - поздоровался он, не понимая, что происходит.

- Ты мне здесь бирюльки не играй, не раскланивайся, - заорал что есть мочи Катеринич. - Кто тебе дал право обгонять члена бюро райкома партии? Кто научил тебя такой наглости?

- Правила дорожного движения, - дерзко нашелся механик.

- А если бы здесь в машине был Довгань? (Довгань - это первый секретарь райкома партии).

- Но вы же не Довгань, - еще больнее укусил Катеринича острый на слово и не по временам гордый, смелый Пивторак. - И не покойник, и сотрудник ГАИ, которых как бы не положено обгонять...

- Ладно, - как ошпаренный подскочил редактор, засуетился возле двери своей машины, забираясь в нее. - Теперь ты у меня попляшешь. Будешь знать, десятому закажешь, как обгонять машину члена бюро райкома партии. Останешься без партбилета и работы. Пешком ходить будешь. Тогда уж точно не обгонишь...

Вы думаете, это басня? Увы. Где-то в архивах пылятся документы о заседании бюро Шаргородского райкома партии, где на полном серьезе рассматривалось персональное дело механика колхоза «Украина» и 1 села Гибаловка Владимира Пивторака, который повел себя нескромно, обогнав на своем служебном авто машину члена бюро райкома партии. Амбициозный Андрей Катеринич раздул из этого всего персональное дело коммуниста. Сперва его соратники по бюро принимали все со смешком, однако услышав о том, что поступок Пивторака не понравился и первому секретарю райкома партии Василию Довганю, надели на себя непроницаемые маски истязателя и такое вытворяли на заседании, что сегодня с этого можно было написать юмористическую пьесу в стиле Жванецкого. Причем, колхозному трудяге все-таки записали выговор в личное дело. За нарушение партийной этики. Вот так! И не меньше.

Шаргород - местечко, где еврейская хитрость плотно соседствует с хохлацкой продажностью и наивной простотой, знает подобных историй столько, что хоть отдельную книгу об этом пиши.

Вот, к примеру, эта. Как-то Василий Довгань, гроза и сила района, первый секретарь райкома партии, ушел в отпуск. А дело как раз было в те дни, когда праздновали очередной день рождения Владимира Ульянова (Ленина). Вот кое-кто из руководителей и расслабился. Подумал: дескать, первого секретаря райкома на месте нет, зачем идти торжественное заседание по случаю дня рождения вождя мирового пролетариата? Лучше это время провести в каком-нибудь застолье.

Руководство райкома поручило редактору районной газеты Андрею Катериничу переписать имена тех руководителей, которые не явятся на торжественное заседание в районном доме культуры, подготовить соответствующее предложение на бюро. Андрей Иванович любил такие вещи. И всегда готов был стараться. Не мешкая, он взял на карандаш всех, кто проигнорировал ответственное партийное мероприятие, и внес такое предложение: провести заседание бюро райкома партии по «разбору полетов» в четыре часа утра следующих суток. Заслушать на нем нерадивых.

Поскольку А. Катеринич слыл земляком и другом В. Довганя, возражать никто не пожелал. Кто знает, а вдруг он это предлагает указке самого Василия Ивановича.

Первым в четыре часа утра, поднятый с постели звонком дежурного райкома партии, прибежал перепуганный директор райпромкомбината Михаил Винокур. Изворотистый и пробивной, он начинал свою карьеру из цеха безалкогольных напитков, не имея даже среднего образования. Винокур вскоре стал в буквальном смысле кормить не район, производя и хлеб, и колбасы, и воду. Его жена, чернобровая Фира, была известна всему району, поскольку в самом центре города всю жизнь торговала. То в кафе, то в единственном здесь ресторане «Левада». Когда людям нужно было встретиться или пообедать, все договаривались в определенное время явиться к Фире Винокур.

А.Катеринич предложил за неуважение к памяти вождя мирового пролетариата, его славному дню рождения исключить товарища Винокура из рядов ленинской партии.

Что случилось с Винокуром! Он буквально взмолился:

- Уважаемые члены бюро райкома партии! - Сказав эти слова, Михайил картинно поднес руки вверх, словно к иконе. - Прошу поверить, я был очень занят на работе и просто забыл о дне рождении товарища Ленина. Но я прошу поверить так же мне в том, что с сегодняшнего дня я могу забыть день рождения моей Фиры, но день рождения товарища Ленина буду помнить всегда... Всю оставшуюся жизнь...

После этих слов он рухнул на колени перед членами бюро райкома партии и, как заклинание, повторял:

Я впредь могу забыть день рождения Фиры, но день рождения товарища Ленина теперь не забуду никогда...

Второй секретарь райкома партии Николай Подолян громким голосом заключил:

- Товарищ Винокур! Решением бюро райкома партии вам объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Чтобы вы впредь помнили день рождения товарища Ленина наравне с днем рождения уважаемой жены вашей Фиры. Поднимитесь с колен.

КАК Я В МИНИСТРЫ ХОДИЛ. ПЕРВЫЙ РАЗ...

Предстоящие президентские выборы 1994 года накатывались с неумолимой быстротой. Сколько я ни пытался разобраться в самом себе, понять, кого мне лично нужно поддерживать в гонке, это было необычайно трудно. Да, если бы этот вопрос возник тогда, в конце восьмидесятых, я бы не задумываясь поддержал Л. Кравчука. Ибо в моей жизни он сыграл очень важную, отеческую роль. Своими действиями

Леонид Макарович показал, что человек он весьма рассудительный и умный, сказать бы - совестливый, человечный, он - настоящий боец. Но что вполне закономерно: люди и обстоятельства со временем меняются. Я уже точно знал, что, как президент, Леонид Макарович мне не совсем подходит. Мне, например, далеко не по душе были его заискивания перед западом. Все структуры высшей государственной власти обсели иностранные советники. Мы говорим о суверенности, но в то же время сами, и, прежде всего действиями пана президента, лезли в зависимость от заграницы и экономическую кабалу.

Приходилось удивляться и тому, какие люди выдвигались на важные государственные посты, кто назначался в число советников и входил в ближайшее окружение Президента. Положим, меня больше всего удивлял Павел Кудюкин, который буквально ногами открывал президентский кабинет. Я же убедился на личном опыте, что этот человек мог, глядя тебе в глаза, на черное говорить белое. В моем рабочем сейфе, к примеру, лежало несколько договоров на оказание спонсорской помощи газете за подписью руководителя Черноморского морского пароходства. Но при каждой встрече, при каждом телефонном разговоре президент БЛАСКО весьма серьезно утверждал, что деньги вот только сегодня, только что отправлены на редакции. На самом же деле, никогда, ни одного доллара США, украинского карбованца так и не поступило с Одессы, хотя П. Кудюкни обещал помочь нам больше года.

Подобных людей в окружении первого президента Украины было много. Но главную скрипку играли при дворе несколько иные действующие лица. Это Лариса Скорик, Дмитрий Павлычко, Богдан Тернопильский.

Со всеми этими людьми я не просто был знаком, а можно сказать, - близок в деловых отношениях. Важным координатором в администрации президента был моложавый мужичок в черной борой Богдан Тернопильский. Он занимал сравнительно невысокий пост - сотрудника управления территорий администрации президента. Но именно в его кабинете, на пятом этаже президентского дворца, решались многие вопросы. Потому, что именно сюда, к пану Богдану, очень часто, если не сказать ежедневно, приходила Лариса Павловна Скорик. Сюда же забегали братья Горыни, приходил Николай Поровский. Видел я тут и Василя Червония. Очень часто звонил сюда Дмитрий Павлычко. Это был своеобразный штаб демократических сил при президенте Украины того времени.

В центре всех событий была, разумеется, Лариса Павловна. Деловая, активная. Острая на слово. Она имела непосредственное и прямое влияние на Леонида Кравчука. Чуть ли не в любое время суток она обладала правом на общение с главой государства. Пани Скорик могла подняться со стула и сказать, что сейчас вот идет к президенту «Какие нужно решить вопросы?» - иногда спрашивала при этом Богдана. Он был у нее, словно начальник штаба, правая рука. И как деловой советник. Вдвоем они обсуждали разные вопросы государственного устройства и кадровые назначения. Если нужно было решить что-то очень важное, подключали к этому Дмитрия Павлычко, который был своеобразным некоронованным вице-президентом при президенте Л. Кравчуке. С ним Леонид Макарович советовался во всем. Без него, кажется, не принимал ни одного сколько-нибудь важного решения.

Если без Павлычко было не обойтись, тогда Л.Скорик и Б. Тернопильский бежали через дорогу, в белое здание напротив администрации президента, где размещались комиссии Верховной Рады. Там находился кабинет Дмитрия Васильевича, руководителя одной из комиссий парламента.

Очень часто к пану Богдану приходила его жена - Светлана. С виду - маленькая симпатичная корейка. Но, если не ошибаюсь, корнями своими она походит откуда-то из народов севера России. Было несколько странно слушать, как эта женщина прекрасно владеет украинским языком, как она свободно обсуждает с мужем и Ларисой Павловной проблемы внутренней и внешней политики Украины, ругая поганую Московию, и на чем свет стоит - коммунистов. Она даже выступала на митингах. Ее не без помощи, разумеется, мужа Богдана не раз показывали по телевидению.

Политическая карьера жены, похоже, для пана Тернопильского была, как я вскоре понял, частью его жизни. Он чем мог, пособлял ей в публичности. С особым упоением Богдан слушал, иногда поправляя, так сказать, кабинетные выступления Светланы,

Еще в начале наших встреч он однажды спросил меня:

- А вы знаете такого политического деятеля, как Светлана Ли?

Я подумал и ответил, что «да, знаю», что слышал это имя, а потом мы в «Правде Украины» как-то печатали несколько ее небольших публикаций на политические темы, которые, кажется, приходили к нам по почте. Они показались нам актуальными, отвечали злобе дня.

- А саму ее знаете? - не отставал Богдан.

- Думаю, что нет, лично не знаком.

- Так это же моя жена, которая только что ушла, попрощавшись с вами, - он с огромным удовольствием смеялся над моим удивлением. А может, и над тем, что я не знаю такого политического деятеля, как Светлана Ли.

Не скрою, мне многое импонировало в этих людях. Они как бы и добра хотели Украине. Одного никак не воспринимал я - чувства их оголтелого антикоммунизма. Да, предыдущий политический строй зижделся на значительных перегибах. Но ведь и многое, очень многое в жизни было таким, чему нужно позавидовать всей остальной цивилизации. Но это друзьями Богдана совсем не бралось в расчет. Точнее - отметалось напрочь. Виделось им только одно: что они комуныки. Стало быть, всех их нужно тянуть к «гиляке». Все иные восприятия просто игнорировались.

Еще свежи были в памяти события октября 1993-го, когда танком прямой наводкой был расстрелян Верховный Совет России. Богдан очень часто повторял свою тираду в отношении этого:

- Какой дурак был Ельцин, какой дурак! Ему надлежало дать возможность всем комуныкам выйти на улицы. Спровоцировать их близкую победу. Чтобы все они повылазили из нор. Раскрылись, а потом перестрелять всех до единого, перетоптать танками. Там бы и наши многие полегли. А то ведь и здешние ездили защищать Белый дом.

Вот этот политический экстремизм, замешанный на откровенном иезуитстве, настораживал и пугал меня. Как можно до конца доверяться людям, которые даже не приемлют точку зрения огромной части населения страны? Я не хочу сказать, что все из них были коммунисты или убежденные их сторонники. Идеология былой власти, которая все-таки много хорошего делала для простых людей, оставила заметный след в душах миллионов и миллионов. И с этим не нельзя было не считаться. Особенно в первые годы независимости Украины. Мне казалось, чтобы переубедить тех, кто свято верил в коммунистические идеалы, сделать их своими соратниками, пожалуй, нужно было действовать не так прямо и в лоб, как поступали паны-демократы. А тише и исподволь. Умнее. Мои же знакомые за единственную тактику принимали только лобовую атаку.

Я даже уверен, что Л. Кравчук потому и проиграл на выборах, что этого не учел, что свою предвыборную кампанию он поручил вести демократам - ортодоксам. Жажущим крови коммунистов. А поскольку люди с левыми настроениями до недавнего времени были практически в каждой украинской семье, они выступали против Леонида Макаровича и панов-демократов, которые были слишком радикальными в отношении минувшего и этих людей, и их бывшей страны.

Комната №509 администрации президента вскоре превратилась в предвыборный штаб. Всем здесь руководила Лариса Павловна. Тут проводился, прежде всего, анализ печатной продукции. Просмотры периодики, и в первую очередь, таких изданий, как «Независимость», которая ежедневно дегтем мазала Л. Кравчука, подводил к мысли Скорик и Тернопильского, что газеты каким-то образом нужно прибираться к рукам. Ими необходимо управлять. Особенно злило их то, что упомянутое издание в общем-то для демократов было не вражеским, не было и коммунистическим. Но вело откровенную антипрезидентскую кампанию. Им фактически управлял Вячеслав Чорновил, с которым Лариса Павловна и другие демократы к тому времени как раз побиты горшки. В. Чорновил чуть ли не каждый день встречался с редактором «Независимости» Владимиром Кулебой и через него определенно влиял на политику издания. Посему, издание по отношению к Л. Кравчуку стала еще агрессивным, когда пан Чорновил стал кандидатом в президенты. Вячеславу Максимовичу было важно отобрать голоса у Кравчука. Фактов для острых публикаций, складывалось впечатление, у В. Черновила было более, чем достаточно. Поэтому публикации «Независимости» выглядели аргументированными и били, что называется, не в бровь, а в глаз.

Поиски влияния на такие издания привели Л. Скорик и Б. Тернопильского к мысли, что в Украине нужно срочно создать министерство информационной политики. Государственный орган, который мог бы в определенной степени смастерить сбрую или хотя бы узду для строптивых изданий. Каковым должен был быть этот политический тормоз, думаю, они себе в точности не представляли, но

считали, что свободой слова в Украине все-таки надо в определенной степени управлять через государственную структуру. Как говорится, был бы кнут, а как им ударить - можно изловчиться.

Как-то в моем присутствии они стали думать-гадать, кого бы выдвинуть туда в министры. И вдруг Тернопильский, повернувшись в мою сторону, сказал:

- Что нам искать - лучше кандидатуры Сан Саныча не найти. Главный редактор центральной и влиятельной газеты. Известный человек в стране. Волевой и настойчивый...

Лариса Павловна осмотрела меня с ног до головы, словно бы увидела впервые, и ответила:

- Кандидатура неплохая. Но все-таки меня коробит это лихое название издания... Ну, спросят, например, откуда он в министры пришел? Ответ: из «Правды Украины». Чувствуешь, Богдан, название с запашком - комуняцкое... Вот это нехорошо...

Зазвенел телефон, кто-то позвал их по очереди к решению каких-то вопросов. Тему позабыли.

Дней через десять мне позвонил Б. Тернопильский и сообщил, что нужно срочно ехать на собеседование к Павлычко.

- Какое еще собеседование? - удивился я.

- На должность министра информации, мы же говорили по этому поводу.

- Так это же был неофициальный разговор.

- Значит, сегодня будет и серьезный, и официальный. Дмитрий Васильевич ждет. Он решит сам, вести вас к Леониду Макаровичу или как дальше быть.

- Но ведь моего мнения никто же не спросил.

- Вот Павлычко и спросит. Езжайте сейчас же, а то у него много дел.

Дальше отпираться было как-то бессмысленно. Я никому ничего не сказав в редакции, поехал на прием к известному украинскому поэту, который, что называется, отложив музу, стал чуть ли не вторым лицом в государстве. Мне лично сей подвиг не нравился, поскольку я полагаю, что творческий человек, романтик вряд ли может быть хладнокровным политиком. А вот поэт...

Меня всегда одолевало чувство, что это два совсем разных человека. Даже два антипода. Один создавал лирические шедевры, равных которым вряд ли найдешь в украинской литературе. Был несравненным поэтом-песенником. Как здесь не привести в пример слова самой любимой моей песни, песни-гимна жизни - «Два кольори». Другой - человек, который слишком круто брал в политической тональности, иногда превращаясь в слепого душой политика-ортодокса, в

банального площадного охлократа.

Павлычко, как мне показалось, принял меня нехотя. Может, и впрямь дел других у него было множество. Но спросил он как ради формы:

- Ну и что мы с этим министерством делать будем? Возьмем прессу в руки?

- Думаю, что нет, - ответил я.

- Это почему же? - удивленно поднял он вверх дуги бровей, прицелившись в меня своими синими глазами.

- Да по праву демократического общества...

- Ого, до страны с демократическим обществом Украине еще нужно много расти и расти. Лет эдак с десятков-полтора. А вот на этот период роста и нужны вожжи. Хорошие вожжи. Может быть, даже не для всех. Для кое-кого.. .Чтобы не забывали: против политики государства выступать нельзя.

- Наверное, против главы государства, - попытался легонько поправить я.

- Разумеется, - поддержал Дмитрий Васильевич. - Президент святой человек. Он избран народом, и его уважать нужно, а не каждый день мазать дегтем. Вот для этого и нужен режиссер в обличье министра информации...

Минут десять мы разговаривали в подобном ключе, как бы ни о чем. Но вдруг его куда-то позвали, он заторопился, заизвинялся, и ни о чем по существу мы с ним так и не потолковали - не получилось. А может, ему и этого было достаточно, чтобы понять, убедиться в том, что я не очень-то поддерживаю идею создания надзорной ветви государственной власти за главнейшим институтом демократического общества - свободой слова. Прощаясь, Павлычко сказал, что мы еще встретимся по этому поводу. Однако он несколько ошибся. Встретились мы значительно позже, через три с лишним года, аж осенью 1997-го, и совсем не по поводу создания министерства, а в легендарном партизанском краю - Банской Быстрице, что под Катовице, он - как посол Украины в Словакии, я - как участник международного антифашистского форума. У него теперь были другие заботы. 1

После этого разговора и Б. Тернопильский больше не вспоминал о министерстве. Скорее всего, спираль предстоящих президентских выборов закручивалась так туго, что было просто не до этого. Несколько раз звонила Л. Скорик, передавая для печати статьи о Л. Кравчуке. Уговор у нас был четкий - за каждую публикацию, как за рекламу, нужно платить. Редакция выставяла счета, они тут же оплачивались. Лариса Павловна даже спрашивала, дескать, может, вам закинуть сумму, вы назовите только какую, а потом будете вычитать за публикацию. Поразмыслив вместе с членами редколлегии газеты, мы отказались. Не хотелось влезать в долги.

- Ты только возьми их деньги, - размышлял прямой и откровенный первый заместитель Владимир Малахов, - они тут же сядут на голову, и будут диктовать свои условия. Превратишь тогда газету в рекламно-агитационный листок Кравчука.

Кто из читателей подпишет такое издание? К тому же авторитет Кравчука в народе, знаешь какой...

Как раз в эти дни я как-то утром зашел по делам к Ефиму Леонидовичу Звягильскому. Стояло знойное лето 1994-го. К восьми утра не лодыри уже многое сделали. Как и рано встающий, исполняющий обязанности премьер-министра. Наверное, он уже достаточно наговорился по телефону. Потому, как только я показался в двери, громко сказал:

- Проходи, садись...

Пока я шел от двери к креслу, он успел поднять трубку и сказать секретарше, чтобы ни с кем не соединяла, махнул рукой на трезвонивший аппарат «сотки». Когда я уже подошел к креслу, Ефим Леонидович вдруг задал мне вопрос, который, видимо, давно его мучил:

- Ты вот скажи мне честно, как журналист, как редактор: кто по твоему предположению победит на выборах - Кравчук или Кучма?

Я посмотрел на него с высоты своего роста, и мне стало вдруг жалко этого человека. Он сидел большой в огромном кресле, но как-то очень неуютно, скривившись. Глубокие морщины, казалось, больше обычного избороздили его крупное, немолодое лицо. Он ждал ответа. Как будто бы оттого, что я сейчас скажу, могло что-то измениться.

Я понимал его душевную внутреннюю тревогу. Поближе к выборам оппоненты, а это работавшая перед ним в Кабмине команда Л. Кучмы, всячески затушевывала подвижки в экономике, случавшиеся при Е. Звягильском. С помощью подкупленной прессы разворачивала целую кампанию против «человека-горы» - Ефима Леонидовича. Он это глубоко переживал. А тут еще какие-то разногласия вышли у него с генеральным прокурором С. Дацюком. Последний уже несколько раз публично выступал против исполняющего обязанности премьер-министра, называя его чуть ли не главным в стране коррупционером.

Но мне не хотелось и обманывать этого немолодого человека. По тому размаху, который раскручивал государственный аппарат с помощью предвыборных штабов, руководимых Н. Михальченко, Л. Скорик, Д. Павлычко, можно было подумать, что предвыборную гонку выиграет действующий президент. Поэтому я, нисколько не лукавя честно заявил, что по моему предположению верх при голосовании будет все-таки за Леонидом Кравчуком. Услышав эти мои слова, Ефим Леонидович заерзал в кресле, повернулся к окну и задумчиво сказал.

- Только бы не Кучма. Не дай бог Кучма. Потому, что тогда мы все пропадем...

Александр Горобец

Босиком по битому стеклу

Записки и размышления

Опального главного редактора

«Правды Украины»

часть вторая

**ЗОЛОЧЕННЫЕ ОКОВЫ ДЛЯ СВОБОДЫ
СЛОВА**

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ ПОЛЬКУ-БАБОЧКУ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Я долго искал начало для второй части этих записок. Ведь предстояло рассказать главное, как «Правда Украины» оказалась среди оппозиционных изданий, что послужило причиной ее противоправного закрытия, кто приложил больше всего усилий к этому, а потом и к моему аресту. Дать моральную оценку тому, что произошло и со мной, и с людьми, которые были рядом. Наконец, рассказать о заточении в СИЗО и освобождении. Что собой представляет это «чистилище».

Все это как бы существует, живет во мне, в моей памяти очень яркими картинками. Но своей особой жизнью. Словно бы за кулисами происходящего. Но, кажется, стоит протянуть руку, произойти кому-то событию, и на сцене появится то, что недавно было.

Вот и этими днями мне случайно попал в руки уже далеко не свежий номер киевской газеты «Бульвар», специализирующейся на различной околосексуальной клубничке. Это было издание за ноябрь 2000 года. Полистал - и словно бы вновь оказался в центре жарких событий недавнего времени. Еженедельник, который со дня своего рождения очень близок к Дмитрию Табачнику, на этот раз посвятил Дмитрию сразу несколько страниц. Наверное, дабы не забывали люди, что есть такой политик.

Много интересных абзацев встретилось мне здесь. Дима разглагольствует и бравирует по поводу былых своих заслуг. Но вот порос Гордона:

« - Помню, как в связи с вашей отставкой «Правда Украины» быстренько подсуетилась со статьей «Конец чернобородой Димократии»...

- Это был заказ Лазаренко в исполнении Горобца. Кстати, за пасквиль газета по личному требованию президента через несколько дней извинилась.

- Автор той статьи утверждал, что в первые месяцы, готовя президенту речи на украинском языке, вы даже в тексте расставляли ударения...

- Это неправда. Потому что прежде, чем выйти на трибуну с серьезным, большим выступлением на украинском языке, президент несколько раз его читал в моем присутствии и кого-нибудь из спичрайтеров - Анатолия Гальчинского или Владимира Литвина. И, конечно, никаких ударений мы не расставляли. Но я знаю, откуда взялись эти домыслы и кто из ребят отдал журналистам выступления Леонида Даниловича, датированные 92-ым годом, когда он только стал премьер-министром.

- Вы тогда тоже участвовали в подготовке текстов?

- Нет, это делал Витя Чайка. И вот там действительно ставили ударения и даже набирали украинские слова русскими буквами или наоборот.

В любом случае обнародовать внутренние рабочие проблемы аппарата так же безответственно, как - я уж не знаю! - сексуальные отношения со своей законной женой снимать на пленку и потом рассматривать в кругу посторонних. На мой взгляд, это совершенно не достойно. Никакие рукописные поручения президента, его правки на выступлениях и резолюции я никогда не «сбрасывал» в прессу, не давал их обнародовать. Это - часть высших тайн государства.

Есть вещи, о которых нужно судить по их публичным проявлениям. Точно также я рассуждал, когда в 94-96-м годах возникали вопросы, кто готовил то или другое выступление президента. Этого знать никому не положено. Почему? Потому, что после того как текст произнесет президент, нет других авторов и соавторов, кроме главы государства. Во всех странах мира крупные выступления, доклады готовит группа аналитиков, сотрудников аппарата, спичрайтеров. Но никто из них никогда не претендует на авторство.

Помню, у меня был конфликт с покойным Александром Разумковым из-за того, что в конце какого-то из ежегодных посланий президента они написали: «Над текстом работали...» - и перечислили фамилии. Я считаю, это совершенно не нужно. Люди, которые работают в аппарате и готовят выступления президента и премьер-министра, за это получают высокую зарплату, персональную машину, хороший кабинет. А слава на таких должностях, извините, не предусмотрена».

Сказано как бы правильно. Но правда ли все? Вот это - вопрос.

Начну хотя бы с Владимира Литвина. Лукавит Дмитрий Владимирович, лукавит. В те времена, когда директор «Южмаша» Л.Кучма стал на некоторое время директором республики, возглавив в октябре 1992-го Кабмин, и учился читать украинские тексты по расставленным в тексте ударениям, господин Литвин еще и близко не был допущен к правительственным учреждениям. В то время он обивал пороги «Правды Украины», готовясь стать ее сотрудником. История этого такова. К

августу 1991 года, когда в один день было опечатано ЦК КПУ, Владимир Литвин трудился помощником секретаря Центрального Комитета Василия Лисовенко. Наверное, в году 1993-ем мне неожиданно позвонил Василий Трофимович, который к тому времени уже возглавлял объединение «Укрзооветснаб».

- Знаешь, - сказал, - у меня есть прекрасная кандидатура на должность политического обозревателя для вашей газеты. Это мой личный помощник - Владимир Литвин. Толковый человек. Кандидат наук. Пишет прекрасно. Чудесно владеет ситуацией, хорошо разбирается в людях. Ценный кадр, как раз для вас. Был некоторое время без работы, потом работал сторожем. Сейчас иногда читает лекции в университете. Но это не его удел. Ему нужно живое, горячее дело, как ваше...

Мне ничего не оставалось другого, как предложить Василию Лисовенко передать его протее, пусть напишет одну-две статьи и приходит с ними в редакцию. Ибо только так можно оценить достоинства человека, который претендует на роль журналиста. Лист чистой бумаги и ручка - лучшие экзаменаторы. Они объективно покажут насколько человек умен и образован, владеет логикой и здравым смыслом, каков его интеллектуальный запас.

Я стал уже и забывать об этом разговоре, когда однажды заходит ко мне заведующий отделом политики газеты Вадим Антонович Фоменко, старый журналистский волк, и говорит:

- Тут приходил ко мне Владимир Литвин, бывший помощник Василия Лисовенко... По вашей просьбе подготовил статью. Я прочитал, написана на хорошем уровне. Можно ставить в номер. И вообще, он, как мне показалось, совсем не глупый человек. И даже не против у нас поработать.

- Ну, давайте проверим его, дадим несколько конкретных заданий. Пусть покажет, на что способен.

- Да, мы с ним уже договорились. Он подготовит статью о команде Кравчука.

Несколько публикаций В.Литвина в «Правде Украины» показывали убогость и хуторянство тогдашнего так называемого политического бомонда страны. Особенно удачной оказалась его публикация, касающаяся оценки вышедшей тогда книги о первом президенте Украины Леониде Кравчуке. Думаю, что именно после этой статьи его как раз и заметили в администрации президента. Ко времени, когда фактически был решен вопрос о переходе Владимира Литвина в «Правду Украины», ему предложили место на Банковой, 11. Он выбрал не журналистику.

Так что господин Табачник не прав: В. Литвин не имел никакого отношения к поступлению в редакцию светоконии оригинала выступления Л. Кучмы в парламенте, где на каждом слове стояло ударение. Не передавал мне его и тогдашний помощник главы правительства Виктор Чайка, как уверенно заявляет об этом несостоявшийся полковник запаса.

Я много раз беседовал с Чайкой по телефону, особенно в пору, когда он возглавлял «Киевские ведомости», но судьба не сводила нас ни разу. Так что

никакого документа я просто не мог получить из его рук. Да и зачем нужно было ему это делать. Подобную роль исполнил пресс-секретарь и руководитель управления информации Кабмина Дмитрий Табачник. Именно он, еще до выступления Л. Кучмы в Верховном Совете с программной речью о борьбе с коррупцией, вручил мне два десятка страничек малого, карманного формата с ударениями на каждом слове. Легенькие, но строгие линии справа на лево, как иглы, пронизывали все письмо. Димины иглы, за которыми ниточкой вьется сам Леонид Данилович со своим косноязычием. Как зримое доказательство этому, отдельные слова выписаны на половину в украинском, а отчасти и русском варианте букв, например: «В мэнэ навггь нэмае Закону про Кабінет Міністрів».

- Леонид Данилович очень хочет, чтобы его выступление первым появилось в «Правде Украины», - сказал мне тогда Табачник, передавая текст. Теперь же он, послужив главой канцелярии, учит, что, дескать, нельзя оставлять следов, указывающих на безграмотность, языковую ограниченность государственных мужей. Но что поделаешь, куда денешься, если они бывают и такими. И их приближенные, которые, пытались выглядеть лучше, чем есть на самом деле, без зазрения совести свои грехи, да еще и публично, спихивают на других.

Тут-то, наверное, и пришла пора ознакомиться с самой статьей «Конец чернобородой Димократии», о которой много уже сказано и где первая буква «И» в последнем слове с помощью компьютерной графике в газете была написана сверху над перечеркнутым «Е». Имелось в виду, что за время правления канцелярией президента (читай – Л. Кучмой) «демократия» в Украине была напрочь подменена «Димократией». Оттого, что «демократией» правил Дима.

КОНЕЦ ЧЕРНОБОРОДОЙ «ДИМОКРАТИИ»

Статья под таким заглавием появилась в четверг, 12 декабря 1996 года, и заняла почти всю первую полосу «Правды Украины». В подзаголовке ее крупным, жирным шрифтом было написано: «В реальность происходящего трудно поверить: как же Л. Кучма без Д. Табачника? Как может быть иголка без нитки? Такое, похоже, было еще в 1953-м, когда вдруг не стало Берии. А как же жить без него? Ведь, это казалось, ключ ко всему госмеханизму. Тень царя.»

Дальше шла сама статья. Вот она:

«Началось все, когда Л. Кучму избрали первый раз народным депутатом Украины. Того, предыдущего созыва. Приехал в Киев директор «Южмаша» на сессию, нужен был помощник - документы различные готовить, выступления, статьи в газеты писать. Знакомые посоветовали Леониду Даниловичу некоего Диму Табачника. Дескать, молодой, энергичный. Хоть не журналист, историк по образованию, но в редакциях киевских газет знакомств достаточно имеет. Украинским отменно владеет. С полуслова начальство понимает. Грамотный, начитанный - лучше не сыскать.

В этом Леонид Данилович воочию убедился, когда премьер-министром стал. Табачник как специально для должности начальника управления информации готовился. Все редакции газет к рукам в один момент прибрал, стал вскоре умело всей информационной направленностью дирижировать. С Леонида Кучмы лепить образ борца с мафией и коррупцией.

Помните те пресс-конференции? Не успеет Леонид Данилович и рот раскрыть, а его пресс-секретарь уже столько наговорит, и отвечать не нужно.

В предвыборном штабе кандидата в президенты Украины Л. Кучмы Д. Табачник по праву был уже первой скрипкой. Точнее бы сказать, для него это была родная стихия. Договариваться с редакциями о заказных статьях, выступлениях по телеканалам, радиостанциям - лучше его никто не умел. И тексты состряпать, акценты в нужной тональности расставить, сюжет так повернуть, чтобы крутую волну недовольствия поднять. Ну, просто мастер, понимаете.

И вот, когда вдруг неожиданно получилось, что команда их победила... Все от неожиданности оробели. Не поверили в свое случайное счастье: ведь у ног оказалась целая страна. Одна из самых крупных в Европе. Только, похоже, он, самый молодой, Дима Табачник - всего-то тридцать лет от роду - не растерялся. Оказался. готов подставить плечи под одну из самых высоких государственных нош - вслед за патроном, Л.Кучмой. Еще и бороду свою, ставшую знаменитой, завел к этому историческому моменту. Как символ ежовых рукавиц. Ну, дескать, мы поруководим. Мы быстро тут со всеми разберемся.

И начал рулить. По-своему. И разбираться. Самолично. Особенно с теми, на кого зуб заимел в недавнюю пору, злость на кого приберег с прошлых времен.

На второй или третий день правления своего во главе президентской канцелярии, например, министра здравоохранения Украины Владимира Мальцева к себе поманил. «Вы, Владимир Иванович, не из нашей команды, - сказал. - А это значит, что вы вот тут же, из кабинета моего не выходя, по добру заявление мне на стол положите. И можете быть свободны...»

Умница и отличный организатор отрасли, Владимир Мальцев только бровями вскинул, взял ручку и начал писать прошение об отставке. Ведь нужно понимать, разговор ведется от имени президента. Что будешь роптать? Кому ? Кому пожалуешься? Выше только Бог. Приходится исполнять бородатую прихоть. Два года после этой отставки отрасль, как в больной горячке, была. Что называется, дошла до ручки. Смертность в Украине стала самой высокой среди стран-государств. Это еще и потому, что вот такие чернобородые Димы везде поубирали профессионалов, поставили своих друзей и любимчиков. Казнокрадов и вообще людей недалеких. Те, в свою очередь, отодвинули с командных высот грамотных и преданных делу, порядочных людей с других должностей. Так сказать, не из своей Команды... На смену профессионализму и деловой честности пришли угодничество и кадровая серятина. В общество вползала чинопоклоненная «димократия» по Табачнику. Сев уверенно «на кадры» государтсва, глава администрации президента, что правильнее бы сказать – канцелярии главы государства, Дмитрий Владимирович стал чистить всех «под себя». Наа первое место выдвинулось такое понятие, как

личная преданность его чернобородой бестии. Кто, скажите, стал первым (после Димы, разумеется) человеком в стране? Иван Федорович Курас. Почему, спросите? А потому, что Иван Федорович, уважаемый профессор, был руководителем кандидатской диссертации Дмитрия Табачника. Ему первому благодарный ученик преподнес в подарок должность вице-премьер министра правительства по гуманитарным вопросам. Разумеется, Иван Федорович продолжил «курировать» уже докторскую диссертацию главы администрации президента. Как тут уже не трудно догадаться, вместе они успешно защитились. За это Дмитрий Владимирович пожаловал Ивану Федоровичу опять же титул вице-премьер министра, правда, уже в новом составе «правительства после принятия новой Конституции Украины. Господина Кураса одним из первых поздравили с высоким назначением.

Как-то вечером идет выпуск УТН. Вдруг на полуслове передача прерывается и появляется бегущая строка - «прямое включение». Изумленные телезрители полагают, что-то необычное случилось в стране. Обвал дома, подписание договоров о дружбе и сотрудничестве со США, Россией, запуск украинского космического корабля. Увы. Камеры показывают зал театра имени Леси Украинки. Идет спектакль. На сцене новоиспеченная народная артистка Украины Татьяна Назарова — жена главы администрации президента. Спектакль смотрят Дмитрий Табачник и Иван Курас.

Какое техническое событие - прямое включение телекамер! Какая блистательная игра несравненной артистки! Какие сиятельные особы в театральных рядах!

Народ лишь не знает, что предшествовало этому видеоряду. Для того, чтобы сделать первой примадонной театра имени Леси Украинки Татьяну Назарову, из коллектива с помощью самых гнусных и грязных методов изгоняется народная артистка Украины Ада Роговцева, а из администрации президента ... Александр Разумков. Какая спросите, здесь связь? Прямая. Супруга первого помощника президента Украины (теперь уже бывшего) А. Разумкова работала в общей труппе с Татьяной Назаровой и, разумеется, тоже претендовала на первые роли в театре. Пришлось убрать с работы... мужа, да так сказать, не влиял на театр. На сцене должна быть только одна театральная звезда. Киев ведь не Голливуд!

Вот когда убрали Роговцеву со сцены, Разумкова - от Л. Кучмы, Дмитрий Владимирович и Иван Федорович показали себя в театре Татьяну - на сцене. Смотрите, мол, чья взяла!

Они показали себя и в том значении, смысле, что, дескать, теперь и телевидение в наших руках. И это абсолютно верно. Все перетурбации на телеканалах - Димина работа. Тонкая, изошренная. Разные 1+1, 2-2. Это не просто символы, это, прежде всего, огромные деньги. Стоит копнуть нашим Пинкертонам из комиссии Григория Омельченко или Степана Хмары, как оттуда неминуемо посыплется «зеленый» дождь. Каналы распроданы различным заграничным толстосумам, и только бывший глава администрации президента сам один знает, кто и сколько платит и получает за это все «кино» для нас. Ну, может, кое-что еще Зиновий Кулик знает. Не мудрено, что Дмитрий Владимирович изо всех сил спасал З. Кулика не так давно от справедливого гнева народных депутатов и таки посадил

его в кресло министра информации. Теперь, наверное, Зиновий Владимирович должен взять на работу Дмитрия Табачника. Если, разумеется, не струсит.

Серость, как известно, всегда тянется к однородности. Одна другую подсаживают. Не будь Д. Табачника на главном командно-кадровом в администрации президента, кто бы, когда знал о таком себе Сергее Осыке. Ну, обыкновенный министерский клерк. А вот дружба с Димой привнесла в судьбу последнего шарм некой особенности, возможность показать себя значительно умнее всех других. И уже, смотри, С. Осыка с подачи господина Табачника - вице-премьер-министр. Формируется новый Кабинет министров, так сказать, пост конституционный, глава президентской администрации резервирует для него пост министра. Как же - лучший друг. Все поездки за границу только с Сергеем Осыкой - министром внешнеэкономических связей., Свои дела. Коммерческие, возможно, тоже,

Тонкий психолог Павел Иванович Лазаренко все это видит, но поделаться ничего не может. У Дмитрия Табачника непредрекемый авторитет у президента. Он с первых дней Л. Кучмы в политике – ставил ударения на словах перед выходом Леонида Даниловича на трибуну (смотрите ксерокопию документа). Каждое слово президента – это изложение мыслей и назиданий Табачника. Ибо Л. Кучма слушает своего главу канцелярии во всем. Особенно в том, как вести себя на встречах с прессой, что кому и как сказать.

Доверяя главе своей администрации во многом, Леонид Данилович, похоже, не заметил, как чуть ли не всю свою власть главы государства передал обыкновенному чиновнику. В этих играх самовозвеличения у него доходит до абсурда: сугубо городской человек, не умеющий отличить корову от быка, историк по образованию, Д. Табачник проводит всеукраинские совещания по вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства. Учат коренных сельчан и практиков, как нужно хозяйствовать в поле и на ферме. Д. Табачник от имени президента страны наносит «государственный визит» на Кубу, лично встречается с Фиделем Кастро. Ведет с ним какие-то переговоры. От имени главы государства. Господин Табачник возглавляет государственную делегацию во время визита в Объединенные Арабские Эмираты. Рассказывали: ведя переговоры с эмиром, он чувствовал себя не меньше, чем всея эмиром Украины.

В результате этого, вся администрация президента становится театром абсурда. Дима, бурно развивая свою «димократию», доходит до того, что самолично отменяет... указы президента. Кстати, это его излюбленная тема разговоров в тесных застольях. Лукаво улыбаясь в черную смолистую бороду, он тихим своим твердым голосом говорит «Выходит, вижу, министр из кабинета президента, на вытянутых руках несет документ, подписанный Леонидом Даниловичем. А я и говорю: «Давай заглянем ко мне на минутку-другую...». Беру у него этот драгоценный для него документ и демонстративно, перед самым носом рву его, выбрасываю в мусор. У министра глаза на лоб лезут, рот от удивления открывается. Шепчет перепугано пересохшими губами: «Так ведь это же Указ президента. Он сам его подписал только-то...». «Ну и что, - говорю. - Новый указ, если нужно, напишем, дорогой, и подпишем...»

Возглавив правительство, Павел Лазаренко знал, с кем имеет дело. Но все надеялся, что на этот раз, как обещал ему Л. Кучма, премьер-министр сам лично, без чьей-либо помощи, будет формировать Кабинет Министров. Однако не был бы Дима Димой, чтобы по старой привычке не влезть в кадровые проблемы правительства. Да и во всю. Со своими кадрами - Иваном Курасом, Сергеем Осыкой, Зиновием Куликом и другими протеже.

На деле Д. Табачник вместе с В. Горбулиным стали диктовать каждое министерское назначение. П. Лазаренко, например, убежден был, что в три шеи нужно гнать с высшей государственной управленческой орбиты Василия Гуреева. Но из президентской администрации ему давали весьма лестную характеристику, и Леонид Данилович, привыкший все читать, воспринимать под ударами, расставленными для него в соседнем с ним кабинете, останавливал выбор на Димином протеже. Подобное вышло и с должностью министра промышленности. Это, оказалось, личный партнер на теннисных кортах секретаря Совета безопасности и обороны Украины. Господин Мазур очень умело проигрывает господину Горбулину (в последнем раунде проиграл два ящика коньяка - информация сверхточная). Д. Табачник с В. Горбулиным тоже отстояли его портфель перед Л. Кучмой.

Теперь войдите в положение П. И. Лазаренко, который якобы формирует правительство (об этом, кстати, заявляется на всех уровнях), а на самом деле все опять под контролем серого кардинала Дмитрия Табачника. Где выход?

И тогда Павел Лазаренко идет, что называется, ва-банк. Представляя президенту кого-либо на ту или иную должность в Кабмине, премьер согласно новой Конституции Украины должен назвать три достойных кандидатуры. Право президента - выбирать. Одного из троих, наверное же, учитывая мнение премьера.

Так вот, во второй декаде августа П. Лазаренко подал представление президенту на должность министра Украины по делам печати и информации. В перечне кандидатур под номером три значился Табачник Дмитрий Владимирович.

Тем самым глава правительства сделал политический и тактический ход. Он фактически высказал президенту страны свою точку зрения на роль руководителя канцелярии главы государства в расстановке политических сил на печерском Олимпе, дав тем самым персональную оценку Д. Табачнику как «государственному деятелю». Получалось, что, по мнению П. Лазаренко, Дмитрию Табачнику предлагалась не самая престижная роль в составе нового Кабинета Министров. Причем, в конкурсе претендентов на пост всего лишь министра печати он значился только под номером три.

Рассказывают, что Дима, увидев этот документ, буквально взбесился. Его, кто решает в этой стране судьбы всех и вся, записали только лишь в министры!?! Да еще третьим, что значит - последним по счету кандидатом.

Хода в политических играх у господина Табачника всегда просчитаны наперед, тактика отработана до мелочей. Главной опорой всех своих действий он считал работу с прессой. Поэтому чуть ли не каждый день в кабинете у Д.

Табачника бывает президент «Интерфакса Украина» Александр Мартыненко. Господин Мартыненко, и это, полагаю, не секрет, считается другом Юлии Мостовой – заместителя главного редактора газеты «Зеркало недели», а также Александра Ткаченко – президента телевизионного проекта «Нова мова». Предполагаем, что как раз Дмитрий Владимирович дал команду ребятам открыть пальбу по Павлу Лазаренко. Артподготовку по новому премьеру начинает телепрограмма «Нова мова». К этому активно подключается «Зеркало педели». Этим, собственно, стартует информационная война между Д. Табачником и П. Лазаренко...

Л. Кучма, похоже, очень терпеливый человек. Столько подставок, сколько сделал ему за несколько лет работы на посту главы президентской администрации молодой да ранний Д. Табачник, думается, ему не делал никто. Но терпению все равно приходит конец. Чашу переполнило то, что глава канцелярии президента, используя служебное положение, стал через каждые полгода присваивать себе внеочередные воинские звания. Словно бы готовясь к серьезным боевым сражениям или даже войне. Разгадка этого феномена кроется, видимо, в том, что, как признался как-то Дмитрий, он с раннего детства мечтал об эполетах морского офицера. Теперь же, обладая, как он полагал, неограниченной властью, Дима с необычайной быстротой стал увеличивать количество звездочек на своих погонах офицера запаса.

Таким вот кабинетным образом за два года Д. Табачник дослужился уже до звания полковника. В то время, когда Л. Кучма остался капитаном. Обиженный младший офицерский чин, похоже, не стерпел подобного хамства и послал полковника ко всем чертям - издав 10 декабря 1996 года соответствующий Указ президента. Не знаем, зачитывался ли этот указ во всех подразделениях, эскадрильях и на кораблях. А, наверное, стоило бы...

Серого кардинала как бы ушли. Остались его дела, его люди. Осталась серость, которую он наплодил. На министерских, губернаторских постах. Хватит ли сил и желания президента искоренить всю серость до конца?

И последнее. Вряд ли кто-либо еще будет иметь такую неограниченную власть, какой располагал до 10 декабря 1996 года молодой да ранний Дмитрий Табачник. Казалось, уже пойман за руку, когда незаконно присвоил себе огромных размеров жилье, когда пытался было, освободить из тюрьмы матерого убийцу. Ан нет, опять вышел сухим из воды! Да так ловко все провернул, что чуть ли не все редакторы изданий, ранее напечатавшие рассказ об этих проделках главы администрации президента, тут же стали публично извиняться, полезли искать врагов на стороне. Обвинили во всем Григория Омельченко, который, якобы, вынес сор из избы...

Но, наверное, не это главное. Главное, несомненно, состоит в том, что теперь станет меньше экстремизма, авантюризма в отношениях между исполнительной и законодательной ветвями власти. Всем давно хорошо было известно, что этот отрицательный заряд в отношениях между полюсами привносил неудавшийся «черный полковник», бывший глава администрации президента. Теперь его не стало. И слава Богу».

ЭХО ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Очень хорошо помню тот день, 12 ноября 1996-го. Я дома усиленно лечил простуду горла. Всю ночь мучила бессонница. От высокой температуры, болей и какого-то неосознанного предчувствия большого скандала. Потому, что хорошо знал, понимал: таких публикаций Украина еще не видела. Ведь она будто бы направлена вдогонку ушедшему с политической сцены Д.Табачнику, но на самом-то деле показывала безволие действующего главы государства, который во всем пользовался умом своего распоясавшегося помощника.

Этой ночью сон меня не взял, не смотря даже на то, что и в предыдущую ночь я тоже не спал. Услышав в вечернем девятичасовом выпуске УТН сообщение об отставке «черного полковника», я пару часов поразмышлял над фактами, а примерно к полуночи засел за статью. Превозмогая боль в горле и бешеные приступы температуры, к утру ее успешно закончил. Часам к десяти из редакции прибежало авто, увезло исписанные страницы, а так же ключи от сейфа. Там, на дне его, мой первый заместитель Владимир Малахов вскоре нашел пачку листов - ксерокопию выступления еще премьер-министра Леонида Кучмы в 1993 году с ударениями на каждом слове, которые еще тогда мне передал Дима Табачник. Вскоре Владимир Данилович, советуясь, как лучше заверстать фотокопию страницы из доклада Л.Кучмы, чтобы были видны и ударения, и русские буквы в украинском тексте.

Я внутренне чувствовал, что эта статья не пройдет незамеченной был высокий по отношению ко времени ее внутренний накал. Табачник уже столько и, главное, стольким нашкодил, что его отставки жаждали многие и многие. Потому чуть ли не всех думающих людей интересовало - что же такое случилось на Банковой, если Л. Кучма отважился оттолкнуть человека, который возомнил себя чуть ли не выше главы государства? Моя статья в некоторой степени, полагаю, давала ответы на эти вопросы.

Ночь, сплетенная из приступов температуры и напряженных переживаний, была похожа на год. Утром, посматривая на часы, я мысленно представлял себе, как к девяти утра газеты берут в руки в администрации президента, Кабинете министров, Верховной Раде. Я, кажется, даже чувствовал, как одни высокие чиновники набирали номера других, спрашивали друг у друга: «Ты читал?». Эти телефонные токи словно бы проходили сквозь меня. Я хорошо понимал, почти физически чувствовал: после этой публикации что-то должно произойти.

Телефон зазвонил в начале одиннадцатого. На мое удивление в трубке послышался встревоженный голос пресс-секретаря премьер-министра Украины Павла Лазаренко - Михаила Гольшева.

- И как все это все называется? - вместо приветствия были его слова.

- Что именно? - сделав вид, что ничего не понимаю, ответил я.

- Откуда все эти факты? О Табачнике...

- Из нашей веселой жизни.

- Вы знаете, что источником и заказчиком вашей статьи президент непременно назовет Павла Ивановича?

- Лазаренко?

- Да, именно Лазаренко.

Тут я не выдержал и, преодолевая боль в горле, рассмеялся. Мне просто не верилось в то, о чем сказал Гольшев. Да и при чем здесь собственно, был Павел Иванович? Я никак не мог уловить связи.

- Он еще и смеется, - вдруг обиженно и раздраженно заявил пресс-секретарь премьер-министра.

К тому времени Михаила Борисовича я знал совсем немного. Ибо Павел Лазаренко, как человека, которому искренне доверяет, привез Гольшева с собой из Днепропетровска. Михаил - журналист профессии, однако специализировался преимущественно на телевидении. Так что до этого наши пути как-то не перекрещивались. Правда, за время наших недолгих к декабрю 1997-го общений и встреч я уловил одну особенность манеры Гольшева: у него и правда всегда была замешана на полшутке, полуприколе. Когда он говорит всерьез когда лукавит, - отличить было весьма непросто. И на этот раз, похоже, я тоже не отличил серьезной ситуации от балагурства, поскольку в следующий момент услышал:

- Вы не шутите, а звоните Леониду Даниловичу, скажите, что этой статье Павел Иванович не имеет никакого отношения. Я очень прошу. Дело принимает самый серьезный оборот.

- Что, прямо из дома звонить Кучме? - спросил я, еще раз теряясь в догадках, он шутит или говорит всерьез.

- А что такого? Набирайте и звоните...

- Хорошо, - сказал я и повесил трубку.

Через несколько минут позвонил мой первый заместитель Владимир Малахов.

- Слушай, - сказал он, - с газетой творится что-то неопишное. Мне сын звонил, что в городе купить невозможно, а потом из Мининформа присылали машину, просили найти несколько экземпляров. Говорили, что в президента и в Кабмине по поводу публикации идут какие-то совещания.

Я рассказал Владимиру Даниловичу о звонке Гольшева, о его странной просьбе звонить лично Кучме, сообщить, что Лазаренко и имеет никакого

отношения к последней публикации «Правды Украины».

- Вот это да! - со свистом выдохнул Малахов. - Видать, у них там, на Печерске, это подняло крутую волну. Пошли они все вон, - заключил он вдруг с резкой своей шахтерской прямоотой. - В статье все до последней строки - правда. Будем стоять на своем. И никому, я тебе советую, не звони, ни перед кем не извиняйся. Спокойно выздоравливай, а я тут их тоже всех к чертям посылать буду...

Только мы окончили общаться с Владимиром Малаховым, как вновь на проводе был Михаил Гольшев. В голосе его чувствовалась не свойственная ему напряженность.

- Сан Саныч, - сказал он, - вы Леониду Даниловичу звонили?

Я молчал. Мне вдруг захотелось рассмеяться. Ну, что он пристал, никак все-таки разыгрывает? Зачем мне звонить главе государства? Но тревожный тон пресс-секретаря премьер-министра быстро отогнал прочь игривое мое настроение.

- Павел Иванович просил передать вам его просьбу. Он убедительно просит, чтобы вы сейчас же позвонили Леониду Даниловичу и объяснили ситуацию, - Гольшев сделал тут небольшую паузу, потом продолжил: - Убедите президента в том, что премьер-министр не имеет никакого отношения к этой «чернобородой димократии».

Только теперь я до конца уяснил, что дело, похоже, набирает нешуточные обороты. Отсидеться мне в кустах не удастся. Обидчивый Кучма, видать, решил, что статья написана под диктовку Павла Лазаренко. Но это была полная чушь. Я никогда с Лазаренко о подобном и не говорил. Но получалось, что как бы из-за меня страдал вообще-то совсем посторонний, невиновный человек. Поэтому я тут же спросил у Гольшева:

- А как же мне дозвониться до него? Меня, думаю, и не соединят с Кучмой.

В ответ Михаил Борисович продиктовал номер телефона первого помощника президента страны Владимира Литвина и сообщил, что с ним уже договорено. Литвин поможет мне установить связь с Кучмой.

Владимира Михайловича я не плохо знал, к тому же в свое время решался вопрос о том, что он придет на работу в «Правду Украины», когда после августовского 1991 года путча В. Литвин остался без работы и средств к существованию.

Литвин ответил очень быстро, с первого моего набора телефона. Словно бы только и ждал этого звонка. Я вкратце изложил ему просьбу, что, дескать, хочу объяснить ситуацию главе государства по поводу скандальной публикации в сегодняшнем номере газеты. Первый помощник внимательно слушал. Я, как мог, убеждал его в том, что Павел Лазаренко и его сотрудники из Кабмина вообще не причастны к данной статье. Как и было на самом деле. Владимир Литвин заявил, что он сейчас же это все доложит Леониду Кучме. Попросил меня никуда не

уходить, возможно, у президента возникнут вопросы, тогда он позвонит.

В тот день из администрации президента меня не потревожили. Зато продолжались чуть ли не к самому вечеру переговоры с Михаилом Гольшевым. Он сообщил, что премьер-министр по поводу данной публикации вынужден был сделать специальное заявление для прессы. Через некоторое время его мне скинули домой по факсу. Это было полное отмежевание главы Кабмина от публикации «Правды Украины» по поводу «чернобородой дИмократии». Лазаренко в своем документе говорил, что эта публикация ошибочна, и она якобы вредит развитию демократии в Украине.

- Очень важно, - настаивал Гольшев, - чтобы это заявление появилось завтра именно в «Правде Украины». Чтобы прежде всего на Банковой знали: Павел Иванович непричастен к написанию сегодняшней статьи.

- Нет, - заявил я Михаилу Борисовичу, - этого не будет. В «Правде Украины» это заявление не появится. Оно нас просто не интересует. У правительства есть достаточно средств массовой информации, вот на их страницах и размещайте. Мы подобного пасквиля ставить у себя не будем.

Гольшев звонил раз и другой, я ему отказывал. Третий раз я, услышав его голос, вообще кинул трубку. Через некоторое время пресс-секретарь премьер-министра появился на пороге моего дома.

Он и рассказал мне в деталях, что происходило в тот день на печерских холмах Киева.

На девять тридцать премьер-министр Павел Лазаренко назначил заседание правительства. Все министры и приглашенные заняли свои места в зале. Вот-вот из дверей должен был появиться Павел Иванович. Но вдруг в зал вошли В. Пустовойтенко, В. Горбуля и Г. Удовенко. Здороваясь со всеми на ходу, они быстрыми шагами прошли в комнату, откуда и должен был появиться П. Лазаренко. Все поняли: стряслось что-то непредвиденное. Через некоторое время туда же, за дверь, позвали и пресс-секретаря премьера Михаила Гольшева.

- Когда я вошел, - рассказывает Михаил Борисович, - Лазаренко сидел за столом. Перед ним стояли трое пришедших. На столе лежала газета «Правда Украины» со статьей «Конец «чернобородой дИмократии». Павел Иванович поманил меня к себе пальцем, а когда я приблизился, спросил: «Ты это читал?». Я ответил, что нет, не читал потому что просмотреть свежие газеты в связи с подготовкой вопросов на заседание Кабинета министров еще просто не успел.

- Первым обозвался Валерий Пустовойтенко, - продолжил М. Гольшев. - Он заявил, что президент ничего и знать не желает, он считает, что это работа людей Лазаренко и лично самого премьер-министра. И как я понял, тройка пришла от Леонида Даниловича с единственным требованием: чтобы он написал заявление о немедленной отставке с поста премьера. Лазаренко горячился и утверждал, что он не имеет никакого отношения к данной публикации. Гонцам с Банковой он продемонстрировал непричастность к этому и своего пресс-секретаря, который при

всех побожился, что эту публикацию и в глаза еще не видел. Но В. Пустовойтенко, который на ту пору работал министром Кабинета министров в правительстве Лазаренко, пользуясь особым статусом доверия и личной дружбы с Л. Кучмой, упорно стоял на своем: пиши, мол, заявление об уходе. Такова, дескать, непоколебимая воля главы государства. В такт его словам головами кивали председатель Совета национальной безопасности и обороны В. Горбулин, а также Г. Удовепко, тогда бессменный министр иностранных дел.

Разговор этот, похоже, шел по кругу уже не первый раз, потому, когда в комнату пришел и М. Гольшев, П. Лазаренко стал проявлять свой ершистый характер.

- Никакого заявления я писать не буду, - сказал он весьма резко. - Я не имею малейшего представления о том, каким образом подобная статья появилась в независимой газете «Правда Украины». Я туда статей не пишу. Это издание не подотчетно мне.

- Но там такие изложены факты, которые известны только здесь, - возражал В. Пустовойтенко, фигурально показывая на помещение Кабинета министров.

- А об этом вы уточните в редакции, - парировал Павел Иванович, став достаточно резким.

- Ладно, - вмешался в разговор В. Горбулин, - мы доложим обо всем Леониду Даниловичу. Пусть он решает.

Тройка вышла обратно в зал и направилась к выходу. Тем временем среди членов правительства уже прошел слух о причине треволнений. Несколько человек принесли с собой свежий номер «Правды Украины». Сразу в трех или четырех углах зала заседаний шли групповые читки статьи. Вслух.

По утверждению М.Гольшева, как только В. Пустовойтенко и сопровождающие его лица ушли, премьер-министр приказал ему тут же найти меня и попросить, чтобы я звонил Л. Кучме, объяснил ситуацию о непричастности Павла Лазаренко и его пресс-службы к данной публикации.

- Понимаете, - говорил Михаил Борисович, приехав ко мне домой, - иного выхода просто нет. Павел Иванович в другое время готов подписаться под каждой строкой статьи. Но в данной ситуации их всех, - тут он образно показал в сторону Печерских холмов и где-то там находящейся улицы Банковой, - нужно просто обхитрить. Приспать бдительность. Лазаренко просто должен слукавить и публично заявить, что публикация неактуальная и вредит делу строительства нового общества в нашем государстве. Иначе Кучма просто его съест, зная, что он так точно думает обо всем, как написано в вашей статье. Потому мы просим, чтобы вы правильно поняли вынужденное заявление премьера, направленное против вашего издания. Лучше всего будет, если оно появится и в вашей газете. Это очень важно. Люди из Банковой во главе с Кучмой бдительно следят за тем, как на это прореагирует как раз «Правда Украины». Умные люди поймут, что Лазаренко заставили отмежеваться от публикации. На глупых - и ориентироваться не будем...

Михаил Борисович долго и убежденно говорил в таком же духе. И я в конце концов пришел к выводу, что и впрямь невинный человек не должен страдать за статью, которую не писал. О появлении которой, собственно, и не подозревал. Мне ничего не оставалось иного, как позвонить В. Малахову и дать команду ставить в номер заявление премьер-министра Павла Лазаренко с резко отрицательной оценкой нашей публикации.

- Ты что - охренел!? - кричал мне в трубку резкий в выражениях Владимир Данилович. - Мы же лупим по самим себе. Если Лазаренко дурак, то пусть он так и оценивает ситуацию, которую сотворил Табачник. Почему мы должны хлестать сами себя?

- Владимир Данилович, - как можно спокойнее пытался говорить я, - убедительно прошу вас, ставьте заявление в номер. Объяснять по телефону ничего не могу. Завтра уже приеду в редакцию, тогда все в деталях и объясню. Слишком много подводных течений в этой непростой истории со статьей.

В. Малахов послушал меня и поверил. На утро газета вышла с заявлением премьер-министра Украины Павла Лазаренко о «непристойном поведении журналистов «Правды Украины».

КАК ЛАЗАРЕНКО «МОЧИЛ» ТАБАЧНИКА, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Такая ситуация, когда глава Кабинета министров лукавит перед президентом, на самом деле глубоко ненавидя последнего, для меня была не новой. Несколькими месяцами раньше, примерно, числа 6 августа 1996-го, мне позвонил М. Голышев. Попросил срочно приехать по вызову премьер-министра.

Па улице было необычайно жарко. Все изнывало под лучами горячего летнего солнца. А вот в кабинете Павла Лазаренко - как в миленьком раю. Хозяин, высокий, загорелый, подтянутый, красиво причесанный, широко улыбался, выйдя из-за стола мне на встречу. Весь словно бы аж светился какой-то дивной внутренней силой. Это была пора начала его премьерства. Казалось, Павел Иванович чувствовал себя великолепно. В это время он как раз формировал свой Кабинет министров. Чуть ли не каждый день появлялись сообщения о новых министрах и председателях государственных комитетов. Складывалось впечатление, что Павел Иванович искренне верил в то, что ему удастся кардинально улучшить экономическую ситуацию в стране. И это было прекрасно. Ибо нельзя что-то свершить, не веря в успех изначально.

То, как Лазаренко умеет работать, я увидел еще в то время, когда он только стал первым заместителем главы правительства. В Кабинете Министров, возглавляемом Евгением Марчуком, он отмечал за экономический блок вопросов. Еще с должности председателя колхоза привыкнув трудится, что называется,

засучив рукава, он рьяно взялся за дело. Как-то назначив заседание коллегии министерства угольной промышленности, приехал через сутки «шахтерским чиновникам». Заранее глубоко вникнув в проблемы отрасли, через несколько часов воочию убедился, что основная часть членов штаба отрасли просто таки случайные люди. Они давно не владеют ситуацией на местах, ничего не знают о том, что на самом деле происходит на производстве, только лишь протирают штаны на высоких должностях. Лазаренко буквально разнес в критике высокоранжированных угольщиков, найдя, что такая коллегия только дискредитирует управленческий аппарат, всю систему шахтерского менеджества. При этом он заявил, что будет ставить вопрос перед руководством страны о смене власти в Минуглепроме. Не прощаясь с чиновниками, ушел с улицы Богдана Хмельницкого.

На утро Павел Иванович доложил о своих убеждениях Л. Кучме и Е. Марчуку. Еще через несколько дней он подобное, как бы экзаменационное, заседание коллегии назначил в министерстве энергетики и электрификации. Но перед самым выездом на улицу Прорезную, к нему вдруг зашел премьер-министр Евгений Марчук.

Разговор был недолгим. Евгений Кириллович, в характерной ему манере изъясняться, ввинчивая в текст хитроватые словечки и выражения, заявил, что якобы глава государства неодобрительно отозвался о его «разгонах» в министерских штабах. Это, мол, становится достоянием гласности и подрывает авторитет руководителей отрасли.

- Но о каком авторитете можно говорить, когда там ничего нет, кроме одних лишь амбиций и парикмахерской укладки? - взволнованно отвечал П.Лазаренко.

Премьер-министр хитровато улыбался. Ну, конечно же, подобное табу было заготовкой самого Евгения Кирилловича. При сверхактивном первом зама основательно терялся авторитет главы правительства. Все начинали бояться и уважать не Е. Марчука, а П. Лазаренко. Внимание подчиненных переключалось на последнего. Премьер словно бы уходил в тень, становился бесплатным приложением к своему заместителю.

Не исключено, что именно обиженный тем, что П. Лазаренко все внимание руководителей министерств и ведомств переключает на себя, Е. Марчук выставил Лазаренка перед президентом в роли кавалериста, который рубит головы верных Л. Кучме людей налево и направо. Этого было достаточно для того, чтобы разбудить ревность и злобу Л. Кучмы. Он полагал, что все кадровые вопросы - это его приоритет. И если он своим указом назначил на должности министров и их замов, членов коллегий тех или иных людей, то обозвать их бездельниками и тупицами (как и было на самом деле), это - подрывать авторитет непосредственно главы государства.

Словом, Павел Иванович попал не в струю. Это больно задело его самолюбие, но он ничего не мог поделать, разве что беспрекословно подчиниться. Тогда много откровенных дураков осталось на высоких должностях, а Лазаренко навсегда стал их злейшим врагом,

Теперь же, сам новоиспеченный глава Кабмина, он имел определенный шанс очистить министерства и ведомства от тех, кто явно не тянул. И, похоже, он пытался это сделать.

Оглядев внимательно меня с ног до головы, он вдруг спросил:

- Вот если бы ты был на моем месте, кого бы ты назначил на должность министра информации?

Подумав, я тут же ответил:

- Может быть, Сергея Правденка... Выпуск «Голоса Украины» он уже как бы наладил...

- Нет, он не подойдет, - твердо заявил П.Лазаренко. - Он слишком услужлив.

- Тогда Михаила Сороку, главного редактора газеты «Урядовый курьер»

- Это человек, - сказал Павел Иванович, - с которым в разведку 1 не пойдешь. Сживается со всякой властью. Ради карьеры на многое согласится.

- Тогда я не знаю критериев, по которым вы оцениваете людей, - возразил я.

- Да что вы его мучаете, - обозвался находящийся в кабинете премьер-министра Михаил Гольшев. - Скажите, что по своим бойцовским качествам для этой должности подошел бы главный редактор «Правды Украины».

- Миша! - вдруг резко оборвал его Лазаренко. - Ты чего вмешиваешься? Пригласил тебя - сиди тихонько и помалкивай. Я, может хотел узнать у Сан Саныча, кого он считает лучше себя...

В кабинете на некоторое мгновение воцарилась томительная пауза. Я не знал, что ответить. Наверное, нужно было благодарить Павла Ивановича за доверие. Но делать это, скорее всего, нужно было в том случае, если это хоть как-то отвечало бы моим надеждам и чаяниям. На крайний случай, если бы я был готов к подобному повороту событий. Но, признаюсь, одно предложение стать министром информации, причем первым начальником Мининформа, которое еще называют «министерством правды», в новой Украине я уже пережил при президенте Л. Кравчуке. Потому на этот раз относился ко всему с долей некоторого скептицизма. С улыбкой, может быть, даже ухмылкой на лице, поскольку Лазаренко мою позицию воспринял даже с некоторой обидой.

- Ты что отказываешься со мной работать?

- Да нет, - отвечал я, - просто задумался нам тем, что будет без меня с газетой. Ведь я ее получил в 1991 году, без единого грамма бумаги, без единой копейки на расчетном счету, со ста двадцатью сотрудниками. Не хочется бросать хорошо налаженное дело. А потом она для меня стала словно чем-то родным...

- А ты газету сдавать никому не будешь, - заявил Павел Иванович, пусть тебя изберут почетным главным редактором, ты будешь управлять изданием, одновременно работая министром информации.

Тут он повернулся к столу, где стоял добрый десяток различных телефонов и поднял одну из трубок. - Иван Григорович! - обратился в телефон к руководителю службы премьера И. Кириченко, который мнил себя человеком всегда предугадывающим внезапные решения руководителя. - Сегодня же оформляй мое представление президенту на должность министра информации. Первая позиция - Горобец Александр Александрович. Главный редактор газеты «Правда Украины». Листок учета кадров он заполнит сегодня же. Он сейчас у меня все слышит, и все документы занесет тебе лично. На вторую позицию запиши - Правденко Сергей Макарович, главный редактор газеты «Голос Украины». Третья - Табачник Дмитрий Владимирович. Как какой? Да, да, тот, который работает главой администрации президента...

Я с недоумением посмотрел на Гольшева. Что это, мол, все значит? Миша, хитро улыбаясь уголками самих губ, выразительно развел руками. Дескать, я здесь ни при чем, решения принимает шеф. А нагнувшись ко мне, тихо объяснил:

- Премьер-министр, согласно Конституции, должен вносить по три кандидатуры на должности министров. Два - как бы дублиеры... Президент выбирает более достойного...

Величественный, в отменной белоснежной тенниске, хорошо оттеняющей здоровый загар лица и рук, Павел Иванович раздраженно бросил телефонную трубку, по его лицу было видно, что он неудовлетворен тем, что сказал ему человек на том конце провода. Можно было догадаться, что это касалось решения Лазаренко третьей кандидатурой на пост министра информации записать не кого иного, как правую руку главы государства - Дмитрия Табачника.

- Вы рискуете нажать себе очень сильного врага, - вырвалось у меня. - Вы этим как бы унижаете и самого Кучму. Говорите, что глава его администрации тянет всего лишь на пост заместителя министра информации.

- Павел Иванович, - обозвался и Гольшев, когда я произнес последнюю фразу. - Я вас очень прошу. Дайте команду, чтобы Табачника в представление не вписывали. Внесем какую-то другую фамилию. Дмитрий Владимирович, а этот документ попадет в руки первому ему, воспримет такое, как откровенное объявление войны. Вы же знаете, он тут же ответит... Нам еще рано...

- Что?! - грозно прервал его Лазаренко. Ты Димы боишься? Пусть президент знает, как мы оцениваем его кадры. И Табачник пусть знает себе цену, а то возомнил... как пророк.

Сказав эти слова, премьер-министр как-то даже угрожающе помахал рукой в ту сторону, где находилась улица Банковая, администрация президента Л. Кучмы. Я от удивления чуть не свалился со стула. Признаюсь, никак не ожидал, что Павел Лазаренко так оценивает главу государства, который менее трех месяцев назад

назначил его руководителем Кабинета министров. Заметив мое некоторое замешательство, Павел Иванович поднялся и прошелся взад-вперед по просторному кабинету.

- Бояться их как раз и не нужно, - как бы в голос размышляя, говорил он. - При каждом удобном случае необходимо ставить на место и вот так бить по мордам. А ты сделай так, - обратился он к Гольшеву, - чтобы побольше людей узнали о том, что Табачник в моем представлении на должность министра информации занимает только третью позицию. Только третью, понял?

Отправившись из Кабинета министров в редакцию, я по дороге усиленно размышлял и все никак не мог объяснить себе, зачем Павлу Лазанко нужно было записывать третьей строкой на должность министра Информации Дмитрия Табачника, который как раз в эти дни не может нарадоваться собой в должности главы президентской администрации? Я все больше склонялся к тому, что это было равнозначно бросанию перчатки. Не сомневался я и в том, что Дима без особых размышлений примет вызов. Меня больше беспокоило - долго ли придется ждать ответного удара? Ведь то, что моя кандидатура указывалась Павлом Лазаренко первой в представлении президенту на должность министра информации, однозначно указывало на то, что я - человек премьер-министра. И Дима в связи с этим начнет «доставать» и меня.

Нет, ждать пришлось совсем не долго. В один из последних дней августа телевизионная программа «Післямова», которую вел журналист Александр Ткаченко и которая в те времена собирала самый высокий рейтинг на украинских каналах, здорово обпачкала премьера. Обвиняли его в каких-то пустяках. Но разве это имеет значение, какие выдвигаются обвинения, какие есть доказательства тому и улики? Важен сам по себе факт того, что новоиспеченного главу правительства смешали с дерьмом. Через день или два газета «Зеркало недели» написала, что глава Кабинета министров Павел Лазаренко якобы попал в правительственную больницу «Феофания» и там размышляет, не написать ли ему прошение об отставке. Таков подарок Павел Иванович получил к ста дням своего премьерства.

Все просчитывалось очень просто. Александр Ткаченко был близким приятелем Дмитрия Табачника, он фактически считался за своего в администрации президента. Такой была и Юлия Мостовая из еженедельника «Зеркало недели». Они фактически забронировав за собой места в литерном самолете главы государства, отправляясь с ним фактически во все заграничные поездки. Было заметно, что эти СМИ весьма часто той порой выступали по одним и тем же темам, что называется, дуплетом. Полагаю, что настроить их против Павла Лазаренко главе президентской администрации не представляло особого труда. Во всяком случае, замечу: именно с этого наступления телевидения, с этой газетной публикации началось широкомасштабное наступление на Павла Ивановича. Убежден, что это Лазаренко до некоторой степени спровоцировал сам. Из-за своей гоноровости, не умения слушать дельные советы, не желания считаться с мнением других.

ОШИБКИ НЕ ПРОЩАЮТСЯ НИКОМУ

Да, тот Лазаренко, которого я знал до Сан-Франциско, умел очень многое. И прежде всего - красиво, эффективно работать. И водителем, и председателем колхоза, и руководителем районного, а затем и областного агропрома. Обратите внимание: никто и никогда даже и не заикнулся, что Лазаренко, возможно, какую-то должность купил за деньги. Нет. Потому, что на каждой должности равного ему просто не было. И он шагал по служебной лестнице, как по паркету. Лазаренко всегда отличался тем, что мыслил масштабно и трудился с размахом. Вполне вероятно, что и с выгодой для себя. И что в этом зазорного? Это только в сказке о правительстве Владимира Ленина рассказывалось, что будто бы министр по хлебу Цюрупа на заседании Совнаркома упал в обморок от недоедания. Правда, современная историография утверждает, что головокружение в Цюрупы и впрямь случилось, но голод там явно был ни при чем. Просто, каждый прыщ на судьбе ленинских министров истолковывался в угоду идеологии. И потому каждый бывший советский гражданин и по сегодня понимает все очень просто: ни министр, ни премьер о себе, о своей семье не должны заботиться. Все - для страны, для народа. Хотя такого не бывает нигде и ни с кем. Ну, разве что с Владимиром Лениным да Иосифом Сталиным. Но ведь они и не были людьми, а скорее - идолами.

Поработав некоторое время первым заместителем главы правительства и страстно в эти дни желая возглавить Кабмин, Павел Лазаренко провел титаническую работу по овладению механизмом управления огромным народно-хозяйственным комплексом страны. Можно привести свидетельства многих спецов непосредственно из аппарата Кабинет министров, которые потрудились там много лет, они подтвердят: такого сильного хозяйственника, как Лазаренко, до него и после него пока не было в главном кабинете на улице Грушевского. Приходя на заседание правительства, премьер был настолько в курсе дел каждого обсуждаемого вопроса, что и конкретные отраслевые специалисты диву давались: откуда он знает такие тонкости?

Володя Сапрыкин, ныне эксперт фонда стратегических исследований имени Александра Разумкова, как-то рассказывал, что из аппарата Кабмина он ушел только потому, что ему без Паши Лазаренко специалистом по энергоносителям стало просто скучно работать.

- Следующий премьер (а им оказался В. Пустовойтенко - уточнение автора), - говорил мне В.Сапрыкин, - по уровню подготовки, знанию проблем, умению их решать, да и просто интеллекту, так далеко был от Павла Ивановича, как «Таврия» от «Мерседеса». После Лазаренко в Кабмине мне стало просто некомфортно, а еще точнее - скучно...

Главная слабинка Лазаренко - чрезмерная доверчивость. Его всегда окружали некие люди, которые, в общем-то, в жизни ничего не значили, но умели здорово вешать лапшу на уши и использовать авторитет и положение таких, как Лазаренко, во благо себе. Наверное, у него просто не хватало времени самому разбираться в том, что и как происходит в отношениях между людьми, потому он весьма часто в человеческих хитросплетениях поручал разбираться своим друзьям и помощникам.

Ну, а этим уже верил безоговорочно. И это была еще одна глупость, которая тоже в его жизни сыграла немало злых шуток.

Особенно наглядно это проявилось во время формирования списка кандидатов в народные депутаты от партии «Громада». Лазаренко своими руками создавал себе такое окружение, которое в трудную для него минуту отвернулось и предало вчерашнего лидера. Независимо от того, просила их это делать власть или нет.

Запомнился, к примеру, наш разговор с Павлом Ивановичем о том, нужно ли включать в список, да еще на первые позиции, сценичного дедушку, народного артиста СССР Дмитрия Гнатюка. Ведь главный смысл участия того или иного человека в партийном списке заключался в том, сможет ли его фамилия стать определенным общественным магнитом, привлечь тысячи голосующих за «Громаду». Я и говорил: возможно, пан Гнатюк и владеет несравненными голосовыми данными, но не интеллектual он, не кумир для общественности. На многих его рафинированная классичность и предсказуемость навевают банальную скуку. Не политический он боец, не лидер даже в культуре.

- Ты что! - взорвался Лазаренко. - Ничего не понимаешь. На Буковине, мне рассказывали, его считают легендарным человеком, за ним пойдут тысячи...

Я рассмеялся, ибо знал, что это далеко не так. Несомненно, Дмитрий Михайлович был хорош на сцене со своим нежным и протяжным «Ніч яка місячна, тихая зоряна». Но опять же, для определенной аудитории, как правило, далеко немолодых людей, незаменим в застольях, но - не более. Посему, лепить из дедушки политического деятеля было несомненной глупостью. Однако Лазаренко, похоже, этого не понимал, или кто-то его умело убедил в обратном.

А зачисление в партийный список «Громады» Олега Блохина? Еще одна попытка сыграть на «ностальгии» по прошлому. Тем более, что бывший одиннадцатый номер киевского «Динамо» и сборной СССР, оторванный возрастом от футбольного поля, как личность, сам по себе не представлял никакого общественного интереса. Причастность к «Громаде» и прежде всего к самому Павлу Лазаренко очень быстро решили использовать на развитие своего авторитета и дела тогдашняя супруга Олега - Ирина Дерюгина. Она чуть ли не каждый день появлялась на улице Круглоуниверситетской, где размещался кабинет экс-премьера, и буквально разоряла Павла Ивановича. Ее интересовало одно - деньги и только деньги. На художественную гимнастику, на проведение различных турниров, на приобретение всевозможных призов. И все в таком духе. Это наводило ужас на всех, кто видел и слышал подобное.

Я сам несколько раз был свидетелем того, как, заметив появление Ирины Ивановны у дверей офиса, сотрудники охраны тихонько передавали предупреждение в приемную, секретарь тут же доводила это сообщение до Лазаренко и закрывала кабинет лидера «Громады» на ключ. Экс-премьер должен был сидеть, что называется, взаперти, пока не выпроводят госпожу Дерюгину, сообщая, что он в отъезде.

Иногда эти посещения длились по часу и более, ибо Ирине Ивановной было трудно передвигаться. Поднявшись на второй этаж офиса с помощью узкой винтовой лестницы, она обязательно должна была некоторое время отдыхать. Рассказывали, что во время выступлений Дерюгина несколько раз повредила себе связки в коленных суставах, и теперь бывшая королева гимнастики передвигалась, словно бы на ходулях. Но помимо этого супруге Блохина хотелось пообщаться с новыми знакомыми, и уйти из приемной она спешила далеко не всегда.

В партийном списке было много других случайных людей. Таких, кто на кануне парламентских выборов вдруг отчаянно «полюбил» «Громаду» и Павла Лазаренко, которые, нужно признать, набирали все больше авторитета в обществе. Проявляли они чувства, разумеется с единственной целью - на плечах всеукраинского объединения прорваться в Верховную Раду. Они толпами осаждали приемную экс-премьера, называя его «хозяином» и надеждой Украины, непревзойденным лидером оппозиции. Лазаренко не всегда разбирался в том, где хитрая лесть, а где подлинная искренность. Наверное, потому, что ему тогда нравилось, хотелось слышать подобные слова из уст людей. Именно в ту пору все национальные телевизионные каналы и московское ОРТ с его киевским корреспондентом Натальей Кондратюк, пропрезидентские газеты буквально раздирали экс-премьера на части, пестря всевозможными историями, домыслами и словесными извращениями. Вот почему льстецы у Павла Ивановича тогда были в особом почете. Они, похоже, исполняли роль своеобразных врачевателей обиженной души. Не удивительно, что им были открыты все двери. И в партийный список кандидатов в депутаты - прежде всего. Те же, кто надеялся по-настоящему на то, что опальный же глава Кабмина сможет победить увязавший в диктатуре режим Л. Кучмы, не умели говорить таких слов, не умели прикидываться, потому держались от Лазаренко на расстоянии.

Не удивительно, что как только под Павлом Ивановичем зашаталась опора, все бросились наутек. Они заговорили такое, от чего вяли уши. Лазаренко такой, Лазаренко сякой. Забыв все свои лобызания и подношения. В этом явственно проявился подлый хохлацкий характер, гнилая предательская сущность национальных льстецов: добиться своего и своего и бросить человека в трудную минуту. А если удастся еще и вылить ушат грязи сверху. Мол, я давно видел, что он такой...

Весть о попытке власти закрыть оппозиционную «Правду Украины» меня застала в Виннице, куда я прибыл вместе с лидером «Громады» для встречи с избирателями. Лазаренко расхаживал с микрофоном в руках по сцене, явно красуясь у всех на виду. От Михаила Голышева я узнал, что он уже трое суток ест очень мало, стараясь сбросить вес, стать еще стройнее. Поэтому лицо Павла немного вытянулось, кожа на нем еще больше побронзовела, глаза сели глубже. От воздержания за обеденным столом костюм на экс-премьере сидел еще лучше обычного, подчеркивая его высокую статью. В эти минуты он чем-то был похож на голливудского актера. То, о чем говорил Лазаренко, захватило всех, ибо он рассказывал о «главной кухне» страны - взаимодействии Кабинета министров и администрации президента, о том, как по указанию «гаранта Конституции» бюджетные деньги расходуются на строительство вилл и загородных домов президента, на роскошный самолет для главы государства.

- Вы, кстати, обо всем можете более подробно почитать в одном из недавних номеров «Правды Украины», главный редактор который ваш земляк, сегодня находится здесь, - Лазаренко показал на меня в президиуме. Мне пришлось еще раз, после представления в начале собрания, подняться.

- Читали... Знаем, - закричали из зала.

- Мы эту статью сегодня перепечатали в нашей городской газете, - громко заявил винницкий мэр Дворкис. - «Хатынки» для Леонида Даниловича».

ВЛАСТЬ ОТВЕЧАЕТ ТРОЙНЫМ УДАРОМ

После обеда в здании горисполкома состоялась встреча лидера «Громады» с активом местного самоуправления. Когда она подходила к концу, вдруг обозвонился мой мобильный телефон. Из Киева, с редакции звонил Владимир Малахов. По первым его словам я понял: что-то случилось.

- Сан Саныч, - говорил он громко в трубку, - нам, похоже, кранты.

- Как это понимать?

- Твой друг Зеник сплел нам лапти...

- Зеник?

- Ну, Кулик, министр информации. Он запретил типографии издательства «Пресса Украины» брать к печати нашу газету.

- Это на каком же основании? У нас же существует договор. Мы же их затаскаем по судам...

- В издательстве все начальство попряталось, никого не найти, а I охране отдана команда - наших людей в цех не пропускать. Якобы, есть приказ министерства о закрытии «Правды Украины».

- Владимир Данилович, - взмолился я, - да ведь министерство, согласно законодательства, не имеет права закрывать газету. Разве вы не знаете, что Мининформ нам попросту не указ? Мы же независимое издание.

- Что ты меня отчитываешь, - обиделся Малахов, - я вот тебе докладываю, что номер «Правды Украины» на завтра в печать издательство не берет. Утроили охрану, наших людей в печатный цех не пропускают... выйти на завтра очередной номер газеты не может...

Я бросился к телефону в кабинете мэра. Начал разыскивать директора издательства «Пресса Украины» Владимира Олейника. Володя не был моим другом,

однако лично мне своей должностью в некоторой степени был обязан. Дело в том, что в свое время Олейник был первым заместителем городского головы Киева. Во времена, когда мэром столицы был Леонид Косаковский. Но где-то и что-то между ними произошло, и в один день Владимир Григорьевич оказался безработным.

В те времена редакции «Правды Украины» нужен был человек, который бы серьезно занялся коммерческой деятельностью, чтобы, в конечном счете, укрепить финансовое положение издания. Знакомые и порекомендовали мне присмотреться к Владимиру Олейнику. Человек все-таки известный в городе.

Стали мы встречаться с Владимиром Григорьевичем, обсуждать, что да как можно было бы организовать. А тут он однажды приходит и говорит. Дескать, некие влиятельные его друзья завели разговор с министром информации Михаилом Онуфрийчуком о назначении Олейника директором издательства «Пресса Украина». Должность была почти вакантной, предыдущему директору искали замену. Вот Володя и говорит: Онуфрийчук как бы и не против него, но нужен еще один толчок, последний, что ли. Сомнения у министра в плане того, что Олейник никогда не работал в полиграфии, ничего не знает об этом производстве, а что ни говори, «Пресса Украины» - это ведь главный издательский комбинат страны. Огромное предприятие. Как это все воспримут в издательстве, в среде журналистов, редакции которых расположены в здании издательства.

- Вот если бы позвонить Онуфрийчуку от имени редакторов центральных газет, сказать, что они поддерживают, - заискивающе глядя мне в глаза, сказал Владимир Олейник.

Из данной ситуации было два выхода. Либо брать Олейника к себе на работу, либо, пользуясь случаем, как говорят, - помочь выдвинуться. В коммерческих способностях Володи я не был до конца уверен, потому решил, что легче будет обзвонить редакторов ряда газет и спросить совета. Владимир Кулеба из «Независимости», Михаил Дорошенко с «України молоді» об Олейнике слышали и согласились поддержать его кандидатуру в моем разговоре с министром информации. Владимиру Боденчуку, главному редактору газеты «Молодь України», пришлось «разжевывать» ситуацию. Но в конце концов он тоже поддержал это предложение. Потому с Онуфрийчуком я говорил уверенно. Он, похоже, даже обрадовался моему звонку. Ибо, как сказал, кандидатур на эту должность несколько, в том числе и В. Олейника. Теперь ситуация как бы яснее, если главные редакторы центральных изданий выступают за одного из претендентов. Через несколько дней М. Онуфрийчук по этому поводу позвонил уже сам. Он просил под запись продиктовать ему имена тех главных редакторов центральных газет, кто высказался за назначение директором издательства бывшего первого заместителя мэра Киева. Похоже, фамилии ему нужны были для аргументации доводов. Скорее всего перед премьером или главой президентской администрации.

А еще через пару недель В. Олейника представляли коллективу издательства.

Однако теперь мой протеже, несомненно, спрятался в кусты. Его секретарь, заслышав мой удаленный расстоянием голос, почему-то решила выяснить, где директор. Как будто бы она не знала этого. В то время как в подобных случаях

раньше, когда я звонил, всегда тут же молниеносно находила Олейника, либо сообщала номер, по которому с ним можно было связаться. Теперь же, выждав паузу, через некоторое время заявила, что директора издательства нет, и сегодня уже не будет. Не отвечал и номер заместителя директора по полиграфии, словно сквозь землю провалился главный инженер, который, я это точно знал, всегда находится на производстве. Не брал мобильного телефона в машине директора «Прессы Украины» и водитель Олейника, который практически всегда до этого был на связи.

Не трудно было догадаться, что дело и впрямь набирает нешуточные обороты. Кто-то сильно пуганул Олейника и всю руководящую полиграфическую братию, поскольку они объявили «Правде Украины» всеобщий бойкот. Как раз в это время из очередного собрания в окружении свиты в кабинет мэра вошел Павел Лазаренко. Он уже знал о происшествии.

- Что, все-таки заблокировали? - спросил коротко. - Ничего, это им так не пройдет... А ну-ка, - обратился к начальнику охраны, - наберите мне номер Михаила Бродского.

Через несколько минут все детали были утрясены. Поскольку «Пресса Украины» отказалась печатать «Правду Украины», следующий номер издания решили выпустить в типографии газеты «Киевские ведомости» (КВ), которой в ту пору владел известный киевский бизнесмен и народный депутат Украины Михаил Бродский. Я тут же, в кабинете мэра Винницы, написал гневное обращение к читателям газеты. Откровенно заявил, что власть учинила беспрецедентную расправу над оппозиционным изданием, что она поступает по-бандитски, расправляется с газетой без суда и следствия. В статье подчеркивалось, что режим снял с себя маску и показал свое истинное лицо - образ жестокой диктатуры. Тут же написанное продиктовал стенографистке.

К моему огромному сожалению, я в своих оценках и выводах не ошибся.

ЖУРНАЛИСТЫ В ОСАДЕ

Договориться о выпуске газеты в новой типографии, еще не значит отпечатать в ней сам номер. Дело в том, что мощности «Киевских ведомостей» (КВ) никак не были приспособлены для выпуска «Правды Украины». Во-первых, наше издание выходило большим форматом - А-2, полиграфический же цех «КВ» мог выдавать в свет печатную продукцию вдвое меньших форм. Стало быть, в тот вечер нужно было буквально сходу переверстать номер с четырех на восемь страниц. Во-вторых, производственные мощности типографии «Киевских ведомостей» были очень даже посредственными. Чуть ли не до утра на них печатался очередной номер родной газеты «КВ». И только с рассветом линию заняла арестованная «Правда Украины».

Когда утром, 29 января, я взял в руки свежий номер с виду грязноватого оттенка черно-белой восьмиполоски, вместо привычного черно-синего

четырёхстраничника «Правды Украины», к которому все давно привыкли, сердце сжалось от боли. Не хотелось верить, что с этого необычного газетного номера, противоправно запрещенного властью, начинается новая жизнь для издания, для хорошо слаженного коллектива сотрудников из ста тридцати человек, для меня, как главного редактора. Но судьба, как я теперь понимаю, уже была предначертана, и то, что каждому было суждено ею, надлежало пройти.

Да, некое моральное удовлетворение от выпущенного номера было: мы все-таки не согнулись, не оробели и не сдались, вопреки желанию властей все-таки вышли в свет. Но с чем? Вместо тиража в шестьсот тысяч, который ждали во всех уголках Украины (с 1 января 1998 года «Правда Украины», впервые за шестьдесят лет своего существования, вышла и на украинском языке), к вечеру типография Бродского еле-еле сумела тиснуть только сто тысяч экземпляров русскоязычного выпуска. На этом работа над номером временно прекращалась, ибо машины переключались на выпуск очередного номера «Киевских ведомостей».

Но и за это нужно было говорить спасибо. Усеченный тираж же доставили в объединение «Укрпочта», чтобы немедленно отправить подписчикам. Подготовили очередной, острый и злободневный номер, касающийся противоправного закрытия газеты, с актуальными комментариями политиков и юристов. Но как быть? С утра допечатывать тираж предыдущего номера или запускать новый? Было ясно, что возможности «Киевских ведомостей» обеспечивали наши мощности, причем с большим опозданием, лишь на процентов 15-17. Но ведь и молчать тоже было нельзя. Власть не имела права так поступать против нас. Это была откровенная агрессия по отношению к оппозиционному изданию. Неприкрытое беззаконие.

Самое странное, что мы в редакции ничего не знали о том, почему, на каком основании власть блокирует выпуск «Правды Украины». Только к обеду следующего дня из различных источников, в том числе из сообщений пропрезидентских изданий, отчасти удалось установить картину происходящего.

28 января министр информации подписал приказ №7 по министерству «О временном приостановлении выпуска газеты «Правда Украины». В нем указывалось, что якобы в издания оказались не совсем в порядке документы, на основании которых выдавалось свидетельство на право выпуска газеты.

Все это было откровенной чушью. Нынче, когда многое из тогда случившегося стало известно, можно наконец-то понять, уяснить, что это было на самом деле и как все происходило. Кто был вдохновителем, а кто организатором и непосредственным исполнителем беспрецедентной расправы над оппозиционным изданием.

ДУХ ОТВЕРГАЕТ ОКОВЫ

26 января 1998 года «Правда Украины» напечатала статью «Хатынки» для Леонида Даниловича». Это был правдивый рассказ о том, как бюджетные деньги

расточались налево и направо в угоду главе государства. Для строительства его дач и загородных домов, для шикарного обустройства литерного самолета. Читатели газеты узнали о том, как премьер-министр В. Пустовойтенко из того же кармана расточает деньги на приобретение дорогих лимузинов.

На Печерских холмах эта публикация возымела эффект разорвав разорвавшейся бомбы. Газету показали Л. Кучме. Он был в бешенстве. Из достоверных источников знаю, что глава государства распорядился тут же позвать силовых министров. Как мне рассказывали, Леонид Данилович в конце экстренного совещания сказал: «За сутки эту подлую «Правду Украины» - закрыть».

Утром, 27 января, я появился на работе в начале десятого. Когда открыл двери приемной, был необычайно удивлен: всю ее до отказа заполнили неизвестные мне люди. Одни были в гражданской одежде, другие в милицейской форме. Я понял, что у всех у них некое одно общее задание, потому пригласил всю группу заходить в кабинет. Когда расселись за длинным столом, я всех посчитал – семнадцать человек! Начали представляться. Одни - из генеральной прокуратуры. Пятеро - из налоговой инспекции, четверо из шестого управления по борьбе с организованной преступностью МВД Украины, трое пожарников, еще трое из контрольно-ревизионного управления министерства финансов Украины.

Вот тут, каюсь, не выдержал я и говорю:

- А причем здесь КРУ? «Правда Украины» независимое издание, мы никогда и не прикасались к бюджетным деньгам. Вы не имеете права что-либо проверять в нашем издании, поскольку мы не являемся государственной структурой. Посему, пожалуйста, выйдите вон! Прошу!..

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Наверное, это с моей стороны было грубостью, но такую мою реакцию вызвало вероломство, с которым в один час сюда слетелось все воронье. Думаю, что все пришедшие хорошо понимали: их послали выполнить грязную работу - задушить издание.

Все молчали, сотрудники КРУ тоже. Я во второй раз повторил свое требование, заявив при этом, что никаких документов никому представлять не будем до тех пор, пока люди из Минфина отсюда не уйдут - им тут делать нечего.

Я хорошо понимал, что это был дешевый кураж с моей стороны. Но и поддаться на провокацию, что называется, отдать редакцию на растерзание правоохранительным ястребам, я тоже, согласитесь, не мог.

Обозвался старший из группы сотрудников генеральной прокуратуры.

- КРУ передано нам для проведения бухгалтерских проверок.

Мне это только и нужно было. Не раздумывая, я потребовал мандат на проведение подобной организованной инспекции от представителя Генпрокуратуры. «Представьте, пожалуйста, письменное распоряжение, заверенное печатью». В нем, как я понимал, должно быть предписано, какая цель данной проверки, кто отдал

распоряжение на ее проведение. Оказалось, что такой документ был лишь в сотрудников налоговой инспекции.

- Налоговики могут приступать к проверке, всех остальных прошу покинуть здание редакции, - сказал я.

- У меня есть удостоверение и этого достаточно, - не сдавался представитель генеральной прокуратуры. - Я - заместитель начальника управления Генпрокуратуры...

- Ну и что, - отвечал я ему. - Меня не интересует ваше удостоверение. И должность тоже. Представьте, пожалуйста, для проверки мандат с печатью Генпрокуратуры. Только тогда я буду с вами разговаривать. Если такого нет, - прошу не мешать сотрудникам редакции работать над выпуском газеты. Вы нарушаете наши конституционные права.

Было видно, что мое поведение явно не понравилось пришедшим. Но, кажется, неожиданно я попал в точку. А почему, собственно, должно быть иначе? Что, вот так собрались бригадой, приехали и давай, что называемся, «рыть»? На ровном месте. По-бандитски, по-воровски. А вдруг это я лично кому-то не понравился, и он мстит лично главному редактору, заблокировав работу всего печатного органа. Если же такая проверка необходима в интересах государства, тогда, видимо, должен быть и соответствующий документ. Разве я ошибаюсь?

Только потом я узнал, что прямым из моего кабинета разъяренные сотрудники Генпрокуратуры и КРУ направились в апартаменты директора издательства «Пресса Украины» Владимира Олейника. Там расположилась заместитель генерального прокурора Ольга Колинко. Это она лично прибыла руководить налетом на «Правду Украины», расположив свой штаб двумя этажами ниже нашей редакции.

Словом, стали пришедшие думать и совещаться: что делать? Другого выхода, как изготовить соответствующую бумагу с печатью генпрокуратуры, не было. Ольга Михайловна, как мне рассказывали, кому-то звонила, объясняла, какой нужно выписать документ, В. Олейник услужливо послал за мандатом машину. Под обед представители Генпрокуратуры и КРУ снова стали осаждать мой кабинет. На этот раз отбиться от них возможности уже не было. Вот почему я с такой легкостью согласился на предложение Павла Лазаренко - слетать на один день в Винницу. Дабы хоть немного развеяться от кошмара с осадой редакции правоохранительными органами. Пока не прояснится ситуация, несколько дистанционироваться от налетчиков, не подписывать никаких их актов. Тем самым полагал, что ничего особенного в мое отсутствие произойти не могло. Ведь одни проверяющие уехали поздно вечером, как можно было понять - ни с чем, нарушений в работе бухгалтерии они не обнаружили, а налоговикам, как они сами заявили, предстояло еще работать дня два-три.

КИЛІЕРЫ с МАНДАТАМИ ВЛАСТИ

Проверив, в общем-то, небольшую бухгалтерию редакции, сотрудники Генпрокуратуры и КРУ Минфина, похоже, ни к чему особенно придраться не смогли. Документация оказалась в порядке, финансовый нарушений зафиксировано не было. Кстати, об этом теперь говорить можно с полной уверенностью, поскольку после того проведено было еще не одну ревизию, наверное, и с применением рентгеновских аппаратов тоже. Нарушений обнаружить не удалось.

И вот теперь, как не трудно догадаться, вечером, 27 января 1998 года, у «силовики» возник вопрос: как выполнить задание главы государства - закрыть издание за сутки, если никаких объективных препятствий для этого нет? Но разве это проблема для государства, где попираются права и свободы граждан, где все делается в угоду интересам сильных мира сего?

На следующий день появился приказ №7 Мининформа «о временном приостановлении выпуска газеты «Правда Украины». Он, как надо понимать, касался типографий, которые входят в систему министерства информации Украины. Им строжайше предписывалось заблокировать выход в свет оппозиционного издания. Причиной подобного распоряжения, следуя этому документу, стало якобы нарушение правил регистрации газеты.

Это не соответствовало действительности.

Во-первых, что за термин такой - «временное приостановление выпуска газеты»? Это, позвольте спросить, из какого лексикона? В юридическом словаре подобного выражения нет.

Во-вторых, никакое министерство, в том числе и информации, не имеет права останавливать (тем более «приостанавливать», как указывалось в документе) выпуск издания. Даже ту газету, которую оно регистрировало. Издание, в соответствии с украинским законодательством, могут закрыть либо учредитель (учредители), либо суд. И только. А больше никто.

В-третьих, никакого нарушения регистрации мы не допускали, последнюю перерегистрацию «Правда Украины» прошла без малого четыре года до этих событий. Все документы об этом, в том числе и свидетельство на право выпуска газеты установленного образца, были у нас на руках. Так что министр информации Зиновий Кулик откровенно врал.

В-четвертых, все оказалось настолько шито белыми нитками, что только глупцу было не понять: власть под любым предлогом пытается задушить издание, потрясающее общество публикациями, факты из которых становились темой всеобщего обсуждения. Острые, критические выступления «Правды Украины» передавали из рук в руки. Ее свежие номера превращались в подлинные бестселлеры. Их пуще огня боялись во властных кабинетах, а народ - с нетерпением ждал. Газета превратилась в детонатор, способный взорвать общество.

При этом министерство информации не удосужилось даже поставить в известность о своих действиях саму редакцию. Ну, как бы не сочли нужным. Будто

бы это противоправное решение Зиновия Кулика о приостановлении выпуска газеты вовсе и не касается нашего журналистского коллектива. Но ведь за редакцией стояло ни много, ни мало - 532 тысячи подписчиков! Еще семьдесят тысяч человек приобретали издание в киосках. Одним росчерком пера руководитель Мининформа нарушил конституционные права каждого из этих людей. И право на получение информации.

Но что там более полумиллиона граждан с их некими конституционными правами, когда каждый номер «Правды Украины» раздражает главу государства и его ближайшее окружение! Если из самого высокого кабинета страны отдано команду «Фас!» - задушить, уничтожить! Разорвать в клочья. Налету!

Из кошмарного угара тех дней и не вычленю, не вспомню: то ли на следующий день, после начала работы, или через сутки-другие свой вердикт представила группа налоговиков. В их акте указывалось, что якобы редакция «Правды Украины» длительное время уклонялась от уплаты налогов. Посему, на нее налагается штраф в сумме - один миллион 271 тысяча гривен. Если учесть, что курс доллара тогда составлял 1:1,8, то, согласитесь, получалась весьма приличная сумма.

Но очень важно, полагаю, уточнить, почему с расчетного счета было снято именно 1 миллион 271 тысячу гривен?

Дело в том, что именно столько денег, на момент расправы над «Правдой Украины», находилось на расчетном счету редакции. Иными словами, получалось, что нас единым махом обескровливали. Ибо, состряпав подобный акт, налоговики гут же изымали все наши деньги до единой копейки. На расчетном счету оставался - ноль. К тому же, заместитель начальника Радянської районної податкової інспекції г. Києва Людмила Аксенова тут же издала распоряжение – немедленно заблокировать расчетный счет редакции, написав, что якобы наша бухгалтерия несвоевременно сдала отчет по доходам.

И это тоже оказалось наглым, ничем не прикрытым враньем. Бухгалтерия редакции предоставила документы, в которых четко и однозначно указывалось - никаких нарушений в уплате налогов не существует. К тому же, отчет налоговой инспекции предоставлен вовремя. Об этом свидетельствовала соответствующая отметка подчиненных госпожи Аксеновой. То есть, все это ясно указывало на то, что закрытие расчетного счета редакции было ничем иным, как откровенной расправой, а распоряжение Л. Аксеновой – банальной провокацией.

Забегая наперед, скажу, что подав исковое заявление в арбитражный суд против налоговой службы Радянського району г. Києва за фальсификацию акта проверки, мы, в конце концов, выиграли процесс. Правда, произошло это лишь через четыре месяца после январских событий - 1 июня 1998 года. Киевский городской арбитражный суд под давлением неопровержимых фактов, несмотря на угрозы власти судье, вынужден был все-таки признать, что никаких нарушений в уплате налогов со стороны редакции на самом деле не было. Напротив, на момент составления сфальсифицированного акта налоговиками «Правда Украины» переплатила государству несколько десятков тысяч гривен. То есть, казна должна была возвращать нам 1 миллион 271 тысячу гривен, незаконно снятых со счетов

издания, да еще плюс возврат переплат.

Но больше всего запомнилось то, как госпожа Аксенова делала все для того, чтобы заблокировать расчетный счет редакции, умертвить издание. То ли сама лично это делала Людмила Ивановна, то ли ее подчиненные, но в налоговой инспекции подтирали отметки на документах, лишь бы доказать, что нарушение сдачи отчетности все-таки имело место. Тот же арбитражный суд вскоре признал, что на самом деле отчет бухгалтерия сдала вовремя, а посему санкция налоговой инспекции о закрытии счета - безосновательна. Стоило только арбитражу огласить этот вердикт, как тут же молниеносно заместитель генерального прокурора Украины С. Винокуров внес протест на данное решение арбитражного суда. Вы понимаете, о чем идет речь? Заместитель генерального прокурора Украины (!), отложив все дела о грабежах, разбоях, убийствах, казнокрадствах, стал срочно изучать дело о том, в какой именно день, какая-то там мизерная в масштабах государства, равная блохе или маковому зернышку, бухгалтерия редакции «Правды Украины» сдала отчет о налогах. И господин Винокуров молниеносно пришел к гениальному выводу, что суд ошибся. Что расчетный счет оппозиционного издания обязательно должен быть заблокирован. Открывать его просто нельзя. Свой протест заместитель генерального прокурора первым делом доставил не в арбитражный суд, как надлежало бы, а в банк «Украина», который обслуживал наши счета. Как заявили банковские служащие с генеральной прокуратуры туда еще и позвонили, - дескать, исполнять нужно не решение суда, а исключительно протест заместителя генерального прокурора Украины С. Винокурова. Хотя это, подчеркну, не вкладывается ни в какие рамки законов. Как сказал кто-то из великих - защита дурного деяния хуже самого деяния.

После драконовского приказа министра информации противоправно был наложен арест и на газетную бумагу, более пятисот тонн которой находилась на складах издательства «Пресса Украины». Ее арестовали без каких-либо объяснений и оснований. За что, по какому праву никто уточнять и не собирался. Просто силовики вошли в раж. Они не только надевали оковы па свободу слова, но еще и золотили их.

СУДЕБНЫЙ ВЕРДИКТ ПОСЛЕ... СНЕСЕНИЯ ГОЛОВЫ

Еще более дикое решение приняла Радянська районная госадминистрация г. Киева. Вы не поверите, но это факт. Она объявила о ликвидации юридического лица - редакции газеты «Правда Украина», потребовала от городского управления статистики снять наше коллективное предприятие со статистического учета. Издав об этом соответствующий документ (наверное, единственный в своем роде!), райгосадминистрация уполномочила Радянську районную прокуратуру от своего лица провести подобное решение через арбитражный суд.

Получалось, что районные начальники как бы сперва отрубили голову своему визави, а потом решили узаконить это через судебный вердикт. И вот мы получили

повестку в Арбитражний суд г. Києва. Истцом выступала прокуратура Радянського району столиці от імени райгосадміністрації, відповідником - редакція газети «Правда України», котрою як би уже и не було. Вы когда-либo слышали о таком? Если нет, то следите, что было-дальше.

Но любой мало-мальски юридически грамотный человек заметит, что районные госадміністрації не имеют права принимать решение о ликвидации субъектов предпринимательской деятельности. Это не их функции, не их компетенция. Подобным занимаются исключительно суды, найдя в деятельности юридических лиц лишь грубые нарушения законодательства. Редакция же однозначно никаких законов не нарушала.

Возникает законный вопрос: неужели до этого всего сумели сами думатья в Радянської райгосадміністрації? Неужели пошли на подобный шаг, что называется, самочинно? По своей инициативе. Дабы, так сказать, выслужиться. Отнюдь.

Ответ находим в стенограмме одного из заседаний Верховной Рады, датированной началом февраля 1998 года. Выступает лидер партии «Громада» Павел Лазаренко. Он говорит (подаю текст в соответствии со стенограммой записей пленарных заседаний Верховной Ганы на украинском языке):

ЛАЗАРЕНКО П.І., голова Дніпропетровської обласно'1 ради народних депутатів (Солонянський виборчий округ, Дніпропетровська область). Голова парти «Громада».

- Учора Верховна Рада прийняла постанову про грубі порушення законодавства України щодо обставин закриття газети «Правда України». Нагадаю, що парламент засудив дії Кабінету Міністрів, панів Пустовойтенка та Кулика, що порушили Конституцію України. Цей документ зобов'язав Кабінет Міністрів терміново забезпечити поновлення випуску газети «Правда України».

На жаль, керівництво видавництва «Преса України» не виконує цю постанову відмовилося друкувати газету.

Учора ввечері я мав розмову з головою Радянської районної адміністрації міста Києва Анатолієм Гудзієм з приводу порушення ним закону. Пан Гудзій усвідомлює, що він порушує закон, але відверто визнав, що прем'єр-міністр Валерій Пустовойтенко особисто кілька разів наказував йому скасувати реєстрацію колективного підприємства «Правда України». На підставі цього рішення податкова адміністрація заблокувала рахунки редакції.

Дії панів Пустовойтенка та Гудзія підпадають під ознаки службового злочину. Я пропоную негайно викликати до Верховної Ради прем'єр-міністра Пустовойтенка та міністра інформації пана Кулика для пояснення причин невиконання постанови Верховної Ради. У противному разі я подаю пропозицію внести до порядку денного питання про недовіру уряду...»

Надеюсь, что после этого сообщения многое становится понятным, в выступлении содержатся ответы на некоторые щекотливые вопросы. И, прежде всего, указывается на то, что делом противоправного закрытия «Правды Украины» занимались не только генеральная прокуратура, налоговая администрация, министерство информации во главе с тогдашним министром З. Куликом. Но и персонально премьер-министр Украины Валерий Пустовойтенко. Словно бы главе правительства больше не к чему силы приложить в этой разваленной, униженной стране, кроме, как давить на главу районной администрации, требовать от него принять совсем таки глупое и противоречащее логике, здравому смыслу решение о лишении редакции газеты статуса юридического лица. С точки зрения демократии - дикари и безумцы, рядящиеся в одежды государственных мужей. Дремучая юридическая тундра! С позиции здравого смысла - подлые люди, преступно использующие служебное положение.

Нужно отдать должное Верховной Раде. В том созыве нашлось немало народных депутатов, которые хорошо понимали, что закрытие оппозиционного издания волевым, противоправным путем - уверенный шаг власти к установлению в стране диктатуры. Буквально с первого захода парламент принял постановление о недопустимости в обход закона, не через суд, а волевым методом, приказом по министерству блокировать выход оппозиционной газеты. Верховная Рада потребовала незамедлительно положить конец правовому беспределу. Высший законодательный орган требовал от Кабинета министром отменить дурно пахнущий приказ Мининформа, решить вопрос о снятии препятствий для незамедлительного выхода «Правды Украины» в свет.

Все это произошло уже на пленарном заседании 3 февраля 1998 года. Вот как все происходило. Представляю стенограмму заседания Верховной Рады от 3 февраля с политическим заявлением партии «Громада»:

«Шановні народні депутата! Тільки надзвичайна ситуація, що склалася в Україні, змусила нас зробити цю заяву. В Україні трапився безпрецедентний акт - уперше за історію незалежності закрито видання - газету «Правда України»: і рахунки заблоковано, а саму редакцію ліквідовано як юридичну особу. Жодних законних підстав для проведення такого насильства не було. «Правда України» зареєстрована в 1994 році згідно з чинним законодавством.

Що змінилося протягом останніх місяців? Виконавча влада розпочала цинічну підготовку до виборів. «Правда України», як більшість друкованих засобів масової інформації, стала в жорстку опозицію до владних структур. Саме безкомпромісною позицією «Правди України» можна пояснити зухвалі безпрецедентні дії функціонерів. Боячись справедливого гніву народу, вони забороняють вихід газети. Це робиться самочинно - без відповідного рішення суду, яке передбачено законодавством України. Сьогодні це сталося з «Правдою України», а завтра?.. Хто буде наступним: тижневик Руху «Час-тайм» чи газета «Товарищ»? Політичні кольори вже не відіграватимуть ролі...

Що можна сказати про державу, в якій відбуваються такі грубі розправи над опозиційною пресою? Що можна сказати про керівництво тієї держави, котра змушує своїх улесливих чиновників виконувати подібні розпорядження?

Дуже влучно відповів нещодавно на всі ці запитання голова Спілки журналістів України Іван Лубченко. «Закриттям газет починався ГКЧП, - сказав він, - виходить, що Україна стоїть за крок до введення надзвичайного стану.»

Тому ми вимагаємо внести до порядку денного питання про правомірність закриття «Правди України», а також про юридичну оцінку втручання владних структур в інформаційне поле України. Проект постанови міг би бути таким: «Негайно відновити вихід «Правди України», що була закрита без рішення суду; створити слідчу комісію для виявлення всіх фактів незаконного втручання урядових структур в інформаційне поле України; притягнути до кримінальної відповідальності всіх посадових осіб, які винні в цьому, зокрема, міністра інформації Зиновія Кулика, секретаря Ради національної безпеки пана Горбуліна, а також керівництво АТ «Преса України» та Укрпошти». Це перше.

Друге. Газета «Правда України» продовжує виходити, бо на допомогу їй прийшли журналісти практично всіх видань, свою солідарність заявили політики, справжні патріоти України. Колектив редакції звернувся до суду. Творчий колектив, щоб не опинитися просто неба, забарикадувався в редакції, журналісти не погодилися з рішенням чиновників не випускати газету. Проте ніхто не гарантує, що репресії проти газетярів на цьому припиняться. Сьогодні о пів на третю ночі працівники правоохоронних органів поставили ультиматум: або журналісти звільнять приміщення, або їх кинуть до в'язниці. Якщо так триватиме й далі, сьогодні або завтра в Україні з'являться перші політичні в'язні. Ми вимушені звернутися світової спільноти, Ради Європи: треба запобігти появі в Україні політв'язнів.

В тот же день было подготовлено Постановление Верховной Рады по поводу неправомерного закрытия газеты «Правда Украины». Оно резко осуждало действия исполнительной власти в наступлении на свободу слова и демократию. Однако, если вы полагаете, что достичь консенсуса в парламентском зале при таком очевидном нарушении законодательства было легко, вы явно ошибаетесь. Впрочем, судите сами. Вот стенограмма заседания:

«Сесійний зал Верховної Ради України. 3 лютого 1998 року.

16 година.

Веде засідання Голова Верховної Ради України МОРОЗ О.О.

ГОЛОВА. Прошу депутатів підготуватися до реєстрації. Проводиться поіменна реєстрація.

Зареєструвалися 333 народні депутата. Вечірнє засідання оголошується відкритим.

Перед тим, як розглянути проект Закону про внесення змін до Декрету Кабінету Міністрів про прибутковий податок з громадян, відповідно до доручення, яке ми вранці дали Комітету законодавчого забезпечення свободи слова та засобів масової інформації, внесено проект Постанови Верховної Ради про грубі порушення законодавства України щодо обставин закриття газети «Правда України». Нам потрібно ухвалити відповідний документ, оскільки ми попередньо приймали таке рішення. Пропоную прийняти за основу цей документ, потім відрегулювати його стосовно юридичної точності і схвалити остаточно. Немає заперечень? Ставлю на голосування пропозицію прийняти за основу проект постанови. Будь ласка. «За» - 198.

Надійшло прохання ще раз поставити на голосування. Будь ласка (Шум у залі). За основу.

«За»-210.

ГОЛОВА. Аби ви не думали, що я наполягаю, обстоюючи ту або ту позицію, звертаюся до всіх представників різних політичних структур: якщо ви хочете, щоб у державі поважався закон і порядок, то треба на прикладі однієї газети думати про захист інтересів демократії в державі загалом. І саме тому прошу ще раз проголосувати проект за основу. А щодо змісту потім визначимося. Прошу голосувати.

«За» - 222.

Які будуть пропозиції? (Шум у залі). Ставлю ще раз на голосування. Будь ласка, голосуйте.

«ЗА» - 229.

ГОЛОВА. Щодо змісту. Перший пункт. Не личить Верховній Раді засуджувати дії міністерства. Ми можемо давати оцінку Кабінету Міністрів, але опускатися до рівня міністерства неможе, бо це виходить за межі Конституції. Пропоную таку редакцію пункту: «Перше. Звернути увагу Кабінету Міністрів України на порушення Міністерством інформації України статті 34 Конституції стосовно гарантій права на свободу думки і слова, на вільне вираження своїх поглядів переконань». А другий пункт залишити без змін. Інші думки є? Будь ласка, депутате Носов.

НОСОВ В.В., член Комітету Верховної Ради України з питань бюджету (Октябрський виборчий округ, Полтавська область).

Шановні депутати! Там порушення не тільки згаданої статті, а й частини другої статті 19 Конституції: «Органи державної влади та органи місцевого самоврядування, їх посадові особи зобов'язані діяти лише на підставі, в межах повноважень та у спосіб, що передбачені Конституцією та законами України». Тому треба додати: «частини другої статті 19 Конституції».

ОЛОВА. Гарзд. Врахувати і пропозицію депутата Носова. Немає заперечень?

Запропоновані два доповнення до першого пункту ставляться на голосування. Будь ласка.

«За» - 227. Прийнято.

Депутате Терьохін, будь ласка. За ним - депутата Смірнов і Найда.

ТЕРЬОХІН С.А., член Комітету Верховної Ради України з питань фінансів і банківської діяльності (Комсомольський виборчий округ, Полтавська область). Шановні народні депутати! Стосовно другого пункту. Ви знаєте, що постанова ніякого враження на Кабінет Міністрів не справить (я не маю наміру тут ставати на чийсь бік). Що ми можемо зробити, то це доручити Генеральній прокуратурі розібратися з даною справою. Загалом це функції суду, а не Верховної Ради як законодавчого органу, щодо розгляду суперечок. На те, щоб командувати - відкрити чи закрити, - у нас немає повноважень. Дякую.

ГОЛОВА. Депутате Смірнов, прошу.

СМІРНОВ С.Л., член Комітету Верховної Ради України з питань боротьби з організованою злочинністю і корупцією (Тульчинський виборчий округ, Вінницька область). Олександр Олександровичу, я підтримую те, що тут надруковано, за винятком одного слова в назві. На мій погляд, треба вилучити слово «грубі», бо то неюридичний термін. І залишити назву «Про порушення законодавства» - і далі текстом.

ГОЛОВА. Зрозуміло. Згода. Це редакційне уточнення, оскільки «грубі» - неюридична категорія. Правильно. Депутате Найда, будь ласка.

НАЙДА Г.І., член Комітету Верховної Ради України з питань паливно-енергетичного комплексу, транспорту і зв'язку (Суворовський виборчий округ, Херсонська область). Фракція комуністів.

Уважаемые коллеги! Мне не нравится, что мы должны опускаться до уровня министра и оценивать его действия. Кулик - известный нам человек, занимался комсомолом, развалил его до конца. Затем он занялся нашим первым Президентом Леонидом Макаровичем, превратил его в Лесика первого. Сейчас занимается Леонидом Даниловичем. Почему мы должны ему мешать? Пускай он свое дело делает. Нужно потребовать от Генеральной прокуратуры (мы дали ей сегодня поручение) рассмотреть данный вопрос в кратчайшие сроки. И второе. Поскольку по этому поводу «Громада» обратилась в суд, надо попросить суд как третью ветвь власти рассмотреть дело в течение недели. И больше ничего не надо делать, иначе никогда порядка не наведем. Мы должны действовать только в правовом поле как законодательный орган. Если надо, давайте примем соответствующий закон, но допускать подобное конечно нельзя. И не трогать Кулика ни в коем случае, а то он еще нами займется. Спасибо.

ГОЛОВА. Закликаю вас не іронізувати, а розглядати питання по суті. Георгій Іванович слушно зауважив. Ми говоримо тут про Міністерство інформації, але йдеться про те, що Міністерство внутрішніх справ також порушує закон у цій

ситуації. Тому треба говорити, можливо, в загальному плані: міністерствами та відомствами порушуються статті Конституції, у даному випадку й та, про яку говорив депутат Носов. І, гадаю, у пункті 3 можна звернутися з проханням до Верховного Суду прискорити розгляд справи в судовому порядку, щоб не сприймали це як тиск на судову владу. Так можна? (Шум у залі). Не можна цього робити? Підказують юристи, що такого робити не можна, бо є процесуальні строки і це має визначатися в робочому порядку. Що тут ще треба дописати? Депутате Єльяшкевич, будь ласка.

ЄЛЪЯШКЕВИЧ О.С., член Комітету Верховної Ради України з питань фінансів і банківської діяльності (Дніпровський виборчий округ, Херсонська область). Партія «Громада».

Уважаемые коллеги! Необходимо добавить еще один пункт, в котором записать: «Запропонувати Президенту України звільнити з посади міністра інформації Кулика за систематичне порушення законодавства України».

Мы не имеем права, как вы знаете, согласно Конституции, освобождать от занимаемой должности отдельных министров. Это предоставлено только Президенту Украины. Если же Президент не отреагирует на грубое нарушение законодательства со стороны министра информации, то мы вынуждены будем поставить вопрос о недоверии правительству.

ГОЛОВА. Зрозуміла пропозиція депутата Єльяшкевича? Ставлю її на голосування. Будь ласка. Нехай Президент розбирається з тими людьми, яких призначає.

«За» -201.

Пропоную не голосувати в поіменному режимі. Ще раз ставлю на голосування на пропозицію окремих депутатів з Донецької області.

«За»-210.

Ставлю на голосування в цілому без пропозиції депутата Єльяшкевича. Будь ласка.

«За»-224.

Разом із пропозицією депутата Єльяшкевича ставлю на голосування. Будь ласка, голосуйте.

«За»-219.

Є пропозиція голосувати поіменно. Ставлю на голосування.

«За» - 195. Прийнято.

Але перед тим ще раз звертаюся до депутатів, які сумніваються. Йдеться не про «Громаду», а про державу. Тому закликаю ще раз проголосувати не поіменно, а

потім - поіменно, якщо буде потреба. Разом із пропозицією депутата Єльяшкевича проект ставиться на голосування в цілому. Підтримайте, щоб не ставити на поіменне голосування.

«За» - 244.

Прийнято. Дякую».

КТО НЕ ЧУВСТВУЕТ МРАКА, ТОТ НЕ ИЩЕТ СВЕТА

Однако и это оказалось гласом вопиющего в пустыне. Свобода в государстве состоит в том, чтобы зависеть только от законов. Однако никто в структурах исполнительной власти, которая получила четкое и конкретное указание от «гаранта Конституции» расправиться с «Правдой Украины», и усом не пошевелил, дабы им править положение. Как видим, премьер В. Пустовойтенко в ответ на постановление парламента еще больше закусил удила и стал требовать от главы районной администрации Радянського району столицы А. Гудзия растереть в порошок редакцию издания. Такое вот уважение к законам государства, к высшему законодательному органу страны. Не говоря уже о свободе слова и демократии.

Казалось бы, что с того, что райгосадминистрация принимает неправомерное решение о ликвидации юридического лица - редакции газеты «Правда Украины». Согласно закону и ее статуса данная структура исполнительной власти не уполномочена выносить подобный вердикт, а, следовательно, такое странное решение не может являться законным, подлинным. Подобный документ был равен не больше, чем, например, приказ аптечного управления по упорядочению движения поездов на железной дороге.

Однако подобное не имело бы никаких правовых последствий если бы жили мы в государстве, где уважаются и чтятся законы. Где злоба государя не является индульгенцией для всякого рода беспредельщиков и временщиков, которые ради того, чтобы выслужиться, готовы подрядиться хоть и самими палачами в беса. Здесь все было наоборот. Районная прокуратура вместо того, чтобы исполнять чью-то злую волю, должна была не подавать в суд от имени райгосадминистрации на редакцию «Правды Украины» после того, собственно, как решение о ее ликвидации было уже принято районной властью, а возбудить уголовное преследование против того же пана А. Гудзия. За превышение своих полномочий, за препятствование исполнению служебных обязанностей журналистскому коллективу. А поскольку А. Гудзий, как видим, подобное распоряжение принимал не по собственной инициативе, то дело к производству должны были принять Киевская городская, а затем и генеральная прокуратуры, в конце концов, выдвинув обвинение против организатора преступления, лучшего друга Л. Кучмы - В.Пустовойтенко.

Но хорошо известно: кто не чувствует мрака, никогда не будет искать света.

Здесь шла жестокая игра в одни ворота. Никто не обращал никакого внимания на то, как действия власти соотносятся с законодательством. Почему-то молчали международные организации. Хотя буквально с первых дней беспрецедентной расправы над оппозиционным изданием редакция развезла обращение журналистского коллектива к главам государств и правительств во все посольства, находящиеся в Киеве. Отправили мы сигналы SOS в ООН и ЮНЕСКО, международную журналистскую организацию «Репортеры без границ». Но никакой обратной реакции не было. В ответ - звенящая ледяная тишина.

Анализируя этот факт с позиции сегодняшнего дня, я прихожу к выводу, что тогда, похоже, никто в мире не знал, не мог вообразить себе, что на самом деле представлял собой режим Л. Кучмы. Особенно в деле подавления инакомыслия, демократии, свободы слова. Ну, думали, идут какие-то там внутренние разборки с зарвавшимся изданием. С газетой, которая еще недавно была главным рупором ЦК КПУ. Само название - «Правда Украины» - отпугивало многих зарубежных «демократов». Ну, душит Л. Кучма вчерашнее коммунистическое издание, пусть, мол, и умерщвляет его, на одно будет меньше.

Ладно. Пусть в подобном стиле могли так мыслить где-то в ООН или в парижской штаб-квартире ЮНЕСКО. Допустим даже, что примерно так могла объяснять все происходящее своим брюссельским начальникам представитель международной журналистской организации «Репортеры без границ» в Украине, тогдашний сотрудник газеты «Зеркало недели» Алла Лазарева. У «Правды Украины» с «Зеркалом недели» в целом и, в частности, с самой госпожой Лазаревой той поры были крайне натянутые отношения. Перед событиями января 1998 года мы с этим изданием обменялись некоторыми публичными уколами друг против друга. В целом-то по пустяковым вопросам.

Дабы, как говорится, не было лишних кривотолков по поводу этого сыр-бора, расскажу, как все происходило на самом деле. Мы как-то заметили, что так называемые ведущие журналисты некоторых изданий, которых чуть ли не каждый год, с участием администрации президента, называли людьми года, лучшими по профессии, весьма активно сотрудничают с властью, при этом всячески подыгрывая ей. Благодаря этому, указывалось в публикации, отдельные женщины-журналисты, из числа, так сказать, узнаваемых в Киеве (далее упоминались конкретные фамилии, среди которых была и сотрудница «Зеркала недели»), могут якобы не за свой счет слетать за обновками туалета и в сам Тель-Авив.

Что тут поднялось! «Правду Украины» сразу же обвинили в антисемитизме. Хотя скажу честно, посылка на столицу Израиля была просто таки случайной. Без каких-либо конкретных намеков. В тексте с таким же успехом мог бы быть назван и Берлин, и Мадрид, еще какая-либо другая столица государства. И, по моему мнению, после выхода этого номера газеты просто таки глупо было слушать и читать обвинения в том, что «Правда Украины», мол, выступает против евреев. И это, как не смешно говорить об этом, заметьте, базировалось всего-то лишь на одном упоминании столицы Израиля. Больше! в статье не было ни одного слова, даже намек на чье-либо еврейское происхождение. Не правда ли, абсурд?

Получается, если бы в публикации не было слова «Тель-Авив»,» стояло, например, «Москва», «Вашингтон», «Лондон» - никто бы и внимания не обратил на данную публикацию. А тут вдруг начали подписи собирать за публичное осуждение «Правды Украины». Такой уже грех учинила газета - хоть бери да закрывай издание за разжигание межнациональной вражды! Которой и не было вовсе.

Алла Лазарева с подругами добилась таки того, что генеральный секретарь международной организации «Репортеры без границ» Робер Менар обратился с личным посланием к президенту Украины по поводу якобы антисемитских выступлений «Правды Украины». Дескать, приструните их там. Не правда ли, весьма «демократическая» форма влияния на ситуацию внутри страны? А потом давайте не будем забывать и о том, что самому Л. Кучме это было явно на руку, поскольку руководитель международного журналистского центра просил повлиять на как раз самое активное оппозиционное издание. Леонид Данилович словно бы ждал такого подарка. И наши журналистские «светила» ему его поднесли. Что называется, развязали «папе» руки.

Ну, пусть уже вдруг возникшим проблемам «Правды Украины» радовались некоторые прикормленные властью газетные и телевизионные «трибуны». Но не могу понять, как могли быть в стороне от этого всего остальные украинские журналисты? Почему молчали они? Разве они не понимали, что противоправная расправа власти рэкетирскими методами с одним изданием зарождает перспективу жесткой узды для всей украинской прессы? Ведь несправедливость, допущенная даже к кому-то одному, является угрозой всем. Жизнь, богатая на расправы с журналистами, отдельными изданиями, после беспрецедентного удушения «Правды Украины», только лишней раз доказала жестокую справедливость этого вывода.

Все, что происходило в те дни вокруг нашего издания, выглядело очень странно и для меня абсолютно непонятно. Исполнительная власть жестоко подавляла издание с самым мощным в Украине тиражом, а соседи, газеты, редакции которых находились в том же здании издательства «Прессы Украины» этажами выше, ниже нас, о подобном даже и не упомянули в своих публикациях. Правда, многие журналисты, встречаясь с нами, правдоукраинцами, где-нибудь в лифте, туалете, в городском транспорте, обязательно оглянувшись перед этим, с благоговением пожимали руки, страстно называли нас «молодцами». Призывали не сдаваться. А вот отважиться на открытую поддержку никто не решался. Отдельные из газет об этом не давали ни строки, хотя практически каждый день имели информацию о том, что и как происходит. Опречь тогдашних «Киевских ведомостей», у которых отношения с властью испортились из-за конфликта их владельца Михаила Бродского с отдельными «хозяевами» Печерских холмов...

Многих, знавших ситуацию, что называется, извне, поразила состоявшаяся 29 января в агентстве УНИАН пресс-конференция. Проводя ее совместно с редакционным юристом, я заявлял, что это не что иное, как наглая расправа власти с оппозиционным изданием по политическим мотивам. Мы принесли с собой свидетельство Мининформа на право выпуска газеты. Демонстрируя его, доказывали, что никаких нарушений в регистрации издания нет и быть не могло. В зале находилось очень много журналистов. Ведь в истории новой Украины центральную газету власть закрывала впервые. Несомненно, многих интересовало -

почему? Как раз напротив нашего стола, и центре конференц-зала, разместились заместитель главного редактора еженедельника «Зеркало недели» Юлия Мостовая и тогдашний автор телевизионного «Пятого угла» на телеканале 1 + 1 Вячеслав Пиховщик. Чуть ли не после каждой моей фразы они отпускали злые шутки. На них цыкали соседи, но веселое настроение этих двоих не покидало.

Я говорил своим коллегам, что если они не проявят цеховой корпоративной солидарности, не выступят против махрового беспредела власти по отношению к одному изданию, то завтра судьба «Правды Украины» коснется и их изданий. Я заявил буквально следующее: «Вы можете не любить «Правду Украины», вы даже можете ненавидеть меня, как главного редактора этого издания, но вы просто обязаны выступить на защиту газеты, которую уничтожаю за ее оппозиционность. Иначе вскоре вам самим придется стоять на моем месте и просить защиты у других... »

Мостовая и Пиховщик заливались смехом. Будто бы я выступал в роли Евгения Петросяна или самого Хазанова.

Через несколько часов после нас пресс-конференцию проводил министр информации З. Кулик. На нее тоже собралось до полусотни журналистов. Тема та же - ситуация вокруг закрытия «Правды Украины». Наши сотрудники это действие сняли на видеокамеру, и мы вскоре чуть ли не всем коллективом смотрели, как лгал и изворачивался господин Кулик. Он вдруг заявил журналистам, что одной из причин так называемого приостановления выпуска нашего издания является и то, что «Правда Украины» якобы обратилась в Мининформ с заявлением о перерегистрации издания. Одним из учредителей газеты, по его словам, должна стать компания из островов Антигуа. «Они из «Правды Украины» хотели сделать «Антигуанскую правду», - не моргнув глазом, заявил З. Кулик.

Во-первых, если бы такое и случилось, то подобное нужно было просто приветствовать. Глава государства на каждом совещании только и говорил, как о необходимости привлечения заграничных инвестиций. Чем бы подобное повредило Украине здесь? Посему подобный шаг нужно было только приветствовать. А тут откровенно и неизвестно почему журналистов сделали «врагами народа».

Во-вторых, тот же еженедельник, откуда власть ежегодно короновала людей в «журналисты года», к тому времени уже не один год существовал, имея в соучредителях представителей заграницы. Но его З. Кулик и не пытался закрыть. Хорошо понимая, на что может натолкнуться, кто поднимет вой на весь мир.

В-третьих, никакой попытки непосредственно редакция газеты «Правда Украины» взять в соучредители антигуанскую компанию не предпринимала. Это была гнусная и подлая ложь. Во спасение зарвавшейся власти.

Уже вечером все каналы радио и телевидения захлеб разносили новость от Кулика. Дескать, Мининформ спас для Украины одно из центральных изданий, которое якобы некоторые нехорошие люди намеревались уворовать на какие-то антигуанские острова. Из этой информации походило на то, что у власти просто не было иного выхода, как приостановить выпуск издания. Чтобы, мол, оно не уплыло

за моря-океаны. Но как, каким образом это могло произойти, никто ничего не говорил. Особенно же изощренно в этом плане дурил общественность известный своей желчностью Вадим Долганов из УТ-1.

На следующее утро газета «Факты и комментарии» выдержками из высказываний министра доказывала подобную глупость на своих страницах, миллионным тиражом разносила пасквиль по Украине.

Разумеется, что свою правоту можно было доказать только в суде. Анализ ситуации юристами показал, что поскольку и Мининформ, и редакция «Правды Украины» являются юридическими лицами, дело должен рассматривать арбитражный суд. Но никак не общегражданский. К тому же в первой инстанции - Высший арбитражный суд Украины, поскольку оспаривается документ министерства. Помимо того, дело имеет высокое общественное значение.

Нас, как истцов, крайне удивило то, что рассматривать дело поручили судье-женщине. Уже при первом собеседовании она как бы сразу стала на нашу сторону, заявив, что, дескать, все в деле ясно, как в божий день. Мининформ не имел никакого права закрывать издание, ибо это не входит в его функции. Я в душе надеялся, что свою позицию судья не изменит в процессе рассмотрения дела, но какое-то внутреннее чутье подсказывало, что столь легкой победа в подобной ситуации, когда в закрытии издания непосредственно заинтересованы и глава государства, и премьер-министр - не может быть. Ведь воевать нам приходится фактически против всей государственной машины.

ВОПРЕКИ ЗАКОНУ И ЧЕСТИ

Как ни странно, судья подобную линию заняла и во время рассмотрения самого вопроса в процессе. На представителя ответчика, начальника юридического управления Мининформа некоего Н. Дывака, буквально градом сыпались вопросы от нашего юриста, от меня и судьи. Он никак не мог объяснить, каким правовым документом подкреплялся приказ №7 Мининформа о временном приостановлении выпуска газеты «Правда Украины». Ибо никаких правовых отношений между государственным министерством и независимой газетой в природе не существует. А газету закрыть, как уже говорилось, могут либо учредители, либо суд. Третьего просто не дано. Но в данной ситуации как раз третий и нашелся. Им оказалось Министерство информации, которое превысило свои полномочия, выступив в роли некоего судебного органа.

Понимая, что теряет почву под собой, представитель ответчика то и дело заявлял ходатайства о необходимости сделать перерыв в процессе, перенести слушанье дела на другой день. К тому же, суд не мог не взять во внимание постановление Верховной Рады Украины, которая признала, что налицо акт политической расправы власти над негодным изданием. А вот господин Дывак, похоже, никак не ожидал, что судья поступит честно и справедливо, всячески будет придерживаться буквы закона. Могу предположить, что начальник юридического управления министерства был уверен: арбитр, несомненно, будет помогать ему. Он,

наверное, и не подумал о том, что судью не предупредят о необходимости подыграть ответчику.

Рассмотрение дела происходило в пятницу. Потому, выслушав всех участников процесса, судья заявила, что свое решение она огласит в понедельник. Услышав это, я понял, что судье не дадут объявить свой вердикт, к которому, и это было явно видно, она склонялась уже в день рассмотрения вопроса. Слишком много времени представлялось в распоряжение Кулика и Дывака, дабы они могли повлиять на окончательный вывод суда.

К сожалению, так оно и получилось. В понедельник к собравшимся в зале людям судья вышла без материалов дела. По лицу ее было видно, что она необычайно взволнована. Щеки горели странным румянцем.

- Как сегодня стало известно, - заявила она, - в рассмотрение дела вступила генеральная прокуратура Украины. На стороне ответчика. По сему руководство Высшего арбитражного суда Украины, рассмотрев ходатайство ответчика и генеральной прокуратуры, решило поручить рассмотреть иск редакции газеты «Правда Украины» к министерству информации судебной коллегии. Ее возглавляет судья Щетка. До свиданья...

Такого поворота событий никто не ожидал. Находящиеся в зале юристы начали спорить о том, правомерно ли отдавать дело на новое рассмотрение после того, как оно рассмотрено одним составом суда и для его окончания осталось лишь огласить решение. Все хорошо понимали, что судью, которая решила действовать не по указке сверху, а по закону, просто устранили от завершения процесса. И это было надругательством над самой системой правосудия, над честным арбитром, в частности, А, по сути, было страшно. Власть неприкрыто, грубо демонстрировала свою силу и цинизм одновременно. Она, похоже, уже не останавливалась ни перед чем.

В тот же день мы узнали, что судья Щетка, который должен был председательствовать в процессе «Правда Украины» против Мининформа, только что пришел на работу в Высший арбитражный суд Украины. Что он вчерашний прокурорский работник. Из одного источника мы даже узнали, что для господина Щетки на новом месте работы это был чуть ли не первый судебный процесс. И сразу, как видим, в роли председательствующего коллегии.

Не трудно было догадаться, что причиной такого высокого доверия оказалось то, что данный господин по существу оставался в стернях Высшего арбитражного суда Украины своим человеком для генеральной прокуратуры. А ведь именно она решила помочь господину Дываку отстоять правомерность приказа №7 от 28 января 1998 года. Причем весьма странным образом.

Интересы Мининформа в очередное судебное заседание пришли представлять два прокурорских полковника из улицы Резницкой. Но, по существу, говорить-то в суде не было о чем, ведь не имеет права министерство закрывать газету, а оно подобное учинило. Стало быть, Надлежало принять решение о неправомочности блокирования выхода периодического издания - и все. Но задание у всех кто, так

сказать, выступал в роли арбитров и кто прислуживал им в прокурорских мундирах, стояло совсем другое - ни за что не допустить победы в суде «Правды Украины». И вот что они учиняют.

Представители генеральной прокуратуры в процессе вдруг заявили, что редакция «Правды Украины» якобы не может быть стороной в процессе. Да, да. Именно так. Она будто бы уже не правомочна отстаивать свои интересы в суде, поскольку такого юридического лица больше нет. А основанием для подобного заявления представители генеральной прокуратуры выдвинули злополучное решение государственной администрации Радянского района г. Киева о лишение редакции газеты статуса юридического лица.

То есть, одно дремучее бесправие накладывают на другое, и у них уже получается, что журналистский коллектив не имеет права даже отстаивать свои интересы в суде. Это был уже, согласитесь, цинизм в квадрате. А может, и в кубе! Словом, такое могло только привидеться в самом страшном сне.

В ходе судебного процесса мы с адвокатом говорили сотрудникам генеральной прокуратуры: вот вы, мол, представляете высшую юридическую инстанцию страны по соблюдению законности в государстве. Почему вы не действуете по закону, согласно Конституции Украины? А именно, - обнаружив грубое нарушение, попытаться сразу же устранить его. Разве вам не известно, что райгосадминистрация не имеет права отменять акт регистрации юридического лица? Это ведь прямое нарушение закона, в том числе и Основного. Почему же встретившись с подобным, вы тут же не внесете протест в суд? На каком основании берете за основу противоправный документ, хорошо понимая, что он не имеет законной силы, что это обыкновенная фикция, почему выставляете его, как главный аргумент в судебном процесс? Что это, как не факт откровенного кривосудия? Что это, как не прямое доказательство того, что против издания ведется разнузданная борьба на откровенное удушение со стороны силовых ведомств и структур власти, генеральной прокуратуры Украины, в частности?

Однако у них получалось: чем хрупче доводы, тем тверже точка зрения. В ответ - практически бессвязное, нечленораздельное объяснение в том плане, что у прокуратуры есть, мол, лишь документ, указывающий на лишение редакции газеты права называться юридическим лицом, а природа происхождения данного акта в этом суде якобы не рассматривается. Иными словами выходит так. К липе лепят еще одну драную липу. Нагло и откровенно. Не стесняясь ни людей, ни Бога. Забывая, что ссылаться на дурные поступки других - это умыться грязью.

Но что им нравоучения? Люди в синих мундирах знали только одно: оппозиционная газета должна быть закрыта, она не имеет права на существование. Каким именно образом подобного достичь никого не интересовало. Важен был лишь конечный результат.

А что же судьи?

Все трое сидят, словно в рот гадости набрали. Никто из них не подает и пары с уст. Сидят и глаз ее поднимают, поскольку в зале собралось немало журналистов. А

что тут, собственно, скажешь? Несмотря на ходатайство истца - отклонить, как аргумент, довод генеральной прокуратуры, поскольку райгосадминистрация не имеет даже права издавать подобный документ о лишении субъекта предпринимательской деятельности статуса юридического лица, пан Щетка и его коллеги этого заявления словно бы и не слышали. Председательствующий торжественно объявил: все, мол, верно, довод полковников в синих мундирах засчитать. Нет такой редакции, и она не может, не имеет права защищать свои права в суде. Дескать, ненадлежащий истец. Это так звучит по юридическому канону.

Вместе с адвокатом мы предпринимаем отчаянную и последнюю попытку спасти положение - заявляем отвод всей судебной коллегии, поскольку она необъективно, явно упрежденно подходит к рассмотрению обсуждаемого вопроса. Но председательствующий грубо и пренебрежительно сбрасывает заявление адвоката истца на пол, не соизволив его даже объявить, присовокупить к документам дела. Щетка быстро поднимается из-за стола и объявляет: рассмотрение вопроса закончено, суд удаляется для вынесения решения. Но уже, как говорят, и по накипи видать, что заварилось. Пришли в суд за правдой, оказалось - на расправу. Спасательный круг оказался обыкновенным ошейником.

В такие минуты особенно остро чувствуешь свою некую ущербность, беспомощность, полное бесправие. Лишний раз убеждаешься в подлой наглости власти и мерзопакостности людишек, которые без малейшего зазрения совести учиняют откровенное предательство перед законом. Такие щетки вызывают полное отвращение. Но именно они являются столпами режима, его цементирующей силой. Зная, что творят на самом деле зло, они делают это с видом особого героизма и преданности матери-Родине. Удивляет не столько ограниченность их духовного нищенства, как пафос, с которым стряпается грязное дело. Создается впечатление, что у таких «арбитров» совсем нет совести. Что у них каменные сердца. Будто бы они пришельцы из других миров и совсем не думают о том, что их же детям, внукам придется жить на этой земле. Что такими вот противоправными решениями они закладывают основу будущей диктатуре.

Страшно не только то, что такие щетки есть, а то, что они все больше укореняются. Однажды, то ли в конце 2002-го, или в начале 2003 года, еду в автомобиле с включенной радиотрансляцией заседания Верховной Рады. Парламент утверждает судей Высшего арбитражного, или как он теперь называется - Хозяйственного суда. Вдруг звучит знакомая фамилия. Предлагается утвердить пожизненно судьей господина Щетку. Тот ли? Наверняка. Разумеется, большинство депутатов голосуют «за», спикер горячо и от души поздравляет утвержденных, желает им успехов в служении интересам Отчизны.

Я поздравляю тебя, страна чудаков, с «отличным» арбитром! Этот засудит, кого ему прикажут. А таких, как он, у нас, вы сами хорошо знаете, - тысячи. Вот почему кучмизм живет так долго, почему он побеждает на всех выборах и референдумах.

РЕДАКЦИЯ СТРОИТ... БАРРИКАДЫ

Дважды в одну и ту же реку, известно, не входят. Вода в речке постоянно меняется. Жизнь течет еще быстрее. Секундами. Бурлящие потоки жизни порой так стремительны, что через некоторое время и самому трудно поверить в то, что в определенный момент выстоял, выдержал. Что ты еще на этом свете.

Прежде всего имею ввиду те часы и дни, когда орда чиновников по-бандитски налетела на редакцию, преследуя единственную преступную цель - умертвить оппозиционное издание. Не дать ему возможности выходить в свет, нести правду в люди.

Мощности примитивной и единственной частной типографии «Киевских ведомостей» были ограничены. Но силовые структуры похоже, получили все из тех же высоких кабинетов четкое и конкретное задание - заблокировать выход «Правды Украины» и здесь. Примитивное и мерзкое преследование продолжалось. Первыми силовую акцию в типографии провели пожарники. Они пригнали в пригнали приспособленные помещения полиграфистов дюжину своих инспектором и за несколько часов «накопали» столько «грехов», что легче, наверное, было построить новое помещение, чем устранить недостатки. Руководителю же типографии неофициально заявили, что если на этих мощностях будет отпечатан еще хотя бы один номер «Правды Украины», в тот же день вступят в действия санкции по закрытию предприятия, которое не может эксплуатироваться якобы по причине противопожарных нарушений. Иными словами, будет заблокировано и выход газеты «Киевские ведомости».

Мне позвонил перепуганный директор типографии В. Очкалаз.

- Прости, - говорил он несколько дрожащим голосом, - но я попытаюсь отпечатать еще один ваш номер, не больше. Если я не выполню их требования, не откажусь от сотрудничества с вами, нас постигнет та же участь - прикроют. Тем более, что принесли письмо и из министерства информации. И эти предлагают немедленно прекратить печатанье «Правды Украины».

- А чем же угрожают они?

- Предупреждают, что, дескать, наши действия нарушают некий приказ №7 по министерству от 28 января. А дальше пишут, что «в случае не выполнения его требований, к вам будут приняты более радикальные меры». Понимай, как хочешь. Но это прямая и ничем не прикрытая угроза.

- Какое право имеет министерство требовать исполнения своих дурацких приказов, - не выдержал я, - от частного предприятия? Вы разве подчиняетесь им? Отчитываетесь перед ними?

- Разумеется, нет. Берут на испуг, - сделал вывод В.Очкалаз. - Но понятно и то, что за радикальными действиями от власти опоздания тоже не будет. Ты же знаешь их методы. Сегодня бухгалтерию типографии уже проверяет шестое управление МВД - УБОП. Что им тут искать? Но ведь что-то же ищут.

Куда уж больше, чем знаю. Нашу редакцию тоже посетила группа финансовых инспекторов. Возглавляли этот поход специалисты издательства «Пресса Украины». Вы не поверите, но это факт. Противопожарная инспекция запретила использование компьютерной техники в здании редакции «Правды Украины». Основанием для этого было то, что возле каждого(!) компьютера не установлены средства... пожаротушения.

Согласитесь, это полный абсурд. Но он был четко направлен на - дестабилизировать работу редакции, не дать возможности журналистам готовить статьи, свежие полосы газеты. Мы попытались оспорить акт у руководства пожарных, дирекции издательства. Но когда народ, замечу, не имеет голоса, это чувствуется даже при пепин гимна. Генералы-пожарники, к которым я пытался обратиться за защитой, отказывались говорить на эту тему, предлагая обращаться в суд. Те, кто подписывал акт от имени издательства, боялись вообще общаться на эту тему. Дескать, начальство приказало так сделать. Главному инженеру «Прессы Украины» Д. Вознюку, который визировал данный акт, я говорил:

- Покажите мне, где хотя бы в одном месте в издательстве рядом с компьютером стоит огнетушитель. Укажите на инструкцию, которая требовала бы иметь персональный огнетушитель для каждого компьютера...

- Зачем вы мне задаете эти вопросы? - как замороженный, повторял Д. Вознюк. Было видно, что он боится сказать какую-либо другую фразу. Находясь в предпенсионном возрасте, ему было страшно не только что-либо противоправное делать, но и говорить. - Зачем вы мне задаете эти вопросы? - слышал я от него.

Словом, когда пахнет жареным, дезодоранты не помогают. Однако мы не сдавались.

Ничего иного не оставалось, как занимать деньги и за наличные срочно закупить пятнадцать огнетушителей. Повесили их возле каждого компьютера. Наверное, подобного еще никто в мире не видел. И сами пожарники тоже. Но сквозь такое безумие нам тоже пришлось пройти. Ради того, чтобы не сдаться, чтобы продолжать выпускать издание.

Нужно отдать должное вот чему. Всяческую поддержку журналистам «Правды Украины» оказывала партия «Громада». Когда стало известно о том, что типография «Киевских ведомостей» не сможет дальше печатать наше издание, мне позвонил Павел Лазаренко. К тому времени он еще оставался председателем Днепропетровского облсовета.

- Давай газету будем печатать в Днепре, - заявил он. – Я помогу в этом. Но это должны быть по-настоящему боевые номера. Такие чтобы их зачитывали до дыр. Чтобы каждый номер передавали из рук в руки. И выходить нужно миллионными тиражами. Ради этого на придется, возможно, «сжечь» своего человека на посту директора типографии. Но это должна быть не напрасная жертва...

С этим предложением лидера «Громады» я уехал в редакцию. Собрал расширенное заседание редколлегии. Нужно сказать, что всех несколько удручало

состояние того, что не удавалось выпускать номера газеты каждый день. Однако в целом люди не унывали. Никто не собирался искать новую работу. Никто не плакался в жилетку. Похоже, все надеялись, что мы выстоим и победим. Кое-кто даже чувствовал себя героем. Запомнилось, как в коридоре редакции меня как-то встретили две сотрудницы-корректора и заговорили о том, что их знакомые называют нас революционерами, просят стоять до конца и не сдаваться. Да, хорошее настроение - лучший галстук!

Не знаю, то ли в кабинете Лазаренко, то ли в редакции, но, видимо, спецслужбами были установлены прослушивающие устройства. Но как только мы решили возобновить выпуск газеты на полиграфических мощностях Днепропетровского областного издательства, репрессии властей усилились.

Часа в три или четыре ночи в моем доме настойчиво зазвонил телефон. Очнувшись ото сна, я поднял трубку. Мужской голос в трубке скороговоркой сообщил, что ранним утром на редакцию будет осуществлен налет спецподразделения милиции, которое захватит помещение вместе с оргтехникой, и нас больше не допустят на территорию издательства «Пресса Украины».

Я обхватил голову руками и задумался. Что делать? Поверить ночному доброжелателю? Или зачислить этот звонок в разряд провокаций? Звонивший не дал мне возможности что-либо уточнить. Буквально прокричав свое сообщение, он тут же бросил телефонную трубку, оставив меня, что называется, с открытым от удивления ртом и массой пронесшихся в голове вопросов. Я, кстати, и поныне не ведаю, кто это был. Но наверняка же кто-то из сотрудников правоохранительных структур, честь ему хвала!

Поразмышляв, я пришел к выводу, что к подобному нужно быть готовым. Судите сами. У власти не получилось «пожаропотушить» нашу работу, поскольку мы срочно над каждым компьютером повесили по огнетушителю, теперь они найдут иной способ связать нам руки. Более радикальный. Попросту выкинут из помещения. Тем более, что буквально накануне гонцы принесли в редакцию счета на оплату аренды от издательства «Пресса Украины». Те, кто подписывал их, кто отдавал приказание доставить их в редакцию нарочно, думаю, хорошо понимали, что перевести деньги на счет комбината печати мы не в состоянии: все расчетные счета заблокированы, а деньги арестованы. Это показалось очень подозрительным и как бы недвусмысленно подтверждало сведения, полученные от ночного доброжелателя. Стало понятно, что нужно не спать, а действовать, иначе утро может стать для журналистов «Правды Украины» совсем печальным.

В 6:20 утра все 128 сотрудников аппарата редакции «Правды Украины» были на работе. Думаю, за все шестьдесят лет существования редакции рабочий день не начинался в ней так рано, как в этот день. Мы все собрались в нашем белостенном конференц-зале. Я сообщил коллективу о странном телефонном звонке, о неоплаченных счетах за аренду, которые доставили накануне. «Что будем делать?» - спросил людей.

Не помню кто и крикнул в ответ:

- Строим баррикады...

Все заплодировали. Тут же проголосовали за это неожиданное предложение. Я увидел лес рук. Людей еще подогревал некий революционный романтизм. На мгновение показалось: они, если придется, будут сражаться даже в рукопашную. Двоим журналисткам - Ольге Прониной и Наталье Свичколап, было поручено срочно написать по поводу предстоящего штурма и строительства баррикад обращение к мировой общественности. Они закрылись в одном из кабинетов и готовили документ. Похоже, что-то у них не получалось. Вскоре Ольга позвала на помощь своего мужа Михаила Цюпко, который на то время работал в международной программе Евросоюза «Тассис». Напивав обращение, все трое принесли его мне. Потом активно распространяли его, передавая на факсы мировых агентств и посольств, работающих в Киеве.

Я так долго говорю об этом факте потому, что именно эти трое, как только власти арестовали меня, начали делить власть в редакции, привели все к тому, что оппозиционная «Правда Украины» перестала существовать. Пусть для истории останутся имена тех, кто помог режиму Кучмы разгромить первое мятежное издание, которое подняло стяг борьбы за свободу слова и демократии в независимой Украине.

У двух входных в редакцию дверей буквально через полчаса выросли под самый потолок горы со старых шкафов и столов. Кто-то из мужчин смотался домой и приволок крепкую цепь. Ее продели сквозь дверные ручки. На цепь повесили большой замок.

- Симакович! - кричал от приемной заместителю главного редактора вездесущий Владимир Малахов. - Что ты амбарные замки навесил? А в туалет куда ходить будем? Пока штурма нет, дай хоть к ветру сбегать... Забегая несколько вперед, скажу, что тем же утром пришли на помощь от «Громады». В редакцию доставили два или три биотуалета. Георгий Симакович, вспомнив утреннюю реплику Малахова, тогда и отшутился. Он предложил одну из «приземленных» новинок водрузить непосредственно в кабинете Владимира Даниловича.

- Ладно, - шутил В. Малахов, - Ставьте у меня. Он будет для меня и главного редактора.

Примерно в половине восьмого утра у меня вдруг зазвонил мой мобильный телефон. В ту пору этот предмет был большой редкостью. Я и сам еще не привык к его звонкам и все не мог от неожиданности нажать правильно кнопку, попасть на пульт соединения связи.

- Здравствуйте! - услышал я в трубке голос с несколько странноватым акцентом. - Мне нужен Александр Александрович...

- Я слушаю. А с кем имею честь разговаривать? - Меня этот звонок больше всего удивил тем, что номер связи знал ограниченный круг людей. Мобильный телефон по тем временам был слишком дорогим удовольствием, и пользовался я им только в исключительных ситуациях.

- С вами говорит политический советник посла Соединенных Штатов Америки Боб Роберт Петерсон. Я хотел бы услышать от вас; что у вас сейчас происходит в редакции?

Замечу, что я и по сей день не знаю, откуда Боб Петерсон узнал номер моего мобильного телефона, а особенно то, что в то утро что-то да происходит в редакции «Правды Украины». Но, признаюсь, очень обрадовался этому звонку. В одно мгновение пришло решение.

- Господин Петерсон! - кричал я в трубку телефона. - Я вас очень прошу, приезжайте сейчас немедленно к нам в редакцию. Я вас очень прошу. Только выезжайте сейчас же, немедленно. Мы вас встретим у входа в помещение издательства. Есть сведения, что вскоре начнется штурм редакции специальным подразделением милиции. Мы построили баррикады внутри редакции, заблокировали все входы в наше помещение. Милицию в редакцию не пропустим. Поэтому я прошу вас очень, отложите все дела и, если можете, немедленно приезжайте. Вы увидите, как украинские власти не на словах, а на деле воюют с демократией и свободой слова...

- Вы меня приглашаете? - кажется, дважды или трижды подряд переспросил Петерсон.

- Да, да, приглашаем. Очень приглашаем. И встретим вас у входа в издательство. Выезжайте, пожалуйста...

Я позвал нескольких сотрудников редакции. Были это мужчины и женщины. Одних я попросил, чтобы шли на выход и встречали политического советника посла США, он приедет на машине с дипломатическими номерами, а перед другими поставил несколько иную задачу.

Дело в том, что как только появился пресловутый приказ №7 Миниформа о закрытии газеты, сразу стали натянутыми отношения между сотрудниками «Правды Украины» и руководством издательства «Пресса Украины». Особенную ретивость в этом проявлял заместитель директора по охране, некто Медведь. Я до этого без малого два десятка лет потрудился в стенах комбината печати, семь лет главным редактором газеты, но никогда ранее не знал, что есть такая должность, есть такой человек.

Как только В. Пустовойтенко и З. Кулик заблокировали выпуск нашего издания, он и появился на горизонте, этот странный заместитель, директора издательства. словно бы вырос из-под земли. Только стало и слышно, что Медведь запретил нашим людям то одно, то другое. Скажем, появляться в здании типографии. То перекрыл вход в помещение издательства, не пропуская в «Правду Украины» телевизионных групп и пишущей братии из других изданий, которых сюда буквально манили происходящие события. Интервью приходилось давать то на улице, то на фоне группы вахтеров, которые буквально грудью блокировали вход в издательство. Вскоре по приказу Медведя на центральной проходной прекратили доступ в нашу редакцию всем без исключения посетителям.

Я разыскал по телефону этого человека и спросил:

- А читателям «Правды Украины» кто запретил проходить в редакцию? Это чей такой приказ?

- Мой, - ответил он со спокойной наглостью в голосе. - Мой. Потому, что нет такой редакции больше. Нет... - Последнее слово он буквально прокричал мне в ухо и кинул телефонную трубку.

По-моему убеждению, это было откровенным, вызывающим хулиганством. Но не публичным, а телефонным. А его, известно, к делу не пришьешь.

Было ясно, что этот человек в камуфляже бесчинствовал не сам по себе. А по чьей-то указке. Кто-то явно его инструктировал. Заказывал «финты». Думаю, что и пост свой заместителя директора издательства по охране он заработал, благодаря заострившейся ситуации вокруг «Правды Украины». Директору Владимиру Олейнику было как-то не с руки воевать со мной, с тем, кто пробил ему дорогу в кресло руководителя «Прессы Украины». Да и с журналистами нашего издания тоже, ведь у многих он побывал на застолье в дня рождения или других торжеств: Володя в этих делах явно превосходит свои возможности... Вот и нашелся Медведь, которому законы морали были ни по чем. Он и взял на себя грязное дело удушения издания на бытовом уровне.

Памятуя все это, я инструктировал людей, которые должны были встречать сотрудника американского посольства:

- Сделайте, пожалуйста, так, чтобы на центральной проходной все сейчас же узнали, что к нам едет посол Соединенных Штат» Америки. Ни в коем случае нельзя говорить, что это будет советник посла. Речь должна идти только о господине после, о руководителе амбасады. Вахтеры все равно не знают его в лицо. Они сразу же об этом доложат своему начальству. А те дальше и дальше. Это наше спасение...

- Вы, - инструктировал я группу других сотрудников, - должны пройтись этажами издательства, разнести эту весть среди журналистов других изданий. И прежде всего, на втором этаже - в администрации издательства. Когда сделаете это - выходите на улицу. Ждите ментов. Если появятся машины спецназа, сообщите милиционерам, что в редакции находится посол США. С ним, обязательно скажите, группа американских тележурналистов...

Наверное, это был мой день. Ибо я, похоже, сумел в то утро предвидеть многое.

Вскоре в моем кабинете появился Боб Роберт Петерсон. Он широко, по-американски белозубо улыбался и крепко пожимал мою руку.

- Такого я еще не видел, чтобы в редакции строили баррикады... В свободной стране, - такими были первые его слова.

Не спеша, я начал рассказывать дипломату всю историю противостояния «Правды Украины» и власти. Демонстрировал документы и зачитывал абзацы из

отдельных громких публикаций. Важно было выиграть время, затянуть подольше наш разговор. Если вдруг придет спецназ, нас явно не тронут, ибо они, думалось, не отважатся на штурм редакции, если в ее помещении находится посол Соединенных Штатов Америки.

Где-то посредине нашего разговора дверь кабинета тихонько отворилась. Мой первый заместитель Владимир Малахов сказал:

- Я извиняюсь, но погляньте-ка вниз...

Мы оба с Петерсоном бросились к окнам. С четвертого этажа было хорошо видно, как к центральному входу издательства, забирая чуть ли не на тротуар, по свежему снегу подъехали два милицейских УАЗа, к ним в плотную прижался микроавтобус с затемненными окнами. Из приоткрытого его окна валил густой сигаретный дым. Видать, в салоне было много людей, и они перед боем жадно смалили сигареты, как бы заряжаясь перед схваткой. При виде этого дымка меня вдруг взял озноб, я почувствовал, как холодеют пальцы рук, а сердце добьется в груди сильно-сильно, то вдруг словно замрет. Во рту - словно бы после укола обезболивающего, все затвердело. А по белому снегу перед глазами то желтые, то розовые круги поползли. «Не подвел доброжелатель», - только и подумалось.

У передней машины стоял наш спортивный комментатор Петр Римаренко. Рядом с ним Игорь Андреев. К машинам подошли несколько женщин из нашей редакции. Среди них чудесная журналистка, молодая, красивая, золотоволосая Саша Литвиненко. Было видно они что-то активно говорят людям в камуфляжах, живо размахивают руками и показывают на автомобили, которые припарковались рядом и уже припорошились легким снежком. Наверное, же на машину Боба Петерсона.

- А вы ездите без флажка на капоте авто? - вдруг спрашиваю я американского дипломата.

- Согласно протокола, - отвечает он, - с государственным флагом на машине ездит только посол. Все сотрудники амбасады имеют на своих авто дипломатические номера и соответствующее удостоверение личности.

- Жаль, что на вашей машине нет государственного флажка Соединенных Штатов...

- Понимаю вас, - задумчиво отвечает Петерсон

Снизу заметили нас в окнах, машут руками, люди в камуфляже что-то говорят в радиотелефоны и быстро садятся в машины. Два УАЗа и микроавтобус, фыркающая клубами ядовитого газа, скрываются из виду. За окном пошел густой снег.

- Я не могу себе представить подобной ситуации у нас, в Соединенных Штатах. Даже подумать не получается о таком, когда бы президент Клинтон настолько рассердился на какое-то там издание, а они сейчас, ох, как не балуют его, чтобы дал команду закрыть газету или журнал. Это было бы полное беззаконие и соответствовав взрыву атомной бомбы на американском континенте. Для нас такое

просто неправдоподобно, - говорит мой гость, вновь усаживаясь напротив. - Или того хуже, присылал бы полицию выкинуть журналистов из помещения редакции, которую они занимают уже десятки лет. У нас скорее бы президент получил импичмент, чем произошло подобное...

- Да, но факт налицо. Вы все видели своими глазами. И своим утренним визитом спасли нас от неминуемого выселения...

- Даже без американского флажка на капоте авто, - громко смеется Боб Петерсон.

- Даже без флажка, - соглашаюсь я. И тоже смеюсь, наверное, впервые от души. С облегчением. На этот раз, похоже, пронесло.

ВЫХОДЯ ИЗ БЕЗГРАНИЧНОЙ СВОБОДЫ

Жизнь на баррикадах вначале многим показалась отчасти романтической. Коллектив редакции разбили на команды. Одни уходили домой, другие заступали на вахту. Принцип был такой: в помещении всегда должны оставаться люди, способные противостоять захвату территории. Тех, кто на вахте должен был проводить ночь, кормили. Эти расходы на себя взяла «Громада».

Утром мне звонили из «хозобоза» партии, спрашивали: на сколько человек завозить ужин и завтрак. Что и говорить, люди всегда остаются людьми. И со своими слабостями тоже. Вскоре уже выстраивалась негласная очередь из тех, кто готов был ночевать в редакции хоть и каждые сутки. Не смотря даже на то, что спать приходилось на сдвинутых столах и стульях. Три редакционных дивана явно не вмещали всех желающих.

Тем временем парламентская фракция «Громады» требовала от руководства МВД объяснений по поводу попытки выселить журналистов из их помещения. Наконец-то на парламентскую трибуну поднялся главный милиционер страны Юрий Кравченко. Но генерал не стал ничего объяснять по сути заданного вопроса, а заявил, что на его имя поступила докладная записка от заместителя директора издательства «Пресса Украины» Медведя.

Трасляцию сессии Верховной Рады в то утро я слушал в своем рабочем кабинете. Когда Ю. Кравченко поднимался на трибуну, мне как раз принесли некий документ из издательства «Пресса Украины». Директор комбината печати В. Олейник адресовал главному редактору «Правды Украины» для ознакомления докладную записку своего заместителя по охране Медведя. Как раз ту, о которой в эту минуту с парламентской трибуны говорил министр внутренних дел.

В докладной указывалось, что якобы в одну из минувших ночей редакции газеты «Правда Украины», где в нарушение правил внутреннего распорядка, существующих на территории издательства «Пресса Украины», ночуют люди,

состоялась крупная пьянка. Захмелевшие сотрудники мятежного издания из окон четвертого этажа бросали бутылки в прохожих.

Будто бы как раз по этому поводу на место происшествия и выехала оперативная группа сотрудников милиции. Такое заявил с трибуны Верховной Рады министр внутренних дел Ю. Кравченко.

Это была чистой воды провокация. Готовилась она, похоже, впопыхах, ибо чем другим можно было объяснить прибытие под окна редакции спецназа, выдвижение которого на исходную позицию видели многие люди, а не одни лишь наши сотрудники? Докладная Медведя была адресована не директору издательства «Пресса Украины», как надлежало бы, а почему-то непосредственно министру Внутренних дел. И это было ни что иное, как навет, то есть лживый донос. Словно бы пан Медведь состоял на службе в МВД. Видать, этот факт просто упустили. Это, во-первых.

Во-вторых. Я, разумеется, не могу ручаться за то, что во время «стояния на баррикадах» никто ни в одном кабинете редакции, а она занимала тогда 1100 квадратных метров, не распил ни единой капли спиртного, но пьянок-гулянок в «Правде Украины» не было. Это точно. И пьяных не было. Тем более, что к этому периоду уже несколько лет я сам вел трезвый образ жизни и умеренными способами пытался добиться того, чтобы в редакции не было никаких застолий.

В-третьих, ночью, на которую указывал наш ярый противник Медведь, вахту в редакции несли люди, среди которых не было ни единого человека, кто бы хоть раз был замечен в пристрастии к спиртному, кто бы вел себя неадекватно после рюмки-другой водки. Об этом я могу говорить с полной ответственностью, ибо мне, как руководителю, просто таки крупно повезло: за все время моего редакторства в коллективе «Правды Украины» не было замечено ни «алкашей», ни людей, пристрастных к тому, чтобы вдохновение для творчества черпать из бутылки.

Поэтому никаких сомнений в том, что дело имеем с грязной ложью во спасение мундиров милиционеров, у нас не было. Власть учинила настоящее, как говорят, комеражи - «происшествие», подающее повод к сплетням. Но при этом нужно особое внимание обратить на то, как те, кто готовил операцию «отхода», расписали все по минутам. Отдали в редакцию «на реагирование» копию докладной записки Медведя министру внутренних дел в то самое время, когда генерал уже поднимался на трибуну, стал ее озвучивать. Чтобы мы ничего не могли предпринять, не опровергли «заготовку» милиционеров и их прислужников. Не побежишь же вслед за озвученным Кравченко пасквилем доказывать каждому, кто услышал жуткую брехню, что это, мол, неправда.

Стиснув кулаки, мы слушали этот бред. Было до слез обидно, что из нас пытаются сделать гадов и подлецов, банальных пьяниц и хулиганов. Кое-кто из сотрудников редакции бросился искать Медведя. Но тот заблаговременно ретировался и будто бы несколько дней вообще не показывался на люди. Мы решили, что медведям и кравченкам нужно отвечать через газету.

Закрывшись в редакции, журналисты «Правды Украины» все усилия направили на то, чтобы лучше отточить острие критических материалов, которыми заполняли страницы издания. Газета начала выходить в Днепропетровске. Павел Лазаренко держал слово. Областная типография печатала «Правду Украины» миллионными тиражами. Мне порой казалось, что Днепропетровск будто бы не входил в состав Украины, где господствовали прислужники Л. Кучмы - пустовойтенки и кулики. Там полноправно властвовал лидер «Громады», Несколько моих поездок в Днепр утвердили меня во мнении, что позиции Лазаренко здесь просто таки незыблемые. Мне даже показалось, что представители областной госадминистрации спрашивают разрешения у Павла Ивановича, председателя областного совета, можно ли провести в городе то или иное мероприятие. А не как делалось уже везде, но, правда, с точностью до наоборот: облсоветы находились в прислуге «губернаторов» и их команд.

Сначала отпечатанные номера издания мы пытались везти в Киев, отправлять через объединение «Укрпочта» нашим подписчикам. Но узнав, насколько острыми, злободневными были эти публикации, в «Укрпочте» побоялись доставлять «Правду Украины» по подписным адресам. Хотя деньги от нас за это, подчеркну особо, уже получили.

пи

Руководители «Укрпочты», сославшись на то, что есть якобы приказ Мининформа №7 (какое отношение Мининформ имеет к «Укрпочте»?) о приостановлении выпуска газеты «Правда Украины», в одностороннем порядке разорвали с нами договор на доставку издания подписчикам. То есть, власть поставила еще одну рогатку нам. Нужно было искать свой, новый путь к читателям.

На помощь опять же пришла «Громада». Ее люди по нашим накладным получали тираж и тут же своим транспортом развозили свежие номера по всем областям. Газету доставляли на рынки, в другие людные места. Ее огромный тираж моментально расходился по всей стране.

За транспортом с «Правдой Украины» начали охотиться спецслужбы. Хорошо помню два случая, когда неизвестные выкрадывали машины, груженные пачками газет. Одну из них вместе с сорокатысячным тиражом «Правды Украины» сожгли в лесу где-то в Прикарпатье. Другая с таким же количеством «взрывоопасного» для режима Л. Кучмы груза, наверное, находится в розыске и поныне.

Власть пуще огня боялась каждого номера оппозиционного издания И потому, разумеется, попыталась закрыть для нас и днепропетровский вариант.

Однажды мне позвонил Михаил Гольшев, неизменный помощник Павла Лазаренко и руководитель аналитического «ЦУПа» при лидере партии. Михаил грустным голосом сообщил, что «очередная посадка в Днепре отменяется». Это нужно было понимать так, выход следующего номера газеты в Днепропетровске заблокирован. Вскоре я узнал, что на областную типографию осуществили налет сразу несколько силовых структур. Начались встречные финансовые проверки. В частности, власть имущие пытались узнать, откуда у нас деньги на выпуск

миллионных тиражей «Правды Украины». В это же время от должности отстранили директора Днепропетровского издательства, человека П.Лазаренко.

Но и сидеть уже без дела мы не могли.

Как-то нашел меня один из заместителей главы партии «Громада» Александр Турчинов. Он с удовольствием заявил, что ему удалось решить вопрос об одноразовом выпуске газеты. Но очень крупным тиражом. Александр Валентинович просил привезти пленки подготовленного номера. Почти сутки группа ведущих журналистов и верстальщиков не покидала здания редакции. Когда пришла пора выводить пленки, возник вопрос: какие выходные данные ставить в номере? То есть, согласно Закона Украины «О средствах массовой информации (прессе) в Украине» нужно непременно указывать, где, в какой типографии отпечатан настоящий номер.

По этому поводу пришлось разыскивать Турчинова.

- Да не ставь ничего. Ни в коем случае, - заявил он.

Так поступить - наразиться на грубое нарушение законодательства. Вот за это Мининформ, подав газету в суд, мог, наверняка добиться немедленного запрета ее выхода. Причем, на этот раз на вполне законных основаниях.

Приехав к Турчинову, я тут же выложил ему свои опасения. Александр Валентинович, почесав седеющую бороду, сорвался на ноги и забегал сюда-туда по тесноватому кабинетику. Чем больше ходил, тем быстрее ускорял шаг.

- Ты посмотри, - как бы размышляя вслух, говорил он, совсем не обращая внимания на меня. - Я решил вопрос с печатаньем, а он мне видите ли, ставит условия. Да кто со мной говорить станет, если я поставлю в колонтитул выходные данные типографии? Это же чисто подпольная работа. А он, выходит, боится, что его могут закрыть. Так тебя давно закрыли. Давно. И даже запечатали. Пиши, кого хочешь, в свои выходные данные. Но там и печатай свою газету. При чем здесь я? Что же ты пришел ко мне? Кто главный редактор - я или ты?

Молчать мне дальше было бессмысленно.

- Ладно, - говорю ему, - нам важно, чтобы этот номер увидел свет.

- Вот за это как раз и не беспокойся - увидит, - уверенно заявил Турчинов, остановившись в движении, - только без указания типографии. Рисковать так рисковать. Наши писанные законы тем и хороши, что позволяют жить по неписаным... Приезжай послезавтра утром, я подарю тебе отпечатанный номер...

В назначенное время я открыл дверь кабинета Александра и увидел его в полном унынии. У меня бешено заколотилось сердце, предчувствуя неладное. Не поднимая головы, Турчинов прошептал своими красными, аж алыми губами:

- Накрыли...

- И как же это?

- Как обычно. Кто-то заложил. Налетело СБУ.

- Да ну...

- Вот тебе и «ну». Два миллиона заказал. В военной типографии. Хлопцы хотели подзаработать. Но потеряли, похоже, бдительность. Отпечатали половину, а тут опера...

- И прихлопнули весь тираж?

- Да нельзя сказать «прихлопнули». Ведем переговоры...

Тут он назвал фамилию одного человека, которую умышленно здесь упусти.

- Слишком много терять придется, если не договоримся. Ты знаешь, на какой бумаге печатается твой номер? - Он первый раз весело блеснул на меня глазами.

- На газетной...

- Те машины газетную бумагу не берут. Чуть ли не на мелованной.

- Да-а-а... — вырвалось у меня. - Такой номер нужно обязательно донести до читателей.

- Вот за это и поборемся, - подмигнул мне вдруг Турчинов. - Еще не все потеряно...

Номер все-таки вожди «Громады» вырвали. У кого и за какие деньги - ей-богу, не знаю. Но дня лишь через два или три после моего разговора с Турчиновым. Я все эти ночи не спал. Далеко и в укромном местечке предварительно припрятав свидетельство о регистрации «Правды Украины». Нервы были на пределе. Только закрою глаза, а мне то ли снится, то ли видится: Пустовойтенко с Куликом идут мне, широко улыбаются: «Ну что, - говорят, - теперь уж точно попались. Теперь закроем вас уже навсегда». А то вдруг сам Леонид Данилович привидится в дреме. И почему-то все время одну он фразу говорит: «А вы его босиком по битому стеклу прогоните...» Я интуитивно пытаюсь в том сне то поджать под себя ноги, то убежать. Но даже двигаться не могу. Что-то острое и жгучее пронзает мне ноги, и я просыпаюсь, вскакиваю. «И где только этот Турчинов со своей военной типографией на мою голову свалился? - думаю со сна. - Лучше бы я ему эти пленки вообще не привозил. Чтоб тебе, Саша, каждый день в новой обуви ходить! Так тесно на душе у меня...»

«ФРОНТОВЫЕ» ОКНА И СОЛОВЕЙ СВОБОДЫ

Построив баррикады в редакции, мы, несомненно, рассчитывали па активную поддержку наших читателей, на реакцию журналистских коллективов, которые, по

нашему убеждению, должны были хоть как-то выступить на защиту правдоукраинцев. Хотелось верить, что найдутся здравомыслящие люди, которые наконец-то должны уразуметь: если журналисты столицы не проявят корпоративной солидарности, то дело самой лишь «Правдой Украины» для режима Л. Кучмы не закончится. Со временем пострадают и другие журналисты. Власть поймет, что ей все позволено.

В связи с тем, что пресловутый приказ №7 Минфина нарушил одну из статей Конституции Украины, а именно - на получение гражданами, подписавшими «Правду Украины», информации, наши юристы составили образец искового заявления. Редакция предлагала гражданам обращаться в суды по месту жительства. Ответчиком должен быть министр информации З. Кулик.

Напечатав образец искового заявления в одном из номеров газеты, которая выходила редко, но все-таки миллионными тиражами мы подняли целую волну возмущения подписчиков действиями власти. В судах всеми правдами и неправдами отбивались от исковых заявлений, но от отдельных граждан отцепиться все же не смогли. То с одного города, то с другого райцентра поступали сообщения о том, что процессы начались. Однако министерство информации попросту игнорировало вызовы своего руководителя в суд.

Основная часть прессы услужливо замалчивала события, происходящие в здании издательства «Прессы Украины» на «Большевику» (теперь - Шулявка). Лишь «Киевские ведомости» время от времени размещали на своих страницах сообщения о происходящем вокруг «Правды Украины». Поддерживали нас и «Всеукраинские ведомости», которые редактировал Владимир Рубан. На нашей стороне оказался и парламентский «Голос Украины». Главный редактор его Сергей Правденко прописался в предвыборном партийном списке партии «Громада», а посему возглавляемое им издание просто таки вынуждено было всячески оказывать нам поддержку. Вплоть до выделения газетной бумаги на печатанье номеров в Днепропетровске, поскольку наши рулоны оказались в опечатанных складах и под охраной МВД, хотя арестовали их вообще-то без каких-либо на то оснований. Похоже, безоговорочно исполнялись прихоти пресловутого «телефонного права».

Среди телевизионных каналов один лишь «Ютар» правдиво и честно отстаивал позиции противоправно закрытого издания. Неутомимые коллеги то и дело вели репортажи из судов, где решались нами юридические вопросы, рассказывали, в каких условиях работает редакция, буквально подпольно выпуская номера газеты.

Удалось осуществить прорыв информационной блокады и на мировом уровне. В те дни в Киеве проходил первый конкурс художественной гимнастики на призы Ирины Дерюгиной. Репортажи об этом событии мелькали на всех каналах, в том числе и на российских. А «Евроспорт» часами вел из киевского Дворца спорта прямые репортажи об увлекательных соревнованиях. Тут собрались самые титулованные гимнастки со всего мира. Десятитысячный зал постоянно был переполнен.

Турнир проводился под эгидой партии «Громада». Благодаря этому, на самом видном месте, в углу зала, мы развернули огромный стенд, выкупив самое удобное

рекламное место. На стенде красочно было написано о том, что «Правда Украины» жива, власть не сумеет ее удушить. Как не старались операторы пропрезидентских телеканалов, но хотя бы мельком запоминающиеся слова все же появлялись на экранах. И это нас отчасти вдохновляло.

Тем временем мятежный четвертый этаж издательства «Пресса Украины», где размещалась «Правда Украины», не сдавался. Огромные редакционные окна мы заклеили крест-накрест по-фронтальному белыми полосками бумаги. Вывесили огромные транспаранты. На одном из них огненными буквами было начертано: «Правда Украины» не сдастся. Мы победим».

Иногда у станции метро «Большевик» я переходил на противоположную сторону проспекта Победы, у обочины которого разместился комбинат печати «Пресса Украины». Это одно из лобных мест столицы. По многополосной трассе каждый день в разные стороны проносились тысячи и тысячи автомобилей. У самого здания издательства расположилось метро. Сюда-туда из него на протяжении дня двигались толпы людей...

Я становился и смотрел на это дивное зрелище. Под окнами редакции проходили массы киевлян и гостей столицы. Особенно много на этом тротуаре было студентов, ведь рядом расположен Национальный экономический университет. Над головами людей расположились «фронтальные» окна, транспаранты, обличающие власть в противоправных действиях. Не было никакого сомнения: в сотне метров от проспекта Победы шла война. Это, несомненно, мог уразуметь даже мало-мальски смысленный человек. Думалось: что же должен чувствовать гражданин свободной страны, увидевшей впервые это зрелище? Неужели безразличие? Наверное, нет. Но если «нет», почему же тогда люди безмолвствуют? Почему они не приходят под окна редакции, чтобы поддержать журналистов? Почему спокойно проходят мимо, будто бы их это не касается? А кое-кто даже, кажется, старается побыстрее пробежать мимо, не останавливаясь...

Мне несколько раз рассказывали о том, как усиленные посты вахтеров на входе в помещение «Прессы Украины» не пропускали отдельных граждан, желающих прийти на помощь сотрудникам «Правды Украины». Как их вышвыривали за пределы проходной молодцы Медведя. Но что тут лукавить: все равно это были единицы, которые, в общем-то, не делали никакой публичной, массовой погоды. Да, были сотни, если не тысячи телефонных звонков обеспокоенных читателей в редакцию. Они выражали солидарность с нами. Говори слова поддержки. Летели телеграммы. Почтальоны приносили мешки писем. В них был праведный гнев против действий Л. Кучмы, В. Пустовойтенко, З. Кулика.

Но все это были только слова. Причем, произнесенные на расстоянии. Подобное могло лишь на минуту-другую вдохновить, поддержать. Но не больше.

В один из таких вечерних походов на противоположную сторону проспекта Победы меня осенила мысль о необходимости использовать громкоговорители для осуществления устных выпусков «Правды Украины». На следующий день из «Громады» нам доставили огромные динамики, усилитель, микрофон. Из окон осажденной редакции начались радиопередачи, обращенные к гражданам,

находящимся рядом. Сотрудники редакции зачитывали постановления Верховной Рады о необходимости немедленного возобновления выпуска газеты, острые и злободневные статьи из свежих выпусков «Правды Украины».

Иногда, находясь в рабочем кабинете, я внимательно вслушивался в то, что говорилось из «фронтных» окон. Отдельные тексты просто так обжигали душу, не могли не вызывать эмоциональных всплесков у нормально мыслящих людей. Я подходил тогда к оклеенным по-фронтному окнам.

Напротив здания собиралось два, от силы три десятка прохожих, которые вдруг очутились в этом районе столицы. Было видно, как у обочины проспекта останавливались автомобили. Передачи велись настолько громко, что их пассажирам не было необходимости и выходить из салона.

Но ведь многие и многие проходили и проезжали, не останавливаясь. У них, несомненно, были дела поважнее. Кое-кто буквально пробегал под окнами издательства, не поднимая вверх головы, казалось, боясь увидеть то, что было написано на уровне четвертого мятежного этажа.

Не скрою: это угнетало и расстраивало. Наталкивало на мысль о том, что, похоже, слишком рано мы подняли знамя борьбы против режима Л. Кучмы. Наверное, не всех еще допекли «реформы» Леонида Даниловича. Кто-то еще верил в возможные блага новой жизни. Но, скорее всего, как могу догадаться, люди просто боялись. Фанатично боялись власти. Слишком уж много крови пролила она в партийно-советские времена. Те годы еще не скрылись за горами, за десятилетиями. Оттуда еще отчетливо веяло холодом и смрадом мордовскими лагерей. А у руля нового государства оказались перекрашенные вчерашние. С преобладающей среди прочих чувств той же, что и у предшественников, болезненной нетерпимостью к инакомыслию, полным отрицанием плюрализма. Но самое главное, и в этом убедились все, новые правители действовали все теми же старыми, изощренными методами запретительства, уничтожения до корня, сладко обзывая новую Украину демократической страной. Что собой на самом деле представляла эта демократия и свобода слова по-украински воочию убеждал пример придушенной и распластанной «Правды Украины». Вот почему, полагаю, многие, сломя голову, убежали с места событий, где вулкан журналистских страстей, вырвавшийся вдруг наружу сквозь бетон покорности и раболепия, власть гасила по-советски - силовыми методами. Всадив вилы в бок оппозиционному изданию.

Я понимал: на этих людей нельзя обижаться. Их, скорее, нужно было жалеть. Как жалеем мы незрячих или глухонемых. Однако вряд ли можно поставить на колени народ, привыкший ползать. А за долгие годы советского правления слишком уж много выросло у нас таких людей, которые ползают перед властью. Вот за это было просто обидно.

Некий внутренний голос спрашивал меня: как можно жить в стране, где преобладающая часть населения лишена основных чувств? Где искать и как найти лекарство для прозрения, для обретения людьми собственной гордости? Что нужно сделать для того, чтобы народ наконец-то своими ушами услышал подлинного соловья свободы? А не восхвалять омерзительный скрип подсадного муляжа, на

которого всех равняла власть.

Я искал ответы на эти вопросы, но не всегда находил их.

ЖЕСТ ДОБРОЙ ВОЛИ И ЗЛОГО УМЫСЛА

Был бы лес, говорится в известной пословице, а соловьи прилетят. Важно, что ведь и самого оппозиционного леса-то не было. Несколько выше я говорил о тогдашних «Киевских ведомостях», о «Всеукраинских ведомостях», о «Голосе Украины», о телеканале «Ютар». На этом жиденская «рощица» антикучмизма и заканчивалась.

Правда, не могло не порадовать то, что, рассказывая, например, о деле вокруг закрытия нашего издания, известный киевский автор Юлия Мостовая в одной из своих статей сумела подняться над некими обидами и личной неприязнью, которые, похоже, испытывала к «Правде Украины» и, возможно, лично ко мне. Она выдала в «Зеркале недели» статью, которая однозначно отстаивала корпоративные интересы журналистского цеха, показывала примитивность власти, способной вместо пряника и кнута пользоваться омерзительной и преступной удавкой. Ей вторил и Иван Бокий, выступивший с запоминающейся статьей в защиту нашего издания в газете «Сільські вісті». Это был жест доброй воли. От коллег. За это им спасибо!

Можно было сделать вывод: не все еще потеряно. Тем более, что один за другим мы стали выигрывать процессы в судах.

Первым лопнул миф, сочиненный Радянської райгосадміністрацією г. Києва по указанию главы правительства В. Пустовойтепко, о лишении редакции газеты «Правда Украины» статуса юридического лица. Долго решался этот вопрос в Киевском арбитражном суде. Как ни ловчила представитель исполнительной власти, как не затягивала процесс, но вердикт был неумолим: нельзя даже в угоду главе Кабмина творить очевидное беззаконие. Всему есть мера. Даже тогда, когда лично главе государства хочется, чтобы умерло опостылевшее издание.

Вердикт городского арбитражного суда, конечно же, мгновенно опротестовала генеральная прокуратура. Она продолжала играть в одни и те же ворота беззакония по отношению к «Правде Украины». Знающие люди, имена которых по известным причинам и сегодня не могу назвать, утверждали мне, что в этой надзорной (а для меня она звучит так - позорной) инстанции функционировала специальная группа сотрудников по юридическому уничтожению оппозиционного издания. Анализируя все ходы этого «органа», прихожу к однозначному выводу: это утверждение соответствует действительности.

Несколькими главами ранее рассказывалось, как группа арбитров Высшего арбитражного суда Украины во главе с судьей С. Щеткой отказала в рассмотрении иска «Правды Украины» к министерству информации на том основании, что якобы нет такого юридического лица, как наша редакция. Оно аннулировано Радянської

райгосадминистрацией. После решения Киевского арбитражного суда, восстановившего в правах «Правду Украины», и которое вступило в законную силу, появилась возможность вновь пересмотреть решение Щетки и его команды по вновь открывшимся обстоятельствам. Что мы незамедлительно и сделали.

Дело на рассмотрение попало в руки честному и справедливому арбитру Гусаку. Можно долго, в деталях и даже красках рассказывать, как проходили судебные заседания. Кто и как, с помощью каких методов защищал свои аргументы. Но господин Гусак был непреклонен — приказ №7 министерства информации Украины от 28 января 1998 года «О временном приостановлении выпуска газеты «Правда Украины» - противоправный. Он не имел юридической силы с момента его выдачи. Зиновий Кулик превысил свои служебные полномочия. Иными словами, выпуск самого многотиражного издания Украины прикрыли противоправно, додам от себя - по-бандитски...

Постановление Высшего арбитражного суда Украины я получил на руки 1 августа. С ним сразу помчался к директору издательства В. Олейнику, отдав по дороге команду первому заместителю главного редактора газеты Владимиру Малахову немедленно готовить номер в свет. Неожиданным выпуском оппозиционной «Правды Украины» хотелось удивить весь мир. Ведь, получалось, мы все-таки выстояли и наконец-то победили! Хотя и шли к этому дню целых пять месяцев.

И поныне помню, как радостно было на душе, как сладостно было во рту. Я живо себе представлял, как уже к вечеру весело закрутятся офсетные машины в печатном цеху издательства, каким щемящим сердце и все мое журналистское естество обволачет дурманящий запах свежей типографской краски. Я как бы воочию видел, как ползут глаза из орбит, при виде черно-голубого номера «Правды Украины», у З. Кулика и его заместителя О. Бая, у В. Горбулина, как разозлится этой новостью В. Пустовойтенко, как будут бояться доложить Л. Кучме о возобновлении выпуска оппозиционного издания клерки президента.

Когда я ломился в парадные двери к директору издательства, предупрежденный прислугой В. Олейник тихонько скрылся из кабинета через запасной выход. Позорно бежал. Он, похоже, не знал, что ему делать в данной ситуации, как быть. Он, как черт ладана, тоже боялся свежего печатного номера оппозиционной «Правды Украины».

- Сашуня, успокойся, сейчас во всем разберемся, - ласково уговаривал меня заместитель директора «Прессы Украины» по полиграфии Богдан Засыпко. - Мы, скорее всего, не сможем вас отпечатать сегодня, поскольку все работающие офсетные машины загружены. А вот до завтра создадим новую бригаду печатников, подготовим отдельную машину, и тогда - вперед...

- Нет, Богдан Трофимович, - горячился я. - Мы должны выйти сегодня. И только сегодня.

- Ты пять месяцев не выходил, какая разница, когда выйдешь в свет - сегодня или завтра...

- Для вас, возможно, никакой разницы и нет. А вот для не, для наши читателей это очень важно. На следующий же день поле исторического решения Высшего арбитражного суда Украины...

- Ты иди, готовь номер, - вдруг предложил Засыпко, - а я разберусь со всем и позвоню тебе...

Однако позвонил не Богдан Трофимович, а директор издательства В. Олейник.

- Сан Саныч! - бодро сказал он. - С выходом в свет у вас ничего не поручится.

- Это почему же?

- Мне только что позвонили из генеральной прокуратуры и заявили, что они везут протест Генпрокуратуры на постановление Высшего арбитражного суда. То есть, решение суда отменяется...

- Да какое там отменяется? Кто такое мог сказать?

- Сотрудники генеральной прокуратуры. Мы газету вашу печатать не будем. Поскольку решение суда не вступило в законную силу.

- Володя! - взмолился я. - Да что ты такое говоришь?

- Нет, печатать «Правду Украины» мы не можем, не имеем права, - сказав эти слова, он бросил трубку.

Сердце разрывалось от негодования. Глаза по-предательски наполнились слезами. Хотелось выть от бессилия. Но кому пожалуешься? Кто поможет? Мое маленькое, даже мизерное «я», на которое с надеждой смотрело более сотни пар глаз сотрудников редакции, в очередной раз уперлось в буфер огромной государственной машины. Это была борьба моськи со слоном. Но ведь и сдаваться тоже не хотелось.

Я не мог больше сам спускаться на второй этаж здания, идти в расположение полиграфистов, поскольку чувствовал, что не выдержу - сорвусь. Возможно, и оскорблю кого-то. Я послал в издательство на переговоры двух своих заместителей - Валентину Бондаренко и Георгия Симаковича. Они вернулись сравнительно быстро. Им показали, не давая читать, протест генеральной прокуратуры на решение судьи Гусака.

- Кто подписал его? - уточнил я.

- Подписала Ольга Колинко, - ответила Валентина Андреевна.

Интересная деталь. Как потом удалось установить, протест генеральной прокуратуры и впрямь поступил в Высший арбитражный суд. И редакция его получила тоже, как сторона в процессе. Но был он датирован, обратите внимание, лишь 8 августа 1998 года. Подписал его заместитель генерального прокурора С. Винокуров.

То есть, документ подготовили только через неделю после того, как это решение уже «опротестовала» Ольга Колинько. Думаю, совсем не удивительно, что этого «документа» нашим сотрудникам так и не показали, не дали с ним ознакомиться в издательстве «Пресса Украины», куда его доставили... нарочным. Ибо там, выскажу предположение, протеста, как такового, вовсе и быть не могло. Для того, чтобы подготовить его, надлежало бы, как минимум изучить материалы дела. А этого сотрудники генеральной прокуратуры сделать не могли, поскольку все материалы оставались в судьи Гусака. Я сам их видел, своими глазами. Вместе с юристом редакции мы ждали, чтобы нам в канцелярии выписали, на основании решения суда, вердикт. Чтобы его подписал судья. Он при нас сверял точность формулировок с материалами дела. Как же уже через час в Генпрокуратуре могли иметь готовый, отпечатанный протест, если они в глаза не видели решения суда, не видели материалов дела?

Иными словами, ход с «протестом» от госпожи О. Колинько был, так сказать, юридическим муляжом, направленным только на одно - в очередной раз заблокировать выход оппозиционного издания. Зная все это, мой «друг» В. Олейник еще раз блестяще «помог» журналистам.

Между юристами издательства и редакции разгорелся жаркий спор о том, останавливает ли протест-прокурора действие постановления арбитра. Мы доказывали, что нет. Решение должно исполняться непременно, а президиум Высшего арбитражного суда Украины обязан в установленные законом строки рассмотреть протест. И лишь в том случае, если он окажется удовлетворенным высшей судебной инстанцией, только тогда протест прокурора может отменить решение судьи. Делалось же все по-иному. Прокуратора издавала свой некий документ, и он тут же перечеркивал решение даже Высшего арбитражного суда Украины. Хотя суд, подчеркну, есть отдельной ветвью власти.

Думаю, понятен этот абсурд. Но таковы были правила этой дивной игры, которую государственная машина затеяла против газеты, и нужно было им подчиняться. Апеллировать было просто не к кому.

Вчитываясь в нормативные акты, мы установили, что президиум Высшего арбитражного суда должен рассмотреть протест прокурора на протяжении двух месяцев со дня его подачи. То есть, получалось, что издательство, имея на руках, так называемый «протест» О. Колинько, могло тянуть волынку, блокируя выход издания, еще два месяца. Включительно до начала октября. Это, несомненно, был злой умысел. Но что-либо сделать мы не могли, кроме как подчиниться.

А 30 сентября 1998 года меня неожиданно арестовали.

ПОЧЕМУ «ПРАВДА УКРАИНЫ» ПОДДЕРЖАЛА «ГРОМАДУ»

Здесь, пожалуй, нужно сделать отступление и объяснить, почему «Правда Украины» взяла себе в политические спутницы именно партию «Громада».

Дело в том, что на оппозиционные баррикады по отношению к укореняющемуся режиму Л. Кучмы «Правда Украины» окончательно вышла уже в конце 1996 года. Убедительное доказательство тому публикация острой и хлесткой статьи «Конец «чернобородой «дИмократии» в декабре 1996-го. То есть, еще в то время, когда будущий лидер «Громады» Павел Лазаренко служил премьер-министром при Леониде Даниловиче.

Перед этим тоже приключился скандал, который показал, кто есть кто и кто чего стоит.

Началось все из того, что в киевской газете «Бульвар» появилось огромное интервью с первой леди страны - Людмилой Кучмой. Я возьми да и откликнись на это своей статьей. Называлась она «Затрещина общественному вкусу».

Дело в том, что супруга президента на протяжении двух лет царствования Леонида Даниловича еще ни разу не встречалась с журналистами, никому не давала интервью. И вдруг в «Бульваре», на целый разворот (две средние страницы шестнадцатиполосной газеты) ее откровения. Тут впервые появилось и фото дочери Л.Кучмы - Елены.

Кажется, все как бы нормально, что в этом особенного? Если бы не избранное для первой леди страны издание.

Да, «Бульвар» вполне легальное, пользующееся спросом в определенной категории читателей издание. Но мне показалось, что для супруги главы государства провести своеобразную презентацию своей семьи именно в этой газете было тоном дурного вкуса. Ну, посудите сами. Для того чтобы самой Людмиле Николаевной прочитать свое интервью в этом издании, нужно было перелистать как минимум семь страниц. Когда что-то ищешь в газете, непременно, даже помимо своей воли, читаешь заголовки других публикаций, которые по ходу попадают на глаза. О чем могла узнать даже невзначай первая леди страны, пробираясь к своей статье?

О том, у кого какой, простите, размер члена. Кто и какую любит позу во время сексуальных игр. И так далее, и тому подобное. В статье я привел конкретные заголовки публикаций из того номера «Бульвара», которые введут в краску любую скромную женщину. Неужели подобное, задавал я себе вопрос, и есть домашним чтивом в семье главы государства? Не является ли это затрещиной общественному вкусу, если первая леди страны опускается до того, чтобы впервые народу представить себя и свою семью именно сквозь призму бульварного издания?

Хорошо понимая значение такой публикации, резонанс, который она произведет в обществе, а более того, в администрации президента, и, возможно, в семье главы государства, я попросил гонорар за данную публикацию мне не начислять. Чтобы как бы не засвечивать автора. Но уже дня через два после выхода номера газеты с упомянутой статьей мне позвонил глава президентской администрации Дмитрий Табачник и очень мягким, почти ласковым тоном попросил приехать к нему вечером. Разумеется, на службу. Сказал что-то вроде того, будто бы попить вместе чайку. Отказываться было глупо, и я принял предложение.

Когда я приехал, в кабинете Табачника уже находился руководитель пресс-службы президента Дмитрий Марков. Он сухо вато поздоровался со мной и, пожав протянутую руку, повернулся в сторону главы администрации президента, как бы подавая тем самым знак, что начинать разговор нужно Дмитрию Владимировичу.

- Сан Саныч, - тихим, вкрадчивым голосом сказал Табачник, - вот мы с Димой на минувшей неделе были в больнице «Феофании», там у меня отец в кардиологии лежит, узнали, что и вы там лечились...

- Да, - говорю, - вот только выписался. Давление подводит...

- Мы хотели и в палату заглянуть, да медсестра сказала, что вы на прогулке. Извините, не получилось там встретиться...

- Там вокруг лес, - отвечаю, - я кроме ночи все время проводил под деревьями...

- Знаете, а у Димы вчера тоже чуть сердце не остановилось, - сказал вдруг Табачник, выразительно глянув при этом на пресс-секретаря.

- Да вы что. Я хотел дальше сказать, что с виду господин Марков выглядит весьма здоровым и никак не похож на сердечника. Однако Д. Табачник, перебивая меня, вдруг заявил:

- Это у него случилось после того, как Леонид Данилович прочитал вашу статью о злополучной «затрещине» и вызвал его к себе по этому поводу. Я посмотрел на Маркова, он сидел, невозмутимо глядя во все гдаза на своего начальника, ни один мускул не дрогнул на его смугловатом лице.

- Нам с Димой, - продолжал Табачник, - больших усилий стоило переубедить Леонида Даниловича в том, что данная публикации - досадная оплошность, а не кем-то спланированный шаг. И что вы лично к этому не причастны. Хотя у нас есть точная информации о том, что эту статью написали, Сан Саныч, вы лично. Люди, которые доложили это, не ошибаются, - при этом глава администрации президента небрежно, двумя кончиками пальцев брезгливо поднял над своим столом некий лист бумаги.

Именно в это время один из телефонов на боковом столике заиграл мелодию. Табачник сказал:

- Извините, Москва.

Судя по разговору, звонил один из ближайших помощников Бориса Ельцина - Георгий Сатаров. Речь преимущественно шла о том, что нужно устроить аудиенцию корреспонденту газеты «Известия» с главой украинского государства. Мне резануло слух то, как глава администрации Л. Кучмы заявил московскому телефонному гостю, что он все устроит. При этом он однозначно подчеркнул, дескать, лично подготовит своего шефа к разговору, скажет главе государства, что нужно конкретно говорить журналисту, в каком тоне. Как бы получалось, что Л. Кучма корреспонденту повторит слова Д. Табачника.

Закончив беседу по телефону, Дмитрий Владимирович поднялся из-за стола и пригласил нас обоих с Марковым в соседнюю комнату, где была своеобразная опочивальня главы администрации президента. Посредине ее стоял столик, на нем были всевозможные яства и красовалась гора различных бутылок с привлекательными этикетками. Запомнилось, что было много икры.

- Вы, журналисты, очень странные люди, и договариваться с вами почти невозможно, - заявляет вдруг Дмитрий Владимирович. - Если не сказать больше, верить вам трудно. Не держите вы слова. Говорите одно, делаете другое.

- Что вы имеет в виду? - удивленно спросил я.

- Вот представьте себе ситуацию. Я перерыл тонны документов в архивах, но все-таки в деталях установил судьбу отца главного редактора газеты «Сільські вісті» Ивана Сподаренко. Как он был этому рад. Собрал всю свою семью - детей, внуков. Жену на поляну привез. Меня всем представил. Говорит, прошу считать этого человека самым дорогим дня нас. Он сделал столько, как никто, вернул доброе имя моему отцу. А что потом началось? Обо мне самые гнусные пасквили чуть ли в каждом номере его газеты стали появляться. И один похлеще другого. И если бы касались они только моей работы. А то ведь и до родни доходят, до родственников корней. Как такое, скажите, понимать?

- Нужно, наверное, задавать этот вопрос ему, Дмитрий Владимирович. - Впрочем, что мы все о грустном. Давайте выпьем за то, - заявил Д. Табачник, - чтобы у вас больше подобных проколов не было.

- Спасибо большое за угощение, - сказал я, - но спиртного не употребляю совсем. Из чисто медицинских соображений. Тем более, Недавно из больницы...

- Это очень странно, - пожалуй, впервые обозвался Дмитрий Марков. - Подобное настораживает. Получается, перемирие не принимается? - выразительно посмотрел он на меня.

- Почему же? - ответил я. - Учту наш разговор...

Тем временем газета «Бульвар» обрушилась на «Правду Украины» шквалом грубых и оскорбительных статей. Запомнилось, что в одном из номеров очередной пасквиль сопровождался перечеркнутым крест-накрест заголовком «Правды Украины». Под ним красовалась подпись примерно в таком стиле. Мол, раньше газета «Правда Украины» была членом ЦК. Не подписывайтесь на нее, поскольку теперь она, дескать, даже не член...

И все в таком вот грязноватом стиле.

Здесь же много места уделялось и мне. Главный редактор «Бульвара» Дмитрий Гордон писал, что я, мол, не занимаюсь редактированием газеты, а хожу по высоким правительственным кабинетам и пробиваю себе портфель министра информации. Все это было очень странным, поскольку газета вышла сразу после того, как Павел Лазаренко сделал свое предложение главе государства по заполнению вакансии в

Мининформе. При этом на третью позицию претендентом записал Дмитрия Табачника. То есть, сведения о моем как бы выдвижении у Гордона были только от Дмитриев - Табачника или Маркова. При этом в статье делался упор на то, что я якобы настолько стремлюсь в министры, что даже завязал со спиртным.

Не трудно было понять, что оба Дмитриии из администрации президента мне уже ничего не простят. А тот вечерний разговор - всего лишь проверка позиции. Возможно, перед наступлением на издание, которое в одиночку попыталось заговорить обо всем происходящем в стране под углом правды и здравого смысла.

Я хорошо понимал, что самим, пусть и имея немалую поддержку среди своих читателей, нам не выстоять. Изданию, которое решалось ступить на путь оппозиции к власти, крайне нужен был политический партнер. Но где тогда было его взять? Идти на сближение с коммунистами для «Правды Украины» было крайне опасно. Мы только-только добились того, чтобы наше издание перестали ассоциировать с крайне левым радикализмом, чем отличалась «Правда Украины» в последние годы, а особенно месяцы существования СССР. Я со страхом вспоминал митинги в Киеве, каждый из которых непременно заканчивался громким скандированием «Ганьба «Правді України!»

Находясь тогда в толпе демонстрантов, я, кажется, интуитивно приседал при этих словах, помня, что у меня в кармане находится удостоверение заведующего сельскохозяйственным отделом газеты «Правда Украины». Не скрою, я часто переживал за то, дабы кто вдруг не узнал меня в толпе митингующих, не крикнул, что, дескать, держите его, живого правдоукраинца. Вот он. Вряд ли мог бы я в таком случае выбраться живым-здоровым из агрессивно настроенной толпы. Меня порой страшил и отпугивал какой-то странный огонь в глазах отдельных людей. Однако каждый новый раз я снова и снова шел на митинг антикоммунистической оппозиции, пробираясь почти к самой трибуне. В выступлениях многих ораторов нравился не только боевой и задорный пыл, но еще и то, о чем говорили взволнованные люди в своих речах. О ликвидации, например, партийных привилегий, о перестройке взаимоотношений в обществе, о свободе слова и демократии. Это, не скрою, захватывало и привлекало меня. Я был против публикации ряда грубых, оскорбительных статей в тогдашней «Правде Украины», направленных против лидеров демократических сил, тех, кто выводил и выводил людей на эти митинги. Но что я мог поделать, ведь к тому времени я даже не был членом редколлегии газеты, а отвечал всего лишь за освещение сельскохозяйственной тематики. Политическую линию газеты выстраивали люди, которые этим занимались годами и каковых на эти должности утверждал ЦК КПУ. Я же, вопреки распоряжению заведующего отделом печати ЦК КПСС Виктора Бакланова, только недавно вернулся из южной ссылки, из Херсона. Мой редактор Андрей Зоненко со страхом сперва назначил меня собкором при редколлегии, а потом, заручившись поддержкой секретаря ЦК КПУ Л. Кравчука, перевел на должность заведующего сельхозотделом редакции.

И только возглавив издание в сентябре 1991 года, после знаменитого путча ГКЧП, я много сил приложил к тому, чтобы отмыть газету от налета коммунистической ортодоксальности, которая присутствовала во многих прежних публикациях. Делалось очень много для того, чтобы превратить «Правду Украины»

в истинно независимое демократическое издание. И к концу 1996 года, в 1997-ом, мы, можно сказать, наконец-то добились желаемого. Нас стали признавать, как незаангажированное издание. У нас выстраивалась очередь на публикацию статей послов зарубежных государств. Не говоря уже о местных высококоранжированных чиновниках, лидерах различных политических партий и движений, руководителей регионов. Поэтому возвращаться к коммунистическим идеалам ради того, чтобы просто иметь рядом политического партнера, было бы просто глупо. Да и к тому же постоянные виражи, заигрывания верхушки Компартии с властью, непосредственно с Л. Кучмой, свидетельствовали о том, что партнер далеко не всегда будет оправдывать политические надежды оппозиционного издания. Потому что в борьбе с криминальной властью, как я понимал, нельзя быть как бы и вашим, и нашим, как говорят, только чуточку беременным. Тут нужно было, если уж становиться в позу борца за интересы трудового народа, то из нее уже не выходи. До победы или гибели на поле брани.

Признаюсь, я не видел, чтобы подобной решительностью отличалась и тогдашняя Социалистическая партия Александра Мороза. Борьба с властью ею велась, так сказать, не эшелонированно, а все больше исключительно вокруг имени лидера партии. Где-то администрация президента ущемит какие-то личные интересы А. Мороза, что-то там малопрстойное в пятисловном своем интервью телевизионщикам скажет о социалистах Л. Кучма - и политисполком СПУ отвечает гневным заявлением. И все в подобном ключе. Получалось как бы, что кроме Александра Александровича в Соцпартии и никого нет. Может быть, еще и потому так выходило, что лидер не держал вокруг себя талантливых и толковых людей. Его окружали люди не шибко высокого полета, лишены амбиций, за исключением, разумеется, Натальи Витренко. Но, оказывается, можно ведь всегда быть гусем среди утят.

И вот когда на политическом горизонте появился своей видной фигурой изгнанный из Кабмина Павел Лазаренко, когда осенью 1997-го он возглавил Всеукраинское объединение «Громада», никаких сомнений не было в том, что наше ярко выраженное оппозиционное издание должно поддержать экс-премьера. Я хорошо понимал, что только Лазаренко сможет победить Кучму. В нем было столько размаха, столько колоссальной энергии и внутренних сил, что не был никакого сомнения - бывший глава Кабмина, наверное, пять раз заткнет за пояс Леонида Даниловича. Если вести честную борьбу ни выборах.

В то же время я хорошо знал, еще во времена премьерства Л. Кучмы убедился в этом, что Леонид Данилович, как никто другой, - тщеславный и злопамятный. Он не простит даже одного нелестного высказывания в свой адрес. Он через годы отплатит обидчику, по возможности растопчет его. «Правда Украины», став в оппозицию нанесла главе государства, его авторитету несокрушимый урон. Разумеется, вполне заслуженно. Но и ответных действий нужно было ждать всегда.

Вот почему газете нужна была и мощная политическая опора. Которая, в случае чего, могла бы встать на защиту издания, поддержать журналистов в трудную минуту.

Несомненно, что, активно поддержав партию «Громада», которая уже вскоре заявила о своем желании добиться отставки действующего главы государства, мы понимали, на что шли. Да, мы в «Правде Украины» были похожими на камикадзе, даже больше нежели те люди, которые находились и в самом ближайшем окружении Павла Лазаренко. Каждый человек, делая определенные заявления или даже совершая поступки, со временем может их переоценить или покаяться. Ну, заблуждался, мол, допустил ошибку. Наверное, скажет, что исправится.

Может ли подобно этому поступить издание? Серьезное - нет. Потому-то, обретя политических попутчиков в образе Всеукраинского объединения «Громада», «Правда Украина» должна была усилить мощь оппозиционной партии, добиться того, чтобы режим Л. Кучмы непременно пал. Ибо уже было ясно, что спокойно жить, благоденствовать в Украине сохранившаяся власть нам просто не даст. Столько мы ей, как говорится, залили сала за шкуру!

Вот почему публикации времен конца 1997-го - начала 1998-го годов в «Правде Украины» были такими острыми и злободневными, такими запоминающимися. Мы каждый номер делали словно бы последним, хорошо понимая, кажется, даже кожей интуитивно чувствуя, что власть активно ищет возможность прикрыть издание. Найти способ расправиться с непокорными журналистами.

Обретя в «Правде Украины» мощную политическую трибуну, тогдашние лидеры «Громады» помогали нам вести поиск фактажа, который бы показывал истинное лицо криминальной власти, доказывал необходимость отстранения Л. Кучмы и его команды от управления государством. Статьи получались на удивление доказательными и били, что называется, не в бровь, а в глаз. На сторону оппозиции переходило все больше и больше новых людей. «Громада» росла не по дням, а по часам. Особенно это было заметно, как рассказывали нам сотрудники организационного отдела партии, после очередных острых публикаций в газете.

Если бы начать разбираться в том, кто больше выиграл от подобного слияния сил - «Правда Украины» или партия «Громада», то я бы не задумываясь ответил: несомненно «Громада». Она получила в образе «Правды Украины» мощную политическую трибуну. С именем. Ведь 1 января 1998 года нашему изданию исполнилось 60 лет. С этого дня, став выходить на двух языках и впервые - на украинском, она своим тиражом в 600 тысяч экземпляров (!), фактически, охватила все регионы страны, в том числе и ранее недоступную для «Правды Украины» Галичину.

Иными словами, одна из старейших газет Украины своими костями проложила дорогу в парламент большой группе людей из партийного списка «Громады». Благодаря «Правде Украины» Павел Лазаренко в 1998 году сумел сформировать одну из самых многочисленных и действенных фракций Верховной Рады.

Выскажу предположение, что если бы не вероломство власти, ступившей на крайний и омерзительный путь противоправного закрытия газеты, еще в начале подготовки к парламентским выборам 1998-го «Громада» могла бы набрать во фракции до сотни депутатских штыков. Вот тогда уж точно Павлу Лазаренко не пришлось бы никуда убегать из Украины, вот тогда бы он непременно выиграл

президентские выборы. Тогда бы тюремную клетку вместо меня и самого Лазаренко, наверняка, занял бы кто-то другой. Или - другие. И сегодня назывались бы не такие скромные цифры «украденного», «вывезенного», «отмытого». И это, согласитесь, было бы более честно и справедливо.

ВО ВРЕМЯ МИРА - ЛЬВЫ, В СРАЖЕНИИ - ОЛЕНИ

Человек - существо забывчивое. И я тоже из этой породы. Иногда сам себе говорю: «Да выкинь ты все из головы, живи, как многие, сегодняшним днем. Забудь прошлое». Так будто бы и проще, а спокойнее - это уж точно. Ибо, как минимум, никто не обидится, не оспорит того, что было. Ведь точно уж найдутся такие, кому не очень будет выгодно то, чтобы люди узнали, как поступал он в той или иной ситуации, как «мочил» свободу слова в молодой Украине. Как усердствовал в услужении режиму Л. Кучмы.

К таким, прежде всего, относится бывший заместитель генерального прокурора Украины Ольга Колинко. В дни, когда пишутся эти строки, Ольгу Михайловну указом президента назначили возглавлять некий комитет по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Комментируя это «приобретение» глава государства заявил, что, дескать, вот теперь уже дела в борьбе с бандитами пойдут так, как нужно. Пани Колинко - это, мол, боевая и бескомпромиссная женщина. Она задаст жару всем, кто нечист па руку.

Послушал я это и еще раз понял, нет, не могу я молчать. Нельзя и прошлое обходить холодным молчанием. Ибо если я, журналист, не скажу ничего об этом, то кто уже другой осмелится прирастить правде крылья?!

А ведь именно Ольга Колинко возглавляла от имени власти процесс умерщвления оппозиционной «Правды Украины». Разумеется, негласно. И это не я придумал. Этот вердикт вынесла Верховная Рада, рассмотрев вопрос о противоправных действиях исполнительной власти в отношении так называемого приостановления выпуска оппозиционного издания. В постановлении парламента (об этом немного ниже) дается оценка агрессивной роли заместителя генерального прокурора О. Колинко, которая, грубо игнорируя законы, Конституцию Украины; «благословляла» закрытие издания, всячески пыталась «юридически» оправдать противоправный приказ Мининформа.

И вот прошло несколько лет. Вдруг что-то приключилось в служебных кабинетах на улице Резницкой с самой Ольгой Михайловной. За какие-то там прокурорские дела или, возможно, за безделье ее в один день освободили от занимаемой должности. И вот пани Колинко не нашла ничего иного, как созвать пресс-конференцию и заявить: дескать, ее уволили за оппозиционность к власти.

Признаюсь: ничего более смешного в «эру Кучмы» не приходилось слышать. Я просто не поверил своим ушам. Такой ревнитель режима, такой его подбострастный служака, и вдруг, оказывается, - ярый противник! Оппозиционер.

Иногда и флюгеру хочется показать путь ветру.

Хоть бери букет цветов и неси Ольге Михайловной. К

Однако ясно было, что пани Колинько таким заявлением делала, как говорится, хорошую мину при плохой игре. Это был своего рода и отчаянный мятеж с предупреждением к власти имущим: будете, мол, преследовать, выдам оппозиции не один ваш секрет. Власть, Похоже, сигнал приняла. Об экс-заместителе генпрокурора несколько лет ничего не было слышно. Как вдруг глава государства снова вспомнил об исполнительной женщине, способной в угоду режиму под «законность» подвести любую расправу. И неопровержимым тому доказательством есть действия бывшего заместителя генерального прокурора в отношении закрытия «Правды Украины».

Чтобы не быть голословным, я приведу конкретные доказательства. И это не чей-то вымысел. Такое заключение сделала временная следственная комиссия Верховной Рады Украины. Предлагаю почитать стенограмму парламентского заседания, где обсуждался вопрос закрытия газеты «Правда Украины». Вот она (орфография, пунктуация сохранены):

Сесійний зал Верховної Ради України. 11 лютого 1998 року.

16 година.

Веде засідання Голова Верховної Ради України МОРОЗ О.О.

ГОЛОВА. Прошу депутатів підготуватися до реєстрації. Проводиться поіменна реєстрація.

Зареєструвалися 284 депутата.

Я щось не зрозумів. Сідайте, будь ласка. Підготуйтеся до реєстрації. Проводиться реєстрація, будь ласка.

Зареєструвалися 287 депутатів.

Будь ласка, опублікуйте списки за фракціями. У мене є підозра, що Кабінет Міністрів, оскільки його питання вже розглянуто, прийняв рішення про те, щоб його люди не ходили на засідання.

Вечірнє засідання оголошується відкритим. Слухається інформація щодо факту призупинення випуску газети «Правда України». Доповідає Віктор Іванович Понеділко.

ПОНЕДІЛКО В.Г. голова Комітету Верховної Ради України законодавчого забезпечення свободи слова та засобів масової інформації (Орджонікідзевський виборчий округ, Запорізька область).

Шановні колеги! 28 січня нинішнього року міністр інформації України Зиновій Володимирович Кулик підписав Наказ N 7 про тимчасове призупинення друкування і випуску газети «Правда України». Зміст цього наказу, надто блискавично

втіленого в життя як установами, підпорядкованими Мінінформу, так і абсолютно незалежними від нього органами, в оригіналі ні до редакції газети «Правда України», ні до виконавців, за їхніми заявами тимчасової слідчої комісії, не доводився.

Тож дозвольте зачитати текст наказу, вперше публічно оголосити його в залі, а можливо, і для журналістів: «На підставі офіційного висновку Міністерства юстицій України та подання Генеральної прокуратури України стосовно законності державної реєстрації газети «Правда України» наказую (зверніть увагу!):

1. Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації (серія КВ N 672), видане Державним комітетом України у справах видавництв, поліграфії та книгорозповсюдження 2 червня 1994 року, визнати недійсним.

2. Директору видавництва «Преса України» Олійнику призупинити друкування газети «Правда України» до офіційного вирішення питання про державну реєстрацію цього видання.

3. Контроль за виконанням цього наказу покласти на заступника міністра Бая Олега Сергійовича».

Таким чином, незважаючи на слова в назві наказу «про тимчасове призупинення друкування і випуску газети «Правда України» і навіть на його пункт 2 щодо призупинення друкування газети, пункт 1 за всіма юридичними ознаками і нормами означає саме заборону випуску газети і ніщо інше. Тобто пункт 2 можна було і не записувати - вже з пункту 1 все зрозуміло. Адже визнання свідоцтва недійсним, скасування реєстрації означає втрату редакцією газети всіх прав і атрибутів юридичної особи, зокрема рахунку в банку, печатки тощо. Заборонено не тільки засіб масової інформації. Як наслідок розпорядженням голови Радянської районної державної адміністрації Гудзія скасовано реєстрацію підприємства «Редакція газети «Правда України». Внаслідок цих дій заборонено газету та підприємство, які діяли при незмінному засновництві фактично з травня 1991 року з підтвердженням цього 13 жовтня 1992 року (дата реєстрації підприємства «Редакція газети «Правда України»), 2 червня 1994 року (дата реєстрації друкованого засобу масової інформації газети «Правда України»). 24 жовтня 1995 року (дата видачі повторного свідоцтва підприємству «Редакція газети «Правда України»).

Отже, за логікою наказу Кулика виходить, що протягом майже семи років в Україні діяла редакція газети «Правда України» як незаконне підприємство і незаконна - нонсенс, зрозуміло! - юридична особа засобу масової інформації. Діяла за умови (наголошую!) кількарязового офіційного підтвердження. Кількарязового офіційного підтвердження! Більше того, ця «незаконна» редакція (був такий час) отримувала солідні бюджетні кошти через фонд «Незалежна преса України» та навіть із резервного фонду Кабінету Міністрів України. Такі надзвичайні мали лише кілька редакцій газет, зокрема і «Правда України», опосередковано через фонд «Незалежна преса України». Якщо газета незаконна, то хто тоді цій незаконній структурі абсолютно незаконно переганяв кошти, повторюю, з резервного фонду Кабінету Міністрів і ніхто не контролював? До речі, це було ще до того, як Прем'єр-міністром став відомий лідер «Громади».

Чому ж, питається, так довго видавалась і чому надзвичайною економічною підтримкою користувалася газета, яка тепер, виявляється, незаконна за законами незалежної України від самого початку? Не маючи прямої відповіді, тимчасова слідча комісія водночас зауважує, що період надзвичайного урядового сприяння цій газеті збігається з часом, коли вона займала не просто лояльну до виконавчої влади, а вельми активну прореформаторську позицію.

Період інтенсивного ж переслідування газети збігається за часом із її гострими критичними виступами щодо діяльності президентської Адміністрації, вищих органів виконавчої влади, вищих посадових осіб держави персонально. Пік масового багатостороннього переслідування - 23-30 січня 1998 року, коли в надто оперативні дії одночасно включились митниця, КРУ, міністерство юстиції, Міністерство інформації, Генеральна прокуратура, податкова адміністрація, районна державна адміністрація, випадає якраз на час, коли «Правда України» вдалась до особливо гострих, навіть викривальних виступів проти виконавчої влади.

Наказ міністра із змістом про призупинення виходу газети, тим більше із змістом про фактичну заборону газети, мав би містити чітке вказування на норми законів України, які порушено, та на факт встановлення цих порушень. Це тим більш важливо, що порушення, як виявляється тривали майже 7 років, зокрема й за фактичного сприяння найвищих урядових структур. Нічого подібного зачитаний мною наказ не містить. Натомість маємо кивання на невідомий виконавцям, не доведений до самої редакції висновок Мінюсту та подання Генпрокуратури.

У листі заступника міністра Бая до редакції газети від 28 січня 1998 року дослівно повторюється пункт 1 наказу без розкриття підстав. У розпорядженні директора видавництва «Преса України» - те саме.

Тимчасовій слідчій комісії вдалося встановити, що Мінюст у своєму листі Мінінформу від 28 січня 1998 року (на даті акцептую увагу бо це дата підписання наказу Кулика) вбачає неправомірність реєстрації газети «Правда України» в тому, що її засновником є неюридична особа - первинна журналістська організація.

До речі, в Україні це зовсім не єдиний випадок. Засновниками або співзасновниками 38 газету 1997 році виступали журналістські організації. Ще понад 400 випадків потребують уточнення в такому аспекті.

У поданні Генпрокуратури, датованому теж 28 січня поточного року (день підписання наказу Кулика) називається інша підстава: на рахунок редакції перераховано понад 3 мільйони гривень, які вона використала для безкоштовної передплати газети на перший квартал 1998 року, чим порушила вимоги пункту 11 статті 35 Закону України про вибори народних депутатів.

Принагідно зверну увагу на те, що висновок Мінюсту та подання Генпрокуратури датовані 28 січня. Ці висновки не зареєстровані ніяким чином у Міністерстві інформації. Тимчасова слідча комісія не отримала документальних підтверджень, що вони надійшли до підписання наказу.

З огляду на це насторожує, що міністр юстиції Станік, незважаючи на офіційний терміновий запит тимчасової слідчої комісії, на усні нагадування їй через помічника, не тільки не надала комісії цього висновку чи інформації про нього, а фактично уникла спілкування з комісією.

Також насторожує і те, що представниця Генпрокуратури спочатку заявила, що подання направлене до Мінінформу 29 січня, тобто вже після підписання наказу, а потім виправдовувалася, що помилилась, захопивши з собою ксерокопію, де не видно дати, а відтак назвала й по пам'яті.

Але по суті. Перше, на що не звернули уваги дійові особи. Ніхто, ні міністр Кулик, ні інші посадові особи, що ухвалювали заборонні рішення щодо «Правди України», твердячи про нелегітимність первинної журналістської організації газети, не знали, не перевірили і не встановили того факту, що 27 травня 1991 року рішенням виконкому Радянської районної ради народних депутатів Міста Києва за номером 714 ця первинна журналістська організація була зареєстрована як юридична особа. Звертаю увагу, що висновок Мінюсту щодо нелегітимності первинної журналістської організації, незважаючи на потребу ґрунтовної перевірки, підготовлений, по суті, за один робочий день: 26 січня Мінінформ тільки адресував запит Мінюсту, а вже 28 січня одержав відповідь.

До речі, на підготовку іншого, теж пов'язаного з «Правдою України», але набагато простішого, не пов'язаного з ґрунтовними переярками, а лише з аналізом якості поданих документів, висновку знадобилося аж 43 дні - з 30 жовтня до 12 грудня 1997 року, тобто той термін, коли розглядалася заява «Правди України» на перереєстрацію. Порушено терміни надання висновків.

Так от саме рішення за номером 714 надає первинній організації Спілки журналістів усі ознаки юридичної особи: статут, печатка, банківський рахунок, податковий облік тощо. У статуті (пункт 1.5) зазначено, що первинна журналістська організація є юридичною особою. Уперше Дізнавшись про цей факт у тимчасовій слідчій комісії, Зиновій Володимирович Кулик звинуватив керівництво редакції газети в тому, що воно таких документів під час реєстрації і пізніше не подавало. Набагато досвідченіша Ольга Михайлівна Колінько звернула увагу на те, що з 1991 року, з часів УРСР, змінилася законодавча ситуація, і на те, що в 1992 році Спілка журналістів України ухвалила новий статут, в якому визначається, що первинні журналістські організації не можуть бути засновниками газет, не можуть бути юридичними особами.

На нагадування про те, що закон зворотної дії не має, була відповідь, що це стосується статутів об'єднань громадян. Може, й так. Але що ж тоді виходить? Статут об'єднання громадян вище від закону, може навіть нав'язати державі зворотню дію самого закону? У всякому разі ні Законом України про об'єднання громадян, ні іншими законодавчими актами, ні рішеннями Кабміну не передбачено відповідних дій зареєстрованої у такий спосіб юридичної особи на цей випадок і можливості та порядку скасування рішення про реєстрацію.

До того ж, виконком Радянської районної ради народних депутатів міста Києва не ухвалював рішення про скасування реєстрації, незалежної від того легітимним чи

нелегітимним був такий порядок скасування реєстрації. Це зроблено розпорядженням глави райдержадміністрації. Нюанси звичайно є. Але на такому рівні знання фактів і уявлень про способи розв'язання практичних питань міністр інформації як державна особа, відповідальна за долю преси і громадян, з нею пов'язаних, не мав права видавати свого наказу.

Друге. Надто блискавично здійснила перевірку Генпрокуратура, занадто швидко зробила висновки. До речі, як з'ясувала тимчасова слідча комісія, лист групи народних депутатів про безкоштовну передплату надійшов до Генпрокуратури 20 січня, а 28 вже було подання. Для порівняння. 21 січня 1998 року (прошу звернути на це увагу) група народних депутатів і комітет Верховної Ради направили звернення до Генеральної прокуратури щодо оцінки дії Міністерства інформації, яке відмовилося виконати постанову Верховної Ради України стосовно теле- і радіопроеграми «Твій вибір». Лише 4 лютого Ольга Михайлівна Колінько підписала відповідь, та ще й ось якого змісту (цитую): «У зв'язку з необхідністю витребування з Міністерства інформації документів та їх опрацювання надати вам відповідь у строк, передбачений чинним законодавством, немає можливості. Термін розгляду заяви продовжено. Про наслідки буде повідомлено». Минув тиждень, ще півтора тижня. Простенька відповідь - чекайте, поки рак свисне, або закінчиться термін дії.

Але про інше, важливіше. Достатньо активних дій до 26 січня Генпрокуратура, як і Мініст, очевидно, не вживала. Лише 26 січня посланець Генпрокуратури Самусенко офіційним листом зажадав від редакції газети основні реєстраційні документи. А вже 28 січня все було оцінено.

Треба думати, 26 січня був якийсь особливо могутній поштовх для всіх різнорідних організацій, щоб так блискавично завершити операцію вже 28 січня.

Те, що термін, відведений для ґрунтовної перевірки, не витримує критики, безумовно, пояснює невідповідальність дійсності висновків Генеральної прокуратури. Тут, наприклад, написано: «Усього на рахунок редакції газети для її видання фондом «Українська інформаційна фундація» перераховано більше 3 мільйонів гривень».

Насправді на рахунок редакції газети кошти не перераховувалися. Вони були переказані Укрпошті з цільовим призначенням - на безкоштовну передплату газети на I квартал 1998 року. Підтверджується, що розподілом передплати в рамках цих коштів займалася редакція газети. Але юридично це не були кошти з її рахунку. Навпаки, ці самі кошти переведені чи перераховані Укрпоштою «Правде України» для виконання того замовлення, яке називається передплатою.

Питання таким чином залишилося відкритим, недослідженим. Отже, для відповідального, можна сказати, доленосного для багатьох громадян України і для одного із засобів масової інформації наказу Кулика недосконале, неточне подання Генеральної прокуратури підстав не дає. Справедливості заради скажу, що заступник Генерального прокурора Колінько і не давала Кулику рекомендацій діяти таким рішучим чином, тобто видавати заборонний наказ. Йшлося лише про вжиття заходів щодо усунення зазначених порушень. Із дій усіх учасників масованого натиску, вчиненого проти газети, особливо 26-30 січня (дехто до 28 січня не встиг,

видавав розпорядження ще 29 і 30 січня), законними можна визнати лише дії районної податкової інспекції у зв'язку з неякісним і невчасно поданим редакцією звітом, а також районного прокурора Ліщука. Він не взяв на себе відповідальність скасувати реєстраційне свідоцтво, а звернувся, як це й належить робити, до арбітражного суду міста Києва, маючи на руках заборонне рішення районної держадміністрації.

Щодо правомірності предмета наказу. Заступник Генерального прокурора Колінько вважає наказ законним. При цьому посилається на статті 18 і 3 (у поєднанні) Закону про друковані засоби масової інформації (пресу) в Україні, якими, мовляв, дається вичерпний перелік підстав, за якими припиняти випуск друкованих засобів масової інформації може тільки суд. Усі ж інші підстави за межами переліку - предмет розгляду несудових органів. Постає запитання: яких несудових органів? Гіпотетично називаються, насамперед, реєструючі, легалізуючі органи. Ще однією статтею, 19, також оперує заступник Генерального прокурора. Стаття називається: «Порядок оскарження відмови в державній реєстрації друкованого засобу масової інформації або рішення про припинення його випуску».

Неймовірно, але факт - це вершина цинізму. Такий собі прокурорський мотив: на підставі статті, яка захищає засіб масової інформації, обґрунтовується право його закриття.

Справа в тому, що в названій статті є слова: «а також рішення про припинення випуску видання можуть бути оскаржені засновником (співзасновником) у судовому порядку». Мовляв, це вказує на те, що рішення можуть прийматися несудовими органами, а потім оскаржуватись у судовому порядку.

Це таке юридичне тлумачення, з яким ще треба розбиратись, а не використовувати в наказі міністра. До того ж не Генпрокуратурі дано право тлумачити норми законів. У нас є на те Конституційний Суд.

Визнати за правомірне таке тлумачення у випадку з «Правдою України» означає загнати колектив у глухий кут. Засновник (первинна журналістська організація) має оскаржувати рішення міністра в судовому порядку, але ж сама вона проголошується неюридичною особою.

Кулик видав незаконний наказ - такий висновок тимчасової слідчої комісії, хоча певні підстави для з'ясування обставин заснування і діяльності «Правди України» є. Це повинні зробити інші компетентні органи та зовсім в інший спосіб, в інші терміни.

Чи свідомо вчинив Кулик? Сам він заявив тимчасовій слідчій комісії: свідомо, самостійно. Але ж Кулик так само свідомо, і це з'ясовано, порушив закон. 9 грудня 1997 року (зверніть увагу!) власноручно у відповіді головному редактору однієї з газет, який прагнули у суперництві закрити іншу газету, Кулик написав: «Чинним законодавством України повноважень щодо призупинення діяльності засобу масової інформації або звернення за власною ініціативою до суду з позовом про визнання реєстрації засобу масової інформації не дійсним Міністерству інформації України

не дано». Це було 9 грудня, а 28 січня він з точністю до навпаки підписав наказ, який забороняє.

Тепер Кулик і Колінько твердять, що ставити в один ряд дану відповідь і наказ не можна. Треба брати до уваги конкретні обставини і таке інше.

Наша комісія дійшла висновку, що наказом міністра інформації порушено статті 3,8, 18, 19 Закону про пресу. Генеральна прокуратура перевищила свої повноваження, вийшла за норми, передбачені статтею Конституції про повноваження прокуратури, пункту 9 «Перехідних положень» Конституції, взяла на себе право тлумачити норми закону і на підставі власного тлумачення виходити з пропозицією про заборону чи обґрунтовувати правильність заборони засобу масової інформації. Тому ми пропонуємо передусім (це в проекті постанови є) передбачити відкликання наказу Кулика як незаконного.

Друге. Передбачити відновлення випуску газети «Правда України» до рішення суду. До речі, за поданням прокурора Радянського району міста Києва судового розгляду ще не було.

Третє. Звернути увагу Президента України, що в статті 60 Конституції України чітко зазначено: «Ніхто не зобов'язаний виконувати явно злочинні розпорядження чи накази. За віддання і виконання явно злочинного розпорядження чи наказу настає юридична відповідальність». То ж Президент як гарант Конституції повинен виконати дану норму Конституції щодо посадових осіб, причетних до цієї справи.

Дякую за увагу.

ГОЛОВА. Спасибі, Вікторе Івановичу. Дане питання, як мені здається, не потребує такого докладного з'ясування, бо тут помітно від самого початку, що просто топчуться закон і Конституція. Стотно обґрунтування, котре викладене в інформації Віктора Івановича, треба дати доручення опублікувати в «Голосі України» і в інших газетах, щоб люди розуміли, про що йдеться. Адже сьогодні, за розумінням великого юриста - згаданого тут заступника Генерального прокурора, можна все розтоптати і будь-що чинити. Та виявляється, що це нікого не цікавить! Бо так хочеться! Бо так вважається доцільним для якоїсь політичної сили, структури чи особи.

Мені здається, треба надати слово Григорію Омеляновичу від комітету, і приймемо рішення, яке пропонується.

ПОНЕДІЛКО В.І. Є запитання.

ГОЛОВА. Надається 5 хвилин на запитання. Запишіться, будь паска. Депутате Манчуленко, прошу.

МАНЧУЛЕНКО Г.М., член Комітету Верховної Ради України у закордонних справах і зв'язках з СНД (Заставнівський виборчий округ, Чернівецька область). Народний рух України.

Шановний доповідачу! Чи не здається вам, що ми занадто багато уваги надаємо цьому питанню? Так можна проблеми будь-якої газета розглядати у сесійному залі та розв'язувати. Це перше запитання. Друге. Чому все-таки немає представників Міністерства інформації, Генеральної прокуратури? Хай би вони поділилися з депутатами своїми міркуваннями з такого приводу. А тоді вже, вислухавши всі сторони, можна було б доходити якогось остаточного висновку. Дякую.

ПОНЕДІЛКО В.І. Дякую за запитання. Але це проголосована постанова Верховної Ради про створення комісії, встановлено термін (термін, до речі, був абсолютно нереальний: за 2 дні все зробити). Ми постаралися вкластися в певні терміни. Щодо того, чи не забагато уваги. Я б не зводив проблему до газета, це набагато ширша проблема: або в державі всі живуть за законами, починаючи від рядового, як тепер прийнято казати, пересічного громадянина, і до Президента; або держави взагалі не існує. Якщо в державі хтось вважає, що законом можна микати як заманеться, то це вже не авторитарна, не тоталітарна держава. Визначення такої державі зовсім інше: пробачте, але ми стоїмо на порозі диктатури. І якщо не буде зараз ніяких висновків бодай із нашого боку, завтра буде запізно. Стосовно міністра інформації та представників Генеральної прокуратури. Порядок денний нашого засідання вони мають, а відтак знають, коли воно відбуватиметься. Повноважень мені не дано брати Генеральну прокуратуру чи міністра інформації за білі ручки і заводити сюди. Це знову відповідь на ваше перше запитання: або ми всі під законом ходимо, або, пробачте, держави не існує.

ГОЛОВА. Депутат Чапюк.

ЧАПЮК Р.С., голова підкомітету Комітету Верховної Ради України з питань економічної політики та управління народним господарством (Ківерцівський виборчий округ, Волинська область). Селянська партія України.

Шановний, Вікторе Івановичу! Скажіть, будь ласка, міністр інформації у нас підпорядкований Прем'єр-міністру чи Президенту? І чи не наклало це подвійне підпорядкування свій відбиток на його антизаконну поведінку? Дякую.

ПОНЕДІЛКО В.І. Дякую за запитання, але то все-таки буде гадання: наклало чи не наклало відбиток на антизаконну поведінку, підпорядкований він Президенту України. Формально підпорядкований, безумовно, і Прем'єр-міністру, але фактично - Президенту, як і силові міністри. Це взагалі унікальна ситуація в світі, коли міністр інформації прямо підпорядкований Президенту. Такого, мабуть, ви ніде не знайдете. До Книги рекордів Гіннеса ми вже потрапили з цього приводу.

ГОЛОВА. Таке було 60 років тому в одній із сусідніх держав.

ПОНЕДІЛКО В.І. Ну то сусідня держава! І то ж фюреру, а не президенту були підпорядковані.

ГОЛОВА. Депутате Юхимчук, будь ласка.

ЮХИМЧУК А.П., член Комітету Верховної Ради України з питань прав людини, національних меншин і міжнаціональних відносин (Жмеринський

виборчий округ, Вінницька область).

Дякую. Олександрє Олександровичу, прошу право на виступ передати колезі Єльяшкевичу.

ГОЛОВА. Будь ласка.

ЄЛґЯШКЕВИЧ О.С., член Комітету Верховної Ради України з питань фінансів і банківської діяльності (Дніпровський виборчий округ, Херсонська область).

Уважаемый Виктор Иванович! У меня вопрос скорее к Александру Александровичу. Сегодня был День правительства. Вопрос, который мы сейчас рассматриваем, в принципе является составной частью этого дня, так как правительство не выполняет законы Украины. И то, что оно сейчас игнорирует рассмотрение этого вопроса, свидетельствует о его отношении к Верховной Раде. Ведь министр информации Кулик не впервые нарушает законы Украины. Вспомните, как он не выполнял наши решения о трансляции заседаний Верховной Рады, как не выполнялась масса других решений. Виктор Иванович прекрасно об этом знает.

Поэтому мы в постановлении Верховной Рады обратились к Президенту с тем, чтобы он рассмотрел вопрос о пребывании Кулика на этой должности. Сейчас министр информации просто проигнорировал заседание. Александр Александрович, скажите, пожалуйста, как должна на это реагировать Верховная Рада?

ГОЛОВА. Ви самі знаєте: так, як це передбачено Регламентом і Конституцією. А відповідно до Регламенту і Конституції Кулик зараз діє як підневільна у Президента людина. Він ним призначений - йому підзвітний і, вибачте, плювати хотів на Верховну Раду і на все інше. Щоб таке не відбувалось, треба вживати заходів до Президента, щоб він поважав закон, поважав Конституцію, діяв у межах, визначених Конституцією. Я тільки так розумію дане питання. Я говорю це, щоб мене не звинувачували у розпалюванні пристрастей в ефірі. Я відповідаю вам на це конкретне запитання.

ПОНЕДІЛКО В.1. Олександрє Олександровичу, перепрошую. До речі, ми і в проекті постанови не персоніфікуємо винних. Тут надзвичайно широке коло осіб, які порушували закон. Ми лише просимо на підставі статті 60 Конституції зробити те, що зобов'язаний зробити гарант Конституції. Інакше нам з вами залишиться звернутися до Конституційного Суду.

ГОЛОВА. Депутат Шкрабак. Останнє запитання.

ШКРАБАК П. А., голова підкомітету Комітету Верховної Ради України з питань бюджету (Снігурівський виборчий округ, Миколаївська область).

Дякую, Олександрє Олександровичу. Фракція комуністів. К вопросу, который мы сегодня рассматриваем, нас подтолкнуло правительство. Мы ведь знаем, что на местах, в округах, положение с прессой не лучше. Если только статья, написанная любым человеком, и депутатом Верховного Совета в том числе, нелояльна к

правительству или Президенту, ее никогда не напечатают. Люди запуганы - если статью и напечатают, то, скорее всего, потом снимут с работы и так далее. Поэтому, по всей видимости, надо шире поставить данный вопрос, не только касательно «Правды Украины», а вообще прессы в Украине.

ПОНЕДІЛКО В.І. У доповіді я називав цифру - 38 аналогічних газет і ще 400 потребують перевірки. Але нам обов'язково треба вийти із цієї ситуації, із цього тупика, створеного Генеральною прокуратурою і Міністерством інформації. Інакше завтра виникне прецедент і почнеться покарання засобів масової інформації, які лояльні чи нелояльні. Наприклад, ми тільки-но вивчили випадок в одному із районів Харківської області, де районна газета, якою опікується певна політична сила - політична партія, ще в листопаді збільшила свій тираж, справді за рахунок редакції, на кільканадцять тисяч. Так само за рахунок редакції безкоштовно цей тираж розповсюджувався. Для районної газети миттєве збільшення тиражу на 10 тисяч – це занадто. Я, мабуть, не говоритиму, яка це партія. Усе всім зрозуміло. Там була і передвиборна платформа, і портрети, і таке інше. Реакції ніякої, бо міністр Кулик є членом тієї партії разом із редакцією газети. Але якщо ми не подолаємо це, то протилежні каратимуться щодня

ГОЛОВА. Сідайте, будь ласка.

ПИНКЕРТОН ИДЕТ ПО ЛОЖНОМУ СЛЕДУ

Вслед за Виктором Понедилко на трибуну поднялся и знаменитый «пинкертон» Верховной Рады Григорий Омельченко. В то время он возглавлял парламентский Комитет по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Григорий Емельянович иногда и впрямь тычет пальцем в небо, незамедлительно стараясь все, что ему лишь попадает в руки, тут же озвучить с парламентской трибуны. В такие минуты на него словно бы нападает словесная чесотка. Похоже, пан Омельченко даже не задумывается над тем, отвечают новые факты действительности или нет. Он тут же строчит в различные государственные структуры депутатские запросы. Тем самым обесценив и свои публичные заявления, и запросы тоже. Многие в обществе давно поняли: то, о чем говорит Гриша с парламентской трибуны, еще нужно очень старательно проверять. Эти данные никак нельзя принимать на веру.

Не секрет, что весьма часто господина Омельченко просто используют, как бесплатный рупор. Подкинут ему определенные «секретные» данные, а Гриша уже потрясает ими всю Украину. Вот новые «враги народа». Я их выведу «на чистую воду». Подобное произошло и в данной ситуации. Читайте дальше стенограмму заседания парламента, и мы во всем разберемся.

ГОЛОВА. Григорію Омеляновичу, прошу.

ОМЕЛЬЧЕНКО Г.О., голова Комітету Верховної Ради України з питань боротьби з організованою злочинністю і корупцією (Кременчуцький-Крюківський виборчий округ, Полтавська область). Депутатська група «Вперед, Україно!»

Шановні колеги! Шановний Олександр Олександровичу! 3 лютого 1998 року Верховна Рада дала доручення нашому комітету перевірити достовірність інформації, поданої в газеті «Правда України» від 27 січня цього року щодо вілл, дач, квартир, літаків, вертольотів високопосадових осіб держави, зокрема і Президента, та інші обставини, пов'язані з призупиненням и випуску.

До того, що сказав Віктор Понеділко, лише додам ось що. Згідно з висновками Генеральної прокуратура, Державної податкової адміністрації, які перевіряли фінансово-господарську діяльність газети «Правда України», встановлено таке. Швейцарська закордонна фірма «Джі Ейч Пі Корпорейшн» 24 листопада 1997 року перерахувала в Нью-Йорк банку «Кредіт Ліоне» 2 мільйони 563 тисяч 985 доларів Сполучених Штатів Америки. 25 листопада минулого року ці кошти були перераховані до акціонерного комерційного банку «Перком-банк», який після конвертації перерахував їх до Украшсько- інформаційної фундації (зареєстрована 19 липня 1996 року) в сумі 14 мільйонів 818 тисяч 479 гривень. Зазначена Українська інформаційна фундація перерахувала названу суму газеті «Правда України» для проведення безкоштовної передплати. Таким чином, було передплачено на підставі листа головного редактора газети «Правда України» Олександра Горобця 490 870 примірників.

Ще одне. Податковою адміністрацією встановлено, що газета «Правда України» приховала і не оплатила обов'язкові платежі до державного бюджету в сумі 1 мільйон 281 тисяча гривень. Це приблизно можна виплатити місячну пенсію понад 26 тисячам пенсіонерів.

Тепер щодо публікацій в газеті «Правда України». Шановні колеги! Ще до доручення Верховної Ради України, тобто до 3 лютого, мною як головою комітету в день виходу газети, 27 січня, направлено депутатське звернення виконуючому обов'язки Генерального прокурора України Богдану Васильовичу Ференцу з вимогою здійснити об'єктивну всебічну перевірку зазначеної інформації в газеті «Правда України» за 27 січня цього року і ухвалити рішення згідно з чинним законодавством. Я до того ж вимагав від Генеральної прокуратури в разі встановлення порушень законів України винних посадових осіб незалежно від займаних посад (Президент, Прем'єр-міністр, депутат, міністр тощо) притягнути до визначеної законом відповідальності, а також повідомити комітет про результати виконання рішення комітету ще від 1996 року та звернення народних депутата Омельченка, Єрмака стосовно фактів, про які йшлося в газеті «Правда України». Ці матеріали ми направляли ще в 1996-1997 роках.

До речі, наше звернення у зв'язку з невиходом газети «Правды України» опублікувала 3 лютого газета «Голос України», за що їй щиро вдячні.

Того самого 3 лютого в газеті «Україна молода» надруковано подібні матеріали про незаконне отримання квартир у місті Києві посадовими особами Кабінету Міністрів та іншими посадовими особами нашої держави. Наступного дня, 4 лютого, мною також було направлено звернення до Генеральної прокуратури України з такою самою вимогою: здійснити об'єктивну перевірку з усіх цих фактів і в разі порушення закону винних осіб притягнути до визначеної законом відповідальності.

Крім того, ми вимагали, щоб стосовно посадових осіб, які незаконно отримали квартири в місті Києві, внести до суду позови про визнання ордерів на отримання таких квартир недійсними та виселити їх із займаних квартир у визначеному законом порядку. Ще одне мушу зазначити. Члени нашого комітету або комітет у цілому постійно реагують у рамках своїх повноважень депутатськими зверненнями, запитами або рішеннями на факти порушення Конституції, законів України, зловживання посадових осіб, про які повідомляється в засобах масової інформації. І ці матеріали ми постійно подаємо до Генеральної прокуратури або до органів внутрішніх справ для перевірки.

Наприклад, учора ви підтримали депутатський запит Омельченка і Єрмака про виділення 160 тисяч гривень на ремонт будинку управління державної служби Кабінету Міністрів, і Генеральна прокуратура також займається перевіркою.

Тепер стосовно перевірки інформації про факти зловживань (до того ж дуже серйозні), про які повідомляється, особливо останнім часом, у газетах «Правда України», «Голос України», «Сільські вісті», «Киевские ведомости», «Всеукраинские ведомости», «Україна молода» та інших.

Щодо інформації про нецільове використання державних бюджетних коштів на закупівлю літаків, вертольотів, будівництво дач і будинків для високопосадових осіб.

ГОЛОВА. Григорію Омеляновичу, пробачте. Треба порадитися з вами і з депутатами. У нас дещо інший предмет обговорення. Що друкують газети, біс із ними - нехай друкують. Але розглядається питання про незаконну заборону газети.

ОМЕЛЬЧЕНКО Г.О. (Олександрє Олександровичу, ось доручення...

ГОЛОВА. Я не про те. Ми витратили вже 51 хвилину на всі ці речі. І знову ще 15 хвилин. Ну, послухаємо, а що далі? Є проект постанови, запропонований комітетом. Ви підтримуєте його чи не підтримуєте? І прийматимемо рішення. Будь ласка.

ОМЕЛЬЧЕНКО Г.О. Олександрє Олександровичу, я не заперечую. Ще маю в руках доручення Верховної Ради України. Нашому комітету доручалося провести перевірку цих фактів зловживань. Будь ласка, можете подивитися, я ж не вигадую.

ГОЛОВА. Правильно. У вас пишеться, що в останньому номері «Правды України» наведено факти щодо вілл, дач, літаків, вертольотів Президента і таке інше. А ви розповідаєте...

ОМЕЛЬЧЕНКО Г.О. Правильно, бо треба поінформувати... (Шум у залі).

ГОЛОВА. Прошу заспокоїтися. Будь ласка, говоріть.

ОМЕЛЬЧЕНКО Г.О. Вікторє Семеновичу, я завжди виступаю лише від себе. То ж давайте не будемо влаштовувати тут сварку.

Шановні колеги, щоб не гаяти часу, скажу лише таке. Було доручення Верховної Ради України стосовно різних зловживань, пов'язаних з великим витрачанням бюджетних коштів, незаконним отриманням квартир тощо. Усього цього не сталося б, якби ще 1994 року було виконано рішення нашого комітету про перевірку законності отримання квартир депутатами Верховної Ради минулого скликання, а також рішення від 9 жовтня 1996 року про перевірку законності отримання квартир Адміністрацією Президента, Кабінетом Міністрів, деякими посадовими особами.

На жаль, незважаючи на те що названі рішення були прийняті комітетом і були дані відповідні доручення, навіть Президентом України, усі вони залишились невиконаними. Тому якщо ви читатимете публікації в тих або тих газетах, де йтиметься про незаконне і нецільове використання бюджетних коштів, незаконне отримання квартир та плату за них з бюджету, то все це викликано невиконанням рішення нашого комітету!

На сьогодні в Генеральній прокуратурі є інформація, направлена нашим комітетом, що за останні п'ять років з порушенням чинного законодавства отримали квартири майже тисяча різних високопосадових осіб Адміністрації Президента, Кабінету Міністрів, Верховної Ради, Міністерств та відомств. Саме тому ми неодноразово порушували перед Генеральною прокуратурою питання про виконання цих рішень.

Переходжу безпосередньо до проекту постанови Верховної Ради України. Шановні колеги, цілком поділяючи зроблені висновки, зазначу, що даний проект постанови треба доповнити ще одним пунктом. У пункті 5 проекту постанови записано: «Контроль за виконанням цієї постанови покласти на Комітет Верховної Ради України з питань боротьби з організованою злочинністю корупцією». Пропоную від себе особисто як народного депутата зробити цей пункт шостим, а пунктом п'ятим записати: «Генеральній прокуратурі України здійснити повну, всебічну, об'єктивну перевірку достовірності інформації про факти зловживань службовим становищем, порушень Конституції та законів України, нецільового використання бюджетних коштів на закупівлю літаків, вертольотів та іншого транспорту, а також на будівництво дач, будинків для вищих посадових осіб держави, надання квартир у місті Києві посадовим особам Адміністрації Президента, Кабінету Міністрів, Верховної Ради та народним депутатам України, про які йдеться в публікаціях газет «Правда України», «Україна молода», «Сільські вісті», «Голос України», «Киевские ведомости», «Всеукраинские ведомости», «День», «Факты» та інших.

У випадках встановлення порушень Конституції та законів України винних посадових осіб незалежно від займаних посад (Президент, Прем'єр-міністр, народний депутат, міністр тощо) притягнути до встановленої законом відповідальності.

Щодо посадових осіб, які незаконно отримали квартири у місті Києві, внести судові позови про визнання ордерів на отримання цих квартир недійсними і виселення посадових осіб із займаних квартир в установленому законом порядку. Про результати перевірки повідомити Верховну Раду України до 2 березня 1998

року». Передаю документ.

І на завершення стосовно запитання, яке ставилося моєму колезі Віктору Івановичу щодо цих газет. Шановні колеги! Дозвольте вам нагадати, що майже рік тому члени нашого Комітету з питань боротьби з організованою злочинністю і корупцією зробили висновок і довели до вашого відома і великого загалу нашої громадськості, що в Україні прослідковується відверта спроба певних структур виконавчої влади і мафіозних кланів підім'яти, скупити або знищити як незалежні засоби масової інформації загалом, так і окремих журналістів з метою встановлення монополії на інформацію. Цей висновок і наші пропозиції з цього питання, які направлялися до Генеральної прокуратури Служби безпеки України, Міністерства внутрішніх справ, залишилися, скажемо так, поза увагою.

Шановні колеги! Є справді велика небезпека, що такі випадки закриття будь-якої газети, будь-якої радіо- чи телепрограм можуть у майбутньому призвести до встановлення в суспільстві не лише авторитарного, а я б сказав, кримінального, диктаторського режиму. На це треба звертати увагу, ухвалюючи ті або ті політичні рішення.

І останній висновок з приводу цього питання. У багатьох газетах нишої держави наводяться факти нецільового використання мільйонів, сотень мільйонів бюджетних коштів, зловживань службовим становищем найвищими посадовими особами, незаконного відкриття валютних рахунків за кордоном, інших порушень Конституції виконавчими структурами та посадовими особами. То постає питання: чи спроможна нинішня виконавча влада відреагувати на неодноразові депутатські звернення і запити як ваші, так і нашого комітету? Чи спроможна ця влада виконати постанову, проект якої ви маєте, якщо ми прийнемо її з тим доповненням, про яке я вам щойно сказав? Дякую за увагу».

Грише, похоже, подсунули фальшивку, и он, не задумываясь, с удовольствием проглотил ее. А именно то, что касалось якобы многомиллионных перечислений с зарубежных банков и фирм на расчетный счет «Правды Украины». Все это глупая ложь. Ничего подобного не было и в помине. Никто нам не перечислял ни единой копейки. Эта версия нужна была, как оправдание противоправных действий властей, которые решили накинуть узду на оппозиционное издание. Она родилась в кабинете или Кулика, или Пустовойтенко. Омельченко и подтвердил ее. Он, видимо, не слушал того, что несколько минут раньше говорил в своем выступлении с парламентской трибуны председатель следственной комиссии Верховной Рады Виктор Понедилко. А Виктор Иванович однозначно заявил, что все перечисления денег «Правде Украины» проводились законным путем и только объединением «Укрпочта». За подписные экземпляры издания.

Откуда Г. Омельченко взял некую швейцарскую фирму, нью-йоркский банк и другие структуры - ведомо только странному неустоимому борцу с украинской мафией.

Следующее. И не задумываясь, Григорий Емельянович принимает на веру то, что якобы «Правда Украины» грубо нарушила законодательство Украины, не уплатив налоги с суммы один миллион 271 тысяча гривен. Для образности восприятия, хлесткости выражения Гриша заявляет, что якобы этих незаконных денег со счетов издания хватило бы на то, дабы выплатить пенсию 26 тысячам пенсионеров. Он знает, как это болит людей, которые на долгие месяцы остались без средств к существованию. С ними не рассчитывается правительство. И давит, давит на больной мозоль общества. Дескать, воры сидят в этой «Правде Украины», которая, делая хорошую мину при плохой игре, чистит себя под оппозиционное издание.

Но только опять это было ни что иное, как вранье. Как я уже говорил выше, 1 июня 1998 года Киевский арбитражный суд подтвердил: 1 миллион 271 тысяча гривен - законные деньги газеты. Все налоги с лихвой редакцией были уплачены. Наложение ареста на средства редакции - полное беззаконие. Да, понимаю. Нам нужно было еще все это доказывать. А Гриша 11 февраля уже на всю страну утверждал, что действия налоговой администрации законные. Что редакция - злостный нарушитель национального законодательства. Из заявления выходило, что это и есть деньги, которые противоправно получены редакцией со швейцарских счетов и американских банков. И получилось, что наши оппоненты в суде кроме прочего, как аргумент, выставляли как раз слова руководителя «антимафии», председателя парламентского Комитета по борьбе с оргпреступностью и коррупцией, которые тот произносил с парламентской трибуны. А липу эту он взял именно в налоговиков. Такая вот кубатура лжи, в которой черт ногу сломает. Но Гриша в ней - главная скрипка.

Г. Омельченко, как и З. Кулик, сотрудник генеральной прокуратуры утверждали: расчетный счет редакции налоговой инспекцией закрыт правомерно, ибо был факт несвоевременной сдачи отчетности. И это тоже оказалось наглая ложью. Опять же в суде мы доказали: налоговики, выполняя волю руководителей государства, придумали это нарушение с единственной целью - обескровить издание, умертвить его. Не дать возможности «Правде Украины» выходить в свет.

Получилось, что известного парламентского «пинкертона» пустили по ложному следу, и он, сбивая с толку все общество, помогал власти душить оппозиционное издание. Потому с 11 февраля 1998 года всему, что говорит Гриша Омельченко с трибуны, в эфире, со страниц печати, просто не верю. Его купить, все равно, что младенца. Ему лишь бы пошуметь. Лишний раз засветиться. Правда ли то, о чем он говорит и пишет, Грише, думаю, все равно.

Словом, корыстолюбие разыгрывает всякие роли, даже роль бескорыстного. Поэтому к Омельченко отношусь, как некогда писал Григорий Тютюнник: «Я не чую, що він говорить. Чую, що бреше...»

ПРОПАСТЬ СУДЬБЫ - СИЗО

Здесь, давайте, на некоторое время остановимся, переведем дух. А вместе с тем и подытожим некоторые итоги. Чего добились власть, и с чем к осени 1998-го пришли мы?

Выход оппозиционного издания был заблокирован полностью. Ни одна типография Украины не бралась печатать опальную «Правду Украины». Но редакция, вопреки желанию власть предержащих, жила. Феноменально, но факт: за восемь месяцев вынужденной изоляции издания - с конца января по конец сентября, из журналистского коллектива ушел всего один человек - Ирина Гаврилова. Причем, это она сделала еще в начале противостояния, повязав свою творческую жизнь с газетой «День».

Стало быть, можно сделать вывод, что люди верили в успех борьбы, они не считали наше дело безнадежным. К осени мы выиграли все судебные процессы. Это однозначно указывало на то, что над журналистским коллективом «Правды Украины» учинили банальную расправу.

Я подсчитал: мне лично пришлось побывать в 49 судебных заседаниях. Представьте, сколько было затрачено усилий, сожжено нервных клеток, сквозь какие мытарства пришлось пройти. Ведь все приходилось брать с боем. Суды, при всей очевидности вероломства властей, противоправности их действий, не приняли ни одного решения в нашу пользу с первого раза. Вновь и вновь приходилось доказывать очевидное, требовать признания того, что белое есть белое, а черное - никак не белое.

Правда, и достигнуто было много. В судебных инстанциях мы доказали, что все без исключения действия правоохранительных органов по отношению к «Правде Украины» оказались преднамеренными и неправомерными. Что деньги с расчетных счетов редакции сняты незаконно. Что не было никакого основания блокировать сами счета. Что газетная бумага арестована противоправно. Что райгосадминистрация превысила свои полномочия, лишив редакцию газеты «Правда Украины» статуса юридического лица. Наконец-то был выигран и главный судебный процесс - Высший арбитражный суд Украины признал, что приказ Мининформа «о временном приостановлении выпуска газеты» был неправомерен.

Однако никто не спешил снимать узды с издания, освободить его из жесткого капкана. Несмотря на решения арбитражных судов, никто не пытался вернуть законные деньги их владельцу, снять замки со складов с газетной бумагой. Похоже, в этой стране, помимо решений судебных инстанций, была еще чья-то особая злая воля. Она и была верхней, как бы главной. Ей, образно говоря, было по барабану, какие решения принимались судами. Выходит, существовала еще некая особая целесообразность, которая диктовалась какими-то особыми условиями. Их смысл определялся не законами, а прихотями. А вот им мы угодить уже никак не могли.

Эта прихоть продиктовала еще одно насилие. Генеральная прокуратура внесла протест на решение Высшего арбитражного суда, признавшего противоправным закрытие газеты министерским циркуляром. Хотя и не юристам должно было быть понятно, что опротестовывать практически нечего. Суд лишь констатировал общеизвестную истину: министерство не имеет права закрывать газеты. Что, разве

генеральная прокуратура своим протестом могла изменить законодательство? Согласитесь: абсурд.

Таким образом, ответ очевиден: действия заместителей генерального прокурора О. Колинко и С. Винокурова продиктованы чьим-то острым желанием не дать возможности «Правде Украины» возобновить свои выпуски. Кто-то очень боялся оппозиционного издания. А оно, несмотря на все усилия власти, практически вырывалось из дьявольских объятий экзекуторов. Ну, еще месяц, еще полтора можно было держать платок на рту издания. А там...

Я хорошо понимал ситуацию. Знал, что у наших противников оставался только один-единственный способ окончательно уничтожить «Правду Украины» - это каким-то образом убрать с кресла главного редактора меня. Ведь, чего греха таить, вся главная связь редакции с внешним миром шла через руководителя. Я поддерживал самые тесные контакты с партией «Громада», которая оказывала всяческую помощь коллективу редакции. Не будь этого содружества, власть бы давно задавила нас. Депутатская фракция «Громады» не давала возможности З. Кулику и его команде растереть в порошок наше издание.

Я морально готов был к тому, что вслед за коллективом «Правды Украины» репрессии, возможно, будут применены и лично ко мне. Мысленно я давно просчитал эту ситуацию. Понимал, что иного выхода расправиться с оппозиционным изданием у них просто нет. А, понимая, все-таки не хотел верить в то, что такое возможно. Что власти пойдут на этот подлый шаг.

Было ли страшно? Несомненно. Я как бы интуитивно чувствовал, как узел все туже затягивается вокруг моей судьбы. Сперва в моем рабочем кабинете отключили все телефоны спецсвязи - «сотку», «десятку».

Некоторые люди меня предупредили о том, что все телефоны, в том числе мобильный и домашний, прослушиваются. Я не раз замечал за своим авто движение неких машин с крепкими парнями в салоне.

К концу лета мне позвонили из Радянського райуправления милиции г. Киева и просили явиться в какой-то там кабинет. Я пытался выяснить, что за такое «важное» дело ждет меня там. Во второй или третий раз, после того, как я категорически отказался прибыть в милицию по телефонному звонку, требуя от людей в погонах действовать по закону, - прислать повестку с указанием причины вызова, в качестве кого приглашаюсь, по какому конкретно делу, мне наконец-то сообщили: райуправлением милиции персонально против главного редактора «Правды Украины» возбуждено уголовное дело. За что? Якобы за неуплату редакцией налогов.

Это было просто смешно. Налоговая инспекция Радянського района, как об этом достаточно много рассказывалось выше, провела проверку и пришла к такому же выводу. Но в Киевском арбитражном суде с документами в руках мы доказали: это неправда, чистой воды вранье. Налоги уплачены с лихвой. Суд подтвердил наши заявления.

Я вновь отказался явиться по вызову, направив вместо себя юриста редакции, передав через него для господ милиционеров решение арбитражного суда. Там черным по белому было записано: нарушений со стороны редакции, а, следовательно, и со стороны ее руководителя, - нет. Спрашивается: почему я должен ходить по присутственным местам, тратить свое рабочее время, если никаких нарушений закона не допускал?

Вернувшись из райуправления ГУ МВД в г. Киеве, юрист редакции сообщил: в милиции все равно требуют на ковер только меня. «Нет, - заявил я, - ходить туда мне нечего. Не пойду...» Борис Антонович, так звали нашего юриста, пояснил:

- Мне сказали, что они понимают всю абсурдность обвинений. Особенно теперь, когда есть решение суда по поводу полной уплаты налогов редакцией, но закрыть дело милиции не разрешает прокуратура. Оттуда на сотрудников МВД, как я понял, усилено «жмут», требуют во что бы то ни стало вызвать и допросить Горобца. Они же, знаете, как действуют? Вызывают как бы по одному вопросу, а допрашивают совсем по другому делу. Человек, если он не опытный, не знает положений законодательства и своих конституционных прав, разволнуется, сам того не замечая, оговорит себя и тогда уже раскручивается настоящее дело. Похоже, так поступить намереваются и с вами, - был убежден Борис Антонович. - Поэтому лучше просто не являться на телефонные вызовы до тех пор, пока не придет повестка. А повестки они не пришлют, поскольку дела-то нет...

Я интуитивно чувствовал: вокруг меня сжимается силовое поле. Но в какой день, в какой час произойдет взрыв, предвидеть, разумеется, не мог.

Все случилось в последний день сентября 1998-го. Теперь я уже знаю, почему именно в этот день. Ведь с приходом октября нужно было проводить заседание президиума Высшего арбитражного суда, рассматривать протест генеральной прокуратуры на решение судьи Гусака. Ведь именно тогда истекал двухмесячный срок рассмотрения протеста высшей судебной инстанцией. А там-то ведь рассматривать и нечего было. Получалось, нужно было только подтвердить вердикт арбитра Гусака. Ведь что можно было опротестовать, если Мининформ не имел права закрывать газету, а он взял да «приостановил» ее выпуск.

Однако самым верным, просто таки неопровержимым доказательством того, что существует прямая связь между моим арестом и протестом Генпрокуратуры, есть вот что. После того, как меня бросили за решетку, протест никто не рассматривал. Заседание президиума Высшего арбитражного суда по данному вопросу никогда уже не проводилось. О нем словно забыли. Да и зачем было это делать, если, бросив в застенки главного редактора «Правды Украины», власть решала кардинальный вопрос - завершала окончательный разгром оппозиционного издания. Одним махом разрубывались все узлы. Прямо таки по Сталину, по Иосифу Виссарионовичу: «Есть человек - есть проблемы, нету человека - нет проблем».

Все это определенно указывает на то, что руководство Высшего арбитражного суда Украины действовало по указке сверху. Дирижеры были наверху. Они хорошо понимали, что СИЗО - пропасть судьбы человека. Пусть и по сфальсифицированному обвинению. Пока задержанный и посрамленный журналист

выкарабкается оттуда, если выберется вообще, на свободе много воды утечет. Многое изменится. Арестант, словно отставший от поезда пассажир, вряд ли займет свое место в купе.

Убежден, что именно это имелось ввиду, когда вечером, в начале седьмого, 30 сентября, за мной послали группу захвата.

Трое людей в штатском вошли в мой рабочий кабинет. Один представился начальником уголовного розыска Радянського райуправления милиции г. Киева. Заявил, что со мной необходимо поговорить. Но не здесь, в редакции, а в районном управлении милиции. Я потянулся к телефонной трубке. Мне заявили, что отсюда не может быть никаких звонков. Только с милиции.

У одного из присутствующих, человека маленького роста, вдруг обозвалась рация. Кто-то спрашивал: «Как он там?» Маленький человек, выхватив из-за пояса рацию, как мне показалось, с длинноватой антенной, бросился вон из кабинета.

- Как вас зовут? – спросил я начальника угрозыска.

- Иван Иванович!

- Как мне все это понимать? Вы меня арестовываете?

- Я ничего не могу вам сказать. Я получил приказ доставить вас в райуправление милиции. Поэтому прошу подчиниться нашей просьбе. Там вы все узнаете.

- Кто отдал приказ? На каком основании?

- В милиции, на улице Баумана вам все в деталях объяснят.

- Кто же объяснит?

- Поверьте, есть кому объяснить. Поехали, пожалуйста, чтобы мы не применяли силу.

- На каком основании?

- Я получил приказ.

- Вы меня арестовываете?

- Нет, даже не задерживаем. У вас есть служебная машина?

- Есть.

- Где она находится?

- У подъезда издательства.

- Вы, кажется, сами ездите за ее рулем?

- Да, сам езжу за рулем, как вам, похоже, это хорошо уже известно.

- Садитесь за руль. С вами рядом разместится мой заместитель, - при этом назвавшийся Иваном Ивановичем показал на человека, стоящего с ним рядом. - А я поеду сзади. В райуправлении вам все объяснят.

- А позвонить хотя бы домой?..

- Позвоните с милиции.

После этих слов Иван Иванович зашел ко мне за рабочий стол и легонько прикоснулся к локтю. В это время дверь кабинета открылась, и в комнату вошел маленький человечек, за ним еще двое в штатском. Я был один. Вокруг ни души. Отпираться было просто бессмысленно. Разговор о вероломстве действий милиции, противоправности моего задержания ни к чему не приводил. Я понял, что это целая операция, что они меня уже не выпустят. Главное, сказал я себе, управлять самообладанием, держать себя в руках, не падать в отчаяние, не дать возможности что-либо спровоцировать и глядеть в оба. Дабы чего не подбросили. Например, оружия или наркотиков.

Когда мы вышли из приемной в коридор, у входа в редакцию я увидел двух милиционеров в форме. Они, похоже, перекрыли выход. Возможно, на случай моего бегства. Но людей в штатском вокруг меня было пятеро, я - один.

Когда мы вышли на улицу, тут находилась еще одна группа милиционеров в форме. Они стояли под зданием издательства, на некотором расстоянии друг от друга, похоже, следя за окнами редакции. У подъезда припарковалось четыре или пять машин с милицейскими номерами. Меня подвели к редакционному «Мерседесу». Я нажал сигнализацию, щелкнули замки дверей.

- Александр Александрович! - сказал начальник угрозыска. Ехать на улицу Баумана, прямо к райуправлению милиции. Мы все следуем за вами. Очень прошу: двигаемся без фокусов.

Почему они поступили именно так, я не могу понять и поныне. Дабы считалось, что в милицию я как бы приехал сам, что ли? Или им нужно было это для проведения досмотра авто?

Когда я открыл дверцу машины, в салоне место возле водителя занял крепкий внешне заместитель начальника угрозыска. Видимо, я слишком волновался, потому что совсем не запомнил этого человека. Кажется, крепкий, жилистый был.

Только мы тронулись, я сказал:

- И как все это называется?

Он ответил:

- Вы только не волнуйтесь. Думаю, что ничего особого не стряслось.

Мы выехали на проспект Победы. И в это время у меня в кармане зазвонил мобильный телефон. Прозвенели один, два, три звонка. На шестом или седьмом сигнале зуммера мой провожатый вдруг сказал:

- Можете ответить...

Я на ходу выхватил телефон из кармана и глянул на дисплей. Звонила жена Ольга.

- Ты где? - задала она свой традиционный вопрос.

- Еду в Радянськое управление милиции. На улицу Баумана...

- Чего? Что случилось?

- Да ничего не случилось. В редакцию приехала группа людей, много милиции. Утверждают, что со мной хотят поговорить, но только на улице Баумана. В милиции...

- Они тебя арестовали?

- Не знаю, я еду «Мерседесом», со мной провожатый. Сзади целый милицейский эскорт, - в этот момент находящийся рядом в салоне авто «пассажир» положил свою тяжелую руку на мою, легонько, но весьма уверенно отнимая телефон от уха и рта. Я слышал, как Ольга кричала «Алле! Алле!». Ответить возможности уже не было. Милиционер сказал:

- Выключите связь. Главное, где вы находитесь, вы уже сообщили Надеюсь, это была ваша супруга?

В окружении людей в штатском меня препроводили, кажется, на четвертый этаж райуправления. Завели в комнату с несколькими столами. Это, похоже, были рабочие места оперов.

- Кто же со мной здесь хочет говорить? - делая наивный вид, спросил я Ивана Ивановича.

- Не спешите. Говорить сейчас будут. Вы вот здесь садитесь и отдыхайте...

Не успел он закончить фразу, как в моем кармане опять обозвался мобильный телефон. Я потянулся к нему.

- Забери, - сказал начальник угрозыска молодому сотруднику, которого мы застали в комнате.

- Но ведь должен я сообщить семье, что меня противоправно задержали.

- А вы уже сообщили, - отпарировал мне Иван Иванович. Стало быть, его заместитель сообщил о звонке Ольги в машину. - А все остальные жалобы - к прокурору...

Я еще не сообразил, что сказать в ответ, как кто-то за спиной у начальника угрозыска, а там, в открытых дверях, находясь как бы и в комнате, и за ее порогом одновременно, стояло человек пять сотрудников милиции без формы, спросил:

- А прокурор есть?

Не мне, а тому, кто спросил, Иван Иванович ответил, уже выйдя из комнаты, в коридоре. Похоже, открывая дверь своего рабочего кабинета, потому что загремели ключи, он сообщил:

- Следователь прокуратуры уже давно ждет. А где понятые? - вдруг повисил он голос на последних фразах.

- И они уже заждались, - ответил кто-то бодро. - Сейчас приступаем.

В комнату, где я сидел за столом, вошла женщина, за ней моложавый, крепкого телосложения мужчина. Обращаясь ко мне, он сказал:

- Мы вынуждены произвести осмотр ваших личных вещей. Вот понятые, - он указал на женщину, которая села напротив меня, и на молодого парня, который уже давненько безропотно восседал за соседним столом, искоса поглядывая на меня и от скуки перелистывая какой-то журнал. Стали составлять протокол.

Это было омерзительное действие. Сперва предложили выложить на стол все, что находится в карманах. Затем потребовали показать рубцы швов всех карманов. После этого милиционер в штатском запустил в каждый из них свою толстую лапу. Ощупал мое тело по пиджаку под мышками, провел своими ладонями мне по лодыжкам ног, заставил разуться и даже снять, вывернуть носки. Все сидящие в комнате внимательно наблюдали за подобным стриптизом. Противнее себя я не чувствовал никогда в жизни.

- По какому праву? - время от времени спрашивал я, обращаясь как бы ко всем сразу.

- Сейчас с вами будет разговаривать представитель прокуратуры, вы можете заявить ему протест, - отвечал мне сотрудник угрозыска. - А пока делайте, что вам велят...

После обыска меня надолго оставили в покое. Сменяя друг друга, рядом со мной постоянно находились сотрудники угрозыска. Было слышно, как коридором туда-сюда бегали какие-то люди. Наконец-то вошел Иван Иванович.

- Ты можешь отправляться домой, - сказал он одному из милиционеров, - а ты, - обратился к другому, - остаешься с нами. Пошли ко мне, - глянув на меня, словно бы к своему старому знакомому, обратился старший по званию милиционер. У меня на душе посветлело. Вдруг показалось, что не все так и безнадежно, что сейчас передо мной извинятся, и я тут же уеду домой.

Сев в свое рабочее кресло, Иван Иванович, человек с приветливым и открытым лицом, глянул мне прямо в глаза и сказал:

- К сожалению, у вас очень незавидное положение. Я даже не думал, что все настолько сложно.., - закончить предложение ему не дал настоятельный непрерывный телефонный звонок. Он тут же среагировал на него. Приложив палец к губам, подал знак, чтобы я молчал, а сам быстренько схватил трубку крупного телефонного аппарата без диска набора. - Слушаю, - почти крикнул. - Да, иду, - сказал кому-то мягче. - Вы посидите тут, я скоро вернусь, - последнее предназначалось уже мне.

Через полминуты после ухода начальника угрозыска дверь тихонько отворилась и в кабинет вошел один из оперативников. Наверняка, сторожить меня. Не помню, сколько и времени прошло, как он, словно ни в чем не бывало, вдруг сказал:

- Там внизу, на проходной, находится ваша жена. Что ей передать?

От неожиданности я аж закашлялся. Стал думать, что же передать жене, которая давно уже говорила мне, что нельзя выступать против власти. «Они или убьют тебя, или посадят в тюрьму. А у нас же дочь, которая только в этом году пошла в первый класс. Ты хоть думаешь о нас с Таней?»

Мне на мгновение увиделись большие серые с голубизной глаза Ольги, влажные от слез. Комок подкатился к горлу. Я не знал, что передать ей. Мне было больно и обидно за то, что она, к сожалению, была права. Ее предостережения, похоже, свершались. И вот так банально. Да и совсем уж неожиданно.

Не знаю, сколько и времени прошло после того, как милиционер задал мне вопрос. Наверное, много. Я ответил лишь тогда, когда в коридоре послышались шаги, наверное, Ивана Ивановича.

- Расскажите ей все, как есть. Передайте, я прошу, пусть люди, к которым она обратится за помощью, подыщут хорошего адвоката...

В кабинет вошел начальник угрозыска. Он тут же отправил из комнаты своего подчиненного, а меня позвал к окну.

- Посмотрите, - сказал милиционер. - Я вас уверяю, что за всю мою долгую службу в органах внутренних дел здесь никогда еще не было столько и таких дорогих машин. Да еще в такое позднее время...

Я глянул за окно. Вся обочина улицы под райуправлением была запружена сверкающими на свете электрических ламп дорогими машинами. Когда я приехал стареньким редакционным «Мерседесом», там, помню, припарковалось всего лишь несколько милицейских «Жигулей». Все эти машины были темного цвета и очень походили в те минуты на воронье, что слетелось разделить чью-то бедную душу.

- К тому же, - глянув внимательно мне в глаза, сказал Иван Иванович, - за ваше задержание провозгласили тост на стадионе. Вы поняли, о чем я говорю?

Меня словно хлестнули крапивой по лицу. На стадионе? Я вспомнил, что заканчивалась среда. Что в этот день на Национальном стадионе футбольный матч проводило киевское «Динамо». Его соперником был известный французский клуб

«Лион». И я тоже планировал с работы поехать на матч. Но тут вошли люди в гражданском...

Став премьер-министром Украины, Валерий Пустовойтенко возложил на себя и полномочия председателя федерации футбола. Иногда, ерничая по поводу деловых качеств этого человека, мы, упоминая его имя в серьезных статьях, например, на экономические темы, не называли друга Леонида Даниловича ни премьер-министром, ни главой правительства, Кабмина, а умышленно писали, положим: «Как заявил на экономическом форуме председатель федерации футбола...» Так вот, В. Пустовойтенко не пропускал ни единого матча международного ранга, обязательно присутствовал на стадионе. Наверное, он полагал, что этим вдохновляет футболистов на спортивные подвиги. Почти всегда с ним в ложе находился и Леонид Кучма. Я от многих слышал, что друзья просто ужинали в закрытой ложе, между застольем созерцая футбол.

Вот о чем тосте заявил Иван Иванович. Не поверить ему я просто не мог. К тому же, всем остальным, кроме двух самых важных людей государства, распивать спиртное на матче просто не разрешилось. За этим строго следили тысячи милиционеров.

- Там, внизу, - начальник угрозыска, несколько снизив голос к показывая рукой в направлении порога своего кабинета, где, как нужно было понимать, этажом или двумя ниже находился рабочий кабинет его начальника, - сейчас решается вопрос о вашем задержании. Так что будьте готовы...

- А как же мне вести себя? - в тоне той же доверительности спросил я.

Снизив голос до шепота, еле слышно, самими губами он выдавил:

- Требовать адвоката. Без присутствия адвоката не говорить ни слова. Это мой совет...

Дверь кабинета открылась. На пороге вырос моложавый человек. Он подошел к стулу напротив меня, у прикладного стола начальника уголовного розыска, и, поздоровавшись со мной, представился:

- Следователь по особо важным делам Киевской городской прокуратуры. ..

Фамилию его называть не буду. На сей момент, ей-богу, просто уже забыл. Хотя напомнить себе могу тут же, достав из старого дипломата десятки документов за его подписью. Но этот человек просто не стоит того, чтобы его фамилию упоминать для истории. Слишком уж много, по моему твердому убеждению, натворил он глупостей, слепо повинаясь приказу: во чтобы-то ни стало посадить главного редактора оппозиционной «Правды Украины». Если мы бы жили в настоящем демократическом обществе, этот человек, я уверен, давно бы уже отвечал за свои действия перед судом. Но в нашем государстве такого не добиться. Пока что...

Наш разговор с ним был сравнительно кратким. Я требовал незамедлительно выпустить меня из милицейских кабинетов. Я заявлял, что мое задержание - нарушение конституционных прав гражданина. Он утверждал, что я должен ответить на его вопросы. Я категорически заявил: ни одного ответа на вопрос без адвоката. Он настаивал ни том, что допрос задержанного необходимо провести незамедлительно. Я просил адвоката.

- Вот телефонный аппарат. Приглашайте своего адвоката, - зло ерничал следователь. - Какой вам номер набрать?

- Мне для этого случая нужно подыскать адвоката...

- Мы вам дадим дежурного адвоката. Законодательство предусматривает подобную процедуру...

Я посмотрел на Ивана Ивановича. Он, встретив мой взгляд, устало закрыл глаза. Затем поднялся и сказал следователю:

- Я выйду на некоторое время...

- У меня сейчас нет адвоката, - заявил я следователю. - Я же не мог предвидеть, что меня будут задерживать именно сегодня, потому не подыскал хорошего юриста. А вашему адвокату я доверять не могу. Потому этот разговор давайте перенесем на завтра.

- Вам виднее, - ответил следователь, сверкнув на меня своими большими и злыми глазами. - Вот почитайте постановление о вашем задержании. Так что ночевать придется в изоляторе временного содержания...

Через некоторое время группа сотрудников угрозыска во главе с Иваном Ивановичем проводила меня во двор райуправления милиции. Там уже ждал воронок.

- Ну что, - сказал на прощанье начальник уголовного розыска, пожимая мне руку, - не обижайтесь. Такая у нас собачья работа, - потом повернулся к одному из молодых подчиненных и тихо сказал:

- Отдай...

Тот подошел ко мне и вручил синюю спортивную шерстяную шапочку.

- Это подарок от нашего отдела.

Я взял ее в руки, покрутил:

- А зачем она мне?

- Вы берите, берите, там, куда везут, подушек не выдают. На ней хорошо будет спать...

Когда мы выехали за ворота, у входа в райуправление милиции стоял только редакционный «Мерседес». Невдалеке от машины я внезапно заметил одинокую фигуру женщины. Меня вдруг остро кольнуло в сердце, глаза застелил седой туман. Я прильнул к зарешеченному стеклу «воронка». Из груди вырвался глухой стон. Сомнения не было – под райуправлением милиции сиротливо стояла моя жена Ольга.

ПОД ЖЕСТКИМ ПРЕССОМ КАМЕРНОЙ БРАТВЫ

Тот, кто ожидает пикантностей в ворошении мной бывшего уголовного дела, явно обманулся надеждами. Не будет этого. Не хочу я оправдываться. Да и, собственно, не в чем. С первого и до последнего слова обвинения против меня сфабриковано. В нем не счесть личин и обманов. Противоречиями этот «документ» кишит, как весенний пруд икрой. Я не могу заставить себя унижаться до того чтобы доказывать теперь, что и того не было, и другое притянута за уши, а о третьем я вообще впервые прочитал лишь в самом обвинительном заключении. Согласитесь, было бы просто абсурдно говорить что-либо на этот счет. Да и потом, нарушается принцип равноправия. Я ведь не могу предоставить слово в этой книге моим оппонентам. А если по большому счету, то не хотел бы не только с ними встречаться, но даже вспоминать о них. Бог над нами, Бог всему судья. Он каждому воздаст по заслугам. Со временем.

Но есть вещи, о которых тоже нельзя молчать. Например, оказалось, что уголовное дело против меня заведено еще 16 сентября 1998 года. То есть, за две недели до задержания. Все это время человек, который был избран на роль подсадной утки, будто бы ходил по пятам за мной и записывал все разговоры на диктофон.

Когда мы впервые вечером, в последнюю сентябрьскую футбольную среду, встретились со следователем, я задал вопрос: на основании чего меня задержали? Какие есть для этого фактические основания? Что я такого свершил противоправного? Он, пряча глаза в разложенных на столе листах, заявил, что существуют якобы некие пленки, которые изобличают меня полностью. Какие еще пленки? Я потребовал продемонстрировать их. Следователь отказался это сделать. Дескать, на это придет свое время. Они будут направлены на фонографическую экспертизу. А сейчас пока, мол, отправляйтесь на нарды.

Сегодня все это кажется смешным, но это ведь правда. Единственным аргументом против меня, будто бы доказательством вины в выдвинутых обвинениях были какие-то диктофонные записи. Которые в тот роковой вечер, это уже доподлинно известно, никто в милиции не мог прослушать. В том числе и следователь прокуратуры. Ибо, как потом оказалось в суде, на них просто ничего членораздельного не было. Хотя в суд притащили некую специальную аппаратуру. Чуть ли не аппарат для глубинного прослушивания шумов. Однако, не смотря на все это, прокуратура, волею заместителя прокурора г. Киева В. Шевченко, который

подписал документ, отправить меня за решетку. Однозначно, противоправно.

Пройдет менее, чем полтора года после моего освобождения из СИЗО, и Украина взорвется от негодования после обнаружения диктофонных записей бывшего личного охранника Л. Кучмы майора Николая Мельниченко. Но здесь уже не какой-то там эрзац, дешевая подделка, а подлинные пленки, в чем убеждается весь мир. Каждый, кто прослушает аудиозаписи, отчетливо разберет родную блудливую речь нашего главы государства, густо усыпанную перлами грубого площадного мата. На подобное слово- и матоблудство, уверяю вас, больше не способен никто, кроме нашего дорогого Леонида Даниловича. Так что и подделать аудиозапись здесь было просто невозможно. Да и ведь господин Кучма уже не отказывается, что это его голос на пленках.

Но ведь что заявил генеральный прокурор Украины Михаил Потребенко, отмывая своего благоверного шефа? Дескать, никакие диктофонные записи в украинских судах не могут быть системой доказательств. Это же не один раз подтверждал в своих многочисленных интервью для центральных каналов телевидения и личный адвокат господина Л. Кучмы, он же президент ассоциации адвокатов Украины Виктор Медведчук. Кому уже, как не ему, верить?! Виктор Владимирович считает себя самым юридически грамотным гражданином Украины.

Спрашивается: за что же тогда я провел семь месяцев и 24 суток в казематах Лукьяновского тюремного центра? Как можно было бросать за решетку человека на том лишь основании, что есть какие-то там аудиозаписи его разговоров? Что это еще за вербальное (с помощью слов) преступление?

Это еще раз доказывает, что для власти не важен был аргумент и повод для уничтожения руководителя оппозиционного издания. Интересовал конечный результат: он еще на свободе или уже под замком?

Я с первого дня отказался сотрудничать со следствием, требуя немедленного освобождения из-под стражи. Все мои разговоры со следователем начинались с одного: где злополучные аудиозаписи, из-за которых я нахожусь в застенках СИЗО? Он ничего не мог ответить вразумительного. То ли их тогда еще не было в природе, то ли они только монтировались, - не знаю. Одно слово, я действовал так, как учил знаменитый Жан Жак Руссо: «Не можете помешать тому, чтобы вас проглотили, - постарайтесь хотя бы, чтобы вас не могли переварить». Закон и справедливость - две вещи, которые Бог соединил, а вот продажные прокуроры пытались это разъединить. Я полагал, своими действиями я поступал по-божьему наущению.

На все это мой «тюремный патрон» только хлопал ушами. Его буквально поедом грыз мой адвокат Семен Портяник. В действиях обвинения он каждый раз находил множество грубых ошибок и процессуальных нарушений. А главное, Семен Федорович, нисколько не робея, заявлял «важняку», что его просто подставляют, требуя вести явно заказное уголовное дело, в котором нет и намека на преступление. Все действия спровоцированы и имеют политическое содержание. Он берет на свою душу большой грех, держа под стражей невинного человека.

Когда к делу подключился еще и адвокат Виктор Чевгуз, следователю стало вообще трудно что-либо нам доказать. Виктор Степанович имел огромный опыт работы в следствии. Дорос на этом поприще до поста начальника следственного отдела областного УВД. Защитил кандидатскую диссертацию по материалам ведения следствий. Возглавляет солидную адвокатскую контору. Он сразу потребовал от следователя включить в состав фонографической экспертизы независимых экспертов. Как раз этого больше всего, похоже, и боялось обвинение. Какие-то загадочные аудиозаписи прокуратура направила на исследование в Киевский институт судебно-медицинской экспертизы. Разве можно было верить выводам его специалистов, если это государственное учреждение, а сам глава государства и все его ближайшие помощники были необычайно заинтересованы в том, чтобы главный редактор «Правды Украины» подольше оставался под стражей?

На все наши требования, кстати, вполне законные, обусловленные украинским законодательством, следователь отвечал тупым и бескомпромиссным - «в ходатайстве отказать».

- Вы же хоть укажите причину, по какой подобное предложение стороны защиты не может быть принято, - горячился Чевгуз. - Какая на это есть объективная причина?

- Я вам ответил, - раздраженность у следователя пробивалась еле заметными пятнышками на лице. Он нервно перебирал на столе документы.

- Так и скажите, что вы боитесь независимой экспертизы, - раздувая пышные черные усы, шел в атаку Семен Портяник. - Она однозначно докажет, что ваши хваленые аудиозаписи ничего не содержат. Что это лишь повод, кстати, вполне противоправный, удерживать человека в этой помойной яме.

- Ничего мы не боимся, - бесцветно отвечал следователь. Нот в таком духе проходили вызовы на допрос из камеры СИЗО. Саму же камеру, на воровском языке - «хату», мне определили на Лукьяновке в секторе «кучмовка».

Подстражный народ, который за века тысячами прошел через казематы столичного тюремного централа, се пропащие места давно поделил на «жилые» районы. Есть здесь, например, «катышка». Сектор тюремных камер, которые возводились еще во времена Екатерины Второй. Есть «столыпинка», названная по имени премьер-министра и министра внутренних дел царской России, который опекался возведением приюта для киевских урков. Есть «брежневка». Названная именем товарища Генсека, во времена правления которого строились толченные стены острога. И, наконец, возвеличился в тюремном градостроительстве и сам Леонид Данилович. Хотя замечу, эта Пятикамерная, на тридцать «посадочных мест» вакуумная территория появилась не во времена правления Л. Кучмы-президента, а еще раньше. В 1993-ем или 94-ом годах. Когда Леонид Данилович был еще премьер-министром. Тогда, рассказывают свидетели тех событий, милицейский министр Андрей Василишин сумел убедить Кучму в том, что на Лукьяновке тесно. И глава Кабмина распорядился выделить из резервного фонда правительства кругленькую сумму на «комфорт» для воров и убийц. Несмотря на то, что премьер вскоре ушел в отставку, за щедрый денежный куш для пяти «хат» новый сектор СИЗО нарекли

«кучмовкой». Думаю, навсегда.

Как потом утверждал начальник СИЗО во время одной из наших встреч с ним, это было то лучшее в бытовом отношении, что он мог подыскать для главного редактора «Правды Украины», которую, как он утверждал, постоянно читал.

«Хата» №332 оказалась зловонным длинноватым сарайчиком, в котором в два яруса разместилось шесть коек. Сразу у входа в камеру, примерно в человеческий рост, было возведено строение с калиткой - открытий туалет с умывальником. По противоположную сторону от санузла разместились стол с лавкой. Если, конечно, это можно было назвать столом. В бетонный пол вбили две металлические трубы. На них электросваркой крепился лоскут толстого железного листа, шириной сантиметров до тридцати. Это сооружение и величалось гордо обеденным столом. Рядом с ним, скорее даже под ним, примостилась подобного образца железная лавка. Создавалось впечатление, что это «обеденное место» соорудили для субтильных, то есть, очень худых, даже тощих людей. Все как бы говорило: отнюдь не на отдых же сюда вы прибыли, господа хорошие! Да и сколько там посидишь над тем кандером?

Проход между кроватями составлял менее полуметра. Двоим в нем не разминуться. А свободного места оказалось не более пол саженья (сажень - 2,134 м.) - от кованной двери до железного стола. Если хочется «пройтись», выбираешься на Бродвей, «хатное» ристалище. Два шага вперед, разворот на сто восемьдесят градусов, еще два шага. Можно, правда, при желании и трижды ступить, однако, маленькими, коротенькими шажками. И так до головокружения, до одури «Моцион» рядом с дурно пахнущим открытым туалетом.

Если один человек находится «на прогулке», два еще могут сидеть за столом. Остальные непременно должны располагаться на нарах. Иначе разместиться в камере просто нельзя. Не хватает территории. Стесненность - первый бич «хаты». «Кучмовки», в частности.

Думаю, это учили те, кто разрабатывал способ «прессования» меня. Нормальный человек, если он попадает в такие условия, начинай потихоньку сходить с ума. Ведь сколько можно лежать на кровати?. Ну, сутки, двое, пусть, неделю. Отоспался. Перепутал день с ночью. Потерял ощущение времени. Изучил все пылинки и трещинки на боковой стенке и потолке. От постоянно горящего света, а лампочка аж жжет, находясь от тебя на расстоянии вытянутой руки, на сутки четвертые-пятые начинают болеть и слезиться глаза. Хочется хоть минутку побыть в темноте. Укрываешься драным и вонючим одеялом, которое «грело» сотни подобных тебе «клиентов», но свет, кажется, проникает и туда. Еще гораздо острее этого возникает желание двигаться. Хоть чуть-чуть размять ноги. Пройтись, пробежаться. До головокружения хочется дохнуть на полную грудь свежего воздуха. В окна, сквозь густые тюремные решетки и защитные, так называемые «баяны» не проникает не то что свет, но даже и свежий воздух. Такое впечатление, что ты постоянно находишься в коровнике.

Уже в первый день пребывания в «хате» я хорошо изучил правила внутреннего распорядка, вывешенные на стене. В них все основные пункты - обязанности

подследственного. И того нельзя, и другого, и третьего. А вот права находящегося под стражей человека умещались всего лишь в один пункт. Он гласил, что житель «хаты» имеет право на одночасовую прогулку в сутки. И все. Один час. Но ежедневно.

Если все обязанности узника строго охраняются законом, а за нарушение их грозит карцер, то права не защищены ничем. Подследственный волен сам решать, идти ему на прогулку или нет. Подобное ему никто не может навязать, потребовать неукоснительно выполнять и т.п.. Прогулка - это как бы уже привилегия. Совсем маленький кусочек демократии за толстой железной дверью. Хошь - иди, «ишь - не иди. Тут ты сам пан, сам хозяин.

Вот этой привилегией и воспользовались мои душители.

Железные правила проведения прогулок в СИЗО таковы. В тюремные дворики, под решетку сверху, а в Лукьяновке они находятся на здании тюремного центра, выводят строго по «хатам». Делается так, чтобы те, кто сидит в разных камерах острога, ни в коем случае не повстречались, не увидели друг друга. В зависимости от того, сколько человек из «хаты» попросилось на прогулку, выводящие предоставляют соответствующих размеров дворик. Из-за постоянной стесненности территории, разумеется, всегда хочется, чтобы стены были пошире. Тогда можно даже пробежаться по кругу, несколько размять кости. Поиграть, например, пачкой от сигарет в футбол. По сему, у эков с конвоирами постоянно идут торги за прогулочное помещение. «Хотите больших размеров - «моцион» на десять минут короче», - говорит старший конвоя. Им, разумеется, всегда хочется меньше стоять на страже. Особенно в студеную зимнюю пору.

Первейшее правило охраны - никогда не выводить на прогулку одного подследственного. И ни в коем случае не оставлять одного узника в камере. Всегда в «хате», прогулочном дворике должно быть как минимум два человека. Чтобы кто-то, не приведи господи, не покончил с собой. Если у кого-то из арестованных и начнется приступ самоуничтожения, соседи будут пытаться не допустить гибели души, дабы начальство СИЗО не обвинило в убийстве их. Это правило в застенках хорошо известно. Его лишний раз не афишируют, о нем не говорят. Но неписанный закон этот безукоризненно действует.

Я всегда с нетерпением ждал, когда в коридоре «кучмовки» послышатся шаги выводящего. Все это повторяется каждый день. Он подходит сперва к камере 333, ударяет «демократизатором», толстой резиновой палкой, по двери и громко кричит: «На прогулку идем?». Через минуту это повторяется под дверью нашей «хаты». Я всегда громко отвечал: «Идем!», спускался с верхнего яруса металлической кровати и начинал собираться.

Дежурный, похоже, обходил всю «кучмовку», после этого с телефона, размещенного в стене острога, сообщал на центральный пост, со скольких камер будет производиться вывод подследственных. Затем по очереди арестантов «подавали» на чердак. Каждую камеру отдельно.

Для меня это был настоящий праздник. Особенно тогда, когда день был с морозцем. Он бодрил, прочищал легкие, заставлял активнее двигаться. Наконец-то можно было отдышаться на полную грудь и табачного смрада, оккупировавшего навсегда камеру. Ибо на 99 процентов все жители «хат» оказывались людьми курящими. Я, никогда, к счастью, так и не заразившись этой дурной привычкой, ужасно страдал от сигаретного дыма. Но что поделаешь, если в СИЗО камер для некурящих клиентов нет.

Погулять на свежем воздухе с 332-ой всегда выходило человека четыре-пять. А то и все шестеро. Но в один день, когда я начал одеваться, никто из пяти остальных «клиентов» «хаты» на кроватях и не пошевелился. «Кто идет гулять?» - крикнул я. В ответ - звенящая тишина. «Аркаша, - обратился я к закоренелому зэку, спавшему на самом уютном месте, под теплыми батареями, и о котором подробно расскажу немного позже, - поднимайся. Пошли, дорогой, подышим свежим воздухом». «Отстань, - отвечал он сердито, - я хочу спать» Прохрипев это, Аркадий Катеринич отвернулся к стенке. Я обратился ко второму, третьему подследственному. Тронул за плечо человека с эспаньолкой - короткой остроконечной бородкой, что казался мне солидным и уравновешенным арестантом. Все устали, всем как раз в это предобеденное время сильно захотелось поспать.

Дежурный конвоир отворил гремучую дверь.

- О, нет, - покачал он отрицательно головой. - Одному на прогулку нельзя, - и скрипучие засовы больно ударили мне, кажется, в самую душу. Я стал медленно раздеваться, залезать на верхние нары. До очередной прогулки оставались сутки.

Но на завтра все повторилось один к одному. Как идти на прогулку, в «хате» все вдруг дружно засыпали, кое-кто даже похрапывал, завернувшись с головой в одеяло. И на третий день тоже, на четвертый, на пятый...

Я стал анализировать. Почему такое происходит? Ведь все арестованные всегда так дорожат прогулкой. А тут...

Даже не весьма глубокий, так бы выразиться, анализ «личного состава» по нашей «хате» показал, что не все здесь так просто, как показалось бы на первый взгляд. Людей в камере стали часто менять. Посидит вновь прибывший дней пять-шесть, постоянно отказываясь от прогулок, а потом его опять переводят в другой тюремный «общак». То есть, можно было догадаться, что временным «поселенцам» кто-то говорил о том, что ты, дескать, на «кучмовке» в «тройнике» (так величаются привилегированные камеры на шесть человек) посиди немного, но на прогулки не ходи. Не поддавайся ни на какие уговоры того, кто будет предлагать сходить во дворик на крышу. Заработаете «плюсы» у руководства СИЗО. А это, прежде всего улучшение бытовых условий.

Таким образом, на «побывку» в 332-ую приходили, как я заметил, люди из камер, в которых содержалось под замком и по сорок, и по шестьдесят человек. Рассказывали, что жить в таком муравейнике, что на зловонной навозной куче. Воздух спертый, дышать нечем, помещение ведь никогда не проветривается. В «тройнике», по сравнению с «сороковником», - настоящий комфорт. Почему бы не

отдохнуть в нем, пусть и без прогулок, выполняя задание спецотдела СИЗО?

Под вопросом оставался лишь обтерханный варнаковской жизнью Аркаша Катеринич. Но это был не человек, а буквально истертая тюремной жизнью, использованная жевательная резинка. Матерый тюремный волк, который провел в застенках больше половины своей почти сорокалетней жизни. Он сам мне не один раз рассказывал, что для него ничего не стоит ни еда, он без нее может обходиться неделями, ни какие-либо другие бытовые блага. Аркаша был живучее хвоста ящерицы. Как-то, прячась от милиции после очередной неудачной кражи, закоренелый зэк пять суток отлежал, не высовываясь из ямы в могиле, на кладбище, рядом с прогнившим гробом.

Вполне возможно было, что как раз именно Аркаша и дирижировал операцией по «прессованию» меня. Продажный, чем он весьма охотно бравировал перед сизовской молодежью, Катеринич вполне мог пойти на сделку с администрацией в обмен, например, на предоставление ему права переписки. Ибо все мы, подследственные, были лишены ее, а Аркадий Аркадьевич, единственный из «хаты», думаю, и на всей «кучмовке», имел право и сам письма писать, и получать их тоже. А право общения с внешним миром для человека, находящегося под замком, что прохладный душ в пустыне. Поэтому, корысть заставляет поддерживать величайшие нелепости.

После того, как я отказался давать какие-либо объяснения следователю по поводу инкриминированных мне уголовных дел, около месяца ко мне не появлялся сам прокурорский «важняк». Кроме того, он не разрешал встречаться со мной ни родным, ни адвокатам. А тут еще под дверью камеры №332 выставили дополнительный пост.

- Сан Саныч, - резюмировал хорошо знающий нюансы тюремной жизни Аркаша, - это все из-за тебя. Под двойным капканом я еще сам никогда не сиживал. Они, похоже, решили добиться того, чтобы ни от тебя, ни к тебе не пролетела никакая информация.

Через недели две, а может, чуть позже, после того, как я вынужден был «прекратить» прогулки на свежем воздухе, я почувствовал аритмию в груди, легкие головокружения. Мне стало настолько плохо, что как-то сам Аркаша, что есть силы, стал бить в дверь, требуя врача. Помню, что кровяное давление в тот день «зашкалило» и столько, что мне сделали укол. Не буду рассказывать, как я сумел передать информацию на свободу (есть все-таки смелые и честные люди даже в СИЗО!), жена забила тревогу. Подключились адвокат. Через несколько дней мне разрешили свидание с Ольгой. Держа телефонную трубку и глядя мне в глаза через толстое стекло, она в своей привычной манере слегка меня поучать, незло говорила:

- Впредь никогда не позволяй им делать тебе уколы. Ты же не знаешь, что тебе вводят. Ты же не на курорте находишься. Все нужные лекарства я передала. Как и когда их принимать, ты, давний гипертоник, хорошо знаешь. Адвокаты заявили протест руководи ну СИЗО по поводу того, что ты не можешь воспользоваться правом прогулки. Начальство пообещало, что если даже никто из камеры не будет выходить, на прогулку тебя поведут одного...

Я слушал и не верил в то, что это возможно. Но Ольга оказалась права. Меня трижды, в нарушение норм СИЗО, сводили в прогулочный дворик одного, а потом все жители «хаты» вдруг стали проситься тоже побегать на воздухе. «Прессование», похоже, кончилось. Начинался 1999-ый год.

К ОДИННАДЦАТИ - ТУЗ...

Аркаша - это что-то маленькое, задиристое и злое. Со вздернутым носиком и глазами буравчиками. Он был чем-то похож на шавку, которая с истерическим лаем и визгом всегда бросается под ноги новому человеку. Носил Аркаша, как он сам это утверждал, югославскую фамилию - Катеринич. Отец моего визави по камере, судя по рассказам самого зэка, был профессиональным вором. Больше полжизни своей провел он в тюрьмах и лагерях. И, похоже, больше нужного увлекся камерной романтикой, поскольку не нашел ничего лучшего, как обучить сына своему мастерству, фактически благословив на повторение своей незавидной судьбы.

Когда я впервые услышал фамилию Аркаши - не поверил своим ушам. Дело в том, что первый мой редактор районной газеты на Винниччине тоже был Катеринич. От него я узнал, что подобных фамилий якобы было всего лишь несколько на весь Советский Союз. Сам я стал свидетелем того, как Андрей Иванович, так звали моего первого знакомого Катеринича, однажды увидев в московской газете «Правда» упоминание такой фамилии, тут же написал письмо некоему ученому в белокаменную, подробно расспросил, откуда у того поедят корни. А тут вдруг Аркаша, он же Аркадий Аркадьевич, закоренелый зэк с восковым лицом, давно не видевшим загара, еще один Катеринич. При первой встрече с ним я подумал, что Андрей Иванович, несомненно, был бы очень рад тому, что отыскал я ему еще одного однофамильца. Даже в таких, как эти, - экстремальных условиях. Однако винницкий Катеринич не дожил до этого дня, скончался от фронтовых ран. Так что редкой фамилией Аркаши наслаждался лишь я один, невольно вспоминая о своем причудливом первом редакторе.

В марте 1999-го Аркаше исполнялось тридцать восемь. Он решил отметить этот день, что называется, по полной программе, и примерно с неделю всей нашей камере из шести человек приходилось весь получаемый пайками сахар отдавать Катериничу на закваску. Делал он ее в камерных условиях весьма профессионально, в двухлитровой пластиковой бутылке из-под минеральной воды. Заматывал емкость в зэковское тряпье, которого у него с собой было достаточно, умело маскировал под горячей батареей. Получалось это настолько искусно, что каждодневные «шпионы» надзирателей не обнаруживали Аркашиной поклажи. А он то и дело ставил под дверью кого-то из вновь прибывших в «хату» подследственных, дабы тот головой закрывал глазок, а сам тем временем ворковал над закваской.

И вот когда оставалось меньше суток до того, чтобы «хата» могла наконец-то вволю по пьянствовать, случился вдруг неожиданный налет на нашу камеру. Примерно под обед, когда Аркаша мирно спал, потому что всю ночь играл с одним

из корешей в изготовленные из хлебного мякиша нарды, дверь камеры резко отворилась, и на пороге появилось несколько человек в униформе. В одного из пришедших в руках был небольшой молот.

«Всем без вещей на коридор!» - прозвучала резкая команда. Аркаша сорвался с кровати, метнулся, было, к батарее, но на полпути остановился и застыл в нерешительности. Предпринять что-либо было уже поздно. «Быстрее!» - заорали конвоиры с порога. Не оставалось ничего иного, как подчиниться. Маленький Аркаша, в бесцветных от давней носки спортивных штанах и желтоватом застиранном свитере, уныло поплелся к выходу.

Нас поставили лицом к стенке, в позе - руки за спину. Рядом положились два охранника. Остальные надзиратели вошли в «хату» закрыв за собой дверь камеры. Аркаша явно занервничал, заволновался. «Шо это за шмон?» - пытался он выяснить у конвоиров причины неожиданного налета, умышленно прижимая на первом слове. «Разговорчики!» - прикрикнул в ответ один из сержантов. «Шмон как шмон», - ответил другой. Из камеры тем временем иногда доносились глухие удары молота то, похоже, в пол, то в стенки. Там, видать, проверяли, нет ли в «хате» подкопа.

- Очень странный шмон, - резюмировал Катеринич под стенкой, -похоже, по наводке...

- Замолчи, - подскочил к нему один из охранников, - в карцер захотел!?

В это время дверь камеры резко отворилась. Оттуда вышел с улыбкой во все лицо розовощекий прапорщик.

- Ну, молодцы, - сказал он то ли с восхищением, то ли с издевкой.

- Додумались! - На вытянутых вперед руках он нес Аркашино сокровище - бутылку с мутной жидкостью. - Заводите их, - кинул конвоирам. Все в гробовой тишине вошли в «хату».

- Вот это да, - сказал кто-то, - карцера нам всем никак не миновать. Интересно, по сколько нам выпишут?

- По недельке, как минимум, - сделал вывод опытный на тюремных «расценках» Аркаша. - А то и по суток пятнадцать на душу. Им этого не жалко...

Посидев с минутку, он вдруг сказал:

- А мы все скажем, что это редактор сделал закваску. Они его не тронут. Самое больше, что смогут, - камеру расселить. Раскидают всех по «сороковкам», Сан Саныча бросят в шестидесятник. Пусть там посидит, - Аркаша подленько захихикал.

- Но я ведь спиртного не пью, - вырвалось у меня.

- А кого это интересует? - весело отвечал Катеринич. - Ты делал закваску, наверное, хотел меня угостить. Я тащусь, Сан Саныча посадят в карцер, а нас нет, - Катеринич вновь залился злобным смехом. Кто-то тоже захихикал.

Стало больно на душе. Я глянул на Аркашу. Он сидел в полуметре от меня через узенький проход на своей вонючей кровати. Светил хитрыми чернявыми глазками. Злобный, насмешливый. Маленькое личико со вздернутым носиком. Человек без затылка. Я давно обратил внимание на то, что он всегда спит только на спине. Буквально сутками не поднимаясь с кровати. И так годами. Потому что в черепной части у него как бы вовсе не было затылка. Мне иногда казалось, что он выдавил заднюю часть головы о твердую тюремную подушку. Когда же Аркаша поднимался, казалось, что его голова словно бы прилепилась к удлинённой худой шее. Во время ходьбы создавалось впечатление, что голова Катеринича словно бы несколько подана вперед. Во рту светились маленькие гнилые мышки зубки. Закоренелый зэк, беглый варнак в полном своем антураже.

Чтобы не съездить Катериничу по мелкой и наглой рожице, я сделал огромное усилие над собой и отвернулся к стенке на кровати, при этом крепко стиснув руки в кулаки. Руки зажал коленями. Стал одним комком нервов. Злость просто кипела, бурлила во мне, но от бессилия я только скрипнул зубами. Приходилось делать над собой огромное усилие - и терпеть. Ибо что-то, а драка мне здесь никак не была нужна. Кто знает, может, подобное как раз и задумывается сотрудниками спецслужб. Дабы спровоцировать конфликт на бытовом уровне в тесной и зловонной камере, где некуда деться от Аркаши, считающего «хату» своим родным домом. Недаром ведь и подсадили его ко мне. Разозлить, вывести из себя. А зачем же он здесь, ушлый и тренированный тюремной жизнью зэк, среди тех, кто в грязное СИЗО попал впервые? К тому же все выдвинутые следствием против меня обвинения были явно сфабрикованы и рассыпались при первом же адвокатском анализе. Драка в камере - отличный повод для того, чтобы за это одно упрятать человека за решетку. Да и не на один год.

Я попытался отключиться, не слышать того, о чем говорится в камере, стал раздумывать над тем, что происходит на самом деле. Станным, согласитесь, выглядело то, что в «хату», где сидят подследственные, попавшие в Лукьяновские казематы впервые, подсадили опытного и закоренелого тюремщика. Это было грубейшим нарушением внутреннего режима следственного изолятора. Но ведь кому-то нужно было это откровенное исключение из правил. Никакого не было сомнения, что подобное делалось кем-то преднамеренно.

Вспомнилось, как однажды, в порыве откровенности, Аркадий Катеринич признался, что в последний раз свой день рождения он праздновал на свободе, когда ему стукнуло восемнадцать. За два десятка лет он прошел не менее полсотни тюрем и лагерей. Хвастал, что у него на счету уже есть «жмурики», то есть мертвецы, что его можно садить и в камеру к больным туберкулезом. Ибо эта болезнь его якобы уже «не возьмет». У Аркаши, мол, свой особый иммунитет. Он в свое время обильно ел собачатину, а псытина будто бы пагубно действует на туберкулезную палочку. Даже и через пять, и через десять лет после застолья. Насколько это была правда, я никогда не уточнял, но и не верить в сказанное тоже не было никаких оснований: Катеринич вообще-то не был болтуном.

Пришло на память и то, как Аркаша однажды рассказывал, что он никогда и никому не прощает обиды. «Вы не смотрите, что я маленький, с виду тщедушный, - говорил отпетый зэк, - но я завалю любого быка. Если уже взъелся на него, то своего

не упущу. Буду ходить выжидать. А однажды вцеплюсь, как пес, - либо нос откушу, либо глаз ложкой выколочу. От меня ему не уйти».

Словом, с Аркашей заходить в спор было нельзя. В стесненных условиях камеры, маленький, неказистый и обтерханный, он был королем положения. Посему, нужно терпеть и унижаться. Только так можно было победить его.

Время шло, никаких санкций против нас не принимали. Вот и конец рабочего дня. Привезли вечерний кондер.

Попивая густой, аж смолистый чефир, Аркаша наконец-то произнес:

- Надзиратели сами выпили бражку, поэтому закладывать нас начальству не будут. Так что ни карцера не дождетесь, ни расселения камеры...

Все сразу ободрились. Повеселел и я. Другими глазами посмотрел на Аркашу. И он, поймав мой взгляд на себе, весело спросил: «Боишься карцера?»

- Не знаю, - честно ответил я. - Если б на сутки сходить - не отказался бы. Мне, как журналисту, было бы просто интересно все своими глазами увидеть, прочувствовать. Дабы потом описать все. Но, наверное, не больше суток...

- По заказу, да всего на одни сутки, - делая мудрое выражение лица, говорил Аркаша, - наверное, не получится. А меня однажды в Днепропетровске три месяца в карцере держали. Хотели, чтобы я там сдох, но не вышло...

- И как же ты оттуда выбрался? - с интересом спросил я.

- Менты выручили.

- Не может быть, - не поверилось.

- А они без эков работать просто не могут.

- Это как же?

- Без нас им не добиться звездочек, повышения по службе. И, прежде всего, высоких показателей в работе. Мы для них как чернозем для урожая. Вот представь себе, где-то в Житомире, вот уже несколько лет нераскрытыми остаются пол десятка квартирных краж. Как быть ментам? Это же портит все показатели работы. Начальство нервничает, ругает подчиненных. Многие остаются без очередных званий, без продвижения по служебной лестнице. И вот такой «покупатель», в данном случае подполковник с краткой в четыре буквы фамилией, выезжает на зону. К нему приводят меня из карцера. Он и говорит: курить хочешь? Я отвечаю - все опухло - хочу. - А чефира? - Лучше не вспоминай. - А выпить - желаешь? - Утопился б в ста граммах. - А бабу - хошь? - Помидоры звенят...

- И женщину, - не могу поверить я.

- Да чуть ли не на выбор - блондинку, шатенку. Но без бабы, - признается Аркаша, - я могу сколько хочешь обойтись. И без еды я выдержу хоть месяц, хоть два. Мне бы только чай давали. Без чефира мне просто невозможно.

- Ну и что дальше? - расспрашиваю.

- Уложили мы с ним уговор. Покупатель уехал, а вскоре пришло решение этапировать меня в Житомир. Поскольку, мол, я там в свое время «наследил».

- Но ты ведь там не воровал?

- В Житомире - нет. Но надо же помочь своим людям - ментам. Да и с карцера забрали, куда меня кинули за некоторые дела, фактически, на бессрочную. Такая поездка - смена обстановки, жратвы - очень нужна, да и срок-то идет. Пока везут туда, обратно...

- А в Житомире...

- Там встретили с распростертыми объятями. Подполковник и еще два мента прямо в тюрьме такую поляну накрыли, - мне показалось, что при этих словах он аж облизнулся. - На столе, кажется, только красной икры не было, - Аркаша тут демонстративно обцеловывает свои маленькие восковые пальчики, морщит личико в такой же восковой улыбке. - Я должен был дать им всем продвижение по службе, взяв на себя пять «глухих» дел. На срок моей отсидки это никак не влияло. А людям - гора с плеч. Все заговорят, что милиция, мол, все-таки работает, хоть и через несколько лет, но все же нашла вора...

- Аркаша, - говорю, - но на тебя же суд повесить должен возмещение материального ущерба от краж?

- Ага, получают они с меня, - светит гнилыми зубами Катеринич, - я никогда на зоне не работал. Что с меня возьмешь, если у меня ни кола, ни двора. Только я один... Одна лишь голая душа.

- Ну, не тяни, Аркаша, бабу тебе привозили? - кричит кто-то с верхней койки. - Небось, хорошую дали...

- Бабу нет. Я не требовал. Они и так выкладывались. Каждый выезд на место происшествия, проведения следственного эксперимента заканчивался крупной пьянкой. Я столько на свободе не пил да не жрал, как с житомирскими ментами. Один день они меня готовят, что да как на месте говорить и делать, как я, так сказать, квартиры вскрывал да что и в какой очередности выносил. Как нужно вести себя перед камерой. А на следующий день - работаем под протокол. За две недели я так поправился - штаны трещать начали. Хороший жирок нагулял...

- А как же на суде? - спрашиваю. - Никто подвоха не заметил?

- Вот на суде и прокололись. Одну, самую главную кражу мне и не присудили. Кто-то обчистил в селе под Житомиром магазин. Блестяще сработал, почти все ценное, что в нем было, увез. Стал я брать на себя, а там получалось по ментовскому

сценарию, что лишь один вор работал. Вот судья и говорит: ты сам не мог столько унести. Я ему говорю: мог. Провели дополнительный эксперимент. Стали они на меня все сгружать, что украдено, а я не то, что нести - устоять под ним не могу. Упал под этими мешками, чуть было хребет не сломал. Суд не поверил, что этот эпизод мне принадлежит. А остальные кражи зачислили на мой счет.

- Аркаша, но ты ведь и рисковал, - говорю Катериничу. - А вдруг бы там и убийство какое, например, оказалось? Ну, неожиданно, что ли всплыло.

- Ты за кого меня принимаешь, - лупит зубки мой камерный визави. - такого просто не могло случиться.

- Почему? Ты же признался, что совершил преступление. А вдруг менты тебе не все рассказали, что там на самом деле произошло. А вдруг там еще и труп висит. Ты бы уже не выкрутился - пришили бы как миленькому.

- Э, нет, - радуется своей сообразительности Аркаша. - Меня не так легко провести. Я все просчитал, отправляясь в Житомир. Я всегда могу отказаться от «дел», которые признал за собой в этом городе и его округе. Все, что мне инкриминировано по сговору с ментами, не могло мне зачислиться по закону потому, что в то самое время, когда происходили данные кражи, меня даже на Украине не было. Я с Киевским цирком, где временно работал контролером, гастролировал в России. У меня в укромном местечке лежат квитанции гостиниц. На каждый день. Я всегда смогу отказаться от этих обвинений.

Алиби железное...

- А менты об этом знали, когда на тебя валили кражи?

- Да ты что, - делает он большими свои глазки-буравки. - Если бы знали, думаю, они бы и не подумали меня брать в дело. Это же для них криминал. Но мне нужно было вырваться из карцера, а им - списать нераскрытые преступления. Обоюдная заинтересованность, что ли. Кроме того, у меня было еще одно, запасное алиби.

- Какое? - спрашивает кто-то из подследственных, кажется, человек в эспаньолке.

- Баба, - отвечает Аркаша.

- Циркачка?

- Вот именно. Но вы никогда не догадаетесь какая.

Начинается оживленное обсуждение - кто да какая она. Кто-то говорит, что, видимо, директриса. Аркаша сияет, но отвечает, что нет, с такими, дескать, он не водится. Акробатка? Голодные мужики начинают фантазировать на предмет прогибаемости и тела, и растяжки ног оной. Но Аркаша неумолимо отрицает - нет, не акробатка. Стало быть, укротительница тигров? Опять мимо. Когда перебрали, кажется, все возможные должности циркачей и к этому уже стал угасать интерес, Аркаша вдруг полутихо проронил: «Лилипутша».

На мгновение в «хате» воцарилась гробовая тишина, а когда все осознали значение этого слова, камеру потряс всеобщий хохот. Дежурный по коридору начал «демократизатором» стучать в кованую дверь, требуя тишины.

- А что, - оправдывался зэк-извращенец, - вы не знаете, какая она вкусная... Крутишь ею, словно куклой. Вот, выходи на свободу, - кричал он одному из жителей «хаты», который стал его распекать за подобную связь, - организую встречу, попробуешь, как она классно отдается... Как бы ты члена на ней не сломал, - заигикал Аркаша.

Я давно заметил, что помимо всех своих причуд, порой некоего фанфаронства, Аркадий Аркадьевич, как он любил иногда себя называть, был довольно таки умелый рассказчик. А что жизнь его богата приключениями - всего просто не передать. Он как бы живет в постоянном экстриме, порой переходящем в состояние экзальтации, то есть восторженного состояния. То готовит кражу, то крадет, а то убегает и прячется. На судах и следствии изворачивается. Ну, не жизнь - сплошной супердетектив.

Рассказал он мне о том, как однажды в Киеве обворовывал магазин и по собственной глупости за это в тюрьму угодил. А дело было так.

Торговая точка находилась на окраине города. Днем он проведаль магазин, приценился к тому, что хотелось бы унести с собой. Осмотрел все подходы к «объекту». За полночь начал долбить стену.

- Аркаша, - говорю, - ты что лом, кирку вез с собой через весь город?

- Профан ты, Сан Саньч, - отвечал Катеринич. - Хороший хозяин всегда все во дворе держит для вора - лестницу, жень, топор и прочий нужный для проникновения в дом инструмент.

- Лестницу, топор - понятно, - говорю. - А что такое жень?

- На воровском слогане - стремянка. О нас, ворах, у таких вот магазинов всегда больше всех заботятся пожарники. Они от хозяек требуют, чтобы на пожарном щиту и ломик был, и кирка. Словом, весь сподручный для меня инструмент. Вот его я использовал в работе, а за полчаса уже был внутри магазина. Стал там наводить порядок по-своему. Набил сумки, которые тут же прихватил. Можно было убираться восвояси. Но так мне вдруг захотелось коньячка лизнуть. Дорогой и вкусный оказался. Опрокинул всего лишь сапог или два. Сапог - чтобы не спрашивал, на воровском языке значит - полстакана. Похоже, потерял бдительность, по нашему, по блатному - дурканулся здорово - потому что зажег свечу. Чтобы виднее было разобраться с товаром. Потому, что после выпитого показалось - мало взял. И хоть еле мерцала она под прилавком, проезжали мимо менты и заметили огонек в помещении. Подняли кипеш, как поняли, что внутри помещения горит свеча. Быстренько заведующую вызвали, она тут же рядом жила, вошли в магазин и только тут дыру мою в стенке заметили. Баба, похоже, хитрая попалась. Как заорет, дескать, все вынесли. Ковры, телевизоры, швейные машинки! А я путем ничего взять еще не успел, только две сумки набил, они и лежали на прилавке.

- И куда же ты спрятался? - уточняю. - Неужели в сумку залез?

- Да ну, в сумку. Я заметил в продовольственном отделе бочку из-под селедки. Заглянул туда - почти полупустая. Как они вошли в помещение, я и бултыхнулся в ропу. Я ведь маленького роста, на фоне, то есть блатном жаргоне, что бы не спрашивал, что это такое, - децил, или же кропаль. Досточками с доньшка бочки накрылся и слушаю все, что вокруг происходит. А они все буквально рядом со мной мечутся, однако в бочку заглянуть не додумаются. А баба эта как вскочила в магазин - что есть мочи орать начала. Потом стала почти рядом со мной и кричит во весь свой поганый рот: «Они все золото унесли!»

- Какое золото? - тарашит на меня свои маленькие Аркаша - ржи я и в шнифты не видел.

- Ржа, - уточняю у Катеринича, - это золото?

- Золото, а шнифты - глаза.

- Только и всего ущерба нанес, - продолжает он возмущенно, - что граммов двести пятьдесят коньяка выпил. А она, похоже, решила на мне крепко подзаработать - списать многие свои грехи. Видать, сама все украла. Вот я и не выдержал, протянул из бочки руку и что есть силы как ущипнул ее за толстую корму. Баба проклятая не спойм голосом завизжала: «Держите его, он здесь!» Навалились на меня менты. Бочку перевернули, меня из нее вытряхивают, я от них селедкой отбиваюсь. В морды псам вонючим ржавую селедку бросаю. Словом, зачалили меня из-за суки той брехливой. Пять лет потом жалел, что ущипнул дуру. Иначе они бы меня ни за что не зачурили. Ну, разве чтобы пса привезли. Но она, несомненно, не хотела бы этого, ибо ей лучше было, если бы меня вовсе не нашли...

Александр Горобец

БОСИКОМ ПО БИТОМУ СТЕКЛУ

Записки и размышления

опального главного редактора газеты

«Правда Украины»

**ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ + ТРЕТЬЯ,
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АРКАШИ... В ТАЙГЕ

Рассказчик, как я уже говорил, Аркаша был искусный. Но не всегда можно было вызвать его на откровенность. Потому, дабы послушать Катеринича, приходилось идти на различные уловки. Например, брать уроки игры в нарды у ээка, где он считал себя большим спецом.

Перед самым последним походом на нары Аркаша женился. У него родилась дочь. Ему одному из всех подследственных, проходящих через нашу «хату», как я говорил выше, разрешалась переписка. Аркадий этим очень гордился. Тут он считал себя выше всех остальных. Но так получалось, что на каждые пять писем жена отвечала всего несколькими скупыми строчками. А потом она и вовсе замолчала. Казалось, бессердечный, лишенный тюремной жесткостью каких-либо человеческих чувств, он очень затосковал. Его и без того желтоватое личико стало похожим на высохший лист табака. Катеринич перестал кушать вообще, пил только один чефир. Я не раз следил за таким чаепитием и удивлялся автоматичности, с какой жил этот человек.

Представьте себе маленького, худенького Аркашу, который по самый подбородок накрылся жестким тюремным одеялом. Спит. И это точно видно, что спит. Во сне вдруг рука тянется к камерному столику, который расположен в его изголовье, находит кружку с чефиром. Голова во сне поворачивается влево, рука подносит к губам кружку. Он делает три, четыре глотка, ставит на место кружку и спит дальше.

Однажды, проснувшись, он сел на кровати и тупо уставился на меня.

- Сан Саныч, ты же журналист, - уточнил. - Ты же можешь написать ей, суке, такое письмо, чтобы она завтра сюда сама прилетела.

- Прилетит - не прилетит, - отвечал я, - не знаю, но чтобы поняла, как тебе тяжело - это, наверное, можно.

С этого и началось. Чуть ли не через день Аркаша пристаёт ко мне «Ну, давай, черкани этой сволочи. Чтобы у нее в носу закрутило».

Сажусь я с ручкой и начинаю придумывать такие слова, которые по идее должны пошатнуть и самую черствую душу. Аркаша зорко сторожит тишину в камере. Кто только заговорит, он, маленький, тут же подпрыгивает на кровати, превращается в самую злую шавку, орет, что есть силы: «Шас-с разарву в полете. Не видишь, чело век думает...»

Мне смешно до слез, но вида не подаю, многозначительно морщу лоб, тру ручкой нос и подбородок, пишу-зачеркиваю слова. Наконец, закончив сочинение, начинаю диктовать Аркаше самые сладкие и нежные слова, которые нахожу в своем словарном запасе. Отдельных из них он никогда и не слышал, потому помногу раз переспрашивает, как правильно написать, путая при этом ударения. Со стороны это выглядит, наверное, чудаковато, аж придурочно, поскольку то из одного, то из другого угла камеры мужики отвечают сдавленным смехом. Аркаша тут же настораживается, поднимает головку с облезлым чубчиком и злобно шипит: «Ну, бараны, ну, бараны. Не даром вас в тюрьме гноят. Ничего в жизни не смыслите... Тундра!»

Тексты иногда получаются и впрямь душераздирающие, порой, несколько напыщенные. Но главное, Аркаше они очень нравятся. До вечерней поверки, когда у него забирают почту для отправки, он по несколько раз перечитывает эти послания, мелко шевеля при этом губками. Порой, переспрашивая значение того или другого слова по много раз. Видать, его совсем не тревожит то, что если он не знает, что собой представляет в значении тот или иной парафраз, добьется ли до его сути жена, простая сельская дивчина, которую он перед очередным походом в острог соблазнил. Наверное, он полагает, что здесь важно, дабы она почувствовала, что ее Аркаша не такой уже и простофиля. Вон, какие заумные письма строчит, какие огненные и зажигательные слова для нее находит!

Так я стал в Аркаши правой рукой. Как бы его писарем и златоустом. Вскоре с удивлением заметил, что он покрикивал на остальных, когда кто-то в обед, например, хотел на столе прихватить лучший кусочек сала. «Не тронь, - кричал как-то на молодого лопухого подследственного, - оставь Сан Санычу. Он человек не тюремный. Ты здесь и на траве выживешь, а ему скоро на свободу...»

В тот день, когда к Катериничу вдруг неожиданно на свидание приехала жена с маленькой дочуркой, он чуть было не расплакался. А вернулся со встречи, первое что сделал, - тайком от остальных написал мне маленькую записочку. В ней сообщил, что теперь я могу пользоваться его почтой. То есть, писать свои письма и получать ответы на его фамилию. Таким образом, я на некоторое время как бы превратился в Аркадия Аркадьевича Катеринича.

Письма, особенно первые, тому или другому человеку приходилось писать в эзоповской форме. Дабы цензор, который внимательно все перечитывал и затушевывал те места, где хотя бы делался намек на проблемы следствия, камерную действительность, не мог ничего понять. Я начинал с того, что описывал ту или иную историю, которую этот человек хорошо знал и в которой я, Сан Саныч, был главным героем. Потом говорил, что вот нахожусь на нарах в

следственном изоляторе. Человек держал письмо в руках, видел, что на конверте указывался адресант (то есть, отправитель) А. Катеринич, а текст писал, получается, А. Горобец. На протяжении текста я, как минимум, дважды упоминал свой новый, вынужденный адрес, особо подчеркивая, что писать нужно именно так - А. Катериничу. Как бы невзначай говорил, что никаких вольностей в написании адреса допускать нельзя, ибо тогда я ответ вовсе не получу. И, странное дело, многие, с кем приходилось общаться таким вот способом, очень правильно все понимали. Канал работал до самого моего освобождения. И это было форточкой на свободу, за что я искренне благодарю варнака Аркашу.

Расположенный ко мне весьма благосклонно, А. Катеринич по моей просьбе дважды пересказывал захватывающую историю своего побега из тюремного лагеря в Сибири. Которую я попытаюсь передать ниже.

Словом, конец восьмидесятых, начало девяностых годов застали Аркашу в очередной тюремной отсидке, в далеком таежном лагере России. Острая нехватка продовольствия на воле все заметнее отражалась и на пайке невольников. Чувствительный, проницательный Катеринич и в замшелом медвежьем углу учуял ветры перемен в обществе, истолковав их, разумеется, по-своему. Дескать, дисциплина падает, организованность силовых структур снижается, посему можно больше покуражиться, поворовать. Просто грешно в такие благословенные времена для вора отлеживаться на нарах. А поскольку до конца срока нужно было еще мотать и мотать, Аркаша твердо решил: из лагеря необходимо бежать.

Тонкая психологическая работа началась с расспросов местных воров, как лучше и в каком направлении можно преодолеть тайгу. Глядя на тщедушный вид Аркадия, многие кривились, сплевывали и говорили, что такому сморчку не пробиться сквозь густые заросли скованные снегами и морозами. Ведь помимо климатических неудобств, путника в вечном лесу ждет множество хищников - это и рыси, и волки, и медведи-шатуны. Вывод знахарей был один - в одиночку никто не пройдет. Нужен попутчик.

Его Аркаша вскоре тоже нашел. Это был огромный детина, кажется, с Полтавщины родом. В таежном тупике он коротал свой первый срок. Но уж сильно, похоже, страдал по свободе и готов был хоть на провода бросаться, лишь бы добиваться воли. Во всяком случае, такое было у него на словах.

Катеринич тщательно собирал походные вещи. Раздобыл карту Сибири. За чай, полученный от брата из Киева, выменял сухой спирт. Раздобыл несколько банок консервов. Среди них была даже баночка шпротов. Особенно тщательно подбирал медикаменты. Он хорошо понимал, что от вместимости вещмешка напрямую зависела его жизнь. В тонкости подготовки побега был посвящен лишь один человек - «смотрящий», то есть, главный человек в бараке. Он из «общака», воровской кассы, добился выделения некой суммы денег, на которую один из продажных офицеров купил и занес в зону спальный мешок, компас.

Когда все оказалось готовым к таежному переходу, будущие беглецы стали ждать непогоду. Только буря могла замести следы, сбить с толку овчарок, задержать вылет поисковых

групп на вертолетах. И вот, похоже, моления Катеринича были услышаны. За окном барака разыгралась такая метель, такой бурелом, что за дверь было страшно показать нос. Вот тогда-то ночью Аркаша растолкал верзилу. «Вставай, - горячо зашипел на ухо, - уходим...»

Но Верзила, как обзывал его Катеринич, только поднялся на локтях и снова улегся. «Ты идешь?» - спрашивал Аркаша. - «Я боюсь», - услышал в ответ.

И Аркадий ушел один.

Утром на поверке обнаружили: Катеринич сбежал. По тревоге подняли тревожные группы сразу в нескольких областях. Собаки взяли след, но сильный ветер вскоре сбил их с толку. Они жалобно визжали и лаяли в разные стороны. Вертолеты поднять в воздух возможности не было. Потому все усилия бросили на то, дабы разузнать, какие были планы в беглеца. Офицеры рыскали между ээками. Но все напрасно. Аркаша был хорошим спецом в конспирации.

Когда бурелом улегся, в небо взмыло сразу несколько винтокрылых машин. Они с утра до ночи бороздили небо над верхушками деревьев. Солдаты внутренней службы простреливали чуть ли не каждую кочку, которая им казалась подозрительной. Никто, разумеется, не желал вернуть ээка в расположение лагеря живым. Стояла задача пристрелить, по возможности, труп доставить в расположение лагеря для устрашения остальных.

Но Аркаша был неуловим. Несколько раз вертолеты с ревом проносились буквально над его головой, но еще издали заслышав мотор, он молниеносно кротом зарывался в снег под какой-нибудь сосной или елей и, лежа лицом в колючей изморози, просил Бога, чтобы сверху не разглядели его следов.

Такое длилось три или четыре дня. Катеринич все дальше и дальше уходил от расположения зоны, и теперь у него была другая забота - не стать добычей не разъяренных охранников, а зверей. На ночь он раскладывал костер. В отблесках огня Аркаша не раз видел горящие, злобные глаза волков. Но приблизиться к огню они все-таки не решались. Еще в первый день путешествия беглец вырезал припасенным из зоны ножом длинную палку, на конце которой было несколько острых разветвлений, как у вил. Местные воры научили Катеринича, что без такой рогатины на плече нельзя отправляться в путешествие через тайгу. На спину обязательно пригнет рысь и отгрызет голову. Потому, продвигаясь по лесу или отдыхая, то ли даже ложась спать, он постоянно пытался находиться под рогатиной. Это был его как бы главный громоотвод.

Еще он боялся случайно натолкнуться на зимнюю лежку медведя или встретить разъяренного и голодного шатуна. В таких случаях спасение одно - в мгновение ока рвануть на дерево. Но ведь и медведь, известно, лазит по стволам. Правда, преимущественно по толстым. Посему путешественник-ээк постоянно должен был, продвигаясь по вековечному лесу, иметь на примете одно-два тонких деревца, на которые можно было бы в случае опасности взметнуться. Аркаша потом признавался, что как бы все это выглядело на деле, сумел ли бы он вовремя

сориентироваться, пробежать до спасательного ствола, - ясно себе не представлял, но план такой в голове постоянно вертелся, а глазами варнак - беглый арестант, все время искал молодые деревья.

Он давно сбился со счета суток, ориентируясь в тайге по компасу. Шел и шел по ранее избранному маршруту. Порой ему казалось, что это грозное, холодное безмолвие не закончится никогда. Иногда хотелось уснуть у костра навсегда и больше не просыпаться. Но уже через час или два его будил острый приступ желания получить новую порцию чефира. А, взбодрившись, Аркаша снова строил планы, он уже ждал рассвета, чтобы шагать и шагать дальше.

Как-то под вечер он неким внутренним чувством почуял близость человеческого жилья. Ноги, кажется, сами посеменили быстрее. Так оно и было на самом деле. Вскоре ему почудился далекий лай собак. Не слыша под собой ног, Аркаша бросился вперед. Нет, это были не галлюцинации. Поднявшись на бугорок, Катеринич в ложбине увидел небольшой поселок. Над домами красиво, как писанные на картине, вились сизые дымки. У беглого варнака закружилась голова.

Отлежавшись на бугре, успокоив сердце, зэк стал прикидывать, на какой бы дом податься. Хотелось хотя бы одну ночь провести не на снегу. Еще лучше было бы хоть на мгновение прижаться к теплой печурке, подзарядить организм энергией домашнего очага.

Но как это сделать? Во-первых, он не знал, на какое расстояние отошел уже от тюремного лагеря. Во-вторых, ему не ведомо было то, сколько времени прошло со времени побега. В-третьих, не ищут ли его и здесь. Посему беглец понимал, что показываться на глаза людям рискованно, но в дом идти нужно было все равно. Хоть на несколько часов. Он чувствовал, что без этого ему уже просто не обойтись.

Катеринич, пока не стемнело, присмотрел крепкий, сравнительно новый дом. Над ним гуще других вился дым. Привлекало и то, что со стороны тайги в строении виднелся ход на чердак. Это обрадовало Аркашу. Теперь важно было, чтобы во дворе не оказалось собаки.

Подождав, пока погасли последние огни в окнах, а на другом конце селения пропели первые петухи, беглый зэк, подобно зверю, вынюхивая звуки всем естеством своим, маленькой тенью просквозил к поселку. Не рискуя подобраться к дому со стороны огорода, дабы не оставить следов на снегу, он вскоре выбрался на сельскую улицу и после долгих таежных скитаний по бездорожью несколько неуверенно ступил на твердую почву натопанной колеи. Нервно оглядываясь по сторонам, боязливо засеменил к выбранному дому. Остановившись у калитки, легонько поскреб ее. Пса во дворе, похоже, не было.

Открыть старый, ржавый замок и забраться на чердак беглому зэку не составило особого труда. Через некоторое время он всем телом прижимался к еще теплому дымоходу. Проваливаясь в сон, Аркаша был несказанно рад тому, что отважился на дерзкий побег в одиночку. Лихие невзгоды тайги, опасность встретить на глухой тропе голодного зверя для него

все-таки были лучше сидения за колючей проволокой.

Проснулся беглец от тихого побрызгивания ведра о колодезную цепь. Было слышно, как где-то внизу тихонько завизжал коловорот: там, похоже, по утрам для дома набирали воду. Сквозь разошедшуюся дверь на чердак пробивался свет зимнего рассвета. Аркаша в одно мгновение насторожился, легко поднялся и тихой кошкой неслышно подкатился к двери. То, что он увидел внизу, его ошеломило, повергло в тихий ужас. От колодца к дому воду нес крупный рыжеватый мужчина. Одет он был в китель офицера внутренней службы. В погонах, между двух просветов, отчетливо светилась звездочка майора. Катеринич понял: где-то рядом находится тюремная зона, а этот - один из тамошних начальников. «Вот это влип!» - мелькнула мысль. Кровь застучала в висках. Он подумал о том, что тут же нужно убегать. Но, немного поразмыслив, принял другое решение. Днем он не должен показываться на глаза, его сразу опознают. В этом поселке, скорее всего, живут контролеры с зоны. Зэков они слышат за версту. Лучше всего - залечь и даже не двигаться у теплого дымохода. Уходить нужно только под следующее утро, когда все крепко спят.

Когда в следующую ночь пропели петухи, Аркаша покинул чердак и прежней дорогой выбрался из селения. Примерно через неделю он вышел еще на один населенный пункт. Это был уже большой городок. Катеринич чувствовал, что выбивается из сил. Страшно хотелось обогреться, укутить хоть корочку свежего хлеба. Но куда пойти?

Забинтовав правую руку, пальцы которой были все в наколках, изображающих богатые перстни, и с головой выдавали его уркаганскую душу, Катеринич направился в одну из кочегарок. Там два полупьяных мужика, раздевшись до маек, забивали козла. Приняв Катеринича за своего, они угостили его салом и луком, душистым хлебом, вылили в стакан остаток вонючей водки из темной бутылки. Вскоре закоченевший с мороза гость мирно спал в теплом углу. Под утро его не стало. Пропал неожиданно, как и появился, унеся с собой и крепкий полущубок одного из кочегаров..

А еще через месяц Катеринич появился в Киеве.

- После побега, примерно через полгода, меня поймали в бочке из-под селедки при ограблении магазина, - рассказывал Аркаша. Когда я назвал свою фамилию, в милиции не поверили. Мне заявили, что я кошу под другого. Ибо согласно данным информационной центра МВД СССР Аркадий Катеринич якобы числится погибшим в тайге. Я сдуру стал доказывать, что Катеринич - это я. А ведь можно было прикинуться кем-то другим. Поисковая машина закрутилась. И вот ко мне с Москвы приехали два полковника. Они не могли поверить, что я, бывший зэк из далекой иркутской тюремной зоны, в одиночку мог пройти через тайгу и выжить. Они привезли с собой подробную карту Сибири. Стали изучать мой маршрут. И только когда я им рассказал, как двигался, в какую сторону, полковники поняли, почему меня не поймали поисковые группы, почему я не угодил ни на одну из милицейских засад. Как это, кстати, случилось со всеми, кто пытался убежать из-под стражи в тех местах. Дело в том, что все они избирали ближайший маршрут от зоны к городам. То есть, шли на прямик. Двигались кратчайшим путем. На этом маршруте их и задерживали либо расстреливали «при попытке к бегству».

- А ты как пошел? - уточняю.

- А я направился в противоположную сторону. То есть, в обход, через огромную часть тайги. С точки здравого смысла это было не логично - бежать не ближайшим, а дальним путем. Слишком большой риск погибнуть в тайге. Меня примерно месяц искали, а потом - «списали». Дескать, рысь задрала или волки съели. Они, наверное, и небезосновательно, считали, что выжить в одиночку в зимней тайге, среди голодного зверья просто невозможно. Тем более пробиться к большакам в обход, по большому кругу. А я, как видишь, живой, - закончил свой рассказ отпетый зэк.

БРАКОНЬЕР ПОНЕВОЛЕ

Наверное, довольно об Аркаше. Признаюсь, я потому так много ему уделил внимания, что люди, умеющие передать увиденное, хоть отчасти показать характеры тех, кто составляет человеческое дно нынешнего общества, редко добираются до «кучмовок» и «столыпинок». Командировок туда не бывает, поменять профессию репортера на тюремного зэка тоже почти невозможно. Потому мои коллеги в своих статьях и репортажах все больше внимания уделяют зарождающейся мелкобуржуазной и олигархической элите, бандитскому верхняку. Серые же мышки - в виде варнаков-аркаш, никому ненужны. Даже падкой на всякие остроты «желтой» прессе. И потому мы их совсем не знаем. Не ведаем, чем и как они живут за тюремными мурами. Потому, что это даже не винтики в колесе современной жизни, а обыкновенная лагерная труха. Но, замечу, очень живучая.

Попад в помойную действительность, мне важно было самому не опуститься, не озлобиться. Вытерпеть и выжить. И этому, поверьте, помогли отчасти рассказы отпетого урки Катеринича, который в каждой своей истории демонстрировал стремление бороться за жизнь. Его пример доказывал, что, не обращая внимания ни на что, нужно было идти вперед. Идти по жизни, словно Аркаша в свое время через дремучую тайгу. Пусть и с рогатиной на плече, но с каждым шагом все дальше и дальше. Чтобы победить. Обрести свободу.

Мне это точно помогало, ведь не мудрено было и сломаться. На что, полагаю, и рассчитывали те, кто бросал меня в застенки. Они делали все для того, чтобы я подольше побыл взаперти.

Обжалованное адвокатами постановление прокуратуры г. Киева о необходимости содержать меня непременно под стражей месяцами не рассматривалось в Московском районном

суде г. Киева. Наконец-то, 4 января 1999 года, заместитель председателя суда, пригласив в заседание всего лишь представителя прокуратуры, принял по нему решение - отказать в удовлетворении ходатайства на том основании, что не представлено доказательств неправомочности действий прокуратуры. Но как можно было сделать это, если сторона истца не была даже заслушана. О времени и месте проведения рассмотрения дела ей просто не сообщили. Полагаю, умышленно. Разумеется, чтобы не забила «гвоздей». В вердикте суда значилось - «обжалованию не подлежит».

Вот вам правосудие, вот вам независимая ветвь власти. Сверху продолжали уверенно дирижировать моей судьбой. Спросите: кто же конкретно?

В начале февраля 1999 года на первой полосе газеты «День» появляется снимок генерального прокурора Украины М. Потребенко. В эти дни Михаил Алексеевич посетил редакцию названного издания и ответил на вопросы журналистов. Некоторые из них касались и моей судьбы. Так чтобы всем все было понятно, в редакции газеты «День» снимок высокого гостя сопроводили такой вот подписью. Поскольку она взята в кавычки, нужно понимать, что это слова генерального прокурора: «Я сказал, что если городская прокуратура не докажет вины Горобца, мы ее разгоним».

Что, скажите, здесь непонятного? Генеральный прокурор без ложной скромности, не стесняясь журналистов, четко и однозначно заявил, что перед прокуратурой г. Киева ставится конкретный заказ - «доказать» вину подследственного. То есть, засудить арестованного. Как видим, никакого намека на то, как это полагалось, что нужно провести объективное расследование уголовного дела. Генеральному прокурору, видите ли, давно известно, что главный редактор «Правды Украины» совершил преступление, а сотрудники городской прокуратуры не могут собрать доказательств этого откуда, позвольте, спросить это известно господину Потребенко, он что, сам лично, засучив рукава, проводил расследование? Или, как говорится, есть такое мнение.

Как же стимулировать следователей, которые мешкают с «доказательствами вины»? Ну, конечно, пригрозив увольнением с работы. Тем, что накажут не просто одного следователя, а из-за одного подследственного разгонят всю прокуратуру столицы. А это ведь сотни и сотни людей, дипломированных специалистов.

А где же, простите, презумпция невиновности гражданина, его конституционные права и свободы, которые гласят, что никто не может назвать человека виновным, кроме суда? А тут ведь уже пятый месяц держат под стражей, а ничего «доказать» не могут. Генеральный же прокурор не первый раз заявляет на всю страну: «Виновен».

Что это, как не открытое давление на суд со стороны генерального прокурора Украины?

Скажу, что именно это время - февраль, март - были самыми трудными для меня. Морально. В конце января на свидание в следственный изолятор пришел адвокат Виктор Чевгуз и

сообщил такое. Следователь заявил ему: что там, дескать, предыдущие обвинения. Они - цветочки. Следствие установило, что главный редактор злоупотреблял служебным положением в личных целях.

Да, прикрыв меня в СИЗО, прокуратура г. Киева буквально перервала документацию редакции, выискивая все новые и новые доказательства вины руководителя оппозиционного издания. И вот, выходит, еще «накопали».

Я бился в догадках, но никакой вины за собой не чувствовал, ибо, став на путь борьбы против режима Л. Кучмы, я хорошо понимал, что нельзя было и помышлять о каких бы то ни было нарушениях законодательства. Хотя денег на счету редакции, замечу, постоянно было достаточно много.

Еще через неделю, принесся мне газету «День» с портретом генпрокурора и его угрозами в адрес подчиненных, которые не могут доказать моей вины, адвокаты С. Портяник и В.Чевгуз весело улыбались.

- Лопнула и версия злоупотребления служебным положением, - говорил Виктор Степанович.

- Они возбудили против вас еще одно уголовное дело, полагая, и что вы пытались присвоить себе редакционный автомобиль «Мерседес», - пояснил Семен Федорович.

Услышав это, я не мог поверить своим ушам. Но это ведь чушь собачья. Все равно, что обвинить меня в попытке украсть звезду с неба.

- Это потому, что я сам лично им управлял? Без водителя...

- Наверное. А им все равно, лишь бы любого собаку повесить на вас, - заявил Чевгуз.

- Дело трещит по швам, - объяснял Портяник. - Налицо незаконное содержание под стражей. Кто-то за такое должен же отвечать когда-то. Вот они и роют, что есть мочи. Новое уголовное дело открыли, но тут же и закрыли. Ведь доказательств никаких.

Я был в шоке от происходящего. А тут еще и Аркаша, почитав газету «День» с высказываниями М. Потребенько, начал меня по новой «прессовать»: «Посадят, Сан Саныч,

стопроцентно посадят. Этого же генеральный прокурор требует. Самый смелый судья не пожелает входить в противоречие с Потребенко. Зачем ему эти проблемы? Генеральная прокуратура требует срок - пожалуйста».

Слушать по много раз в сутки такое во всевозможных интерпретациях, в тесной удушливой комнатухе от прожженного эка на четвертом или уже пятом месяце отсидки взаперти, да еще ни за что, поверьте, это очень сложно. Обещанных аудиозаписей следствие не предоставляло. Зато произошло одно еще более загадочное событие.

Однажды утром меня одного повели подземными коридорами в направлении следственного отделения. В комнате ожидал следователь. Когда я вошел, он, положив голову на руки, спал на столе. Заслышав мои шаги, проснулся, начал виновато протирать глаза.

- Дел столько, что не могу выспаться, - как бы оправдываясь, сказал. - Я звонил вашим адвокатам. Обещали приехать. Но, видите, никого нет. У меня очень мало времени. Я должен задать вам один вопрос. Если хотите, подождем адвокатов. Но могу сказать и сейчас, чтобы вы поразмышляли над ответом.

- У меня времени хоть отбавляй, - ответил я. - Отвечать точно буду только при адвокатах, если будет на что отвечать. А задать свой вопрос можете хоть сейчас.

Следователь полез в папку за какими-то документами. Достал несколько листов.

- Почему вы скрывали от следствия, что ранее судимы?

От неожиданности можно было упасть со стула. Но я удержался. Затем попросил следователя еще раз повторить то, что он сказал. Он это сделал. Произнес слова более медленно и членораздельно. Понять, о чем он говорит, я никак не мог. Следователь поднялся из-за стола, пересек небольшую комнатку и положил передо мной несколько листов. Это было решение Харьковского районного суда г. Киева о рассмотрении уголовного дела. В нем говорилось, что житель Киева Горобец Александр Александрович и еще один человек, фамилии его я не запомнил, грубо нарушая правила ловли рыбы на Днепре, допустили факты браконьерства. В общей сложности они поймали во время нереста 1,8 килограмма рыбы.

Суд приговорил Горобца А. А. и его подельщика к году тюрьмы на двоих, то есть к шести месяцам каждого. С содержанием в тюрьме общего режима.

Я несколько раз перечитал этот документ, прежде чем поднял голову от бумаг. Все как бы сходилось. Внешне выглядело так, как будто бы приговор и впрямь касался меня. Было много удивительных сходств. Сочетались фамилия, имя, отчество, год рождения. Даже день рождения. Но у меня в документах стояло - 25-1-1950. То есть, одна палочку, обозначающая месяц. А здесь было - 25-11- 1950 - две палочки. То есть, месяц рождения - февраль. Потом, я живу на улице Соломенской, в Зализничном районе Киева, а тот, кого осудили, - на улице, кажется, Лятошинского. Почему этого не заметил следователь, я не мог понять.

Прочитав документ суда, я, не поднимая головы, размышлял, что же делать, как быть? Указать на то, что это все - фикция, или тупо ждать прихода адвокатов? В это время отворилась дверь и в комнату вошли оба юристы - В. Чевгуз и С. Портяник. Я положил перед ними копию решения суда. Они, не раздеваясь, стали молча читать документ у окна. Мое же смятение продолжалось. Как поступить? Ведь посоветоваться с адвокатами тоже нет возможности, следователь сидел здесь же, заполняя протокол допроса. И вдруг дверь в комнату отворилась. Дежурный прапорщик сообщил следователю, что его просят к телефону. Я бросился объяснять адвокатам тонкости неожиданно возникшего момента.

Мнения их разделились. Один активно утверждал, что нужно заявить протест, указав на то, что подследственному противоправно пытаются подшить чужое уголовное дело. Другой был страстно убежден, что необходимо просто отказаться отвечать на этот вопрос. На основании статьи Конституции. Пусть следствие полагает, что оно добыло еще одну улику против обвиняемого. То есть, потеряет бдительность, не будет стараться «накопать» новых минусов против меня. К возвращению «важняка» адвокаты пришли к окончательному выводу: нужно резко отметать всякие глупости. Кто знает, а может, это делается с каким-то злым умыслом? Добра ведь от обвинения ждать тщетно. Это ведь общеизвестно, а в моей ситуации - вдвойне.

Каким же было наше удивление, когда следователь несколько не разочаровался тому, что данное судебное решение никак не касается лично меня.

- Ничего не знаю, - говорил он. - Я сделал запрос на ваши данные в информационную службу МВД. Вот и пришел такой ответ. Они ошибиться не могли. Вы скрыли судимость...

- Ты что не понимаешь? - я явно выходил из себя, произвольно переходя на «ты», обращаясь к молодому по годам следователю. - Я в жизни не рыбачил на Днепре. Кажется, всего лишь пару раз катался вверх-вниз на теплоходе. А потом, я не могу быть браконьером, поскольку не рыбак... Что же здесь непонятного?

- Это будете доказывать в суде, - небрежно бросил следователь, давая понять, что тема закрыта. - Я пишу в протокол допроса, что вы отказываетесь признаться в том, что ранее судимы...

Я чувствовал, как кровь закипает во мне. Кто-то из адвокатов положил на мое плечо руку и сдавил его.

- Пиши, что хочешь, ставить подпись под этой галиматьей я ни за что не буду...

То ли корысть, то ли некое служебное рвение заставляли этого человека, следователя по особо важным делам прокуратуры, умышленно «закрывать глаза» на нелепость в уголовном деле. Похоже, ему было лучше, когда откровенное глупство с моим «браконьерством» будет в нем присутствовать. Убедить «служителя закона» следовать букве закона было просто невозможно.

По подземному переходу на «кучмовку» я возвращался в полном унынии. Было похоже на то, что следствие, не имея никаких доказательств вины арестованного, пытается повесить на меня чужие грехи.

Однако странный инцидент с рыбой на этом не закончился, а только, похоже, начинался. Об этой истории от моих адвокатом узнал сотрудник газеты «Киевские ведомости» Леонид Фросевич. Через несколько дней после этих событий он опубликовал статью том, как за поимку полутора килограмма рыбы людей упекли за решетку, в то время, когда другие крадут миллионы в гривневом и долларовом исчислениях и им это все благополучно сходит с рук. Упомянул журналист и ситуацию, когда главному редактору «Правды Украины», который и удочки в руках не держал, решили пришить браконьерство.

Почитали эту публикацию в каких-то прокурорских кабинетах и, полагаю, наметили еще один план того, как с помощью странного моего тезки еще раз «попресовать» меня. Буквально через день после публикации «Киевских ведомостей» «замели» из дома моего однофамильца, доставили в Лукьяновское СИЗО. Если не ошибаюсь, год или даже больше до этого не исполнялось решение Харьковского районного суда, а тут, видите, вдруг вспомнили о рыбаках-разбойниках. Упекли А.А. Горобца в камеру, разместили где-то совсем недалеко от меня. Небось, даже на «кучмовке».

Тут и началось. Принесли мне родственники передачу, а ее наотрез отказываются принимать. Супруге и сыну показывают распечатку, дескать, Александр Горобец передачу уже получил. Так что, дескать, на две недели будьте свободны. Родственники мои утверждают: не мог он получить хлеб-соль, никто не приносил. А приемщики и говорить не желают. Не морочьте, мол, голову, тут сотни людей, а вы...

Тем временем в нашей «хате» на «кучмовке» - настоящий голод. Ибо из всех жителей ее только практически мне одному и доставляли «харчи». Часть арестантов камеры - иногородние, к другим вообще некому придти. А того, что дают с сизовской кухни, - в рот взять невозможно.

Более недели мои родные доказывали, что в сотрудников СИЗО неправильная информация по поводу приема передачи. Положим, моя жена и по сегодня утверждает, что это делалось умышленно. И тезку в следственный изолятор подсадили на это время специально. Дабы

отказать в приеме передач мне. И это очень похоже на правду. Мне просто нечем опровергнуть доводы жены. И потому я соглашаюсь с ней: да, морили голодом. Это было одним из способов давления на подсудимого.

Пока все это происходило, мне как-то объявляют: вы должны подготовиться на этап. Направляйтесь, мол, для отбывания наказания в Изяславскую тюрьму.

«Что за черт, - думаю, - какое там еще отбывание наказания, если и суда-то еще не было? Какой-то абсурд, не иначе. Причем здесь Изяслав, когда в Киеве еще с уголовным делом не разобрались?». Всю ночь не сплю, только глаза закрою - кошмары видятся. Аркаша тоже до утра бодрствует, с каким-то эком в нарды играют, и постоянно злорадствует: «Там такой клоповник, Сан Саныч, я бывал в Изяславе. Тебя уж там точно загрызут. Кстати, всех подонков туда отсылают. Самая хреновая зона. Ха-ха-ха! Я бы туда попасть не хотел...»

На утро никого нет, никто никуда меня не вызывает, и больше никто об этапе, некоем Изяславе и не упоминал. Но душу потрепали основательно.

А вот в марте, когда молодой и нахальный «важняк» наконец-то объявил, что следствие закончено, и подсудимый должен ознакомиться с материалами уголовного дела, я с удивлением обнаружил, что решение Харьковского районного суда по браконьерству подшито в томе моего обвинения. Странное и смешное браконьерство, к которому я не имел никакого отношения, словно репей к кожиху, прилипло ко мне, и я никак не мог отбиться от него.

- На каком основании? - спрашиваю следователя. - Какое я отношение имею к противоправной рыбалке и нересту рыб на Днепре?

- Какой мне ответ прислали с информационного центра, такой я и подшил в дело, - отвечает тупо «важняк». - Не могу же я его выбрасывать...

- Не в этом дело, что таким пришел ответ информационного центра, - объясняет мне адвокат Виктор Чевгуз. - Вот представьте, по нашему уголовному делу состоялся суд. Мы с вами, положим, не соглашаемся с его решением и подаем апелляцию. Вы думаете, там, в кассационной инстанции, внимательно вчитываются в материалы дела? Прежде всего смотрят, что за человек он, осужденный. Что собой представляет. Листают уголовное дело. И натываются, положим, на решение Харьковского районного суда, которое следователем умышленно вшито в ваш том. «Ах, оказывается, он уже ранее судимый. Вот и предыдущее решение суда в деле есть», - говорят между собой судьи кассационной инстанции. Получается, Александр Горобец ранее осужден, за браконьерство. Это не имеет принципиального значения, за что именно, все равно - нарушитель закона. Теперь же, после второго суда, вы, получается, - говорит Виктор Степанович, - уже злостный нарушитель законности. Рецидивист. Кто там будет всматриваться, какого месяца родился тот, кто рыбу воровал, а какого тот, кто апелляцию написал. Чужого решения суда в материалах дела находится не должно, потому что никто никаких дат, названий улиц, где живут

Горобцы в Киеве, сравнивать не будет. Стало быть, решение апелляционной инстанции непременно будет одно - оставить кассационную жалобу без удовлетворения. С рецидивистами, Сан Саныч, разговор короткий...

Объяснял это Виктор Чевгуз мне в присутствии следователя, который сидел красный, как рак. Видать, правду говорил адвокат. И «важняк» это знал.

- Почему вы не уберете из моего уголовного дела «чужое» решение суда? - насколько это допустимо для арестанта сердито, спрашиваю следователя

- Пусть это вас не касается, - брезгливо отвечает он. - Если считаете, что эти документы не должны быть в деле, пишите об этом в своих отзывах, замечаниях в конце уголовного дела, суд учтет ваше мнение. А, кстати, чуть не забыл, - следователь поднимается из-за стола и направляется в мою сторону, на ходу доставая из кармана куртки диктофон. - Я принес вам аудиозаписи, которые вы должны прослушать. Пожалуйста. Я тем временем составлю протокол, а вы мне скажите, узнаете ли вы свой голос на пленках или нет...

Это было в последние дни марта. Таким образом, под стражей я уже отсидел без малого полгода. С первого дня задержания я требовал и требовал от следователя дать возможность прослушать какие-то записи, на основании якобы которых меня упекли за решетку. Я написал десятки жалоб на имя прокурора города и генерального прокурора, требуя представить злополучные аудио-пленки. Ни одного раза на них никто не ответил. Наверное, их просто выбрасывали в мусор. Ведь М. Потребенко был на все сто процентов убежден, что главный редактор «Правды Украины» виноват, что осталось только «доказать», что он - преступник. Даже, несмотря на то, что доказательств этого не было ни одного.

Я приложил к уху диктофон и стал внимательно слушать. Из динамика доносился треск, неопределенные шумы. И совсем не было слышно никаких голосов. Один раз, показалось, послышался обрывок трансляции пленарных заседаний Верховной Рады. И снова совсем ничего. С одной стороны пленка закончилась. Под наблюдением следователя я перевернул кассету. Примерно те же неопределенные звуки слышались и на обратной стороне пленки. И опять ни одного членораздельного голоса. Я мысленно спросил себя: они что - издеваются? Вот какое оно, главное вещественное доказательство моей вины!? Вот почему шесть месяцев меня и адвокатов водили за нос, не предоставляли возможности ознакомиться с аудиозаписями. Здесь просто нечего было демонстрировать. А вечером, 30 сентября 1998 года, когда меня задерживали, следователь подло врал, что есть пленки, изобличающие «преступника»,

- И это ваше доказательство моей вины? - сам того не чувствуя, поднялся я из-за стола. Глубокое возмущение отозвалось огнем в груди, от безысходности и незаслуженной обиды у меня задрожали губы. Они в один момент пересохли и, казалось, отказались повиноваться. Было впечатление, что во рту вдруг высохла вся слюна. В руках у меня находился диктофон, который принадлежал надменному следователю. Он сидел напротив меня, у двери, в двух-трех шагах, и слегка ухмылялся. В эту минуту мне хотелось треснуть этим «вещьдоком» о пол. Все это было очень похоже на настоящее издевательство. - И это из-за такой херни вы меня уже триста суток

держите в СИЗО?

Выхватив у меня из рук диктофон, адвокат Семен Портяник прижал его к своему уху. Уже через минуту он все понял и тоже не удержался, начал откровенно возмущаться:

- Подонки! Это вас нужно сажать сюда, а не тех, кого вы держите под замком...

Он, наверное, эти слова произнес слишком громко, или следственная комната прослушивалась: неожиданно дверь резко открылась и в комнату буквально вбежал взволнованный конвоир, прапорщик Шариков. Его знают все подследственные СИЗО, ибо этот рыжеватый мужичок, всегда с одинаково короткой стрижкой, каждый рабочий день сопровождает арестантов из камер в следственное отделение и назад. Обращается он при этом к узникам острога всегда одинаково небрежно: «Бандиты! Направо, шагом - марш!»

- Ничего особенного, - успокоил его следователь, иезуитски улыбаясь при этом, - тут кое-кого переполнили эмоции. Но не больше...

Слушая спокойную, надменную и даже несколько веселую речь следователя, я нервно кусал губы и что есть силы сжимал под столом кулаки. Мелкая предательская дрожь пробивала все тело. Нужно было немедленно успокоиться, взять себя в руки. Не приведи Бог, в отчаянии бросить о пол, разбить служебный диктофон сотрудника прокуратуры. Как бы обрадовались этому мои оппоненты! Какой праздник был бы на их улице! Наверное, об этом инциденте тут же доложили бы самому генеральному прокурору Украины М. Потребенько. А мой следователь непременно заслужил бы у него высокую похвалу. Им только подай какой-нибудь инцидент со мной в казематах тюремного централа, а особенно по отношению к представителю следствия. Считаю, что этим я сам себе подписал бы приговор на несколько лет. Чего-чего, а пощады от них потом не будет. Это уж точно.

Кусая в отчаянии губы, я вдруг почувствовал во рту соленый привкус крови. Да, улыбнулся я неожиданной мысли: лучше всего пустить кров, себе самому, это и успокоит. К тому же следовало учиться возмущаться молча. Моих врагов, несомненно, можно было победить только спокойствием...

НА САМОМ КРАЮ ПРОПАСТИ

Стоило одной группе «ментов» увезти меня в каталажку, как целая свора милицейских следователей налетела на редакцию. Свидетели рассказывают, что еще вечером, после футбольного матча, в ту злопамятную среду, часть оцепления от Радянського райуправління МВД из стадиона кинули на поиск каких-то документов или вещей на «Большеви́ке». Чуть ли не до полуночи сотрудников редакций, комбината печати, прохожих и близко не подпускали к издательству «Пресса Украины», требуя подальше обойти охваченное живым кольцом место. Милиционеры буквально пронюхивали каждый сантиметр пожухлой травы под окнами редакции. Что искали, мне и по сегодня неизвестно.

На утре «шмон» проводился уже в редакционных кабинетах. Пошли в ход отобранные у меня во время обыска ключи от сейфа. Наконец-то можно было все перевероршить в нем, убедиться в наличии документарной базы по ряду острых критических выступлений газеты. Стали допрашивать сотрудников редакции, применяя различные милицейские «штучки».

На память о тех ужасных днях у меня осталось гневное заявление сотрудников «Правды Украины» по поводу ареста главного редактора. Журналисты издания писали, что это наглая и ничем не прикрытая политическая расправа. Что это вероломная попытка власти жестоко мстить за нежелание покориться воли главы государства и его камарильи, которые отдали приказ задушить оппозиционное, демократическое издание за правду о ненавистном режиме. Мой первый заместитель Владимир Малахов и адвокат Семен Портяник провели пресс-конференцию. Журналист и юрист были единомышленны: дело против главного редактора сфабриковано. Власть, утверждали они, не могла добиться полного уничтожения «Правды Украины», даже противоправно запретив ее печатанье на всей территории страны. Арест руководителя непокорного издания, по их мнению, имеет одну цель - окончательно развалить редакцию.

Чего греха таить, власть победила. В начале октября 1998 года каждому сотруднику «Правды Украины» стало понятно, что вот это уже пришел конец. Враги демократии и свободы слова окончательно взяли верх.

Идеи идеями, но нужно было думать и о хлебе насущном. Много сотрудников тут же уволились, те, кому уходить было некуда, стали искать компромисс с коварной властью. Рассказывали, что «перепрофилированием» «Правды Украины» занялся лично премьер-министр Украины В. Пустовойтенко. Он подбирал нового главного редактора, его первого заместителя, проверял их лояльность к режиму.

Как-то мне в камеру подбросили номер новой «Правды Украины», которая на первой полосе печатала портрет дорогого Леонида Даниловича. Лейтмотивом всех статей было однополюсное утверждение, что пан Кучма должен править страной еще один президентский срок, альтернативы ему в Украине будто бы нет. Можете представить, как «весело» мне было на душе. Но больше всего мучили угрызения совести перед теми людьми, которые брали в руки это издание. Что они думали о журналистах?

К тому же впереди уже маячил суд. Пошел седьмой месяц моего пребывания под стражей. Хоть все возбужденные против меня уголовные дела, а их, кстати, в производстве находилось четыре (!), лопались при первом же прикосновении к ним адвокатов, все же нельзя было не учитывать того, что заказ на мою тюремную «парковку» поступил из самых высоких Печерских кабинетов. Три уголовных дела были закрыты еще в ходе расследования. Но и надеяться на близкую, легкую свободу было тоже абсурдно. Все понимали, что просто взять и выпустить журналиста за ворота СИЗО уже никак нельзя. Слишком далеко все зашло. О факте этом раструбили на полмира. О нем тревожно заговорили на заседаниях Парламентской Ассамблеи Европы. Ксли открыть двери «хаты» и сказать «до свиданье, пан Горобец», значит, тут же нужно было кого-то привлекать к уголовной ответственности за то, что под стражей так долго содержали невинного человека. Да к тому же еще и руководителя центрального издания. Разумеется, никому в прокуратуре крайним по этому скандальному делу ни хотелось быть. Тем более, что генеральный прокурор на всю страну несколько раз заявлял: «Вину докажем».

Поскольку следователь с выполнением поставленной задачи явно не справился, ее переложили на суд.

Я много раз, укрываясь с головой дранным тюремным одеялом, пробовал это представить себе мысленно, но ничего не получалось. В соответствии с национальным законодательством, проповедующим территориальную подсудность, дело непременно должен был рассматривать Радянський районный суд столицы. Годы, проведенные в кресле руководителя средства массовой информации, всегда смело выступавшего против многих язв общества, как говорится, не прошли для меня даром. Жизнь просто таки вынудила познакомиться и даже некоторой мере сблизиться со многими сотрудниками Радянського районного суда. Отношения со многими судьями были не просто деловыми, но близкими до товарищеских. Поэтому, я никак не мог себе представить, как, положим, председатель суда Богдан Иванович Вавринчук, который знает меня давно и очень хорошо, сможет хоть на минуту поверить всему тому, что написал в обвинительном заключении следователь прокуратуры. Или его заместитель Ирина Сапрыкина, которая часто, бывало, прочитав очередное острое выступление Правды Украины» на политические темы, говорила: «Ох, и доиграться же ты со своим обостренным правдолюбием. Доиграешься, дружок!» Однако всегда после этих слов вникала в суть очередной «телеги», которую оппоненты «стряпали» на нас в различные инстанции и, как толковый юрист, подсказывала выходы из ситуации. Наверное, потому, что была уверена: мы всегда пишем правду, никогда не врем.

Я ни на секунду не верил в то, что Ирина Валентиновна, ознакомившись с уголовным делом, возьмется его рассматривать или поручит это делать кому-то из коллег-судей. Она сразу увидит, что дело шито «белыми нитками». А вот как поступит, просто не знал.

Прошли все сроки, отведенные законодателем на изучение дела в суде, а мне все не поступало сообщения о том, на какое число назначено рассмотрение и какой судья, какого суда Киева будет председательствовать на процессе. Я очень рвался на свободу. Я задыхался в этом смраде человеческих тел, их бандитских проблем. Жаждал побыстрее увидеть во всей ее красе, из-за стен темницы первыми своими запахами доносящуюся весну, что уже вступала в свои права. Потому написал несколько жалоб на затягивание дела судом. У меня просто не было иного выхода, как наступать. Все мое ущемленное естество трепетно стремилось на волю.

Каким же было мое удивление, когда однажды утром наконец-то получил долгожданное сообщение, что из-под опеки прокуратуры г. Киева я переведен в «распоряжение» Старокиевского районного суда. А мое дело здесь будет рассматривать не кто иной, как председатель этого суда Нина Фадеева.

Этот документ смело нужно было отнести к разряду самых черных в моей жизни. Дело в том, что я очень хорошо знал госпожу Фадееву. И имел с ней серьезный конфликт. Жизнь, похоже, в очередной раз сыграла злую шутку: судьба моя вновь оказалась на краю пропасти. Сомнений не было, Нина Николаевна, несомненно, попытается отыгаться.

До того, как возглавить районный суд на Крещатике, Н. Фадеева трудилась судьей в Радянськом районе г. Киева. При рассмотрении одного из гражданских дел против редакции по защите чести и достоинства она настолько откровенно играла на стороне истцов, которые были высокопоставленными лицами в державе, что об этом пришлось откровенно заявить председательствующему на процессе. Подобное, похоже, взбесило госпожу Фадееву, и она по отношению ко мне учинила такое, за что ее, наверное, по правилам человеческой морали нужно было бы лишать судейской мантии. Если бы, разумеется, такое позволяло и законодательство Украины.

Так вот, на одном из заседаний по делу о защите чести и достоинства представитель истцов вдруг заявил ходатайство о том, чтобы наложить арест на все мое имущество. Дело в том, что сумму иска жаждущие расправы сильные мира сего определили, кажется, в два миллиона гривен. Благо, ограничений для подобных фантазий истца в законодательстве тогда не было. Заявители действовали по принципу: если не выиграю процесс, то хотя бы попугаю журналистов.

Выставив огромную сумму морального ущерба по пустяковому вопросу, заявители написали в ходатайстве, что я, возможно, желая уйти от ответственности, могу срочно продать или на кого-то переписать свою собственность. И тогда, мол, суд не сможет в полном объеме удовлетворить их моральный ущерб. Поэтому суд должен наложить арест на мое имущество. Важно, что эти требования не выходили за пределы действующего законодательства. Подобное предусмотрено законом.

Но самое главное заключалось вот в чем. Представитель истцов неожиданно заявил, что господин Горобец, кроме того, что редактирует газету, оказывается, здорово приторговывает на рынке недвижимости. Он только прикидывается бедненьким. На самом деле у него в Киеве есть несколько квартир и шикарных особняков. Адвокат зачитал список адресов, по которым якобы находилось мое припрятанное от любопытных глаз жилье.

Услышав все это, я громко расхохотался, бросив при этом какую-то едкую реплику, за что от судьи тут же получил последнее предупреждение. Я вполголоса сказал, что это не суд, а судилище. Это еще больше разгневало госпожу Фадееву. Она, не раздумывая или, возможно, заранее зная о предстоящем ходе моих оппонентов, тут же объявила об удовлетворении

ходатайства истцов. В тот же день было выписано постановление суда о наложении ареста на семь «моих» квартир и домов, находящихся в различных концах города. Адвокат противников с видом победителя незамедлительно повез вердикт суда в БТИ столицы. Названия улиц, на которых находились три якобы моих особняка, я вообще слышал впервые и с первого раза даже не запомнил их. Словом, чего не чаешь, то и получаешь.

Пришлось, скажу я вам, немало поразмыслить, прежде чем разгадать, что это за жильё, откуда оно неожиданно свалилось на мою голову. Как оказалось, желая потрафить своим доверителям, представитель истцов забрался в телефонную книгу столицы и, не утруждая себя элементарной проверкой фактов, выписал из нее все адреса жилья, которым владели люди с фамилией Горобец и инициалами, похожими на мои, и моей жены - Ольги Ивановны.

Ничего иного не оставалось, как пойти по следу горе-адвоката. Имея номера телефонов и адреса, я вскоре встречался с Горобцом А. А. (оказалось Анатолием Афанасьевичем), фронтвиком. Пришлось рассказать ему и всем его домочадцам, что они из-за меня «влипли» в очень скверную историю. В то время, когда пенсионеры и их дети ни сном, ни духом ничего не ведали о каких-то статьях в «Правде Украины», которыми якобы газета обидела истцов, судья Н. Фадеева арестовала их единственное богатство - квартиру. Вы бы видели, что творилось в этом доме. Поднялся настоящий крик и плач, словно бы я, в роли судебного исполнителя, уже приехал выселять Горобцов из квартиры на улицу. Запомнилось, что в ту пору за окном трещали по-настоящему крещенские морозы.

На массиве Теремки подобную новость я принес Горобец Ольге Ивановне, которая, кстати, как раз продавала свою квартиру. У нее уже был на примете и покупатель. С ним женщина собиралась вскоре идти к нотариусу. Понимаете, как это опечалило Горобец О.И., как она «благодарила» за это судью Н.Фадееву.

- Да не может этого быть, - возмущалась Ольга Ивановна. - А почему я должна страдать из-за того, что мы с вами однофамильцы?

- Но это уже вопрос к судье Фадеевой, - отвечал я. - Мне пришлось Нине Николаевной приводить вот какой пример. Ведь если идти по ее стопам, то этими днями на квартиру самой судьи тоже могли наложить арест. Фамилия одного из криминальных авторитетов Киева - «Москвы» - Фадеев. Его как раз судили недавно. Интересно, как бы она сама отнеслась к этому новшеству Фемиды?

Еще один Горобец А.А., не долго думая, отправился на личный прием к министру юстиции. Вскоре, объединившись, мои однофамильцы написали письма о неблагоприятном поступке судьи Н. Фадеевой во всевозможные инстанции. От городского суда до президента Украины и парламента, Высшего совета юстиции. В районном суде начались раздаваться звонки. С высоких инстанций спрашивали, неужели может быть такая дурь, когда районный судья арестовала квартиры всех киевлян, кто носит фамилию Горобец?

Отвечали, мол, ошиблась...

Конечно же, Нина Николаевна страшно обозлилась на меня. Еще бы, опозорил - больше некуда. Но, скажите: я то при чем здесь? Кто, я или Н. Фадеева сочиняла и подписывала такую чушь в судебном вердикте? Словно бы это не она, а я доверился обозленному представителю истцов, к которым она питала особые симпатии. Пришлось срочно, через Киевский городской суд, отменять решение судьи Фадеевой. Таким образом, сняли арест и с моей квартиры. А подобные решения, полагаю, непременно нужно заносить в книгу рекордов судебных непристойностей и откровенных глупостей арбитров.

Я был уверен, что Нина Фадеева навсегда запомнила этот урок и теперь готова была поквитаться. Еще бы! Получалось, в ее руках оказалась вся моя судьба. А может, и жизнь.

Но какова все-таки важная штука человеческая прозорливость. Дня через два меня повели в следственную часть. Пришел адвокат Виктор Чевгуз. Когда я переступил порог комнаты, всегда спокойный и рассудительный Виктор Степанович почти бегал по кабинету. Завидев меня, сдавленным голосом прохрипел:

- Вести ужасно плохие. Для процесса такого подыскали судью, что она, кого только скажут ей, посадит на любой срок. Есть такт Нина Фадеева. Еще говорят, она очень любит вашего брата - журналиста. Не так давно Александр Омельченко обиделся на газету «Киевские ведомости», так эта судья в полном объеме удовлетворила его иск к изданию. Постановила, как и просил градоначальник, выплатить ему пять миллионов (!) гривен морального ущерба. И ни копейки меньше. То есть, получается, взяла под козырек. А дело-то касаюсь всего одной или двух строчек в газете...

- Ну и что будем делать? - спросил я как можно спокойнее.

Уловив эту нотку некоего равнодушия, Виктор Степанович аж подпрыгнул на месте:

- Странно, что вы так равнодушно все воспринимаете. Я сегодня был у Фадеевой. Пытался узнать, чем она дышит.

- И чем же?..

- Огнем против вас. Я попробовал разведать ее точку зрения на дело, настроение на процесс. Спрашиваю: как вы то оцениваете, другое? А она смотрит куда-то сквозь меня и говорит: «А что, я допускаю, что, возможно, обвинение право». Она заказное политическое дело переводит

в плоскость бытового. И это страшно. Сколько ей скажут, она, ни на минуту не задумываясь, столько и «выпишет» вам. И не скривится, хотя, говорила, что вас очень хорошо знает.

- А если мы ей сделаем отвод? - поспешил с вопросом я.

- И на каком же основании?

- На том, что она по отношению ко мне приняла такое постановление, которое рассмешило весь судейский бомонд, а городской суд в срочном порядке отменил ее вердикт.

- Вот это находка, - заулыбался до того грустный В. Чевгуз. А выслушав мой рассказ об аресте квартир всех киевских Горобцов, уверенно заявил: - Это точно, что Фадеева вас судить теперь уже не будет. Не имеет права. Срочно требуем два отвода. Первый - персональный для председателя Старокиевского районного суда Фадеевой, как председательствующей в процессе. Второй - чтобы дело перенесли для рассмотрения в другой суд. Дабы ваша знакомая не могла повлиять на решение судьи, который находится в ее подчинении. Ходатайство адресуем председателю Киевского городского суда...

Внимательный читатель спросит: а почему же дело не рассматривалось в Радянском районе суде?

Выйдя на свободу, я как-то заглянул к Ирине Сапрыкиной.

- Ну, что я тебе говорила? - встретила она меня вопросом. - Такие как ты, правдолюбцы попадают под специальные разработки. [Так что твой арест для меня не был неожиданностью.

- Да, но почему нарушено законодательство о территориальной подсудности? Почему меня судил Ватутинский районный суд Киева, а не Радянський?

- Когда к нам пришли материалы твоего уголовного дела, мы написали прошение председателю Киевского городского суда о смене подсудности.

- А причина?

- На основании того, что в нашем суде у главного редактора «Правды Украины» слишком много знакомых и друзей...

- Но из-за вашего отказа, из-за того, что материалы ходили из одного суда в другой, а потом еще и в третий, в каждом с ними, в соответствии с законом, двадцать дней знакомились... Словом, я из-за этого целых полтора месяца просто таки даром сидел за решеткой.

Ирина развела руками. Мол, что поделаешь, такая процедура.

Оказывается, иногда пороком может быть и наличие друзей да товарищей. Более того, это способно сыграть в жизни злую шутку. Как это, к примеру, случилось со мной в двух шагах от свободы...

МЕЖДУ ЖЕРТВЕННИКОМ И КАМНЕМ

Самое трудное в камере - переносить выходные. В рабочие дни на «кучмовке» веселит хоть какое-то движение. За кем-то приходят от следователя или адвоката, кого-то уводят с вещами навсегда. Кому-то женщины в военной форме приносят документы. Наконец-то под вечер к Аркаше иногда заглядывает почтальон. Он сперва стучит чем-то, похоже, большим и длинным ключом, по металлической двери, затем, открыв «кормушку», кричит: «Катеринич!» Аркаша срывается с нар и летит, сбивая всех на ходу: «Есть! Есть!» Случается, и мне приходит со свободы на фамилию Катеринича долгожданный конверт. Каждый я жду с таким нетерпением, кажется, ничего так раньше не ожидал, даже приказа о демобилизации.

Некоторое время в «хате» жил и крепкий черноволосый парень по имени Дима. Был он на воле главным бухгалтером некой фирмы, руководитель которой хорошо гребанул и смотался за границу, а финансист оказался на нарах. Родители выписали ему несколько периодических изданий. В рабочие дни открывалось окошко, и газеты ласточками влетали в камеру, принося с собой запах и прелести свободного мира.

Все же остальное время приходилось проводить за бреднями Аркаши или игрой в нарды. Я никогда до заключения не брал в руки косточек. А тут так овладел мастерством, что стал

все чаще выигрывать у закоренелого зэка. Аркадий злился и требовал продолжать матч еще и еще. Порой до зеленой одури в глазах. Один раз мы с ним не отрывались от игровой доски чуть ли не сутки. Он изрек свое «баста», когда счет стал 67:67.

Однако что бы ни делал, чем бы ни занимался, я всегда мысленно уже был в ...суде. От того, как мне пофортунит в процессе, напрямую зависела вся моя судьба. Было, согласитесь, о чем думать.

Еще в начале 1999 года в Верховной Раде, было известно мне, клалась попытка создать специальную следственную комиссию парламента по поводу противоправного ареста главного редактора «Правды Украины». За это решение, согласно регламента, должно проголосовать не менее ста пятидесяти народных депутатов. Один из моих близких друзей, Александр Барановский, в минувшем первый секретарь райкома и представитель президента в одном из районов Житомирщины, а в последние годы собкор «Правды Украины», пытаясь подстегнуть этот процесс, обратился за помощью к главному клерку в прислуге тогдашнего председателя Верховной Рады Александра Ткаченко - Борису Кириченко. Но тот грубо и надменно отказал, заявив, что проблемами Горобца Верховная Рада заниматься не будет. Дескать, пусть сам решает свои затруднения. И посоветовал моему другу впредь ни перед кем не поднимать этот вопрос. Ну, как бы там все понятно - Горобца нужно списывать со счетов.

Было ясно, что этот бывший цэковский аппаратчик явно ретранслировал чьи-то идеи. Не хочу верить, что они принадлежали его руководителю - А. Ткаченко, с которым до ареста меня связывали давние и совсем неплохие отношения. С Александром Николаевичем мы впервые познакомились после того, как я в начале одного из сентябрей восьмидесятых годов написал в «Сільських вістях» передовую статью о прогрессивных технологиях сева озимых. В публикации упоминалось, что в Тернопольской области буквально силовым методом начали насаждать старую дедовскую технологию посева семян озимых квадратно-гнездовым способом. Как учила передовая агротехника возделывания злаков, это был шаг назад. При нем увеличивается затрата семян, техники, топлива, тяжелые механизмы вдвое больше топчутся по пахоте, уничтожая микрофлору почвы.

Критикуя тернопольчан, которые внедряли этот архаичный метод сева озимых буквально партийно-силовым способом, каюсь, не знал, что за этим всем стоял не кто иной, как новый председатель облисполкома Александр Ткаченко. Он только перешел на высокую должность с поста первого секретаря райкома партии на Киевщине, и этим новшеством, собственно, крупно заявлял о себе. Он ездил из района в район и убеждал специалистов, что квадратно-гнездовой метод сева дает возможность эффективнее использовать посевную площадь. Ткаченко утверждал, что таким образом гарантируется получение отличных всходов озимых даже в самые засушливые годы.

Передовую статью в газете ЦК КПУ Александр Николаевич воспринял, как удар по его личному авторитету. Он тут же пожаловался на «Сільські вісті» руководству ЦК. Оттуда посыпались звонки в редакцию. Мне сказали, мол, езжай в Тернополь к самому А. Ткаченко и с ним разбирайся, каким способом лучше сеять озимь. Решай все на месте.

Так мы впервые встретились с Александром Николаевичем. С глазу на глаз в его рабочем кабинете. Разобрались в агротехнике возделывания культур. Тем более, что очень скоро А. Ткаченко назначили министром сельского хозяйства Украины. Это при нем началось активное внедрение интенсивных технологий возделывания пшеницы. И я, как заведующий отделом земледелия газеты «Сільські вісті», был у него здесь самым активным помощником. Именно благодаря интенсивным технологиям выращивания злаков, а также внедрению так называемых карточек плодородия полей, согласно которым удобрения вносились дозированно, в соответствии с данными агрохимических лабораторий, Украина тогда собрала рекордное количество зерна: по тонне на каждого жителя республики.

После этого мы много-много раз встречались с А. Ткаченко и, как мне казалось, со взаимопониманием относились другу к другу. Так что я никогда не поверю, что это как раз Александр Николаевич был против изучения парламентом обстоятельств моего неожиданного пленения силовыми структурами. Хотя точно знаю, что А. Ткаченко и М. Потребенко между собой были и есть на «ты».

А вот Б. Кириченко был заштатной канцелярской крысой в аппарате сельхозотдела ЦК. Он вернулся в Киев после учебы или даже работы в Праге. Мне запомнилось, что Борис Иосифович, где бы он ни встретил меня, в коридоре ЦК, или на каком-либо совещании, всегда пытался прочитать лекцию о необходимости удобрения полей. Будто бы это было каким-то новшеством, а не истиной, старой и давней, словно сам хлеб. Как заместитель заведующего сельхозотделом ЦК, он просто таки требовал писать и писать в газете о необходимости свозить с полей старые скирды соломы и производить из них навоз. У меня складывалось впечатление, что товарищ Кириченко был поставлен на партийный пост с единственным серьезным заданием - бдительно смотреть за навозным хозяйством Украины. Я хорошо знал, что у Бориса Иосифовича были особенно дружественные отношения с моим тогдашним руководителем. Посему, можете убедиться воочию, заглянув в подшивку газеты: тема старых скирд и навозных хозяйств в тогдашних «Сільських вістях» разрабатывалась на самом высоком, так и хочется сказать - «крутом» уровне. Разумеется, благодаря Борису Иосифовичу.

Теперь, став правой рукой спикера парламента, возглавив службу его помощников и советников, Б. Кириченко был категорически против того, чтобы Верховная Рада хоть как-то заинтересовалась, выяснила, что же стало причиной моего ареста. Вы спросите: почему? Ответ кроется вот в чем. Когда в парламенте произошла так называемая «бархатная революция» и прокучмовское большинство отстранило А. Ткаченко и всю его команду от руководства Верховной Радой, Б. Кириченко всплыл на задворках редакции «Сільських вістей». Так что выводы делайте сами.

Отказ А. Баранивскому в помощи создания специальной следственной комиссии было не чем иным, как продолжением к моему предыдущему изгнанию из Киева в Херсон. Продолжением настоятельного требования, звучащего из аппарата московского ЦК - ни в коем случае не позволить журналисту А. Горобцу возвращаться из южной «ссылки» в столичный Киев. Рекомендовалось прочно «привязать» его в областном центре. Теперь же кому-то очень нужно было и то, чтобы я не вышел из СИЗО. Подольше оставался там.

Хорошей иллюстрацией к этому всему стал замечательный остросюжетный психологический триллер, кажется, кого-то из французских режиссеров - «Двое в городе». Суть его вкратце такова. В одном мегаполисе жили двое - известный полицейский и бывший правонарушитель. Выйдя из тюрьмы, молодой человек твердо решил стать на путь исправления. Он все делает для того, чтобы быть добропорядочным гражданином. Но какое бы происшествие не случилось в тех местах, полицейский сразу же спешил в дом освободившегося из мест заключения. Коп каждый раз скрупулезно и с оскорблениями проверяет алиби своего визави, даже задерживая невиновного, бросая тем самым тень на его репутацию. И это не может не раздражать даже зрителей. Постановщики фильма как бы говорят, что вот огромный город, в нем живут тысячи и тысячи людей, но неким двоим в нем, оказывается, тесно. И это, согласитесь, ужасно.

Не кажется ли тебе, читатель, что и здесь получается что-то похожее? На уровне коварного злопамятства, мерзкого желания уничтожить живую душу чужими руками.

Благодарю Бога, что в парламент попадают не только люди с идеологией кириченковцев. Ибо 4 февраля 1999 года Верховная Рада создала временную следственную комиссию по изучению проблемы ареста главного редактора газеты «Правда Украины». Председателем ее стал тогдашний главный редактор парламентской газеты «Голос Украины» Сергей Правденко.

В первых днях мая, перед началом судебного процесса, Сергей Макарович вдруг явился в СИЗО. Встречу нам организовали не в секторе, где подследственные общаются с родными по телефону, созерцая друг друга через стекло. Меня привели в кабинет начальника следственного изолятора, где и находился председатель временной парламентской комиссии. Даже принесли чайник и овсяное печенье.

Я всему этому несказанно обрадовался. От коллеги веяло свободой и уверенностью. Но Сергей Макарович меня очень быстро «посадил» на реалии. Он заявил, что ни о какой громкой моей победе в процессе, пусть и с помощью парламентской следственной комиссии, не может быть и речи. Власть не позволит себя переиграть. И не следует, говорил он, к этому даже стремиться. Задача стоит одна - вырваться из-под стражи. Покинуть СИЗО. Для этого нужно просто очень скрупулезно готовиться к защите. Ибо и абсурдные обвинения могут притянуть за уши и все равно сделать виноватым. Потому мы решили, что в процессе непременно должна участвовать группа общественных защитников. Уголовно-процессуальный кодекс того времени предусматривал существование института общественных защитников. Это были полноправные участники процесса на уровне истца, ответчика, свидетеля. Они имели право делать заявления, вносить ходатайства, исследовать доказательства вины и т.п. Количество общественных защитников УПК не ограничивал. Посему, С. Правденко говорил:

- Мы должны иметь в суде количественный перевес перед оппонентами. Поэтому я буду участвовать в судебных заседаниях, как председатель парламентской следственной комиссии. Думаю, этого добиться в председательствующего удастся. Кроме того, коллектив журналистов газеты «Голос Украины» провел собрание и выделил от себя общественного защитника. Им будет руководитель юридического отдела парламентской газеты Сергей Эдуардович Демский. Отменный юрист...

И еще принес мне новость С. Правденко: двоих общественных защитников в процесс выделяет Союз журналистов Украины. В качестве одного из них выступит сам председатель Союза Игорь Лубченко. Вторым будет начальник юридического отдела Союза журналистов Григорий Таран.

Я бодрился, понимая, что вместе с двумя адвокатами - это уже определенная сила.

День первого судебного заседания, хоть я его и очень ждал, все равно пришел как-то неожиданно. Когда ранним утром поступила команда сдать все казенные вещи - матрас, одеяло, подушку, ложку, миску, я был еще не готов на выход. По длинным коридорам и подземным переходам из «кучмовки» меня повели «на боксы». Так называется та часть СИЗО, где в отдельных камерах без окон содержат тех, кто только что прибыл в изолятор или отправляется из него на суд, то ли на этап. Своеобразные удушливые душегубки для арестантов. Более благородно эти гиблые места просто назвать не могу.

Мне показалось, что самое трудное во всем этапе жизни в СИЗО - это как раз провести несколько часов «на боксах». Сюда в камеры подсудимых набивают, словно банки селедкой. В одном каменном мешке утром собирают людей, которые направляются по определенному маршруту. Те, кого «автозак» - закрытая тюремная камера на колесах - повезет по судам в одном направлении: скажем, Минский, Подольский, Ватутинский районы. Бывает, что машин на транспортировку «бандитов» выделяется всего несколько, посему в боксе приходится ждать до тех пор, пока «автозак» не сделает предварительный объезд трех судов города, в котором все больше и больше автомобильных пробок. Потому дожидаться, пока тебя отправят в суд, невыносимо трудно.

Во-первых, нечем дышать. Вентилятор, который где-то гудит, то ли не работает вообще, то ли слишком маломощный. Уже через полчаса все сидящие и стоящие в этой душегубке покрываются градом пота. Говорят, что летом, в жару, побывать «на боксах» - все равно, что отбыть недельный карцер.

Во-вторых, люди собрались не в санаторий, их везут в суд. Все необычайно возбуждены, нервны. Каждый, кого впускают через кованую дверь, переступив порог, первым делом закуривает или просит у «братвы» сигаретку. Помещение не только очень тесное, но еще и удивительно низкое. Станешь в полный рост - потолок оказывается на голове. Представьте себе, если в такой каменный мешок, размерами 3x4, набивают человек 25, и все они на протяжении часа, двух, а то и трех, четырех постоянно курят и курят. Сколько можно выдержать в таком микроклимате?

В-третьих, больше всего удручают разговоры. О зонах, о сроках, о судьях и прокурорах, подельщиках и свидетелях. О том, в каких судах какие порядки. Кто из судей сколько привычно «дает». Кто из них берет «на лапу» и сколько у кого стоит, чтобы год «скосить». Какой «тандем» самый страшный для подсудимого. «Тандем» - это судья в паре с прокурором. Один, как

обвинитель, просит «выписать», другой - «насыпает» года.

Послушаешь - уши вянут. Не верится, что где-то рядом есть другая жизнь. С проблемами, которые не касаются сроков отсидки и «хороших» да «гиблых» мест лишения свободы. А когда бывалые начнут анализировать, где, на какой зоне лучше «мотать срок», хоть волком вой. Сердце колотится, готово выскочить из груди. За что, скажите, мытарства эти? На «боксах» чувствуешь себя, словно *inter sacrum saxigae* (известное латинское выражение) - между жертвенником и камнем. Если точнее - подобно положению жертвенного животного, убиваемого, согласно древней обрядности, каменным топором.

В «автозак» тоже набивают почти силой. Первые на лавки садятся бочком, последние - на колени тем, кто раньше уместился. В отдельную клетку сюда же запускают женщин или малолеток. Без них не бывает почти ни единого рейса. Сколько ни приходилось ездить, барышни все попадались такие, что куда там мужчинам - по знанию матерных слов и вульгарно-развратному отношению к жизни.

Запомнилась одна, может быть, потому, что еще до встречи в «эковозе» я уже где-то слышал о ней. Как раз, кажется, «на боксах». Внешне броская и на улице, наверное, даже красивая, она до того чертыхала ментов, которые нас сопровождали, отгородившись от остальных «пассажиров» решеткой, что я подобных речей и не слышал в обиходной речи. Появившись на пороге крытого авто, она сразу же заявила, что мать ее, полковник милиции Мамонова, или Мамонтова, «пооткусывает всем все», если кто из легавых притронется к ней, попробует надеть наручники. «Моя душа, - заявила она, - живет на этапе, а тело принадлежит только братьям-экам». Все вокруг от удовольствия загудели. «Своя баба, в доску своя!» - слышал я возгласы рядом.

Барышня веселила всех всю дорогу, пока ее не высадили в каком-то суде. Потом «ээки» рассказывали, что мать у нее и впрямь полковник, и чуть ли не каждую неделю бегают она к дочери на свидание. Но уже второй или третий раз сама ее и сажает в тюрьму, ибо совладать с отпетой хулиганкой и воровкой тоже не может. Чужая семья - темный лес, но девка, похоже, точно была «отпетая» и, похоже, жизнь взаперти ей была романтична.

ВЕРЮ В ХИТРУЮ ПРИМЕТУ

Когда открыли двери «автозака», первым, кого я увидел возле суда, был Олег Ляшко, редактор газеты «Политика». Выход из машины был оцеплен конвоем милиции. Люди в форме

проложили подсудимым дорожку от двери машины к дверям суда. Но Олег, было видно, силой прорывался сквозь ряды милиции, что-то злобно выкрикивая.

Олег, это настоящий «гаврош» украинской журналистики, личность загадочная и несколько комичная. И я просто не могу не рассказать о нем то, чего никто не знает.

Впервые о Ляшко я услышал в начале лета 1990 года. Я пришел брать интервью в заместителя министра внутренних дел Украины, кажется, его фамилия была Бартошевич. Мы сидели и разговаривали строго по теме беседы, когда ему вдруг позвонили по одному из телефонов. Взяв трубку, генерал вдруг занервничал, потом кому-то крикнул:

- Ну и пишите, я не боюсь...

Бросив трубку, повернулся ко мне весь красный, вспотевший.

- Вы Олега Ляшко не знаете? - спросил меня.

- Нет, не знаю, не слышал, - ответил я удивленно. - А кто это?

- Значит, вы просто счастливы, - сделал вывод Бартошевич, - а то мы тут все от него уже очумели. Всех пацан замордовал.

- Так кто же это такой?

- Совсем молодой хлопец. Кажется, ему то ли девятнадцать, то ли еще и этого нет. Образование - только средняя школа, и то, если не ошибаюсь, выпускные экзамены сданы экстерном. И вот этот малец каким-то образом втерся в доверие Андрея Владимировича.

- Вашего шефа, министра внутренних дел Василишина? - уточнил я.

- Вот именно. Шеф сделал его своим каким-то там техническим помощником. А тот надел форму полковника, сфотографировался и выписал себе удостоверение чуть ли не заместителя министра. Начал выезжать в области и районы, устраивать проверки личного состава отделов внутренних дел. На местах его фамилия гораздо строже звучала, например, чем моя.

В это время отворилась дверь и в кабинет вошел высокий с виду генерал Масловский, в то время возглавлявший ГАИ МВД Украины.

- Подскажи, - обратился к гаишнику Бартошевич, - какие Ляшко повесил номера на свою машину?

- 02-00 КИВ, - сказал Масловский. - Отсюда, из министерства, на все посты ГАИ ушла телефонограмма: приравнивается к номерам автомобиля члена Политбюро Щербицкого, Александра Павловича Ляшко, председателя Совмина...

- Да вы что? - вырвалось у меня. - И это в девятнадцать лет!?

- Мошенник и аферист, - нервно поднялся из-за стола Бартошевич. - Настоящий Остап Бендер...

В ответ на мои слова, откуда, мол, взялся такой, генерал Масловский только безвольно развел руками. Дескать, что попишешь. На то воля министра.

- Ничего, он столько нахомутил, присвоил себе машину, - возбужденно заговорил заместитель министра. - Уже все следователи нашли. Будет сидеть, как миленький. Так он нынче, знаете, кем заделался? Редактором газеты «Коммерческие вести». Теперь вот, слышали, угрожает мне, мол, напишет такую статью, что я попрощаюсь с должностью...

Замечу, что это как раз было то время, когда каждая острая публикация в прессе общественностью воспринималась «на ура», а партийные органы старались тут же экстренно принять надлежащие меры по устранению отмеченных прессой недостатков. Высокие чины просто дрожали, боясь того, дабы их фамилии не попали на страницы изданий. Так что Ляшко, похоже, умело держал в «ежовых» рукавицах все руководство МВД. Это чувствовалось по настроениям генералов Бартошевича и Масловского. Они, похоже, пуще огня боялись «пацана» Ляшко, который вооружился обыкновенным журналистским пером.

Я слушал все и никак не мог поверить в то, что это реальность. Но вскоре о подвигах девятнадцатилетнего «полковника» Ляшко широко рассказала газета «Киевские ведомости». Об этом заговорили все в столице. Еще, наверное, через год-полтора и «Правда Украины» рассказывала о том, что молодому «мошеннику», которым якобы сам себя назначил помощником министра внутренних дел и «по полной программе» использовал «служебное положение» в личных целях, суд определил шесть лет тюрьмы.

После этого прошло несколько лет. В 1996 году мне позвонил один уважаемый мной заместитель министра (извините за то, что не буду на этот раз уточнять какого именно министерства) и попросил почитать одну статью, которую принесет молодой человек. Посоветовал присмотреться к нему.

Вскоре энергичный хлопец, одетый по-франтовски в стиле a la dandy, худощавый с виду, но с удивительно крепким пожатием широкой ладони, принес чернилами написанную статью о проблемах Чернономорского морского пароходства. В отдельную папочку он собрал документы, подтверждающие все, о чем говорится в материале. Было видно, что он хорошо ознакомлен с редакционными правилами подготовки материалов к печати. Да и редактировать статью совсем не нужно было. Написана она была в хорошем, динамичном стиле. Мы ее только набрали на компьютере и поставили в номер.

С очередной статьей Олег Петровский, как он представился мне, пришел через неделю. Получилась блестящая публикация о беспорядках в деятельности прокуратуры и судов. Затем еще и еще. Вскоре без Олега, без его острых, критических и доказательных статей «Правда Украины», похоже, не могла уже обойтись. Его публикации были, что называется, в масть.

Я сразу заметил, что это был человек не по годам взрослый. И такой, который не до конца раскрывает свои карты. С некоей изюминкой за публичным кадром.

Как-то он пришел ко мне с предложением: давай, мол, зарегистрируем еще одно издание. Но уже не коллективное, как «Правда Украины», а частное. Одно на троих. Учредителями будем мы вдвоем с Олегом, третий - начальник Чернономорского морского пароходства, который обещает полное финансирование. Раскрутим новую газету с помощью «Правды Украины».

После того разговора я проснулся ночью и сел за рабочий стол дома, дабы составить проект нового издания. «Название, - написал я, - «Политика». Выходит раз в неделю вкладываем в газету «Правда Украины». Через полгода - отдельное издание...»

Утром, а это была суббота, я отвез этот набросок на проспект Леси Украинки, где жил Олег. Позвонил ему с мобильного телефона. Спустившись к машине, Петровский быстро прочитал предложенный проект и от радости бросился пожимать мне руку. «В понедельник, - помнил он своим чеканным голосом, - все уставные документы будут у нас на столе. А за название - просто «Спасибо!».

Вскоре я уже читал уставные документы. Обращало на себя внимание то, что и впрямь соучредителей было три. Первой строкой везде значился я, но фамилий Петровского и начальника ЧМП Стогниенко, как договаривались ранее, нигде не было. Я спросил Олега, как это все

понимать. Он ответил, что Стогниенко, да и он якобы не хотят светиться, поэтому от них будут подставные лица. Ну, что сказать, можно ведь и так.

Очень быстро все формальности были улажены, и Петровский привез из Министерства информации Украины свидетельство об учреждении новой частной общественно-политической газеты «Политика». Тут же он показал мне протокол собрания соучредителей, которые якобы приняли решение назначить главным редактором издания Олега Петровского. Чтобы это стало документом, требовалась и моя подпись. Я не раздумывал. Не могу же я быть сразу руководителем двух газет. Пусть, подумалось, дерзает молодой Петровский.

Так в «Правде Украины» появился вкладыш газеты «Политика». Ее подписывал редактор Олег Петровский.

Не помню, сколько и выпусков вышло в свет. Может, пять или шесть. Олегу отвели мы в редакции отдельный кабинет. Задиристый и горластый, он очень скоро стал переругиваться с моими заместителями, которые фактически верстали и основной номер издания, и вкладыш. Дело в том, что газета в издательстве выпускается в соответствии с графиком. Все основные процессы расписаны по часам и минутам. Какую и когда полосу, например, нужно сдавать в печать - Олег не мог понять. А может, и не хотел. Он вносил правки в свои две страницы и тогда, когда вкладыш, согласно расписания, должен был уже быть смыт и отдан под пресс для изготовления металлических матриц. За каждый конкретный срыв графика приходилось платить штрафные санкции как раз «Правде Украины», ибо договор издательства был подписан именно с нашим изданием.

- Я этого твоего щенка, - влетел ко мне как-то разъяренный первый заместитель Владимир Малахов, - просто убью. Он весь день спит, а когда сдаем полосы, лезет в готовую страницу со своими дурацкими правками. Ничего в верстке не понимает, а пытается перемаркетировать все, не слушает никого, и самое главное - нагло на всех орет. И на меня тоже...

Однажды, буквально вцепившись друг в друга, они вдвоем влетели ко мне в кабинет. Кто-то из посетителей как раз находился у меня на приеме. И не вспомню сейчас, кто именно. Когда закрылась дверь за спорившими, гость спросил:

- А кто этот малый, такой горластый? Он работает у вас?

- Нет, не работает, но мы запускаем совместно частную газету «Политика», которая выходит пока вкладышем в нашем издании. Это ее редактор Олег Петровский.

- Да какой же это Петровский? - буквально подпрыгнул на месте мой гость. - Я его узнал - это же, без всяких сомнений, знаменитый Олег Ляшко...

- Какой Ляшко? - теперь уже удивлялся я, со страхом смутно догадываясь, о каком именно Ляшко идет речь.

- Тот самый, который развел генерала армии Василишина и который чуть было не подчинил себе все МВД. Я узнал его по голосу, говорил посетитель. - Был на суде, где рассматривали уголовное дело «девятнадцатилетнего полковника». Ему же впаяли тогда шесть лет за мошенничество. Я на всю жизнь запомнил его голос, с металлом. Внешне он здорово изменился, возмужал, а вот голос все тот же бойцовский...

Я сидел в оцепенении и не знал, что делать. Неужели это возможно? Как он ловко обвел меня вокруг пальца! А человек, который мне его рекомендовал, он об этом знает? Я бросился набирать телефон знакомого заместителя министра. Увы, никто не брал трубку. Секретарь внесла подшивки нашей газеты за предыдущие годы, мы вдвоем с моим гостем начали быстро искать в «Правде Украины» статью о похождениях «мошенника» от милиции Олега Ляшко. Наконец-то открыли этот номер и, попеременно сменяясь, в голос начали читать. Боже ж ты мой, вот это Петровский! Вот это редактор газеты «Политика», которая есть частью «Правды Украины»!

На душу мне лег тяжелый камень. Сердце тоже билось в бешеном ритме. Не хотелось верить, что произошло все именно так, как произошло. Но как говорят, заряженному танку в ствол не смотрят. Сколько ни откладывай, все же непременно нужно было идти к Олегу. Думалось, а, может, все-таки мой гость ошибся. Я позвонил по прямому телефону в кабинет Петровского, он был на месте. Сообщил, что сейчас загляну по делам.

Олег сидел за двумя сложенными буквой «Т» столами и с интересом смотрел на меня. Ибо к нему сюда я еще не приходил. До этого все вопросы решались в моем рабочем кабинете.

- Ты знаешь такого человека, как Олег Ляшко? - спросил я его неожиданно и прямо.

Петровский от неожиданности вздрогнул, но буквально через мгновение взял себя в руки. То ли он так умело владел собой, то ли был готов к тому, что однажды такой разговор все равно возникнет.

- Это я, - сказал он просто и даже, похоже, с издевкой, криво улыбнулся. - И что же мы теперь будем делать, Олег? - такими были мои слова. - Зачем же ты меня так жестоко обманул?

- У меня не было иного выхода, - заявил он. - Я изучил все издания и понял, что по духу, правдивости публикаций больше всего мне подходило ваше. Вот я и начал внедряться. А вы сами написали проект издания «Политики». Он у меня есть с собой, - после этих слов Олег, уже не

Петровский, а Ляшко, полез в свои документы и достал лист бумаги с моими каракулями, над которыми я корпел летней ночью. Он показал его мне и тут же положил поглубже в папку. Что возьмешь, подумал я про себя: мошенник, да и только. Обложил меня со всех сторон.

- Как мне все это теперь объяснить людям, с которыми я работаю? Которые избрали меня главным редактором. Сегодня знаю только я, что ты не Петровский. Завтра, возможно, узнает вся редакция. Журналистов же не обманешь. Все равно ведь станет известно, что ты знаменитый Олег Ляшко.

- Ну и что, - заявил он. - Я освобожден досрочно. В правоохранительных органах ко мне вопросов нет. Теперь вот появилась уже и газета, благодаря вам. Если мешаю, я могу уйти...

Как поступить, я просто не знал. Тем более, что буквально через день я должен был уехать в круиз по Средиземному морю. Объявить в редакции, что вместо Петровского мы имеем дело с самым отпетым мошенником демократического периода Украины Олегом Ляшко и оставить коллектив с этой проблемой я, разумеется, просто не мог. А билеты на морской лайнер уже были в кармане.

- Давай поступим так, - сказал я Олегу. - Я уезжаю в двухнедельное путешествие. Никому об этой истории не говори ни слова. Ты и дальше продолжай заниматься тем, чем занимался. А после моего возвращения домой мы разлучаемся. К этому времени, пожалуйста, подготовь документы о выводе меня из соучредителей «Политики». Чтобы я мог объясниться перед журналистами «Правды Украины», доказать им, что я и впрямь ничего не знал о тебе...

Олег все исполнил в точности. Но за это время он так подставил нашу газету, что я после разлуки с ним еще полтора года ходил по судам, отдуваясь за грехи Петровского-Ляшко. Олег написал разгромную статью о корпорации ДЭУ, которая только-только вступали на автомобильный рынок Украины. Он назвал президента могущественной корейской фирмы проходимцем и заявил, что якобы протии того на родине заведено очень серьезное уголовное дело.

Это возымело молниеносную реакцию. В Киев съехались представители ДЭУ из ряда европейских стран. Они потребовали немедленной встречи с руководителем «Правды Украины».

Контактируя с возмущенными корейцами по телефону, Олег договорился, что их примет главный редактор газеты Александр Горобец. Хотя я, как вы уже знаете, в это время был где-то между Мальтой и Сицилией.

В назначенное время группу корейцев у здания издательства «Пресса Украина» встретил прилично приодетый водитель частного авто Олега Ляшко и провел в приемную

главного редактора «Правды Украины». В моем рабочем кабинете в это время сидел разодетый и английский костюм, сверкая золотыми часами и таким же браслетом, господин Петровский-Ляшко. Он выдавал себя, разумеется, за Александра Горобца. Предварительно заявив секретарше, что, дескать, ему нужно в солидном кабинете провести переговоры с представителями корпорации ДЭУ. И просил никого не пропускать в кабинет во время встречи.

Дальше расскажу то, что слышал от других, ибо Олег так и не поведал мне в деталях о самом «ходе переговоров». Но есть сведения, что все выглядело примерно так. У Ляшко был уже заготовленный хвалебный текст о великом и мудром создателе корпорации. Он, похоже, извинился перед корейцами за оплошность с публикацией не до конца проверенной статьи, пообещал, что впредь подобного не будет. И заявил, что редакция готова опубликовать опровержение. Но было бы лучше, если кроме опровержения в этом же номере газеты появится и статья об непревзойденном руководителе ДЭУ. Но это уже, разумеется, будет платной услугой.

Как мне рассказывали, Олег назвал сумму в тысячах долларов США. Не могу утверждать, что это было именно так. Но огромные деньги, как потом доказывали мне в суде представители корпорации ДЭУ, их люди отдали или перечислили на расчетный счет то ли Ляшко, то ли редакции газеты «Политика».

И что вы думаете, после этого сделал знаменитый Олег Петровский? В следующем номере вкладыша «Политика» он написал, что после его разгромной статьи к нему явились функционеры ДЭУ (он перечислил имена всех прибывших на встречу корейцев, их должности) и предложили ему взятку - деньги. Огромные деньги (да еще в иностранной валюте!), что было грубейшим нарушением законодательства, дабы он опубликовал опровержение и хвалебную оду в честь руководителя ДЭУ. Но газета «Политика», мол, не продается, а тот, кто желает нарушать законы Украины о валютных операциях, может поплатиться свободой. Вот такой неожиданный поворот.

Когда же я вернулся на работу, никто в редакции ничего обо всем этом и не знал. А Олег подготовил, как мы договорились с ним ранее, документы на «развод». Я их подписал, выйдя из соучредителей «Политики». Ляшко собрал свои вещи и уехал на новое место, куда-то в центр Киева. Мне пришлось собрать весь коллектив «Правды Украины» и рассказать всю историю с вкладышем газеты «Политика» и почему он так внезапно перестал выходить в нашем издании.

Не успели в редакции улечься страсти вокруг обсуждения происшествия с объявлением бывшего знаменитого мошенника Ляшко в редакции «Правды Украины», как тут из суда поступил иск на 168 (!) миллионов гривен от корпорации ДЭУ. Корейцы опротестовывали все утверждения О. Ляшко. Представлять интересы ДЭУ в суде взялась юридическая фирма «Проксэп», которую возглавлял Александр Задорожный. Тот, который вот уже два созыва трудится в составе Верховной Рады и является представителем президента Украины в парламенте. К тому же, двое юристов фирмы специально прилетели по этому поводу из Сеула. Они и поведали о том, как Олег рядился в тогу главного редактора «Правды Украины», как выдавал себя за меня и как обвел вокруг пальца целую группу корейцев.

Истцам я пытался доказать, что «Правда Украины» здесь ни при чем. Все напечатано на страницах газеты «Политика». Что я лично никогда не встречался с представителями корпорации ДЭУ, не брал у них никаких денег.

Украинские и корейские юристы в один голос утверждали, что как такая, газета «Политика» еще и не издавалась, когда появились пасквилы. Заказ на полиграфическое исполнение номеров, в которых содержались обличительные и не соответствующие действительности материалы, осуществляла редакция газеты «Правда Украины». Она, получается, якобы и распространила неправдивые материалы о президенте ДЭУ.

С этим можно было и спорить, но и соглашаться тоже. Ведь и в самом деле, «Политика» распространялась по адресам подписки «Правды Украины».

И вот, в первый день слушания моего уже уголовного дела, великий комбинатор Ляшко первым встречал меня под судом.

-Сан Саныч, держись, - кричал он своим зычным, с нотками металла, голосом, отчаянно борясь с милиционерами. Они не давали ему возможности заснять все происходящее фотокамерой.

Я подумал о том, что если первым в весеннем, благоухающем зеленью городе я увидел знакомого и им оказался знаменитый хитрец Олег Ляшко, стало быть, мне повезет - светит свобода...

ДЕПУТАТЫ ЕВРОПАРЛАМЕНТА НАШЛИ МЕНЯ В СИЗО

Первый день судебных заседаний закончился примерно к 17 часам и необычайно расстроил меня. Не было достигнуто главного - освобождения из-под стражи. Трижды защита вносила ходатайство об этом, но судья Ватутинского районного суда г. Киева, которая слушала уголовное дело против меня, упорно, посылаясь на протест прокуратуры, отклоняла его. Было понятно, что у судьи и прокурора есть четкая установка - держать журналиста под стражей. Хотя малейших на то оснований не было.

Я с черным сердцем возвращался в СИЗО. Опять проклятые «боксы», ужасающий смрад никогда не проветриваемого помещения тюремного централа. Скрежет засовов «кучмовки». Землистое лицо Аркаши и других обитателей «хаты». И расспросы, расспросы, хихиканья отпетого «зэка»:

- Сан Саныч! Похоже, они тебя не выпустят уже никогда. Если бы это хотели сделать, расконвоировали бы сегодня. А так будешь сидеть. Ни за что... Хи-хи-хи, - злобствовал Катеринич.

Сердце сжималось от боли, кровь стучала в висках. Я отворачивался к стенке и вновь изучал на ней каждый бугорок. Вспомнилось, как активно вели себя на процессе Сергей Правденко, Игорь Лубченко, Сергей Демский, Григорий Таран. Как лукавил прокурор, высокий, словно жердь, худой человек.

В том же ключе, когда защита наступает, доказывая полную абсурдность обвинений, а суд отказывается удовлетворить ходатайство об освобождении из-под стражи, потому что против этого прокуратура, прошли еще два или три судебных заседания.

- Ничего, - успокаивали меня адвокаты Семен Портяник и Виктор Чевгуз. - Вы же видите: все доказательства вины у них рассыпаются. Ни единого аргумента. Все высосано из пальца. Но есть четкое указание - держать до последнего. Вот придет время, послушаем пленки, тогда все станет на свои места.

С этими заявлениями нельзя было не согласиться. Однако вновь и вновь возвращаться в адскую действительность следственного изолятора становилось выше моих сил. Почему творится такая несправедливость? - спрашивал я себя. И ответа не находил. Ведь держать подсудимого под стражей стало уже не прихотью самой лишь прокуратуры, которая, разумеется, выполняла заказ особой государственной важности, а, получалось, - и суда. Что же за общество мы построили? Выходит, диктатуру.

И вот под занавес одного дня судья вдруг сказала:

- Завтра у нас должно было состояться очередное судебное заседание. Но его не будет. Дело в том, что к Александру Александровичу на «прием» попросились три депутата Европарламента. Я подписала разрешение на их встречу в расположении СИЗО. Так что встречаемся через день...

Чего-чего, а подобного поворота событий я никак не ожидал. Меня никто об этом не предупредил. Но больше всего слух резануло это - Александр Александрович. Не подсудимый, не Горобец, как до этого всегда обращалась судья, а по имени и отчеству.

Неожиданности этого дня этим не закончились, а только начинались. При посадке арестантов в «автозак» старший из конвоиров вдруг подал команду:

- Горобца посадить крайним. Смотрите, - обратился к сержантам, - чтобы ему там было удобно...

Как только машина подъехала к выгрузке «живого товара», к ней подошел майор. Ему из кабины передали некие документы, и как только отворилась дверь, он подмигнул мне:

- Сан Саныч, пошли!

Минуя проклятые «боксы», мы двинулись по этажам изолятора и вскоре очутились в канцелярии централа. Остановились под дверью начальника СИЗО. Майор открыл её передо мной, любезно приглашая войти.

Из-за стола поднялся невысокого роста полковник. Он вышел на середину кабинета, протянул руку, пригласил садиться.

- Ну, как дела в суде? - спросил заинтересованно.

- Продвигаются, - уклончиво ответил я. - Если бы хорошо, то сюда бы не возвращали...

- Сан Саныч! - глядя мне в глаза, сказал начальник СИЗО. - Завтра, как вы, надеюсь, уже знаете, к вам приезжают депутаты Европарламента. Вы же понимаете, таких гостей у нас еще не было никогда. И вряд ли когда появятся еще. Я вам честно скажу, что вся моя судьба лично сейчас зависит от вас. Стоит вам пожаловаться - и не будет у меня этих погон, работы. Ну, всего. Кажется, вы понимаете мое положение. И потом я, сколько мог, помог вам здесь...

Тут нужно заметить, что буквально через неделю после «поселения» в СИЗО меня неожиданно вызвали из камеры поздним вечером. Такого в изоляторе практически не бывает, ибо все процессуальные работы с подследственными проводятся на протяжении рабочего дня - визиты следователей, встречи с адвокатами, родственниками. Посему, больше всех всполошился Аркаша. Когда в кормушку конвоир передал мне приказ готовиться на выход без вещей, Катеринич сорвался с нар, забежал туда-сюда в углу.

- Что за вызов, что за вызов? - размышлял он вслух. Все притихли, слушая только Аркашу и то, как я, шаркая одеждой, спешно одеваюсь на выход. - Не иначе будут тебя записывать в сексоты, - пришел к неожиданному выводу зэк.

Катеринич ошибся. Меня повели прямо к начальнику СИЗО.

- Я хотел с вами познакомиться, - заявил тогда мне полковник. - Такие, как вы, арестанты в здешних апартаментах бывают очень редко.

Наверное, с десятков минут мы разговаривали о том, о сем. Он жаловался, что на попечении у него более трех тысяч человек, а из бюджета деньги не поступают совсем. Кормить людей нечем. Капусту выпросил в колхозах, картошку тоже.

- Помочь вырваться отсюда не смогу, - на прощанье говорил тогда мне Владимир Николаевич. - Но кое-что уже сделал. Определил в наилучшие в изоляторе условия - на «кучмовку», в «тройник». Если вдруг начнутся в камере притеснения, разные там «прессования» - найдите способ сообщить мне. Я помогу...

С этим уговором мы тогда распрощались. Когда меня «давили» с прогулками, я несколько раз хотел, было, через конвоира передать записку начальнику СИЗО, но ждал, когда уже станет совсем невмоготу. До этого не дошло. Потому теперь я и не стал вспоминать о «прессовании» «хаты». Он этого, видимо, и не знал. Для этого в СИЗО есть другие люди, есть спецчасть.

- Претензий к вам, вашим людям, Владимир Николаевич, - сказал я, - у меня нет. И так за все спасибо...

- Тогда, возможно, есть какие-то пожелания?

Я задумался.

- А пропылесосить камеру нельзя? - вдруг вырвалось у меня.

- Камеру? - переспросил он. - А какой у вас номер? Не то, что нужно, а непременно надо... А вдруг они пожелают увидеть, в каких условиях живет главный редактор.

Он вскочил со стула и поспешил к пульту и телефонам.

- Слишком много пыли, - говорил я, как бы извиняясь за хлопоты. - Хоть бы раз пропылесосить. Там этого никто и никогда не делал.

Полковник нажал один, второй пульт.

- Пылесос у нас есть? - спрашивал кого-то. Было слышно, как на линии связи возникла вдруг длинная пауза. На том конце провода переспрашивали, видимо, не понимая, зачем в тюрьме пылесос. Что за странный такой вопрос.

- Да, ты не ошибся, именно пылесос, - почти закричал в трубку Владимир Николаевич. - Обыкновенный пылесос. Нужно срочно вылизать 332 «хату», в которой находится главный редактор «Правды Украины». Если нет, бери мою машину и срочно лети домой. Вези свой. Я тут с Сан Санычем беседую, чтобы через полтора часа 332 на «кучмовке» сияла. И обязательно с хлорочкой, слышишь, с хлорочкой протереть все. Чтобы сияла, как кошачьи глаза...

Побеседовав со мной еще полчаса, начальник СИЗО, снабдив журналами и газетами, спровадил меня в боковую комнату, свою, так сказать, опочивальню, поставив здесь передо мной чайник, печенье и варенье. «Отдыхайте, - сказал, - я вам мешать не буду. Включайте телевизор...»

Когда поздно вечером я возвратился в «родную» 332-ую «хату», ко мне под ноги бросился озверевший Аркаша.

- Что за херня, Сан Саныч! Нафига нам этот уют, - закричал он. - Нас два часа держали в обезьяннике, пока тут мыли и драили. Там даже сесть не было на что. У меня чуть ноги не отвалились...

- И пылесосили?

- Ты вообще охренел, заставил их пылесосить камеру. Никто такого никогда не делал. Ты что не мог понять: я не терплю чистоты. Разве не знаешь: пауки любят замшелые углы...

Все арестанты хохотали. Аркаша, как заведенный, бегал по камере и отчитывал меня за то, что «хата» оказалась чистой, как первоклассный номер гостиницы.

На следующий день в чистой и уютной комнате СИЗО, вместе с обоими своими адвокатами, я встречал гостей. Через порог переступила высокая сухопарая дама, за ней шел переводчик. Следом ступали еще трое мужчин. Одного из них я знал. Это был народный депутат Украины, он же представитель Украины в Европарламенте, Анатолий Раханский. Имя женщины было - Ханне Северинсен. Записал я и фамилии мужчин, депутатов Европарламента.

Во встрече принимал участие и начальник СИЗО. Он был в парадном мундире. Под окном расположилась женщина в военной форме. Она отвечала за чай и сладости, подавая их через каждые двадцать минут.

Госпожа Северинсен предупредила, что самое большее у них времени - полтора часа. Ибо весь день расписан на встречи буквально по минутам. Мы беседовали три часа. Похоже, гости из Страсбурга пожелали разобраться в моем деле до тонкостей.

Прощаясь со мной, госпожа Ханне Северинсен заявила:

- Этими днями американский комитет защиты журналистов главу вашего государства зачислил под номером шесть в десятку мировых «врагов прессы». Мы убедились на вашем примере, что это справедливо. В свою очередь, наш комитет, в котором мы все трое работаем, вынесет на рассмотрение Европарламента специальное постановление о вашем противоправном содержании под стражей. Если к этому времени суд вас не выпустит на волю. Об этом мы будем тоже говорить на заключительной встрече с руководителями Украины...

Это поддерживало и окрыляло. Под конец встречи я сказал европарламентариям, что условия содержания под стражей меня вполне удовлетворяют. Показывая на начальника СИЗО, который сидел рядом, я заявил:

- А Владимира Николаевича арестанты ласково называют «батей». В условиях, когда деньги на питание не поступают вообще, он кормит нас по высшему разряду...

Один из парламентариев легонько поднялся, поклонился полковнику, который обомлел от радости, и пожал ему руку. Ханне Северинсен, сделав кивок в его сторону, почему-то по-французски тихо произнесла ему: «Мерси!»

Прощаясь в тот день со мной, госпожа Северинсен заметила:

- А сказать спасибо, что мы вас нашли, вы должны Леониду Косаковскому. Это он помог нам встретиться с вами...

За что я еще раз говорю большое спасибо Леониду Григорьевичу.

ТОЧКА ВОЗВРАТА

Жизнь - движение между желаемым и неминуемым. В этом воочию убеждаешься за засовами острога. Строишь, строишь планы, а выходит только так, как судьбе угодно. Разве, положим, мог я подумать раньше, что начнется суд, и будут дни за днями проходить в заседаниях, а я все так же буду находиться под стражей. Да за что, да на каком основании?

И впрямь, оснований никаких, но сила диктатуры в стране такова, что ей ни по чем законы, требования Конституции. Прокуратура категорически против освобождения подсудимого до вынесения приговора, и суд стоит перед ней на задних лапках. Особенно ясно это стало после того, как по требованию общественных защитников в суд была доставлена аппаратура и сотрудник института судебно-медицинской экспертизы долго пытался ее наладить. Полдня участники процесса, сделав уши топориками, «слушали» некую аудиозапись, которая могла доказать мои «преступные» намерения. Но никто так и не услышал ни единого голоса. Его, похоже, вообще не было на пленке. Только треск да шум.

Как мог, возмущался по этому поводу председатель следственной комиссии Верховной Рады, народный депутат Украины Сергей Правденко:

- Это ведь ничем не прикрытая расправа. Доказательств - ни единого, а человека восьмой месяц держат за решеткой. Настоящий бандитизм...

- Хорошо, хоть мы тут есть, - говорил председатель Союза журналистов Украины Игорь Лубченко, - убеждаемся воочию: по заказу посадили, по заказу держат. И такое допускают по отношению к главному редактору центрального издания, журналисту. А что уже говорить о простых смертных людях? Как добиться правды им?

Я хоть и далек от авиации, но прекрасно знаю, что у летчиков очень важное значение имеет такое понятие, как точка возврата. То есть, максимальное расстояние от удаления. Стоит пройти его и начинается бесконечность. Иными словами, если минуешь ее, назад уже не вернешься. Не хватит, положим, топлива вернуться, дотянуть домой.

Вот Антуан Экзюпери, летчик и писатель, утверждают, миновал свою точку возврата и ушел в вечность, в мир иной.

Я хорошо понимал, что моей точкой возврата должен был стать май 1999-го. Если я не разверну ситуацию вспять, не выиграю у моих оппонентов логически, умственно, значит, придется просто уйти за облака жизни. Навсегда.

Ситуация сложилась схематически такая. Следствие утверждает, что якобы в конце одного рабочего дня у меня были определенные преступные намерения. Место действия - помещение редакции, время - примерно 18 - 18,15 вечера. День - 10 сентября 1998 года.

Первой опомнилась моя жена Ольга. На первом же свидании в следственном изоляторе она почти знаками, не особенно распространяясь в телефонную трубку, поскольку была уверена, что нас прослушивают, передала: именно в это вечер я купил плащ. В телефонную трубку лишь сказала: «Корешок дома». И я все вспомнил...

Да, это было мое спасение, мое железное алиби. Те, кто готовил операцию, не учли или попросту поленились хронометрировать, несколько моих дней, вечеров. Иначе бы они не попали в такой очевидный просак. Или здесь мне помогал сам Бог...

Я очень редко делаю покупки. Но надвигалась осень, стало заметно холодать. И я как-то вместе с сыном Тарасом отправился под вечер в универмаг. Мы сделали с ним две покупки - ему и мне.

Скажу, что почти всегда до этого я беззаботно выбрасывал кассовые чеки. Зачем они мне были? Но тут словно кто подсказал или подбросил его в пакет к покупке. После визита супруги адвокаты передали: упакованный в универмаге «Украина» плащ, с кассовым чеком и целлофановым пакетом дома. Мне даже показали скопированный корешок. На нем четко выбито - «10 сен.»

Мы решили, что следователю обо всем этом говорить не будем. Подобное, как договорились, должно стать нашим последним и неожиданным для прокуратуры патроном в патроннике. О факте покупки плаща, как неопровержимом алиби, решили рассказать

непосредственно в суде.

Можете представить, как имея этот аргумент в запасе, я жил с ним в душе более чем полгода, перенося все тягости тюремного быта. Если бы вы знали, как хотелось об этом громко заявить прямо в лоб следователю, который как раз на 10 сентября навешивал на меня всякую чушь. Как хотелось, например, сообщить об этом депутатам Европарламента. Но где гарантия того, что, узнав об этом, сотрудники прокуратуры не ломанутся в бухгалтерию универмага и под видом какой-либо проверки не уничтожат доказательство того, что такой плащ продавался вообще. А, главное, - в котором часу. Это ведь тоже очень важно. Кассовый аппарат, видимо, отразил и этот момент. Именно запись кассовым аппаратом времени приобретения покупки и была моим, что называется, железным алиби. Это было моим спасением.

И вот дожили мы до того дня, когда нужно было выставить свои последние аргументы. Я хорошо помню, что это был четверг. Адвокаты пришли к выводу, что заявление это, как свое алиби, суду должен представить непосредственно подсудимый.

На самом же деле, в то утро готовил я не одну, а сразу две сенсации. О второй я до этого дня ничего не сказал никому. Даже адвокатам Виктору Чевгузу и Семену Портянику.

Дело вот в чем. Четвертый этаж, который занимала «Правда Украины» в издательстве, каждый вечер закрывался на ключ и сдавался на сигнализацию. Следствие велось настолько поверхностно, без уточнения деталей, что на этот факт вообще не обратило никакого внимания. Так вот, когда редакция сдается на сигнализацию, в книге записей, которая хранится на центральной проходной, делается соответствующая запись.

Когда ко мне на свидание пришел сын Тарас, а он тогда тоже работал в редакции «Правды Украины», я попросил его очень аккуратно узнать, лучше всего самому, своими глазами увидеть, в котором часу 10 сентября четвертый этаж сдавался на сигнализацию. Через месяц он показал через стекло четыре выведенных ручкой цифры, с запятой посредине - 17,45.

Это было еще одно алиби. Следствие и его свидетель попросту ввали, что в тот вечер кто-то мог быть в редакции в 18 часов и позже этого времени, если охраняемый объект еще раньше (как видим, в 17,45) сдали под стражу и на момент «совершения преступления» - по версии прокуратуры он уже находился под сигнализацией. Значит, это было еще одним доказательством того, что дело против меня сфабриковали.

Но об этом открытии я не сказал никому, даже своим адвокатам. Нужно было огорошить прокуратуру еще одним откровенным ее ляпом. Я очень боялся, что, возможно, кто-то из адвокатов где-то случайно проговорится и обвинению удастся уничтожить очень важную для меня улику - книгу сдачи объектов под охрану и сигнализацию издательства «Пресса Украины».

Я поднялся и дрожащим от волнения голосом зачитал ходатайство суду. Это было предложение рассмотреть две вещественные улики, которые полностью снимали с обвиняемого все подозрения. Предлагалось в бухгалтерии универмага «Украина» (отдел мужской одежды) найти кассовый чек о продаже плаща 10 сентября 1998 года, который я покупал примерно в то самое время, которое инкриминируется мне, как время возможного совершения преступления. При этом в ходатайстве подсудимый просил вызвать в качестве свидетеля народного депутата Украины Станислава Николаенко, который был при том, когда примерялась покупка. Второе, Суду предлагалось изъять и рассмотреть книгу сдачи объектов под охрану и сигнализацию издательства «Пресса Украина». Я утверждал, что запись в ней покажет: обвинение против меня - вымысел следствия. В указанное в обвинительном заключении время в помещении редакции не мог находиться никто.

Я просил суд направить людей для изъятия вещественных доказательств, не прекращая заседания, не давая возможности представителю прокуратуры выйти из зала, вмешаться в дело или по звонку из присутственного места добиться уничтожения вещдоков. Мое предложение активно поддержали адвокаты и защитники. И только прокурор негодовал. Он был категорически против всего этого, как он называл, «спектакля». Представитель ведомства господина Потребенко утверждал, что все доказательства вины подсудимого собраны, что нужно переходить к прениям и выносить приговор. Что, дескать, защита, зная о подобных фактах, действовала противоправно, не заявила о них следствию. Как нужно, наверное, понимать, для того, чтобы они тут же были уничтожены.

Судье деваться было некуда. По закону в процессе должны быть рассмотрены все заявления, доказательства сторон. Обойти вниманием такое важное ходатайство она никак не могла.

Суд принимает решение: общественного защитника Сергея Демского направить в издательство «Пресса Украины» с предписанием: руководству комбината печати передать для изучения книгу сдачи объектов охраны на сигнализацию. Адвоката Виктора Чевгуза направить в бухгалтерию универмага «Украина» с другим предписанием: представить суду сведения о том, продавался ли 10 сентября 1998 года плащ мужской 56 размера, рост 3-ий. Суд запретил кому-либо покидать помещение зала, где проходил процесс, до возвращения посланцев.

Примерно через два часа возвратился Сергей Демский. Он доложил следующее. Придя в издательство, юрист «Голоса Украины» попытался попасть к директору Владимиру Олейнику. Его отправили к начальнику службы охраны Медведю. Тот, узнав, в чем дело, по внутреннему телефону прочитал текст документа из суда директору издательства, раздобыл книгу сдачи объектов на сигнализацию и вдвоем с С. Демским начал листать ее. Нашли запись от 10 Сентября. С этим вдвоем отправились к директору издательства. В кабинете вместе с В. Олейником находился, видимо, уже приглашенный сюда начальник юридического отдела издательства.

Посмотрев документ суда, В. Олейник заявил, что если бы это было предписание не суда, а прокуратуры, он бы, не задумываясь, отдал книжку для изучения. Начальник юридического отдела поддержал руководителя:

- Поскольку это письмо из суда, мы можем либо отдать книжку суду, либо заявить, что такой книги у нас нет...

Зажав злополучную книгу записей под мышку, начальник службы охраны издательства Медведь тут же при всех заявил С. Демскому:

- Можете передать суду: у нас такой книжки нет...

- А как вы могли пройти на охраняемый объект? - вдруг спросил В. Олейник Сергея Эдуардовича строго. - Все, все - уходите отсюда...

Медведь показал С. Демскому на дверь.

Услышав все это, С. Правденко, Г. Таран, И. Лубченко потребовали от суда возбудить уголовное дело против Олейника и Медведя за сокрытие улик, неуважение к суду. Председательствующая в процессе, похоже, несколько растерялась от напора, с которым выступили общественные защитники. Она заявила, что по этому поводу решение будет принято после того, как заслушаем второго посланца суда - Виктора Чевгуза.

Однако, сколько ни ждали, в тот день Виктор Степанович в суд не возвратился. Мне всю ночь снились кошмары. Душу охватил жуткий сплин - тоскливое настроение, уныние. Утром дорога из СИЗО на Троещину показалась вечной. Когда наконец-то меня завели в зал заседаний, все участники процесса были уже на своих местах, в том числе и адвокат В. Чевгуз.

- Продолжаем заседание, - объявила судья. - Слушаем Виктора Чевгуза, который вчера судом направлялся в бухгалтерию универмага «Украина».

- Получить разрешение на поднятие из архива бухгалтерских документов за сентябрь 1998 года вчера, при всех моих стараниях, не удалось, - заявил Виктор Степанович. - Попасть в архив удалось только сегодня. В бухгалтерию я прибыл в 8 часов 05 минут. И вместе с бухгалтерскими служащими в комнате архива застал следователя по нашему уголовному делу. (Дальше он назвал фамилии! «важняка», который вел мое уголовное дело)

В зале запала звенящая тишина. Из рук прокурора выпал карандаш, и этот звук в помещении, казалось, был равен выстрелу из пистолета.

- Я должен заявить суду, - подчеркнул в полной тишине В. Чевгуз, - что следствие по данному уголовному делу закончено еще в марте сего года, то есть более двух месяцев тому назад. Поскольку уголовное дело находится на рассмотрении в суде, следователь не имеет никакого отношения к нему, хотя раньше и вел его. Ему законом запрещено сегодня проводить какие-либо действия по сбору улик, доказательств против обвиняемого. То есть, он не имел никакого права находиться нынче утром в бухгалтерии универмага «Ук раина», после того, как вчера было зачитано известное ходатайство подсудимого. Тем более, требовать от сотрудников бухгалтерии показать ему кассовый чек на продажу плаща. Именно тот, подчеркнул, который сейчас интересует суд. Как раз этого он и добивался от бухгалтеров, хотя мне тут же заявил, что в универмаг его привело рассмотрение другого уголовного дела. Если бы я замешкался в дороге еще на несколько минут, - сделал вывод адвокат В. Чевгуз, можно предположить, что мы бы никогда не нашли доказательства того, что 10 сентября 1998 года в 18 часов 27 минут в секции мужской одежды был продан мужской плащ - размер 56, рост 3. Цена тоже соответствует той, какую вчера в своем ходатайстве указал подсудимый. Кстати, в тот день универмаг продал всего один мужской плащ. И, как можно сделать вывод, Александру Горобцу. Вот документ бухгалтерии универмага...

Это была маленькая победа. Ибо один и тот же человек не мог примерно в одно и то же время находиться в двух разных концах мегаполиса. Тем более, что и покупки одежды людьми делаются, как известно, не сразу. Например, не так быстро, как покупка колбасы. Попросил взвесить, и все.

Я точно помню, что встретив в отделе одежды народного депутата Украины Станислава Николаенко, которого знал еще инструктором Херсонского обкома партии, я разговаривал с ним, примеряя при этом обновку, минут 15-20 - не меньше.

Защита потребовала возбудить уголовное дело против руководителей «Прессы Украины» Олейника и Медведя, а также против следователя, который грубо нарушил закон. Суд постановил: в качестве свидетеля допросить лишь следователя по особо важным делам городской прокуратуры. На действия Олейника и Медведя председательствующая в процессе почему-то махнула рукой.

Тем временем оживший после провала своего собрата в бухгалтерии универмага представитель прокуратуры потребовал принести вещественное доказательство - приобретенный плащ. Не дожидаясь, когда доставят вещественное доказательство в зал, прокурор, высокий, с некоей субличностью во всем своем виде, задал вопрос: какого цвета подкладка в приобретенной обновке?

Я думал, думал, но вспомнить не мог. В уме хорошо держалось, что плащ был черного цвета, а вот больше ничего. Да и не мудрено, наверное, ведь со времени покупки одежды все-таки прошло достаточно много времени - с 10 сентября по двадцатые числа мая. Более восьми месяцев. Прокурор с надменным видом торжествовал. Особенно тогда, когда оказалось, что подкладка плаща имела огненно-розовый цвет. «Такую, - сделал победный вывод он, - забыть нельзя было». Высокий, чуть ли не под самый потолок суда, он высился над всеми фертом, оперев руки в бока, изображая из себя огромную букву «Ф». От человека за версту несло фанфаронством. Он не скрывал радости оттого, что я забыл о ядовитом цвете подкладки верхней одежды.

Однако эксперимент на этом не закончился. Прокурор тут же попросил примерить осеннюю прошлогоднюю попку. Плащ явно висел на мне. Под него можно было спрятать еще одного человека. Таких щуплых, как варнак Аркаша, небось, - и два.

- Это же не ваш размер, - сделал молниеносный вывод представитель обвинения. - Вы нас просто разыгрываете.

И тут слова попросил народный депутат Украины Сергей Правденко.

- У меня к вам один вопрос, господин прокурор, - сказал вдруг Сергей Макарович.

- Пожалуйста, - с готовностью откликнулся тот.

- В таком случае, скажите, пожалуйста, нам всем, какого цвета кофточка была вчера на уважаемой председательствующей в суде? Я подчеркиваю - вчера, - своим громовым голосом четко произнес Сергей.

Обескураженный прокурор почесал затылок.

- Не берусь утверждать, но, кажется, розовая.

- Нет, - ответила судья, - бежевого цвета.

- А вы не учитываете, - ехидно улыбаясь, продолжил Сергей Макарович, - что человек более семи месяцев находился в роли ясыря, то есть, невольника, пленника, содержался на вонючей тюремной баланде, что он сильно похудел? Вы об этом забыли?

Ответа не было. Прокурор промолчал.

23 мая вечером, когда я вернулся через «боксы» в «хату», Аркаша, словно липучка, пристал ко мне с непрекаемым требованием - сыграть в нарды. Как я не отбивался, зэк не отставал.

Турнир проходил с переменным успехом. То я выиграю, то он. Через несколько напряженных часов игры, когда мне наконец-то удалось буквально на один шаг опередить Катеринича, я поднялся и заявил, что больше не играю.

- Ты что себе позволяешь? - во всю глотку орал на меня «смотрящий» в камере. - Я здесь решаю - играть или нет. Подумаешь, он не будет. Заставим играть...

- Прости, дорогой Аркаша, - заявил я своему давнему сожителю по острогу, - ты хоть что делай, а на волю я должен уйти победителем. И над тобой, пусть лишь в нардах, но тоже...

На следующее утро суд меня освободил из-под стражи. Было это 24 мая 1999 года. За решеткой пришлось прожить - семь месяцев и 24 дня...

Часть третья

ВСЕ ПРОЙДЕТ – ПРАВДА ОСТАНЕТСЯ... НО КУДА ДЕТЬ «БУРИДАНОВЫХ ОСЛОВ»?

ЕСЛИ «АТАМАН» НЕДОСТОИН ВОЙСКА СВОЕГО

В один из последних дней весны 2003 года в Киеве проходило очередное заседание винницкого землячества. Есть, скажу я вам, такая комическая, мифическая и весьма загадочная структура, которая желающим дает возможность хотя бы раз в году вволю попить знаменитой немировской водки, поулыбаться друг другу. Кое-кому это нужно для того, чтобы публично удовлетворить свои невостребованные амбиции. Покуражиться перед народом, величая себя то атаманом, то вождем племени, а то чуть ли не главным винницким человеком.

Все начиналось, наверное, в 1995 году, когда я однажды рассказал молодому тогда генерал-майору, заместителю командующего войск ПВО Украины, моему давнему другу Александру Костюку о том, как учился в ВПШ - Высшей партийной школе при ЦК Компартии Украины. Ехали мы с Александром Васильевичем вдвоем отдыхать в Сваляву, на Закарпатье, и вот проезжая по Ровеньщине, мимо указателя на областной центр Луцк, я вдруг вспомнил одну историю из жизни. Связанную с Волынью и волынянами.

В общежитии ВПШ жил я с бывшим редактором областной молодежной газеты из Луцка Святославом Крещуком. Был это худощавый, в роговых очках молодой человек, имеющий нежную душу, пламенное сердце и особую журналистскую жилку. О Славе, пожалуй, стоило бы написать целую книгу, ибо настолько он простой, искренний, добрый человек. И очень, замечу, талантливый. Настоящий мастер слова. Непревзойденный поэт. Жизнелюб. Таких верных в дружбе и бескорыстных людей я больше просто не встречал. И поэтому благодарю Бога за то, что дал возможность сблизиться с хорошим человеком, два года кряду делить с ним хлеб-соль под одной крышей.

В ВПШ с утра до вечера - изучение марксизма-ленинизма, до одури конспектирование трудов Карла Маркса и Владимира Ленина. Семинарские занятия по проблемам мироустройства, строительства развитого социализма. Одна всему отдушина собрания землячества. По поводу именин и различных праздников, в начале да конце учебного года. На втором курсе меня избрали президентом винницкого землячества, и познал я сию чашу сполна, организовывая такие заседания, готовя выступления и застолья.

Однако образцом такой неформальной дружбы было в ВПШ как раз волынское казачество. Именно так, величало само себя объединение людей, прибывших с глубинки Полесья в столицу на учебу. Это была, как я убедился, бескорыстная настоящая мужская дружба, помогающая людям, оказавшимся вдали от дома, от семьи, легко и увлеченно переносить невзгоды вынужденного одиночества. Может быть, это получалось так еще и потому, что при двухгодичном цикле стационарных занятий людей с высшим образованием в партийной школе с Волыни занималось всего по семь-восемь человек на потоке. Ну, совсем немного. Не по сорок-пятьдесят, как с Донетчины, Днепропетровщины. Люди не терялись из виду, помогали друг другу во всем. Казалось, не было ни единого вечера на улице Мельникова, в районе мотоциклетного завода, чтобы с окон девятиэтажного здания на верхушки тополей, на окна областной больницы не летела красивая песня самодеятельного полесского композитора Иосифа Кривенького «Волынь моя»:

Де ще знайти

Таку красу?

Неначе причарована:

Волинь моя, земля моя,

краса моя –

сонячна.

И вот в землячестве приключилась такая оказия...

Слава с вечера ушел на очередное заседание казачества, я, почитав конспекты и учебники, безмятежно уснул. Примерно, часа в три ночи мой друг, вернувшись навеселе, окликнул меня.

- Знаешь, какая беда у нас приключилась? - задал он риторический вопрос. - Ты не поверишь, но Яна забеременела...

- Да ты что? - тут же проснулся я.

Наверное, не было человека в ВПШ, который бы не знал симпатичную волянянку Яну. Молодая, красивая, настоящее украшение комсомольского отделения партшколы. Когда она шла по коридору, большинство мужчин оглядывались ей вслед. Яна на все это и не реагировала.

История сего происшествия такова. Девушка до отъезда на учебу в Киев работала секретарем райкома комсомола в Гороховском районе Волини. За несколько месяцев до ее отбытия на учебу в ВПШ в тех краях проводились соревнования школьников под названием «Зарница». И так получилось, что полевой лагерь гороховских юнармейцев разместился в угодьях соседнего колхоза Львовской области. А в том хозяйстве агрономом трудился молодой да пригожий парень. Где-то в полях и переплелись их пути-дороги. Колхозному специалисту приглянулась командир юнармейцев из Горохова. А у нее, как в той песне поется, - «Волосы светлые в косы сплетенные», глаза голубее неба. Яне тоже явно по душе пришелся статный и чубатый агроном энтомолог, то есть, специалист по защите растений. На войне, как на войне, пусть и детской, игрушечной, все произошло очень быстро. Завязался не простой военно-полевой роман. С таким вот дивным продолжением.

Когда девушка приехала в Киев, со Львовщины ей чуть ли не каждый день прилетали веселые и балагурные письма. Но стоило Яне обмолвиться о том, что вследствие их тайных встреч под высокими полевыми звездами у нее вдруг появились непредвиденные проблемы, как переписка тут же оборвалась. Девушка загрустила, понимая, что родить ребенка в ВПШ, не имея официального мужа, - значит, непременно лишиться учебы, партийного билета, а значит, работы и

положения. В общем, - всего.

Внимательные мужчины из землячества заметили, что Яна тускнеет на глазах и, похоже, как-то однобоко полнеет как бы тоже. Делегировали двух самых авторитетных мужчин на переговоры к девушке.

- Ты должна сказать нам все, как и с кем, что случилось, - заявили они, не пряча глаз. - Не стесняйся, мы - твои друзья. Вместе обсудим ситуацию, постараемся найти выход из тупика.

И она отважилась. Повела все, как было, как есть. Вот той ночью, о которой я упоминал выше, проблему Яны обсуждало все землячество. Решили: послать двух гонцов, слушателей ВПШ, в село, к энтомологу. Один из переговорщиков - вчерашний заведующий отделом Волынского обкома партии, второй - бывший председатель одного из райисполкомов Волыни. С виду солидные люди, словом, далеко не пацаны.

Приехали посланцы из ВПШ к председателю райисполкома того района Львовской области, где все приключилось. Рассказали ему «юнармейскую» историю Яны. «Поехали в село, - не раздумывая, сказал руководитель района. - Поищем нашего героя».

И вот в кабинете председателя колхоза собрались два гонца из Киева, председатель здешнего райисполкома, председатель колхоза, председатель сельсовета. Вызвали на ковер молодого агронома. Спрашивают:

- Яну из Горохова, секретаря райкома комсомола, знаешь?

- Знаю, - тихо отвечает.

- А что она беременная от тебя, тоже знаешь?

Молчит, как в рот воды набрал.

- А жениться на ней будешь? - добивается председатель райисполкома.

- Я ее не люблю, - наверное, после десятого подобного вопроса отвечает бывший кавалер секретаря райкома комсомола.

- Ах, не любишь, - вмешивается в разговор один из приезжих, - а вот твои письма, где на каждой странице по десять признаний в этом. Зачитать их?..

- Не нужно читать, - просит парень.

- Сейчас не любишь, - по-простецки размышляет в голос председатель сельсовета, - а когда на дивчину забирался, неужели тоже не любил?

- Так жениться будешь?

- Не буду.

- Привезите его отца и мать, - распорядился председатель райисполкома.

Вот и перепуганные родители вошли в кабинет, молодой агроном сидит в углу - ни живой, ни мертвый. Внимательно выслушали отец и мать эту дивную историю, в которую попал их отпрыск. Не долго и размышляли над всем, даже не советовались между собой. Поднимается женщина и говорит присутствующим:

- Мы своих детей, люди добрые, по свету не разбрасываем. Сумел сделать ребенка, будет жениться. Немедленно. Вы, киевляне, будьте за сватов. Едем в дом наш, все обсудим. Нужно готовиться к свадьбе.

Под новый год волынское землячество и комсомольское отделение ВПШ гуляли в Яны на свадьбе. Говорят, красивая удалась семья. А всему заслуга - землячество.

Рассказал я эту дивную историю генералу Костюку, сам того не подозревая, что натолкнет она нас на создание в Киеве винницкого землячества. Вернувшись из поездки на Закарпатье, мы как-то попали на дачу к бывшему винничанину Виталию Безносюку. И слово за слово, что называется, уже в два голоса рассказали ему дивную историю волынской девушки Яны.

Загорелся Безносюк - давайте, дескать, и мы организуем подобное объединение. Выходцев из наших краев в столице хоть пруд пруди. Такое землячество, по горлу своему рукой ведет, показывает Виталий, что вот так, мол, оно нужно, позарез.

Для того, чтобы понять все, нужно знать Виталия. Журналистские дороги повели меня землей, побывал я в тридцати семи странах. Встречался с тысячами и тысячами людей. Кажется, с одной беседы могу узнать, кто, как говорится, чем дышит, как мыслит, чем живет. Но подобных В. Безносюку не встречал.

И обидеть его не хочу, потому, что таким уже он родился, другим - это ясно, никогда не станет, но большего хвастуна и, простите на слове, такого лживого человека просто не встречал.

Хобби Виталия - выгодные знакомства. Создается впечатление, что он регулярно следит за кадровыми назначениями в верхах и от туда выбирает имена тех, с кем нужно «случайно столкнуться», завести дружбу, кого необходимо, что называется, «причаровать». После рукопожатий путь новых знакомых непременно лежит на дачу Виталия, в Конче-Заспу. На берег Днепровского лимана. На «семнадцатый километр», как еще называют гости Безносюка это место.

Когда возникла идея организации землячества, Виталий Дмитриевич буквально не отставал от меня ни на день, ведя одну линию, атаманом казачества должен быть только он. В принципе все так как бы и получалось. За дело мы взялись втроем - я, генерал Александр Костюк и Виталий Безносюк. На мне в ту пору лежала центральная газета с ее огромными финансовыми проблемами, необходимостью каждый день рисковать в море политических проблем и интриг, и я, при всем желании, никак не мог бы управляться с этой общественной нагрузкой. Генералу, заместителю командующего ПВО страны, это тоже будто бы не подходило по статусу. А вот Виталию, руководителю некоего «Укрвнешинтура», это ложилось словно бы в масть. Ибо организация его находилась в самом центре столицы, на улице Богдана Хмельницкого. Безносюк тут же ухватился за то, что он в помещении своей организации выделяет комнату под землячество, находит даже ставку штатного сотрудника. То есть, землячество разместится у него под рукой. А поскольку так, то ему как бы им уже нужно было и руководить. Вскоре усилиями В. Безносюка была отлита в металле солидная вывеска. Сегодня она висит на здании, где размещается и «Укрвнешинтур».

Я готовил документы - устав, кодекс чести рыцаря землячества и другие документы. Безносюк не унимался, переживал, что его могут не избрать. Он слезно просил меня написать выступление, с которым буду представлять его на должность атамана. Будто бы для того, чтобы на трибуне не забыть его послужной список, всех его заслуг. Но скорее ему это нужно было для того, чтобы проконтролировать, что и как будет сказано. Это выглядело и наивно, и смешно. Но я хорошо помнил, что высший поступок - это другого поставить впереди себя. Собственно, так и учинил по отношению к Безносюку.

Тогда каждый день наш обязательно заканчивался на даче в Конче-Заспе. Туда бильярд приезжали играть тогда еще председатель Таможенного комитета Украины Юрий Кравченко, председатель Арбитражного суда Украины Дмитрий Притыка. Тут я познакомился и подружился

со своим земляком, тогда еще полковником милиции Николаем Джигой. С тогдашним министром транспорта Орестом Климбушом, а потом его преемником Иваном Данькевичем. И многими другими. Была там масса всевозможных прокуроров, милицейских руководителей. (Это племя людей Виталий уважает больше всех). От прокуроров районов до заместителей генерального прокурора, разномастных убоповцев и начальников различных спецподразделений, с туповатыми и жирными лицами, большими, тренированными кулаками. Рыбинспекторы, налоговики. И другие «нужные» пану Безносюку люди.

Скажу, что я ни разу в жизни не попытался использовать эти знакомства. Ни в служебных целях, ни, тем более, - в личных. Ни разу! Даже в самые трудные моменты. Бывавшие на семнадцатом километре сами этому свидетели. Например, и бывший министр внутренних дел Ю. Кравченко, и его тогдашний первый заместитель Николай Джига. Например, в пору, когда меня противоправно арестовали, бросили в застенки СИЗО.

Часто на берегу Днепра, в Конче-Заспе, бывал и тогдашний министр лесного хозяйства, а потом и первый вице-премьер-министр Украины Валерий Самоплавский. Однако Валерия Ивановича Безносюк больше всех и побаивался. Наверное, за его прямоту, умение говорить правду в лицо. Самоплавский мог при всей честной компании сказать Виталию:

- Ты чем-то похож до нашей категории - лесников. Они все, как правило, охотники и рыболовы. Умеют здорово приврать, когда рассказывают о своих подвигах в угодьях и на воде. Твое отличие лишь в том, что ты врешь не только по отношению к зверью и рыбе. У тебя здесь даже еще похлеще получается...

Валерий Иванович несколько не ошибался. Он Безносюка знает просто таки отменно. Виталию, чтобы выгородить себя, поднестись в глазах новых людей, ничего не стоит в один момент сочинить такую байку, от которой в здравомыслящего человека уши вянут. Порой «атаман» до того фантазирует, что потом сам начинает верить в то, что наговорил. Особенно же удачно у него получаются гиперболизации в виде того, что вот «мне сегодня позвонил премьер министр», «глава администрации президента». Я даже слышал выражение, что Безносюку, дескать, по какому-то поводу звонил сам Леонид Данилович.

Особенно это неприятно было слышать, когда из Киева делегация от землячества приезжала в Винницу. Среди прибывших во главе с «атаманом» были солидные, умные люди, далеко не чета Безносюку, некоторые просто таки настоящие умницы. Представьте себе с одной стороны стола сидим все мы, киевские винничане, с другой - глава областной госадминистрации, его заместители, руководители облсовета. А Безносюк поднимается и начинает, что называется, вчистую врать.

- Знаете, - на полном серьезе заявляет он, - вызывает этими днями меня глава администрации президента и спрашивает, ну, как там дела с посевом в родных краях...

И все дальше горюет в таком же духе. Не в шутку, а всерьез. Послушаешь подобное, хочется лезть под стол от стыда. Ну, один к одному, как в той ситуации, когда Леонид Кучма первый раз в ранге премьер-министра встречался с турецкими парламентариями, о чем я рассказывал выше. А Виталий такое несет, такое, что стыдно людям, сидящим по ту сторону стола, в глаза посмотреть. Приглянулся я как-то повнимательней к нему: Боже ж ты мой, да он же сейчас искренне верит в то, что лопочет! Какой ужас!

- Господи, - дышит мне в ухо генерал Костюк, - какое бесстыдство, какое скудоумие!

В перерыве подходят ко мне первый заместитель министра финансов Украины Станислав Буковинский и известный киевский предприниматель Николай Лясовой.

- Ты где откопал нам такого «атамана»? - улыбается обворожительной своей улыбкой светло-русый Николай Васильевич. Николай сравнительно молодой да ранний. В совершенстве владеет английским. Есть, так сказать, агентурные сведения, что в свое время молодым сотрудником советских спецслужб он инкогнито пребывал за границей. Не знаю, принесло ли это пользу стране, но самому Николаю - определенно, да. Когда развалился Советский Союз, Николай Лясовой сумел, так сказать, воочию познакомиться с ответственным сотрудником ЦРУ в ранге отставного генерала, который работал против него. Они подружились, а теперь в Киеве совместно занимаются бизнесом. Дарел, так зовут бывшего цэрэушника, больше бывает в Украине, чем дома, в США. С Николаем они - неразлейвода...

- А я причем здесь, - говорю, - вы же сами голосовали за Безносюка?

- Тебе же поверили, - замечает Станислав Альбинович. - Ты же выдвинул его кандидатуру...

- Кто ж его знал, что он окажется таким странным человеком. А потом, он так этого хотел, спал и видел себя во главе землячества. Все уши прожужжал мне и Костюку, - рекомендуйте, люди вас послушают. Вот и взяли грех на свою душу, а я с трибуны всем предложил его...

Многие поза глаза хулят «атамана», но молчат. В открытую полемику никто вступить не желает. За исключением одного человека, но о нем я позже отдельно скажу.

Характерная черта Виталия: если нужный ему человек неожиданно теряет свою должность, положение, он тут же для «атамана» становится чужим. Безносюк может пройти мимо такого и не поздороваться. Хотя еще вчера пел ему и дифирамбы, и бардовские песни на гитаре. И таких примеров можно привести множество.

- Подобного конъюнктурщика, - говорит Николай Лясовой, - я в жизни не видывал. Потому в знак протеста заседания землячества посещать не могу. Меня воротит от вранья, лицемерия «атамана»... Слушать его бред, - значит, не уважать себя.

- Служить бы землячеству рад, - вторит ему генерал Александр Костюк, - но вот прислуживаться - тошно... И поскольку мне скверно, заседания землячества теперь я просто таки вынужден пропускать. Хотя, признаюсь, поступать мне так очень не просто. Ведь я же создавал землячество. Разумеется, не для личной пользы одного человека...

В то же время Безносюк, для большей убедительности своего авторитета, на заседания землячества приходит в окружении людей, которые никакого отношения к винницкой земле и не имеют. Но непременно пришельцы эти с именами, титулами. Как по мне, то весьма дешевыми. Ибо их они заработали в услужении режиму Л. Кучмы. Например, член-корреспондент, губернатор, вице-премьер, государственный секретарь. Они, похоже, просто заворачивают Виталия Дмитриевича.

Эти «говорящие» звания и должности пан Безносюк объявляет так зычно, аж голос срывается на фальцет. Орет с такой придурашливой силой, закатывая в благоговении при этом глаза, что у слабонервных вилки падают из рук. Кто-то с перепугу крестится. Порой хочется спросить: это заседание членов добропорядочного и авторитетного землячества или клуб диких, горластых крикунов?

На заседания подольского казачества Виталий приводит таких «подснежников», «нужных» персонально ему людей немало. Чаше других появляется Иван Курас. Бывший вице-премьер одного из правительств. Знаменит он тем, что является близким человеком к Дмитрию Табачнику. Прежде всего, по кандидатско-докторским делам

Жуют они вместе - Безносюк и Курас - в ресторанно-застольном президиуме, перешептываются между собой. По залу то и дело летает вопрос: «А какое отношение этот имеет к Подолии?»

- Да проезжал через наши края, - незлобно съерничает кто-то в ответ.

Садит Безносюк Кураса по правую руку от себя, словно икону, и через раз к нему обращается. Будто бы, как к представителю Кабинета министров или чуть ли не самого президента Украины на заседании землячества. Получается, что Иван Курас чуть ли не генеральный инспектор по застольям. Своеобразный уполномоченный от власти. А тот тоже «дурочку» играет, раздувает щеки, водку пьет да икоркой закусывает. Хвалит и хвалит «атамана», мол, лучший из лучших. Ну, конечно же, мы-то ему цену знаем.

Лишь один Леонид Андриец, не мало, кстати, уже натерпевшийся за свое правдолюбие, прямой и откровенный, знающий цену людям, несколько раз пытался объяснить землячеству, что негоже иметь за «вождя» у себя человека, не умеющего держать слово, способного навести навет на других, одним словом, откровенного лгуна. Да еще человека, который неискренен в дружбе. «Атаман», делящий землячество на людей «нужных» и «не нужных».

Во время перевыборов руководства землячества, в начале нового тысячелетия, попытался Леонид Петрович сказать все, что думает об этом. Но Безносок предвидел подобный поворот событий. Он привел с собой в ресторан немало вот таких курасов, может, десятка полтора-два, а то и больше. Только поднялся Андриец на трибуну, они и завопили, не давая слово сказать. Безносок кричит своим диким голосом, усиленным громкоговорителями, дескать, люди не хотят тебя слушать, слезай с трибуны.

Л. Андриец тогда с трибуны говорил, что землячество превратилось в карманное «дело» одного человека. Он утверждал, что усилиями «атамана» неизвестно куда девался расчетный счет землячества, якобы теперь все поступления спонсорских денег из области, в частности, идут на другие счета. За этим всем нет никакого общественного контроля. К тому же из руководства выведены люди, которые пытались навести порядок в общественной организации. Леонид Петрович утверждал, что землячество не выполняет своей главной цели, которая преследовалась при его создании. А именно: оно не помогает людям. Например, винничанам-инвалидам, которых много и в области, и в столице. Стало такой себе игрушечной развлекаловкой с дремучими пьянками, под ужасные выкрики «атамана-тамады». Пьянками для отвода глаз. «Немировской» «заливается» бездеятельность нужной и полезной общественной организации.

Но Леонида Петровича тогда не услышали. Люди «атамана» закрыли ему рот.

А то, что В. Безносок, мягко говоря, любит приврать, доводится очень даже просто. Увидев, с кем приходится иметь дело, группа винничан, выходцев из Шаргородского района, а она в Киеве весьма представительная, решила как бы отдалиться от винницкого землячества. Не выйти, подчеркну, из его состава, а словно бы обособиться. Как-то решили шаргородцы собраться вместе, пригласить гостей из родных земель.

На торжество в Киев дало согласие приехать немало людей из Шаргорода, руководителей хозяйств и подразделений, глава районной госадминистрации. Заслышав обо всем этом, В. Безносок поспешил испортить кашу дегтем. Ибо получалось как-то несуразно все. Он - «атаман» землячества, и оставался словно бы не у дел, его обходили вниманием, без него устраивали встречу. Это с одной стороны. С другой - Виталий ведь тоже родом из Шаргородского района, из Хоменок, и как бы непременно должен был участвовать в мероприятии. Но все шаргородцы наотрез отказались его приглашать. Не хотим сидеть за одним столом с таким человеком. Решили поступить по известному принципу: плохой человек не нужен в хорошей компании.

Понимая, что его игнорируют, с ним не считаются, обходят вниманием свои же киевляне, расхрипевший «атаман» набрался наглости и позвонил тогдашнему главе Винницкой областной госадминистрации Юрию Иванову. То есть, поступил в своем обычном стиле вранья. Безносок заявил главе облгосадминистрации буквально следующее. Дескать, этот диссидент Александр Горобец, которого только недавно выпустили из СИЗО, решил провести агитационную встречу против политики президента Кучмы. Причем, в ресторане, под Новый год. К нему на встречу из Шаргородского района в Киев едут: глава райгосадминистрации, его заместители, ряд председателей сельских хозяйств и предприятий, другие авторитетные люди. Примите, мол, Юрий Иванович, экстренные меры. Иначе будет скандал на всю страну. Спецслужбы, мол, не дремлют. Леонид Данилович вскоре об этом узнает.

Что было делать Иванову? Он тут же нашел руководителя района Ивана Карлащука, спросил: «В Киев собираетесь?» - «Завтра выезжаем», - бодро заявил Иван Тимофеевич. - «Вы что там с ума посходили, ни в коем случае не думайте отпрапляться. Ни один человек не должен выехать из района на встречу. Вы разве не знаете, что Горобец выступает против политики президента Кучмы? Хотите остаться безработным и меня сделать таким?».

Буквально через полчаса об этом уже знали Леонид Андриец, Станислав Буковинский. Им пришлось разыскивать по телефонам Юрия Иванова, объяснять ситуацию. Доказывать, что все это - плод больного воображения оскорбленного невниманием со стороны казачьей массы «атамана». Короче, подлый обман.

Я обо всем этом узнал только уже сидя за праздничным столом, за которым красовалось десятка полтора друзей-шаргородцев, прибывших из родных краев. Было необычайно гадко на душе оттого, что произошло. Если бы Безносок показался сюда, непременно съездил бы ему по физиономии. Но, нагадив, он и не показался на глаза. Может, и впрямь имеет еще остатки совести?

Я же сидел и думал о том, что это, видать, время такое пришло - серых и мутных людей. От главы государства и дальше вниз по всем рангам, аж до комичных и загадочных структур, каким, например, является землячество. И тут ничего не попишешь. Это странное время нужно просто пережить. Но непременно борясь против таких неприятных людей.

Разумеется, я никогда бы не опустился до того, чтобы в книге писать о землячестве, о некоем Безносоке, о его странном хобби, если бы не оскорбление от «атамана», нанесенные мне подлым обманом главы Винницкой облгосадминистрации и земляков-шаргородцев. Это, согласитесь, было вершиной человеческой подлости, лицемерия и цинизма, всем так нагло наврать, что я, дескать, провожу некий хурал против существующей власти. Такое, согласитесь, прощать нельзя. Посему я это все и вынужден придать гласности. Пусть же теперь и в облгосадминистрации в Виннице, и на Подолии знают, что собой представляет человек, который рядится в «вожди» винничан столицы. Ведь другие правду о нем сказать боятся.

«ЭРОГЕННЫЕ ЗОНЫ»... СУДЬБЫ

Выйдя из руководства землячества, которое, к сожалению, из моей же подачи возглавил несерьезный человек, я полагал, что меня больше не пригласят на его заседания. Однако в конце мая 2003 года обозвонился телефонный звонок, знакомые сообщили: приходи, приглашение выписано. Борясь с сомнениями - идти или не идти, я прилично опоздал на мероприятие и явился уже к первому перерыву.

На входе ресторана «Русь», где толпилось немало знакомых людей, ко мне из человеческой гущи потянулся человек с выразительными серо-голубыми глазами, красивой сединкой в висках. Я только на мгновение спросил себя «кто это?», но тут же и мысленно ответил - Николай Борисович. Милицейский генерал Криворучко.

Первое наше знакомство пришлось на далекий уже 1976 год. Тогда я с настоящим боем, ибо против моего ухода было решительно настроено бюро Шаргородского райкома партии (им просто не хотелось отпускать из района молодого и активного журналиста), перешел на работу из районки, где трудился заместителем редактора, в областную газету «Вінницька правда». Назначили меня там собственным корреспондентом по Тульчинскому, Томашпольскому, Крижопольскому и Пещанскому районах. С центром соборовского куста в старинном городке Тульчин. Где Суворов сидит на бронзовом коне, где в городе и районе была уйма всевозможных музеев и чуть ли не на всю огромную страну славилось своими самодеятельными мастерами художественного пения и танца местное культпросветучилище.

Жилья, разумеется, не было, потому семья моя оставалась в Шаргороде, а «временному» холостяку предоставили комнатку в общежитии тамошнего ветеринарного техникума. Причем, в женском, а точнее сказать, - в девичьем общежитии учебного заведения. Словом, под одной крышей жили до сотни расцветающих барышень на выданье и я - в своих двадцать шесть бурлящих лет.

Знакомясь с местным руководством, правилами здешнего «партийного монастыря», я как-то с первых дней приметил светлоликого милицейского подполковника, начальника районного отделения внутренних дел. И мне кажется, мы как-то сразу взаимно поправились друг другу. За все время недолгого моего пребывания в Тульчине мы, похоже, так ни разу и не потолковали с ним, не изложили друг другу своих точек зрения на жизнь, человеческие взаимоотношения, однако какая-то внутренняя взаимосимпатия поселилась в наших душах.

Так бывает среди людей. Не даром же говорят, что вот, мол, человек влюбился с первого взгляда, или заявляют, например: «Он не понравился мне уже с первого знакомства».

Был у меня приятель, который утверждал, что процесс восприятия человека человеком производится с помощью... сетчатки глаза. Дескать, признание или отторжение начинается со зрительной оценки друг друга. Некие нервные окончания делят всех, кого видит человек, на три отдельные группы. К первой относятся те, кто по каким-то признакам любви-дороги. Ко второй - на которых никакой реакции нет (подобных, думаю, - миллионы). Третий анклав составляют люди, которые определенно не нравятся. Как бы не подходят индивидууму по неосознанным умом внешним и, наверное, отвергаются по невидимым простому взору каким-то внутренним компонентам. Так ли это на самом деле, сказать однозначно затрудняюсь, но сам себе не могу объяснить, почему, положим, я просто таки не могу смотреть фильмы с участием артистов Михаила Боярского, Николая Караченцева. Завидев их физиономии в какой-то кинокартине, я сразу переключаю телевизор. И того, и другого я почему-то не то, что не люблю, а просто не терплю. И голосов их слышать не хочу. Хотя ни один из них никогда ничего плохого мне не сделали, я с ними персонально не знаком. Но так уж устроен человек: одни люди для него приятные, к другим он абсолютно равнодушен, а третьи вызывают исключительно отрицательные эмоции.

Похоже, Николай Борисович относился к разряду тех людей, которые мне импонировали. И я ему, видимо, тоже. В этом пришлось воочию убедиться однажды, спустя, наверное, лет восемь после наших мимолетных встреч где-то на ступеньках Тульчинского райкома партии. Я тогда уже жил в Киеве, трудился в газете «Сільські вісті». Спешил по каким-то делам и в переходе под нынешней площадью Независимости, в знаменитой «трубе», буквально натолкнулся на тульчинского Криворучко. Он остановился, распростер объятия и просто таки расцеловал меня.

- Знаешь, - сказал как-то очень душевно, - все никак не дается нам встретиться, поговорить по душам, а так хотелось бы...

- Так, может, сегодня вечером, после работы? Вы здесь проездом, или как? - Я при этом, видимо, глянул на его плечи, где не было погон, ибо он был в цивильном костюме.

- Нет, я давно уже не в Тульчине, и не на Винниччине, я уже генерал и служил в аппарате МВД, а вот сегодня уезжаю по новому назначению.

- Куда же? - вырвалось у меня.

- Еду служить министром внутренних дел Каракалпакской автономной республики Российской Федерации. Так что и нынче тоже нам встретиться не удастся. Даст Бог, еще свидимся.

Мы опять скупно, по-мужски обнялись в подземном переходе, который народ почему-то называет «трубой», пожелали друг другу успехов и надолго разошлись.

Когда развалился Советский Союз, я прослышал, что генерал Криворучко снова вернулся в Киев, трудится в аппарате МВД Украины. Когда создавалось винницкое землячество, я внес в его списки фамилию Николая Борисовича, а найдя телефоны генерала, пригласил на организационное заседание. Он на ту пору обнимал хлопотный пост начальника штаба МВД Украины. Необычайно занятый служебными делами, Криворучко все-таки пообещал явиться тогда на организационное собрание земляков, однако так и не прибыл.

Теперь, широко улыбаясь, он взял меня за локоть и повел к своему столу. Мы буквально окунулись в водоворот воспоминаний, ничего не слыша, никого не видя вокруг. Когда вдоволь наговорились, он вдруг сказал:

- Ты, видимо, никогда и не знал, что дважды в жизни я попытался спасти, защитить тебя, когда над тобой, журналистом-правдолюбом, заносили косу бесчестия, готовили расправу. Исключительно за острые, боевые публикации, за правдивые статьи. Я это точно знаю, не подумай, не ради лести говорю.

- Да вы что, - изумился я такому удивительному красноречию генерала. - И не подозревал даже... И спасибо, конечно, за то, что вы так оцениваете мою деятельность...

- Вот, вот. Дело прошлое, я теперь уже на пенсии, так что могу кое-что рассказать, - глядя мне в глаза, уверенно говорит Николай Борисович. - Никакого секрета в этом уже нет. Так вот, первый раз подобное произошло еще в Тульчине. Вызывает меня как-то Лещук, ты же помнишь - тогдашний первый секретарь райкома партии, и говорит такое. Дескать, от имени бюро райкома партии тебе, коммунист Криворучко, поручается провести одно очень ответственное и тайное задание. Нужно заловить «на горячем», иными словами скомпрометировать и выдворить из района этого писаку с «Вшницькой правды». Он до того оборзел, что буквально в каждом номере газеты гонит пасквили на район. Мне уже и Василий Николаевич Таратута (тогдашний первый секретарь обкома партии уточнение мое Д.Г.) звонил. Что это, говорит, так дела у вас плохо пошли. Я говорю, это, мол, ошибочное утверждение, Василий Николаевич, кто-то вас не верно информирует. А он так резко отвечает: вот, дескать, почитай что пресса пишет. И называет мне статьи этого нашего борзописца Аж оторопь берет: тут день и ночь трудишься, трудишься, а он приехал, и одним росчерком пера всех сделал говнюками...

- Я Лещуку и говорю, - откашлявшись, продолжал Николай Борисович, - но ведь он, Александр Терентьевич, нигде, ни одного раза не искажил факты, ничего не придумал, статьи все правдивые. Наши люди недорабатывают. Возможно, у него несколько резковатые публикации, но ведь правдивые...

- Ты что, - орет первый секретарь, - а честь района? А то, что ни одного доброго слова о стиле работы райкома партии не сказал? Он - подлец, и ты его не защищай. Больше, чем полгода в районе, но ни единого раза, после того как представился, не зашел ко мне, не посоветовался. Словом, решение бюро по нему уже принято, ты должен дело довести до логического конца. Провести операцию - и все. Исключим его из партии, дадим «волчий билет» и пусть катится на все четыре стороны.

- И каким же образом? - удивился я.

Николай Борисович наливает минеральной воды в фужер, делает несколько больших глотков, похоже, вспоминая прошлое.

- А докторшу не забыл? - спрашивает вдруг.

- Докторшу? - отвечаю задумчиво. - Нет, не помню...

- Лещук мне заявил, что есть, мол, семья докторов, - продолжил он. - Фамилию их не вспомню. Так вот, с ним, с мужем, уже все договорились. Что как бы с его женой у тебя будут «шуры-муры». Он как узнает, проявит гнев и ревность, напишет письмо на бюро райкома, а мы еще должны были как бы закрепить это все протокольно. То есть, поймать тебя с ней. Чтобы документ был. Чтобы никакого конфуза потом не вышло. Только вот она как бы сопротивляется. Не дает согласия. Но ты якобы с ней уже раз или два встречался. Вот на третьем разу тебя и планировалось, так сказать, заловить, а как именно, - мне и вменялось разработать целую операцию. Наверное, ты должен был зайти домой к ней...

И тут я вспомнил. Конечно же, вспомнил. Как такое было забыть.

Все началось еще в 1914 году. Да, да, не удивляйтесь. Тогда в семье моего деда по материнской линии - Феофана Сайчука, родилась девочка. Записали ее в церковной книге Александрой, а между собой окликали просто - Сандра. Всего в семье было семеро детей, и все девочки.

Дети были один одного меньше. Их оставляли дома одних, когда родители с утра и до поздней ночи уходили в поле на работу. Вот однажды, когда Сандре было всего два года, села семья вечерять вокруг огромного казана, а малая не может ручкой в картошку попасть. Тычет ею по столу. Кинулись к дитю, а оно, похоже, потеряло зрение. Совсем ничего не видит, никого не признает. Осмотрели дитя, никаких видимых травм нигде не заметно.

В селе был только один фельдшер - дед Максим Захарчук. На какой-то войне врачевать выучился. Понесли ребенка к нему. Осмотрел и он маленькую, руками разводит. Дескать, ничего не вижу. К профессорам нужно везти. В Москву или Киев. Старый Феофан скривился, откуда, мол, деньги у него на профессоров. Попробуй еще в те города доберись. Так и осталась слепой Сандра, мамы моей родная сестра.

Стал я подрастать, хорошо в школе учился. Тетка, помню, сидит под грушей, что росла у самого порога, нежно гладит меня по голове и так сердечно говорит:

- Вся моя надежда только на тебя. Вот выучишься, станешь большим человеком и вылечишь меня. Ты просто не представляешь, как мне хочется увидеть белый свет...

Обливаясь слезами, я, стараясь не шмыгать носом, дабы тетка Сандра не поняла, что плачу, клянусь себе: только я тебя вылечу. Вот только вырасту. В Одессу поедем, в институт Филатова, куда только нужно будет, поедем... Но ты будешь видеть. Я добьюсь этого...

Еще работая в Шаргороде, в редакции, а было это в начале семидесятых годов, я собрал все необходимые документы, взял тетю за руку, и поехали мы с ней в Одессу. Страшные и мучительные это были дни. Для нас обоих. Ибо со времени потери ею зрения прошло почти шестьдесят лет! К какому профессору не зайдём, он, услышав историю о том, что незрячей она еще с 1916 года, сокрушительно машет рукой. Дескать, на протяжении нескольких десятилетий в организме женщины прошло множество биологических процессов, попробуй найти теперь причину потери зрения. Однако все же установили. Похоже, ребенок сильно ударился головой. Наверное, упал с печи или со стола. Это привело к разрыву тоненьких сосудов в голове, отвечающих за зрение человека. Операция по свежим следам, несомненно, могла бы принести положительный эффект. Но теперь, более чем через полвека... Все нервные окончания давно зажили, атрофировались, омертвели. Только чудо могло вернуть зрение бабушке...

Можете представить себе, с каким настроением мы возвращались домой. Тетя всю дорогу тихо плакала. У меня разрывалось сердца. Но поделаться ничего было нельзя.

Когда я оказался в Тульчине, тетя Сандра однажды сказала мне

- В том городе, где ты сейчас живешь, есть доктор, который людям возвращает зрение. Об этом рассказывали по радио. Своими ушами слышала.

Я сразу связался с коллегами из областного телерадиокомитета. Друзья-журналисты подтвердили: не так давно они и впрямь передавали очерк о враче-кудеснике из Тульчина. Кажется, его фамилия была Семешок. Или, скорее даже - Семенюта, сейчас точно вспомнить не могу уже. Я бросился к этому человеку. Мы с ним несколько раз встретились. Долго беседовали о

проблемах тети Сандры. Наконец он сказал: «Привози».

Помню, доктор долго с зажженной стеариновой свечей ходил вокруг притихшей женщины в белом сатиновом платочке. Заглядывал в ее глаза. Что-то расспрашивал. Тетя Сандра говорила ему, что в звездную ночь она видит светила на небе. И зажженную лампочку якобы тоже видит. Правда, почему-то только в своем доме.

Доктор внимательно слушал. Потом сел выписывать рецепты. Когда тетю я вывел в коридор и в кабинете окулиста мы остались одни, доктор, не поднимая головы от записей, сказал мне:

- Она не видит ни неба, ни зажженной электрической лампочки, - я от неожиданности, кажется, аж открыл рот. - Не удивляйтесь этому. У лишенных зрения людей хорошо развито воображение. Похоже, ваша тетя потеряла границу между реальностью и тем, что может нарисовать в своем уме. Вот и утверждает, что видит звезды на небе. К сожалению, в институте Филатова правы - вернуть зрение ей практически невозможно. Но попытаться с помощью некоторых новых лекарств усилить восприятие мира другими чувствами, думаю, можно, и давайте попробуем ей в этом помочь.

Он вручил мне несколько рецептов.

Заканчивая эту тему, хочу сказать, что тульчинский доктор благоприятно подействовал на тетю Сандру. Видеть она не стала лучше, но ей казалось, что она стала уверенней ориентироваться на местности, и до самой своей смерти благодарила доктора из Тульчина. Полагала, что он единственный ей помог в жизни, как специалист.

Разыскивая окулиста, я как-то в больнице натолкнулся на молодого и, как мне показалось, очень скромного доктора. Была это хрупкая женщина с тихим вкрадчивым голосом и некоей тоскливой загадочностью в глазах. Мне она показалась очень скромной и тихой. Я ее первой на территории лечебного учреждения спросил, как найти известного специалиста по лечению глаз, и она, помнится, хитровато заглянув мне в очи, как бы удивляясь тому, что, не нося очков, я спрашиваю окулиста, заявила: дескать, указать путь труднее, чем провести. И в самом деле, отделения лечебного учреждения, если не ошибаюсь, были размещены в домах барачного типа. Они были разбросаны по обширной территории. Она пошла впереди, а я послушно поплелся вслед за ней. По дороге я вкратце рассказал, что за проблема привела меня к доктору. Она, похоже, отнеслась ко всему с глубоким человеческим пониманием и даже состраданием. Мы разговорились, и, приведя меня в приемную окулиста Василия Семенюты, молодая докторша не поспешила уйти, а договорилась с медсестрами, что как только ее коллега на минутку освободится, ему сообщат о моем визите.

Когда я привез тетю Сандру, молодая докторша тоже, случайно заведев нас, поспешила навстречу. Она долго разговаривала с моей родственницей в коридоре, когда я был у окулиста,

разбирался с рецептами. Сводила бабушку в туалет. Меня тронуло это участие незнакомого человека в наших проблемах. Поэтому, увидев однажды докторшу без халата в центре города, я постарался ответить взаимностью, угостил кофе. Мы, наверное, с полчаса посидели с ней, поговорили о тульчинских нравах в какой-то кафешке у рынка.

Во второй раз все получилось еще более невинно. Я шел по каким-то своим делам. Был теплый выходной. В кинотеатре, что находится в самом центре городка, похоже, закончился фильм. Много людей вышло из зала, они запрудили небольшую площадь. И вдруг кто-то поздоровался со мной. Эта была знакомая докторша. Рядом с ней стоял ребенок. Она дала ему деньги, и он помчался покупать мороженное. Мы постояли среди людей, поулыбались друг другу. Рядом женщина продавала синие васильки из жита. Я купил голубой кустик, вручил своей собеседнице. При ребенке. Сказал, помню: «Спасибо, доктор!». После этого мы не виделись больше никогда.

- И как же прошла операция? - прижимая па последнем слове, спрашиваю генерала Криворучко.

- А никак. Я вышел от Лещука и постарался забыть этот неприятный разговор. Но примерно через неделю-две он вдруг позвонил и строго спросил, как выполняется поручение. Я ответил, что разрабатываем операцию. Лещук рассержено крикнул: «Не тяни, некуда тянуть», - и кинул трубку.

- И чем же все закончилось?

- Так ты же куда-то пропал. Кажется, уехал... Я только в Киеве уже и встретил.

- Да, меня перевели в Жмеринку. Лещук редактору заявил, что жилья для собкора выделить не получается. И вряд ли что предвидится в ближайшей перспективе. А на соседнем собкоровском кусту освободилась двухкомнатная квартира, я, не задумываясь, переехал туда. А оказалось, подальше от уготованной мне ловушки...

- Да, возможно, этим ты и спасся от Лещука, - подтвердил Криворучко. - Он готов был тебя уничтожить. За правду о методах его руководства. Александр Трофимович был подлинным продуктом своего времени - страшно не терпел критики. Малейших возражений. Любил, чтобы все вокруг только по его сценариям разворачивалось. Вот и для нас он написал один. Ловушку на тебя, журналист...

То, что Николай Борисович говорил правду, не было никаких сомнений. В этом меня лишний раз убеждал и давнишний рассказ директора Тульчинского ветеринарного техникума Василия Марковича Безсмертного, с которым я неожиданно столкнулся, было, в начале

девяностых годов. Он тогда тоже открыл мне подобную тайну. Но к ней мы подойдем немного позже.

Василий Маркович был тем запоминающимся человеком, который первым пришел на помощь - дал мне кров в незнакомом городе, поселив в девичье общежитие вверенного ему учебного заведения. Правда, сделал он это по указанию райкома партии. Но, похоже, был искренне рад тому, что просто в нужный момент выручил, помог, да и нашему знакомству, как и я, замечу, тоже обрадовался несказанно.

Безсмертный в Тульчине слыл человеком скромным и умным, в меру деликатным и, несомненно, знающим себе подлинную цену. По прирожденной обаятельности, уровню интеллекта и интеллигентности он на полторы-две головы превосходил представителей здешнего партийного актива, которые составляли официальную районную и городскую элиту. Рассказывали, что Василий Маркович в молодые годы чуть ли не возглавлял партком Киевской сельскохозяйственной академии. И только некие бытовые неурядицы заставили его уехать из столицы в здешние края, возглавить ветеринарный техникум в провинции. Наверное, это было несколько скучно, но внешне он этого не показывал, не выдавал. Крепился и бодрствовал духом, завоевав в глубинке непревзойденный авторитет рассудительного и толкового человека. Его уважали и любили. К нему прислушивались, на него многие равнялись.

Не удивительно, что Безсмертный встретил меня, нового и молодого представителя особого интеллектуального труда, журналиста областной партийной газеты, очень радушно, как-то сразу потянулся ко мне. Не успел я осмотреться на новом месте, как он позвонил, пригласил съездить вечером в гости к его лучшему другу. Дабы в селе почаевничать, просто поговорить, как объяснил свое предложение уже в машине.

Дружил Василий Маркович с председателем передового в тамошней округе колхоза - Федором Ивановичем Гриневичем. Это был высокий и статный крепыш с лицом спартаковского атлета и длинными красивыми руками. Носил он далеко не короткие волосы, зачесанные назад. На лето они выгорали и приобретали слегка соломенный вид, а Федор превращался в такого себе доморощенного голливудского сердцееда. Было тогда ему только-только за сорок, что называется, в полном расцвете сил.

Не понаслышке знаю, что за Гриневичем умирала не одна местная красавица. В том числе и из разряда видных привозных офицерских жен: в Тульчине размещался кадрированный полк, а по сему городок аж бурлил молодой страстью и, разумеется, сплетнями тоже. Однако кирнасовского председателя они явно обходили стороной. Ибо был он верен лишь одной молодой женщине - с запоминающейся длинной огненно-рыжей косой. Не помню уже, как ее звали. Но выделялась она статной и завидных форм фигурой, красивым видным бюстом при молодом упругом теле, добродушной улыбкой на красивом лице, слегка припудренным романтическими веснушками. Каждый, кто видел ее первый раз, всегда с неподдельным интересом всматривался в эту особенность ее чуть-чуть вздернутого носика. По нему, словно бы по белоснежному мороженому, казалось, рассыпались маленькие крошки аппетитной рыжеватой пыльцы. Иногда даже возникало желание притронуться к ним, чтобы потом украдкой слизать те бусинки с пальцев, как бы попробовать на вкус. Но Федор Иванович был галантным и ревнивым кавалером. Бдил свою золотистую лисичку. Она же была необычайно влюблена в него. Весело, громко и

заразительно смеялась. Если мы вчетвером, например, приезжали на озеро, то вся округа вскоре наполнилась задорным ее смехом. Брызги его, казалось, все вокруг заполняли.

Молодой женщине не влюбиться в Гриневича просто было нельзя. Важно, только бы он обратил на нее внимание. Имя Федора Ивановича гремело на всю область. Хозяйство, которым он руководил, стабильно, из года в год добивалось самых высоких урожаев не только и районе, но и в области, на фермах был такой ажур, словно бы это были настоящие производственные цеха свинины и говядины. Похоже, Федор тогда был настоящий, если оценивать по нынешним меркам, удачливый менеджер, который легко и как бы даже играючи, умело управлял экономикой мощного хозяйства. Без нервозности, криков, ругани. Все у него получалось необычайно удачно и красиво. Со стороны - просто залюбуешься.

Думаю, Безсмертный ездил к Гриневичу за, как бы это сказать, человеческой подзарядкой. Федор для него был своеобразным генератором. Ибо Гриневич вдохновенно трудился, искренне и самозабвенно любил. Ко всему относился заинтересовано и небезразлично. Казалось, он напрочь был лишен человеческого равнодушия, черствости. Побудешь с ним рядом, пообщаешься - и еще больше хочется жить, искать в буднях свое счастье. Федор даже своим внешним видом вдохновлял.

Слава за Гриневичем ходила буквально по пятам и даже, похоже, мешала ему спокойно жить. Он без позерства чурался того, что его как-то там выделяют, с ним больше считаются, чем с другими. На этой почве у него часто бывали не просто размолвки, а настоящие скандалы с первым секретарем райкома партии Александром Лещуком.

Был это маленького роста, полноватый, аж какой-то бурдючный человек. Как все районные князьки, до одури самовлюбленный и по- партийному ограниченный. Казалось, ложасть спать, он под подушку клал устав партии, утром натошак читал программу КПСС.

Гриневича непременно за его непреклонный авторитет в районе, всегда высокие показатели колхоза, который он возглавлял, избирали в президиум. Сидеть без толку, мозолить людям глаза - для него было страшнее каторги. Вот он и избрал свой метод борьбы с этим, как он полагал, злом. Федор Иванович практически всегда существенно опаздывал к началу мероприятий. Его стул в президиуме каждый раз оставался пустым.

Он приезжал, примерно, к середине действия. Тихонько проходил на галерку, садился между колхозными, своими мужиками и инструкторами райкома партии, которые скрупулезно сверяли по своим рукописям, все ли в соответствии с подготовленными текстами говорят ораторы с трибуны. Внимательный Лещук все равно примечал колоритную фигуру Гриневича в толпе, поднимался в президиуме и говорил:

- Я прошу выступающего сделать небольшую паузу. В очередной раз вынужден обратиться к товарищу Гриневичу. Федор Иванович! Пленум райкома партии и на этот раз

доверил вам работать в рабочем президиуме. Почему же вы игнорируете мнение актива районной партийной организации? Прошу занять свое рабочее место. Мы ждем...

Гриневич шумно отодвигал на балконе старые стулья, тяжелыми и, кажется, это даже слышно было, нервными шагами недовольного человека шел к лестнице. На некоторое время он вообще пропадал из виду, спускаясь на нижний этаж райкома, и лишь через несколько минут появлялся в центральных дверях зала. Высокий, жилистый, красиво шагал по проходу. Все с нескрываемым любопытством наблюдали эту немую, полную внутренней борьбы и драматизма сцену. Лещук напряженный всем телом, насупившись, стоял в президиуме, по лицу его блуждали тени раздражения, брезгливой неприязни; выступающий, от нечего делать, непринужденно переминался с ноги на ногу за трибуной.

Кое-кто из свидетелей подобных сцен полагал, что Федор Иванович этим как бы рисуется, лишний раз обращает на себя внимание. Ну, саморекламируется, что ли. Но в этом обвинении нет и грамма правды. Это я говорю, хорошо изучивший манеры и характер кирна совского председателя, что называется, вблизи. Просто он настолько деловой и практичный, что еще в те времена умел ценить свое время, прежде всего ненавидя всевозможные заседания и совещания. А больше всего пленумы райкома и обкома партии, где с виду серьезные люди занимались обыкновенной болтовней.

Первый секретарь райкома партии Александр Лещук принимал все выходки Гриневича на свой персональный счет. Он не отличал свое личное реноме от пресловутых канонів демократического централизма. Ему всегда казалось, что он действует исключительно сообразно генеральной линии партии. А это значит, все его указания, распоряжения непременно единовѣрные. И, разумеется, никто не должен даже смѣть что-либо думать не так, как ему хочется, не говоря уже о том, что бы высказаться в той или иной степени против, или что-то делать не так. А вот упертый Гриневич имел и свою точку зрения на те или иные события и мог даже публично ослушаться, не садиться покорно у ног хозяина района. Лещук давно затаил зло на Федора Ивановича и ждал только подходящего момента, дабы набросать дегтя в бочку кирнасовского меда. И такой случай подвернулся.

К осени 1976 года стало известно, что возглавляемый Гриневичем колхоз добился самой высокой урожайности зерновых и технических культур во всей Лесостепной зоне Украины. В ЦК КПУ, хорошо зная знаменитого председателя из Кирнасовки, предложили Винницкому обкому партии оформить документы на предоставление Федору Ивановичу звания Героя Социалистического Труда. Похоже, он этого заслужил напряженным и умелым трудом, превратив родной колхоз в цветущий рай.

Все на партийных верхах согласились с этим выводом, за исключением Лещука. Первый секретарь Тульчинского райкома партии был категорически против. Александр Терентьевич полагал, что товарищ Гриневич не преодолел в себе такой страшный порок, как коммунистическое чванство. Он будто бы часто своими необдуманными действиями отрицательно влияет на воспитание в рядовых коммунистах уважительного отношения к руководящей и направляющей роли партии. Гриневич разлагает партийную дисциплину, ведет себя вызывающе, а порой и надменно. Из критики не делает правильных выводов. Словом, не ручной, на все имеет свою отменную от коллективной, порой оппортунистическую точку зрения. Стало быть, такой

человек, да еще в роли руководителя передового коллектива, опасен для партии. И хоть трудится самозабвенно, Героем стать не может. Нет в нем партийного начала.

Как послушать его, то получалось, что умный и начитанный, авторитетный в людях Федор не мог командовать и колхозом, который возвеличил - дальше некуда.

Впрочем, этой характеристики было достаточно для того, чтобы Золотую Звезду Героя повесили на чью-то другую грудь. Лещук таки добился своего. Доказал, кто в районе и городе подлинный начальник.

Субботним утром я шел на почту, чтобы забрать свои свежие газеты, и вдруг на улице встретил директора ветеринарного техникума Василия Безсмертного.

- Вы знаете, - спросил он, - что сегодня опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Федора Ивановича орденом Ленина? Третьим уже, - заметил он со скептической улыбкой на лице. - Вот уж идиоты, зарубили Федора. Из зависти. Лещук хотел, чтобы он ему кланялся и лебезил перед ним. Но Гриневич не такой...

Безсмертный куда-то спешил и попросил меня от имени нас двоих поздравить кирнасовского председателя красивой телеграммой. «А завтра, - заметил, - съездим к нему в Кирнасовку. Обмоем орден».

Я взял бланк телеграммы и задумался над тем, как бы так, что называется, пооригинальнее закрутить приветствие нашему приятелю. Чтобы запомнилось. И вдруг нашел, показалось, оригинальный ход. Вспомнил, как мы в первый раз с Безсмертным приехали к Гриневичу, как я знакомился со знаменитым председателем колхоза. Внимательный Федор Иванович заметил, как в тот вечер я дважды или даже трижды произнес одно украинское литературное словцо, которое не всегда применяется в просторечье - «даруйте». Может, потому, что чего-то не расслышал перед этим, недопонял. Или употребил, как вставное слово. И вот к концу затянувшегося ужина Гриневич, выразительно глянув на меня, вдруг сказал:

- Ну, что же, ваш тост, товарищ «Даруйте»...

Поняв словесный прикол, мы все дружно рассмеялись. Но с этой минуты кличка в кругу нас троих уже крепко прилипла ко мне. Я стал у них величаться - «Даруйте». В следующий раз, когда я приехал в Кирнасовку, Федор, встречая меня, на полном серьезе спросил:

- Ну, как, «Даруйте», видел, какая у нас пшеничка в этом году удалась? Бросишь фуражку в поле, не проваливается, на колосках лежит. Хлеб сплошной стеной стоит. По восемьдесят центнеров с гектара собираем...

Вспомнив все это, я решил, что лучше всего будет обыграть в приветственном послании наше слово-пароль - «даруйте». Заполнив бланк телеграммы, я написал на нем легкое и прозрачное четверостишие. Начиналось оно бравурно и заздранно: «Широ здоровимо...» - и так далее, и так далее. Вторая строфа его заканчивалась словом «даруйте». К нему, как вывод, как рефрен всего поздравления, рифмовалось заключительное предложение: «Так і надалі старайтесь, так і надалі керуйте».

В журналистике есть неписаное правило. Если в статье два и более авторов, тот, кто ее подготовил, или тот, кто написал основную часть, ставит свою фамилию последней. Поскольку стих принадлежал исключительно мне, я автоматически под четверостишием поставил вначале фамилию Василия Марковича, как соавтора, а потом, на том же самом уровне - и свою. Но значительно правее. Получалось на бланке, что стихотворение как бы опиралось на две фамилии. Отдал телеграмму оператору почты и спокойно ушел домой.

Каким же было мое удивление, когда под вечер в голосистом коридоре девичьего общежития будущих ветеринаров я услышал некий переполох, какой, по-видимому, бывает в женском монастыре, если туда без спроса появляются мужчины. А над всем этим возвысился приметный голос Гриневича. Через какое-то мгновение он вырос у меня на пороге. В руках Федор держал бланк телеграммы.

- Твоя работа, «Даруйте»? - спросил он.

- Моя... А что случилось? - после паузы и как-то даже нараспев, с заиканием изумленно подтвердил, а затем и спросил я.

- Спасибо за поздравление. Но почтальон, понимаешь, вручила ее не мне лично в руки, а жене. Супруга взяла, почитала и ахнула: кто же тебе такой прислал ее, спрашивает?

Он протянул мне телеграмму. Я начал внимательно перечитывать. Все слова со стиха были как бы на местах. И только подойдя к концу текста, все понял. Стихотворение, вытянутое в одну строку телеграфным текстом, читалось отменно. А вот подпись... Там буквально значилось: Безсмертный Горобец.

Мы оба с Федором громко расхохотались. Как говорится, нарочно не придумаешь.

- Вот жена и потребовала показать ей этого автора, как ты тут написал - вечного пернатого. Василий Маркович уже собирается. Так что поехали, «Даруйте», в Кирнасовку...

Встретившись в начале девяностых годов случайно с Безсмертным, мы с удовольствием вспоминали далекий 1976 год, когда меня судьба занесла под крыло ветеринарного техникума, где директорствовал Василий Маркович. И вдруг мой приятель нахмурился.

- Вы помните такого партийного функционера Ивана Райчука? - спросил Безсмертный.

- Еще бы! Это же бывший второй секретарь райкома партии. Главный идеолог. Настоящий Геббельс в очках. Ибо, рассказывали, специализировался на том, что собирал досье на каждого ответственного сотрудника. Чтобы потом шантажировать. Как бы в партийных интересах. Но кто мог сказать, где проходила эта грань между интересами партии и личными, где будто бы в служебных целях копировали на всех компромат? На всякий случай.

- Здесь он был большой мастак, - соглашался Василий Маркович. - Как говорят, поднатерел в этом деле. Вот вызывает он меня как-то. Говорит прямым текстом. Нужно, мол, немедленно выдворить из района этого нового собкора «Винницкой правды». Он нам портит всю картину. «А я причем здесь?» - спрашиваю его. Ты, говорит, должен принести мне докладную записку о том, что, дескать, к ученицам в общежитии пристаёт. Он же там каждый день ночует. Не может же быть, чтобы такой молодой и здоровый на кого-то не покосился. Словом, ты должен указать, что одной-двум студенткам конкретно прохода не дает. Мы тут же на бюро экстренно докладную твою обсудим - и телегу в обком. За ним только пыль столбом станет...

Сижу, слушаю Василия Марковича и ушам своим не верю.

- Да все дело в том, - говорит Безсмертный, - что вызывал меня Райчук по этому поводу не один раз. А трижды. Под конец мы с ним так разругались, что несколько месяцев потом не разговаривали. Я пригрозил, что если от меня не отстанут, то я сам обращусь в бюро обкома по поводу шантажа и провокации в отношении вас...

...То, что поведал когда-то мне Безсмертный, пересказываю отставному милицейскому генералу Криворучко. И к нему, и ко мне подходят люди, члены землячества, здороваются. Но это все же не мешает разговору. Я взволнован, он, похоже, тоже несколько не в себе, может быть, оттого, что приходится открывать некоторые бывшие служебные тайны.

- Видишь, - говорит Николай Борисович, - действовали, как банда. По сговору. Если не удастся спечь тебя через меня, приписав женщину-доктора, то подставить через ученицу техникума. Сволота! - Генерал выпивает стакан минеральной воды, переводит дух. - Это известный, излюбленный способ партийных вождей расправляться с неудобными. Обрати

внимание, они ведь себе отводили роль судей. А грязную, черновую работу поручали другим мне, Бессмертному. Хорошо, что попали не на дураков. Не на партийных служаков. Иначе сложно было бы тебе еще тогда. А вообще, Сан Саныч, похоже, власть давно искала твои, так сказать, «эрогенные зоны». Сперва власть советско-партийная, затем «демократическая». Дабы через них повлиять на твою гражданскую позицию. Подло это, очень подло...

- Николай Борисович, - вдруг вспоминаю сказанное Криворучко раньше. - А когда же вы во второй раз принимали участие в моей судьбе?

Генерал тянется к бутылке с «Немировом». Наливает себе десяток граммов.

-Как трудно вести разговор на равных с непьющим человеком, наверное, Николай Борисович говорит эти слова для того, чтобы потянуть время, выдержать паузу, сообразить, нужно ли мне все раскрывать или как-то отшутиться. - Во второй раз, выпив с маленькой рюмки и закусив, говорит он, - все было значительно сложнее. Осенью 1998-го. Я тогда в МВД возглавлял «шестерку», управление по борьбе с организованной преступностью. И мой рабочий кабинет находился в том же самом здании, где находилась и прокуратура города Киева. Вот в тех коридорах я случайно и прослышал твою фамилию. Поинтересовался, в чем дело. С ужасом узнал: готовят операцию против тебя. Чтобы задержать и тем самым разгромить газету. Я тогда и кинулся к прокурору города. Николай Гарник тогда ее возглавлял. Говорю ему, остановитесь, это же чистой воды провокация. Я Горобца хорошо знаю, это честный и порядочный человек. Боевой журналист. Он всегда страдает за правду. Его уже не первый раз хотят скомпрометировать. За его статьи...

- А что же прокурор? - с нетерпением спрашиваю.

- Знаешь, одним словом сказать - расвирепел. Не своим голосом орет. Не вмешивайся, мол. Ты не знаешь, о чем речь идет, кто санкционировал это. Вдруг сорвется что, все потеряешь. Забудь, что знаешь. Это якобы в моих интересах. У заместителей его решил разведать. Говорить о каких-либо деталях просто боятся. Палец ко рту прикладывают, на портреты косятся. Так что примерно за сутки до того, как все произошло, я знал: к тебе подбираются. Хотят задержать, арестовать тебя, чтобы развалить редакцию. Но, прости, предупредить не мог. Это было бы служебным предательством. Я так никогда не поступал. Хотя теперь, наверное, и жалею...

ПОЧЕМУ ОППОЗИЦИЯ ПРОИГРЫВАЕТ ВСЕ БОИ?

Летом 2003 года американские ученые сделали сенсационный вывод о том, какая болезнь в будущем угрожает цивилизации. Оказывается, смертельной косой в грядущем будут управлять не страхи минувшего и начала нынешнего веков - рак, СПИД, даже не гонконгско-китайская атипичная пневмония. А как ни странно - депрессия (от латинского *depresso* - подавление, угнетение). Как утверждает толковый словарь, депрессия - это угнетённое, подавленное психическое состояние, сопровождаемое физическим и духовным бессилием. А «Тлумачний словник української мови» пишет - «хворобливий стан приголомшеності, пригнічення, скорботи».

Как ни чудно прозвучит, но родоначальником этой идеи в Украине гораздо раньше американских ученых-стратегов стал не кто иной, как первый секретарь Социалистической партии Украины Иосиф Винский.

В ходе подготовки к последним выборам журналист Владимир Олейник издал книгу «Парламент 2002: час вибору» (Київ, «Логос», 2001). На странице 149 этого издания читаем интервью автора с одним из вождей СПУ. Журналист спрашивает Иосифа Викентьевича, дескать, нынче тысячи украинцев трудоспособного возраста, часто специалистов с высшим образованием, растерялись в этих условиях, потеряли надежду и не имеют опыта выживания. Можно ли им что-то посоветовать или чем-то поддержать в это время?

И смотрите, что отвечает один из лидеров оппозиции. Дабы, не приведи Бог, что-либо перепутать, подаю текст в оригинале:

«Можливо, це буде звучати надто поетично, але я притримуюся такого погляду. Якщо людина має вищу освіту, якщо вона себе поважає, якщо вона є людиною, якщо хоче адекватно тримати себе в суспільстві, то вона завжди має два виходи з будь-якої ситуації: або вона повинна забезпечити пристойне життя собі і своїм близьким, або повинна піти... з життя. Це мій погляд. Не перечу, що жорстка оцінка. Сьогодні в кожній людині є вибір...».

Не правда ли, просто таки «поэтическая» позиция из стратегии действий оппозиции? Блестящий «совет»! Правда, словно бы не живых людей он касается, а давно вымерших динозавров. А в целом как бы так выходит: с миру по нитке — голому на... веревку. Пойди, мол, добрый человек, вешайся. Зачем тебе жить. У тебя проблемы. Не можешь обеспечить себе пристойную жизнь - сделай харакири. Мы за тебя поживем, намекает Иосиф.

Исходя из точки зрения Винского, получается, будто бы не общество, конкретный социальный строй виноваты в том, что специалист (!) в нем сегодня чувствует себя изгоем, лишним, таким, которому даже нет места под солнцем на земле. Наконец, выходит, что повинна в этом даже не власть, которая своими экспериментами довела народ до такой ужасающей жизненной пропасти. Иосиф виноватым делает, как ни странно, простого человека. Который жил и учился для того, чтобы ему главный социалист Украины без тени малейшего сомнения цинично заявил: «ты должен уйти из жизни». Ну, просто откровенно геббельсовская идеология. Даже не

хочется верить в то, что подобное говорит первый секретарь центрального руководства партии, которая провозглашает своим идеалом борьбу за социальные права. Неужели, позвольте спросить, на кладбищах?

Специально для Винского, чтобы выучил и запомнил, приведу крылатое латинское выражение, излагающее суть обсуждаемой нами проблемы – *saecul vitie, non hominis* - это пороки эпохи, а не человека!

Сам собой возникает вполне логичный вопрос: а какая, собственно, разница между идеологией кучмизма и той, которую проповедует первый секретарь СПУ? Смысл то ведь один - человеконенавистничество. Только первая так откровенно не подгоняет людей к могилам, как это чуть ли не с кнутом в руках бесцеремонно делает товарищ Винский. Власть даже пытается произвести впечатление того, что заботится о гражданах. На самом же деле Кучма и его олигархи невзначай все делают так, чтобы ни хлеба на столе, ни копейки на лекарства не было в людей. А Иосиф в открытую «поэтизирует» процесс бабьеярства: не можешь себя держать на социальном плаву, уходи к черту из жизни! Кому ты нужен такой?! Если смертоносную идеологию Винского сделать господствующей - Украина тут же будет усеяна погостами. Те тысячи кандидатов и докторов наук (я уже не говорю просто о людях с высшим образованием, а ведь в первую очередь о них, небось, хлопчется товарищ первый секретарь), что продают рейтузы на рынках, по идее Винского давно бы должны лежать в могилах. Но ведь не слушаются люди вождя СПУ, всячески цепляются за жизнь. Интересно было бы спросить их точку зрения на позицию главного украинского социалиста. Как они относятся к такой оппозиционной «поэзии» Иосифа, известного социалиста-гробкопателя, к его «советам»?

Когда-то газета «Комсомольская правда» объявила международный конкурс на лучший фотоснимок. И победил в нем такой. Представьте себе следующую картину. У дверей магазина стоит мужчина. Он, видать, ждет жену из гастронома. За одну его руку держатся двое маленьких детей. Другой рукой человек качает детскую коляску с новорожденной двойней. Под снимком подпись: «Плевать на Мальтуса!»

Это фото облетело все мировые информационные агентства, удостоилось ряда высших наград престижных фотовыставок и конкурсов. За жизнелюбие! За веру в будущее! За страсть к продолжению рода человеческого!

Да, но кто такой Мальтус, на которого так уверенно предлагалось плевать? В восемнадцатом-девятнадцатом веках в Англии жил священник Т.Р. Мальтус (1766-1834), который утверждал, что человечество развивается по геометрической прогрессии ($2 \times 2 = 4 \times 4 = 16 \times 16 \dots$), а обеспечение продовольствием на планете увеличивается в арифметической прогрессии. То есть, по формуле - $2 \times 2 = 4 \times 2 = 8 \times 2 = 16 \times 2 = 32$ и так далее. Т. Мальтус проповедовал, что экономическое положение общества определяется не социальными условиями, а тем, что рост средств существования отстает от роста народонаселения. Иными словами, роду человеческому, по его убеждению, угрожает голод, а но сему, войны - это благородно, катастрофы - это действие во спасение человечества. Стало быть, чем больше смертей, похорон, тем прогрессивнее жизнь на планете.

Эта гробовая теория называется мальтузианством. Как можно понять, она и легла в основу некой новой стратегии нынешней Социалистической партии Украины, если ее открыто проповедует, даже «поэтизирует» первый секретарь СПУ. Иными словами, Иосиф Винский - это чуть ли не Мальтус нынешних дней. Но более изощренный, цинично изысканней. Ведь он строит свои умозаключения не в монастыре, на жиденьких капустных щах, как это делал его далекий английский учитель, а в одной из самых престижных семейных вилл в центре Киева, которую Иосиф Викентьевич соорудил на кровные трудовые сбережения. Как нужно понимать, заимствованные они из заработной платы народного депутата Украины, составляющей при всех последних надбавках всего-то 1500 гривен в месяц. Бедная, оппозиционная партия ему официальную зарплату, думаю, не платит. Правда, предшественник товарища Винского на этом общественном выборном посту, рассорившись с друзьями, говорят, отъехал от офиса партии навсегда на самом дорогом, какие только бывают, «Мерседесе». После этого думай, права в чем-то Наталья Витренко или нет...

Мальтузианство - основной бич оппозиции. (Кстати, оппозиция, по-книжному еще называется, как ни странно звучит, фронда). Большинство из тех, кто рядится в вожди трудовых масс, давно, как говорится, имели в виду проблемы трудового народа, обеспечив себе статус народного депутата. Все эти надувания щек в колонах демонстрантов, посещение палаток тех, кто строит различные там персональные «свободные территории», не больше, чем собирание подаяния в виде голосов на выборы. Смысл этой политики таков. Под выборы забурлить, заколотить в массах, поднять бучу. Самому засветиться, и партией тоже. Пусть они (это народное быдло) только проголосуют, завоюют еще на один строк «поплавки» нардепов дня партии. А поделить места в парламенте между «своими людьми» есть кому. Это, в частности, делает и Иосиф, который подобно своему горийскому тезке тоже для приличия держит на столе курительную трубку. Жаль, у киево-социалистического «Кобы» не только под рукой своего «Жю-юкова», а то ведь многим бы смахивал на товарища Сталина в мягких, кожаных сапогах.

Создается впечатление, что для большинство оппозиционных парламентариев, таких, как, положим, тот же И. Винский, совсем и не хочется, чтобы ситуация в обществе как-то менялась. Они, похоже, всецело за статус-кво. Разве ему плохо быть в «оппозиции»? Кавычки здесь вынужден ставить потому, что теперь мы хорошо уже знаем истинную суть взглядов одного из основных лидеров СПУ на проблемы социальной неустроенности, массовой безработицы специалистов с высшим образованием. Как не трудно понять, И. Винскому значительно лучше, когда эти «спецы» вымрут все до единого, подобно мамонтам, нежели нардепу добиваться улучшения жизненных прав этих «ненужных» людей. А что уже говорить о неспециалистах, о простых смертных людях, которых миллионы. Этим, исходя из «стратегии» Иосифа Винского, наверное, нужно добровольно ложиться штабелями и умирать.

Таким образом, стало известно, каким есть на самом деле «защитником» трудовых масс сам первый секретарь СПУ. Зачем ему, скажите, нужна победа фрондерства над властью? Если его партия и дальше остается в так называемой «оппозиции», при этих условиях мандат народного депутата Иосифу просто таки гарантирован. Это звание падает в виде манны небесной на судьбу такого вот коронованного «заступника» обиженного народа автоматически, даря ему иммунитет неприкосновенности, всевозможные блага парламентария, гарантированную высокую заработную плату на целых четыре года и еще, кажется, на два года уже после окончания каденции. Помимо того, присваивается ранг министра или даже вице-премьера с вытекающими отсюда пенсионными поруками. И самое главное при этом - ни за что конкретно не нужно отвечать. Хочешь, валяй дурака все четыре года, как делают многие, желаешь - «служи народу», как поступает или даже сказать фортелит Иосиф Викентьевич.

А если бы фронда победила... Пришлось бы тогда, как минимум, брать на себя конкретный участок работы, рано или поздно привелось бы показывать, что ты умеешь на деле. А тут просто живи припеваючи да не забывай поплевывать на власть, дабы не сказали, что с ней заодно.

Наверное, не все в Соцпартии разделяют идеи Мальтуса. Более того, часть социалистов, из числа парламентариев, воспротивилась подобной «идеологии», которую вдруг стал проповедовать их первый секретарь. В открытую выступили против. В результате молодые и авторитетные Юрий Луценко, Николай Рудьковский оказались в опале у Винского. Да такой, что если бы мог Иосиф Викентьевич, порвал бы их на части. И имена вычеркнул бы из списков партийцев. Но Юрий - это тот, кто организовывал все до единого митинги на Крещатике. Он же в пору массовых выступлений оппозиции по следам убийства журналиста Георгия Гонгадзе вел переговоры с Л. Кучмой о немедленной отставке, делегированный к главе государства жителями палаточных городков, построенных в одну из зим в центре столицы и по всей забурлившей стране.

А Николай... Вряд ли кто еще в Украине имеет подобный опыт. Рудьковский учился в Вене, занимался бизнесом в Австрии. Потом этот опыт перенес домой. На деле проповедует строительство социализма с человеческим лицом, по принципу передовых государств Европы.

Юрий и Николай рвутся к конкретному делу. У каждого из них огромная энергия и отменные знания, умение сплачивать людей. Надеюсь, понимаете, какая огромная пропасть подобных людей разделяет с Иосифом Винским, в которого, собственно, запас интеллектуальной мощности - практика комсомольской работы. Вот потому первый секретарь считает своими врагами опытных в организационно-идеологической работе Александра Барановского и Виталия Шибко. Винскому до их уровня просто не дорости, отсюда и злоба.

А вот совестный и авторитетный в партии и среди избирателей Станислав Николаенко не люб первому секретарю не только потому, что понимает и всецело поддерживает Луценко и Рудьковского, Барановского и Шибко. А еще и потому, что с открытым забралом протестует против рутины и двуличности во взаимоотношениях, которую неприкрыто проповедует во всем первый секретарь.

Как, надеюсь, вы понимаете, все выше поименованные граждане есть народные депутаты Украины и составляют костяк фракции СПУ в Верховной Раде. Против названных людей Иосиф имеет группу своих нардепов. И вот так получается, что ударная часть оппозиции вместо того, чтобы непримиримо воевать с властью, организовывать массы на свержение ненавистного режима Л. Кучмы, буквально врукопашную, что называется, стенка на стенку, сходятся в прениях на заседаниях своих политсоветов и политисполкомов. И такой внутренний антагонизм настолько развился в партии, что он, подобно ржавчине, кажется, уже разъел остов СПУ, от чего возникает угроза, страшно сказать, развала партии.

Вот почему живет и процветает кучмизм. Вот почему не побеждает оппозиция. Народные депутаты, лидеры фрондерства дерутся между собой, не могут разобраться, кто главный в их партиях. Разумеется, после А. Мороза. Но все чаще звучат голоса о том, что если председатель партии не может погасить конфликт в самом ядре СПУ, то можно ли рассчитывать с такими данными о выдвижении на пост кандидата в президенты от партии?

Оппозиция не смогла взять верх над властью еще и потому, что в самый решительный момент, когда в декабре 2001 года больше всего людей собралось на Крещатике и площади Независимости, «леди Ю», знаменитая Юлия Тимошенко, пожалела... денег. Ей тогда говорили: для полной и окончательной победы над кучмовской камарильей нужно всего-то три миллиона гривен. Чтобы с дальних и ближних провинций в столицу свезти не менее 250 тысяч человек. Этим людям деньги нужны только на дорогу - в Киев и обратно. Они жаждут смены власти, а не какого-либо заработка. Четверть миллиона граждан пришли бы к президентскому дворцу, взяли его в облогу, Л. Кучме и его приспешникам непременно бы пришлось отказаться от своих постов. Такие были планы в оппозиции. Но из-за нехватки средств от них пришлось отказаться.

Согласитесь, три миллиона гривен для огромной нашей страны, где более трети населения жаждет немедленной смены власти, поскольку еле-еле сводит концы с концами, не такие уж и большие деньги. Если пани Юлия, как говорится, не хотела «засветить» свою кассу, выделить сумму, что называется, напрямую, не трудно, думается, было бы и собрать гривны в народе. Обыкновенным, так сказать, «трудовым» способом. Полагаю, чуть ли не каждый страждущий в этой стране кинул бы в копилку победы оппозиции гривну-другую. Более того, почти уверен, что многие готовы хотя бы таким способом помочь оппозиции. Наивно и бессмысленно ждать лидерам фрондерства, что люди наконец-то созреют, что их гнев когда-то там закипит и они, как сто лет тому назад их более прогрессивные деды, выйдут под знаменами против власти. Это утопия.

Блеф. Я уже с этим сталкивался в 1998 году, когда надеялся, что жестокая расправа власти над журналистским коллективом «Правды Украины» приведет к чему-то там людей. Увы. Массы, как я окончательно убедился, перестали быть токопроводящей средой. Они больше не генерируют, не аккумулируют социальную активность. Их меньше всего интересуют проблемы мироустройства. Большинство давно не верит, что их конкретные и персональные усилия хоть как-то смогут повлиять на переустройство государства, смену власти в стране, в частности. Полагаю, что больше всего на сотворение философии масс по принципу «моя хата скраю» повлияло ...телевидение. Жизнь с «ящиком» значительно раздвинула границы мировоззрения, дала возможность оценивать все происходящее, в том числе, и за собственным порогом, с позиции мирового опыта, почерпнутого из телепередач. А люди-то ведь знают, что телевидение - это, к тому же, и первейший инструмент зомбирования. Они и не подозревают, что давно стали банальными подопытными кроликами и руках власти, которая умело использует знаменитый «двадцать пятый кадр», психологическим путем деля политикой на таких, которым якобы можно доверять, и на изгоев, отщепенцев. Разумеется, с позиции власти. Но этот взгляд прищепляется всем.

К разряду последних официальная пропаганда относит оппозиционных «вождей» и «вождиков». Тем паче, что весьма часто они и на самом деле оказываются людьми с низким уровнем эрудиции, лишенными чувства меры и ответственности. Положим, если бы И. Винский имел более высшим порог элементарной культуры, он бы никогда не сказал тем, кому нынче плохо живется, стройтесь, мол, в шеренгу и «Шагом - марш!» на... кладбище. И эта команда для

Иосифа звучит, как музыка, как «поэзия». Не правда ли, полная шизофрения!?

Но самое важное, подходящий момент для развития успеха оппозицией безнадежно упущен. Власть, как всегда, сыграла на нездоровых амбициях лидеров фрондерства. И снова победила.

Думаю, Юлия Владимировна уже не раз пожалела о том, что проблема трех миллионов гривен не была решена и те дни, когда войско оппозиции хороводилось в сердце Киева - на майдане Незалежности и Крещатике. Похоже, еще не раз «леди Ю» будет кусать локти по этому поводу. Власть, как видим, ни на один день не отсавляет ее без внимания, обвиняя во всех смертных грехах за деянии на посту руководителя кампании ЕЭСУ. Она же уже до основания обкорнала парламентскую фракцию БЮТ, переманивая из ее рядов народных депутатов. Как бы не получилось, что к началу предвыборной гонки за мандат главы государства, где, уверен, Юлия Владимировна непременно будет принимать участие, под рукой у лидера блока не остались всего лишь Турчинов и Хмара, да Лукьяненко со Шкилем. Сказано ведь: долг платежом красен. Поскупишься в самый важный момент, можешь потом всю жизнь жалеть.

Вы, несомненно, спросите: а могла ли Юлия Владимировна самостоятельно выделить такую сумму денег, не пуская даже шапку по кругу? Уверен, что найти ответ на этот не простой вопрос мы сможем самостоятельно, внимательно прочитав подробную биографию Ю. Тимошенко, с которой, видимо, еще не закомы. Словом, читайте.

Справка FLD, опубликованная московской «Независимой газетой»:

«Тимошенко Юлия Владимировна родилась 27 ноября 1960 года в Днепропетровске. Украинка. В 1984 году с отличием закончила экономический факультет Днепропетровского государственного университета. Начала трудовую деятельность инженером - экономистом на Днепропетровском машиностроительном заводе им. Ленина. В 1989-1991 годах возглавляла молодежный центр «Терминал». Кандидат экономических наук. С мая 1991 года работала коммерческим директором, а затем генеральным директором предприятия «Корпорация Украинский бензин», которая в 1992-94 годах обеспечивала львиную долю поставок нефтепродуктов в аграрный сектор Днепропетровской области. С ноября 1995 года по январь 1997 - президент промышленно-финансовой корпорации «Единые энергетические системы Украины», которая сотрудничала с 2500 украинскими предприятиями (о схемах сотрудничества - ниже). В 1996 году избрана народным депутатом Украины по Бобринецкому избирательному округу №229 Кировоградской области с рекордным результатом - 92,3%. В 1998 году повторно избрана депутатом Верховной Рады. С 1997 года - член всеукраинского объединения «Громада». С марта 1999 года возглавила парламентскую фракцию «Батьківщина». Ей принадлежит идея создания в Украине первого оппозиционного Кабинета Министров. В июле 1998 возглавила Комитет по вопросам Бюджета Верховной Рады Украины. Муж Александр Тимошенко - член правления корпорации «Единые энергосистемы Украины». Дочь Евгения, двадцати трех лет. По сообщениям прессы, 17 марта 2000 года в наблюдательный совет Днепропетровского металлургического комбината имени Коминтерна введена Евгения Тимошенко. Одним из главных акционеров предприятия является «ЕЭСУ». Также ходят настойчивые слухи о приватизации семьей Тимошенко 1/4 единственного в мире Токовского месторождения красного гранита. Производительность карьера - 12 тысяч кубометров ежегодно. Стоимость кубометра гранита - до

700 долларов. Хобби: теннис, плавание, волейбол и классическая музыка. Любимый композитор - Вивальди. О своем характере Юлия Тимошенко в 1996 году сказала: «Я достаточно мягкий человек и предпочитаю находить аргументы, чтобы убедить».

В бизнесе Тимошенко оказалась при содействии свекра Геннадия Афанасьевича Тимошенко. По одним данным он возглавлял Кировский райисполком Днепропетровска, по другим - заведовал Облкинопрокатом. И по последней версии именно на видеопрокате сколотила Юлия Владимировна с родственниками начальный капитал. В мае 1991 года две семьи, объединив средства, создали корпорацию «Украинский бензин» («КУБ»). Во избежание необходимости платить налоги в корпорацию был включен кипрский капитал неведомого происхождения. В 1992-94 годах «КУБ»-монополист в обеспечении сельского хозяйства Днепропетровской области нефтепродуктами. Использовалась бартерная схема, что позволяло получать сельхозпродукцию в грандиозных количествах по чрезвычайно низким ценам. Идеологом «КУБа» на то время являлся вице-президент корпорации Александр Гравец - учредитель ЗАО ПФК «ЕЭСУ», ООО «Босфор», ООО Корпорация «Транспорт». Ныне проживает в Израиле.

В середине 90-х скрещиваются бизнес-биографии будущих нардепов Юлии Тимошенко и Виктора Пинчука. В фирме «Интерпайп», 65% которой владеет Пинчук, работал некто Каустов, в прошлом - зам министра трубной промышленности. Сын Каустова трудится в Москве в одной из фирм Пинчука. Благодаря связям Каустова-старшего Пинчук наладил контакты с руководителями Нижнеднепровского трубопрокатного, Никопольского южнотрубного и Днепровского трубного заводов, вел успешный бизнес по продаже стальных бесшовных труб в страны ЕС. Позже в Украине разгорелся скандал в связи с проведением на Западе антидемпингового расследования, в результате чего в прессе появилась информация о зарубежных счетах Пинчука. Впрочем, на его судьбе это никак не отразилось. Фирмы Тимошенко и Пинчука создали совместную корпорацию «Содружество», которая занималась поставками туркменского и российского газа в объеме около 9 млрд кубометров. Таким образом, обеспечивались потребности до 70 промышленных предприятий в семи областях Украины.

Содружество бизнесмена и бизнес-леди было недолгим. Но очевидно, что дипломированный экономист Тимошенко набралась опыта работы, изучила ноу-хау Пинчука. После выхода из «Содружества» Пинчука, корпорация была переименована в «Единые энергетические системы Украины».

25 ноября 1995 года Тимошенко стала президентом ЕЭСУ, свекор генеральным директором, муж Александр Тимошенко возглавил корпорацию «Транспорт», входящую в ЕЭСУ. По свидетельству деловых партнеров ЕЭСУ, эпохальные решения в деятельности компании на то время принимали Юлия Тимошенко и ее свекор. Между тем, за прегрешения, якобы имевшие место в то время, 18 августа 2001 года генпрокуратура первым арестовывает супруга Юлии Владимировны Александра Тимошенко. Через пять месяцев за решетку попадает и сама Юлия Владимировна. В 2002 году спецслужбы в Анталии находят скрывающегося от следствия свекра Ю. Тимошенко.

Базовый офис ЕЭСУ находится в Днепропетровске. Корпорация имела в 1996 году филиалы в Москве, Киеве и Лондоне. В ее состав также входят три завода с современной

оборудованием, авиакомпания. С учетом предприятий, занятых производственной деятельностью, в период своего расцвета корпорация насчитывала до 1500 сотрудников. Уставной фонд - 10 миллионов долларов США.

Основой бизнеса корпорации Тимошенко являлась поставка газа предприятиям на основе бартерных соглашений, когда предприятия отпускали высоколиквидную продукцию по демпинговым ценам, а порой - ниже себестоимости. Корпорация также скупала векселя предприятий за 50-70% их стоимости. Практиковалась отправка металла и металлолома в счет погашения долгов предприятия за газ зарубежным компаниям «United Energy International Limited», «Somolli Enterprisis Limited», «Corlan enterprasis Limited» являвшихся учредителями ЕЭСУ и деловыми партнерами корпорации. Украинские предприятия практически не получали живых денег за продажу своей продукции за рубежом. Иностранцы партнеры ЕЭСУ оставляли на своих счетах до 70% выручки. То, что переводилось в Украину, большей частью шло на погашение векселей предприятий, ранее скупленных по бросовым ценам.

Бартер и вексельные операции - вот основа бизнеса ЕЭСУ.

Как все это выглядело практически, проиллюстрируем на одном примере. ЕЭСУ поставило газ Днепровскому металлургическому комбинату на 9,9 миллиона гривен. В счет полученного газа комбинат передал корпорации вексель на 10,7 миллиона гривен. Авалистом векселя выступил банк «Славянский». В тот же день ценные бумаги выкупаются банком. Прибыль ЕЭСУ от их продажи - 800 тысяч гривен. Только за обслуживание этого векселя металлургический комбинат заплатил 925 тысяч гривен. Результаты финансово-хозяйственной деятельности комбината в 1997 году: убытки в сумме 68,6 миллиона гривен».

Может, хватит на эту тему. Как вы полагаете, возможно ли было найти каких-то там три миллиона, да при том не евро, не долларов, а всего-то гривен? Или все-таки лучше, когда бывшая «газовая принцесса» годами дает объяснения Генпрокуратуре, разбираясь со следователями в бизнесовом хитросплетении давно минувших дней?

Оппозиция не может набрать силы еще и потому, что слишком долго созрел для решительных действий лидер «Нашей Украины» Виктор Ющенко. Я, кажется, весьма неплохо знал Виктора Андреевича в те времена, когда он был председателем Национального байка Украины. Несколько раз мы ездили вместе париться в сауну с влажным паром. Было это на одном из мясокомбинатов. Меня поразило то, как однажды, встречая высокого гостя, мой тогдашний приятель, директор перерабатывающего предприятия, так постарался, так постарался, что подобного изобилия на столе я еще и в глаза не видывал. Но его хвастливому утверждению, на скатерте-самобранке красовалось восемнадцать (!) различных видов изделий из мясопродуктов. Но Виктор Андреевич сказал: «Хлопці, спасибі їсти не буду - голодаю». И как его не просили, как не уговаривали, к пище, а, следовательно, и к выпивке, в тот вечер Ющенко и не притронулся. Я еще подумал вот это выдержка, железная сила воли у человека!

Но бороться с голодом, естественным желанием покушать, похоже, далеко не то, что принимать важные политические решения, быть во главе масс. Здесь можно привести немало

примеров, когда Виктор Андреевич не мог собраться с духом в самые ответственные моменты. Даже когда тысячи людей пришли колонами под окна Кабинета Министров, подталкивая его к необходимости порвать с коррумпированной властью, стать во главе оппозиции. Помните, что они услышат в ответ? Ющенко вместе с Плющем и Кучмой назвали выступление масс шабашем «фашиствующих молодчиков». Теперь и Ющенко иногда оказывается в этой толпе. Правда, Леонид Данилович для Виктора Андреевича тогда был не кто иной, как «отец», у которого он всему учился. И управлять страной, похоже, тоже.

Водораздел Ющенко и власти происходит в 2001-2002 года, когда его с треском выкидывают из кабинета главы правительства и обиженный экс-премьер, подобно оскорбленному когда-то Кучме, берет реванш за это на выборах. Но странная и даже, кажется иногда, природная нерешительность Виктора Андреевича приводит к потере оппозицией всех преимуществ, которые вручили ей в руки избиратели. На начало работы парламента нового созыва оппозиция имеет 232 голоса, фактически - большинство в Верховной Раде. И даже может с первой попытки в кресло спикера парламента посадить своего человека. Но странная медлительность, к которой имеет прямое отношение лидер «Нашей Украины», приводит к неминуемому поражению. Власть, блестяще организуясь, буквально за сутки-другие переламывает ситуацию, буквально с каждым часом вырывая, выкупая из рядов фронды один за другим продажных нардепов. И вот результат: Виктор Андреевич обижено надувает губы на парламентской трибуне. Дескать, кто так поступает, как они: мы победили на парламентских выборах, а власть в свои руки взяли пораженцы. Но в политике совесть не союзник. Здесь побеждают только напором и решительностью. Прежде всего, смелостью. Чем как раз, похоже, и обделен, как чертой характера, один из лидеров фронды.

В те дни, Виктор Андреевич в очередной раз терзается, как ему поступить, дабы и «отца» не обидеть, и окончательно не упасть в глазах оппозиции, кто-то из друзей пана Ющенко дарит ему осла. Сентиментальный и богомольный экс-премьер принимает божью тварь с распростертыми объятьями. Нисколько не подозревая, что этот презент, возможно, есть хитрый намек дарящего на, так сказать, толстые обстоятельства. Посему, животное, которое поселилось на даче экс-премьера в Конче-ЗАСпе, есть не что иное, как... Буриданов осел.

Жан Буридан – французский философ, схоласт четырнадцатого века. Известный толкователь Аристотеля и знаменитый профессор. Ему приписывают следующий парадокс в споре о свободе воли. Господин Буридан утверждал, что если осла, испытывающего в одинаковой степени голод и жажду, поставить посредине между овсом и водой, то он, очевидно, должен умереть с голоду и жажды, так как при отсутствии свободы воли, без постороннего вмешательства, до полного изнеможения не сможет выбрать, с чего начать: с утоления жажды или голода.

А вы спрашиваете, почему оппозиция терпит одно поражение за другим? Подобное, видимо, будет продолжаться до тех пор, пока лидеры фронды будут лелеять в своих конюшнях буридановых ослов, ставших символом безволия и нерешимости.

Одно слово, очистим свои конюшни от буридановщины. Иначе кучмизм нам, друзья, никогда не победить.

ОГОНЬ ПОД ОБМАНЧИВЫМ ПЕПЛОМ

Закончив свое политическое эссе, я попытался подняться над ним с тем, чтобы для себя оценить написанное. Посмотреть на все как бы с одной стороны, и с другой, и с третьей. Подобно тому, как хлебопек пристально оценивает свое творение, держа душистый буханец на вытянутой руке. И вдруг меня осенило. Получалось, что в трудах рожденном произведении крайне мало положительных героев. Кроме, разумеет, самого автора. Ну, и еще нескольких человек.

Посему, хочу объяснить читателю. Эти строки написаны совсем не для того, чтобы как-то самовозвеличиться. Поверьте, славы мне и без этого хватает с избытком. Страницы эти появились ради одного – чтобы в Украине расцвели и утверждались демократия и свобода слова. Чтобы больше никогда не повторилось то, что случилось с оппозиционной газетой «Правда Украины», ее коллективом, десятками журналистских судеб. Чтобы власть наконец-то поняла: пресса не может быть у нее полемойкой. Она всегда по своей природе должна быть и будет оппозиционной к тем, кто стоит у руля государства. Это также естественно и закономерно, как то, что рассвет приходит с востока.

Своим трудом я не хотел кого-либо обидеть, унижить, поставить в неловкое положение. Многие, кто был свидетелем тех или иных событий, о которых рассказывается на этих страницах, смогут это подтвердить. Я старался перед все, как было на самом деле. Без приукрашиваний и грима. Да, где-то, в чем-то возможен и субъективизм. Ну, скажем, в ситуации, когда тебя изгоняют из столицы, от семьи, от детей, пытаются упечь в тюрьму. И только за то, что ты намеревался говорить людям правду. Но ведь хорошо известно, что и загнанный в угол кот становится страшнее льва.

Да, многое, о чем написано, уже свершилось. Его не переделать, не переписать с чистого листа. Оно всегда уже будет таким, каким есть. Но обратите внимание: мои «антигерои» - чаще всего лишь слепые служаки системы. И прежде всего как раз она виновата в том, что люди поступают в тех или иных ситуациях именно так, как учиняют. Они просто есть продуктом этой системы.

Но если я критикую чьи-то действия, то пишу лишь о конкретных случаях, об определенных ситуациях и поступках в них людей. Подхожу к этому с оценочной стороны, что разрешено законом. Но заметьте, я нисколько не пытаюсь унижить чьи бы то ни было честь и

достоинство. Я нигде не касаюсь личной жизни людей. Мои «антигерои» преимущественно политические игроки, а, известно, коль назвался груздем, будь добр, полезай в, так сказать, публичную корзину.

Заканчивая это повествование, я приношу извинения всем, кого вынужден был назвать в эссе далеко не с лучшей стороны. Начиная с бывшего заключенного А. Катеринича и кончая главой государства Л. Кучмой. Но не я же виноват в том, что они поступали так, как не всегда подобает...

Несомненно, все мы хотим сладкой жизни. Но с горькой, похоже, больше плодов. Так уж устроен мир.

* * *

Все пройдет, только правда останется.

Киев, июль 2003 года.